

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXII

Степи Евразии и
история Боспора Киммерийского

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXII

Steppes of Eurasia and History
of the Cimmerian Bosphorus

Симферополь - Керчь

2009

Simferopol - Kerch

ББК 63.3

М 34

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины*

*Центр археологических исследований
БФ «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
Н.И. Храпунов, д.и.н., проф.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 6 от 23.09.2003 г.)

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько

М 34 Боспорские исследования – Вып. XXII. – Сб./Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Симферополь–Керчь.–2009. – 352 стр.

Очередной том «Боспорских исследований» представляет собой тематический сборник, подготовленный петербургскими исследователями и посвященный проблемам взаимодействия кочевников степей Евразии и эллинов, проживавших у берегов Боспора Киммерийского.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется античной археологией и историей.

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2009

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2009

ISBN 978-966-1538-13-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад был опубликован VII выпуск «Боспорских исследований», посвященный взаимоотношениям двух миров, сосуществовавших в Северном Причерноморье в течение более тысячи лет – греков и кочевников причерноморских степей, которых эллины именовали варварами. Этот сборник статей (БИ, вып. VII, 2004), собранный московскими археологами, традиционно представлял широкий круг проблем взаимодействия греческих государственных образований Понта с номадами в изложении ученых из Украины и России.

Предлагаемый вниманию читателей новый сборник «Степи Евразии и история Боспора Киммерийского», подготовлен исключительно исследователями из С-Петербурга (ИИМК РАН) и также обращен к вышеозначенной проблематике. И это не случайно. Ведь именно Боспор Киммерийский – уникальное государственное образование на далекой северо-восточной окраине эллинской ойкумены – на протяжении своей более чем тысячелетней истории находился на стыке двух цивилизаций, балансировал между греко-римским и варварским мирами. Боспорские территории глубоко входили на стыке Европы и Азии в необозримые пространства великого коридора степей. Все это вынуждало Боспор постоянно стремиться «не утратить варваров» и «удержать их на привязи». Жаркое дыхание степей опалило всю историю Боспора Киммерийского, периодически сжигая все дотла.

В сборнике во всей полноте проявились лучшие традиции петербургской – ленинградской школы античной археологии, ярчайшими представителями которой были М.И. Ростовцев и В.Ф. Гайдукевич. Под стать их работам большой исторический обзор Ю.А. Виноградова, в котором в новом преломлении поданы теоретические наработки последних десятилетий ленинградской школы по истории взаимодействия эллинов и номадов. В то же время следует отметить, что традиционно для исследователей варварский «фактор» характерно довлеет над греческим. Отрадно, что значительные работы, проводимые российскими специалистами в последнее десятилетие на сельской периферии азиатской части Боспора, нашли свое отражение в публикациях этого выпуска «Боспорских исследований». Хочется верить, что он будет положительно встречен и найдет заинтересованных читателей как среди исследователей из Украины и России, так и среди специалистов из других стран.

В.Н. Зинько

INTRODUCTION

Several years ago Volume 7 of the series «Bosporskiie issledovaniya» devoted to the relations of two worlds – Greeks and nomads, who were called barbarians by Hellenoi - coexisting in the North Pontic area for over two thousand years was published. This collection of articles (BI, vol. 7, 2004) compiled by archaeologists from Moscow traditionally represented a wide range of problems of interaction between Greek state formations of the Pontos and nomads in statements of scientists from Ukraine and Russia.

New collected articles «Steppes of Eurasia and the History of the Cimmerian Bosphorus» suggested to readers' attention has been prepared by scientists from St.Petersburg (IIMK RAN) exclusively and also adverts to aforesaid problems. It is not accidental. The Cimmerian Bosphorus – a unique formation on a remote north-eastern area of Hellenic oikumene – was at the turn of two civilizations, balanced between Greco-Roman and barbarian worlds during over one thousand years of its history. Bosphorus territories on the turn of Europe and Asia ran deeply into boundless space of a great corridor of steppes. It constantly forced the Bosphorus not to «lose barbarians» and «keep them on a lead». Hot breath of steppes parched all history of the Cimmerian Bosphorus, burning everything to ashes periodically.

Best traditions of St. Petersburg – Leningrad school of ancient archaeology, the brightest representatives of which were M.I. Rostovtsev and V.F. Gaidukevich, become fully apparent in the book of collected articles. A big historical survey of Y.A. Vinogradov, in which last decades theoretical prospecting of Leningrad school on history of interrelations of Hellenoi and nomads is shown in a new aspect, is well matched to it. One should note that traditionally among scientists the «barbarian factor» prevails over Greek factor.

It is gratifying, that significant research being held by Russian specialists during the last decade at the rural periphery of Asian part of the Bosphorus, finds its reflection in publications of this volume of «Bosporskiie issledovaniya». We hope it will be met positively and find readers among scientists of Ukraine, Russia and specialists from abroad interested in it.

V.N. Zinko

СТАТЬИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Вместо введения.

Своеобразие Северного Причерноморья в античной ойкумене

В научной литературе уже давно признано, что греческие колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма своеобразном этническом и культурном окружении, поскольку их соседями оказались не только племена оседлых земледельцев, но и подвижных скотоводов, кочевников (номадов). Кочевничество, как считают специалисты, возникло в степях Евразии в конце II – начале I тыс. до н.э. [Жданко, 1968, с. 275; Марков, 1973, с. 105; 1976, с. 15; 1980, с. 22; Хазанов, 1973а, с. 5; 1975, с. 10; 2002, с. 46; Бруяко, 2001, с. 12-15; ср.: Barfield, 1992, р. 28], т.е. задолго до начала греческой колонизации северного берега Понта. В.М. Массон не без основания считает, что переход к кочевому скотоводству в степях по социальной значимости сопоставим с городской революцией в зоне оседлых обществ Древнего Востока [Массон, 2003, с. 82, 94]. И это действительно так, поскольку в истории мировой цивилизации кочевым народам, включившимся в «круговорот Всемирного исторического процесса» [Гумилев, 1971, с. 269], принадлежит чрезвычайно важная роль.

Этнографы и историки определяют кочевничество, как такой тип производящей экономики, для которого характерно господство экстенсивного скотоводства с круглогодичным выпасом скота и участием в передвижениях вместе со стадами большей, или даже подавляющей, части населения [см.: Хазанов, 1975, с. 6; Плетнева, 1981, с. 50; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 206-207; Barfield, 1992, р. 20 ff.]. Принято считать, что из древнегреческих авторов на номадов обратил внимание уже Гомер, написавший в «Илиаде», как Зевс увидел

«... дивных мужей гиппемологов

Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших

смертных»

[Hom. II. XIII. 5-6; перев. Н.И. Гнедича].

Классическое описание особенностей жизнедеятельности кочевников оставил Геродот. По его словам, скифы-кочевники «не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота»

[Herod.IV. 46. 3; перев. В.А. Шишовой]. С некоторыми изменениями этот пассаж повторен в другой части труда Отца истории, касающейся событий войны скифов с персами. Когда Дарий обратился к скифскому царю Иданфирсу с вопросом, почему тот отступает и не пытается сразиться с персидскими войсками, тот ответил, что и раньше никогда не убегал из страха, и сейчас не бежит от персов; «ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобою, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которой мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены» [Herod. IV. 127; перев. В.В. Латышева]. Из сказанного нетрудно понять, что Иданфирс попытался убедить Дария в том, что скифское отступление являлось совсем не отступлением, а чем-то вроде обычного для кочевников передвижения к новым пастбищам.

Действительно, именно эти передвижения представляют собой одну из важных особенностей экономической системы номадизма. Кочевники, передвигавшиеся вместе со своими стадами по бескрайним степям, для древних греков представлялись народами загадочными и в немалой степени опасными. Чисто экономическим своеобразием дело, конечно, не ограничивалось, и для кочевников был присущ особый, резко отличный от земледельческого, образ жизни, характер материальной и духовной культуры, общественный строй и т.д. Это были племенные объединения, идеальный лидер которых являлся благословенным небесами героическим воином с его удачей и харизмой, щедро одаривающим своих последователей различными благами [Barfield, 1992, p. 3]. Для греков времени колонизации все эти традиционные ценности мира номадов, конечно, были необычными, чуждыми, возможно, даже враждебными. Тем не менее эллинам с такими народами на протяжении многих веков приходилось не просто жить рядом, но и пытаться наладить более-менее нормальные взаимоотношения [Андреев, 1996, с. 7; Андреев, Марченко, 2005, с. 403].

Влияние такого своеобразного окружения на исторические судьбы северопричерноморских апойкий, как можно полагать, было весьма существенным. Развитие этих взаимоотношений, само по себе очень непростое, в значительной степени осложнялось тем, что для степей Северного Причерноморья характерна периодическая смена кочевнических этносов. Приблизительно один раз в 200-300 лет по степному коридору из глубин Азии на запад устремлялись новые и новые кочевые народы, миграции которых кардинальным образом меняли этническую и военно-политическую обстановку в регионе. Древние греки, как представляется, воспринимали пришельцев из глубин Азии, по крайней мере на начальном этапе их передвижений, чуть ли не как выходцев с «того света». В какой-то мере их мироощущение в этом отношении можно уподобить взглядам населения раннесредневековой Европы, для которого вторжения варваров (венгров, норманнов, арабов и др.) казались предвестниками прихода Антихриста [Дюби, 1994, с. 13]. По той же самой причине татаро-монголы в Запад-

ной Европе поначалу осмысливались как выходы из Тартара, т.е. из преисподней [Дробинский, 1948, с. 126; Матузов, 1979, с. 137, 148, 151, 157, 207].

В.В. Латышев еще в конце XIX в. прекрасно понимал сопричастность судеб греческих колоний Северного Причерноморья к этим ритмам Евразии. Он отмечал, что периодически возникавшая враждебность варваров по отношению к греческим колониям обыкновенно была следствием передвижений народных масс, пришельцы оттесняли дружественных соседей греков и либо совершали хищнические набеги на эллинские поселения, либо «под страхом таких нападений вымогали с них ежегодную дань» [Латышев, 1897, с. 13]. Сходную мысль хорошо выразил М.И. Ростовцев, указывая, что степи Северного Причерноморья служили широко открытой дорогой, по которой передвигались крупные массы населения с востока на запад и с запада на восток. На этой дороге периодически возникали варварские этно-политические образования, существовавшие иногда на протяжении нескольких веков, но они не были прочными и, как правило, рушились под натиском новых волн миграций кочевников с востока [Ростовцев, 1918, с. 4-6; Rostovtzeff, 1922, pp. 8-9].

Динамичный мир евразийских степей, связанный с периодическими продвижениями с востока на запад новых и новых кочевнических народов, вызываемая этим смена этносов и культур, создавали, как справедливо считал В.Д. Блаватский, «своеобразные условия существования северопричерноморских полисов в отличие от окраинных греческих государств в Сицилии, Великой Греции, Фракии и т.д.» [Блаватский, 1960, с. 78]. Там, как известно, древние греки столкнулись с намного более стабильным миром оседлых, земледельческих племен. Е.С. Голубцова и Г.А. Кошеленко также подчеркивали, что тип взаимоотношений греческих колонистов с кочевниками был иным, нежели с земледельцами, при этом движения номадов «неоднократно меняли этническую и политическую ситуацию в Причерноморье, разрушали сложившиеся системы контактов как внутри мира местных племен, так и между ними и греками» [Голубцова, Кошеленко, 1980, с. 2].

Ситуацию, существовавшую в Северном Причерноморье, разумеется, нельзя считать абсолютно уникальной для античной ойкумены. Всем известно, что греки-колонисты столкнулись с кочевыми народами также и в Северной Африке. В.П. Яйленко попытался даже сопоставить особенности развития греческих апоекий Северного Причерноморья, в частности, Боспора и Кирены (Северная Африка), объясняя определенные черты сходства в их пространственной организации воздействием кочевнического фактора [Яйленко, 1983, с. 135, но ср. с. 140]. С ним в этом солидарен И.М. Безрученко [1999, с. 131]. Действительно, соседями греческих переселенцев в Северной Африке оказались племена номадов, и сопоставление этих двух регионов с теоретической точки зрения абсолютно оправданно. Правда, ситуация в поясе Евразийских степей, как представляется, была значительно сложнее по причине периодических продвижений на запад новых и новых этносов, о чем уже частично было сказано и о чем подробнее речь пойдет ниже. Северная Африка

таких кардинальных этнических перемен была лишена, вероятно, вплоть до арабских завоеваний.

Из сказанного нетрудно понять, что важная роль кочевых народов в истории греческих государств северного Понта признается всеми исследователями. Однако, как показывает практика, общепризнанность, общеизвестность какого-то факта в научной литературе совсем не означает его всесторонней изученности. По моему глубокому убеждению, влияние номадов на исторические судьбы греческих колоний региона может быть адекватно понято только в том случае, когда наше антиковедение сумеет избавиться от традиционного недостатка, связанного с использованием археологических данных как сугубо иллюстративных или, в лучшем случае, дополнительных материалов к сведениям, известным из письменной традиции [Геннинг, 1982, с. 65; ср.: Cunliffe, 1988, p. 1]. Недооценка информативных возможностей «молчаливой» археологии, безусловно, снижает надежность исторических интерпретаций многих современных исследователей. Столь же традиционным в антиковедческой литературе можно признать невнимание к теоретическим и этнографическим разработкам. В частности, здесь даже не утвердилось понятие хозяйственно-культурного типа, одно из важнейших в современной этнографии [Левин, Чебоксаров, 1955; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 177 сл.]. Его игнорирование не позволяет в должной мере оценить своеобразие связей эллинов с земледельческими племенами, с одной стороны, и кочевыми, с другой. Складывается впечатление, что многих исследователей до сих пор вполне удовлетворяет довольно наивная точка зрения И.Я. Златкина, высказанная им более 50 лет назад. Она сводится к тому, что различия между кочевыми скотоводами и оседлыми земледельцами не так глубоки, поскольку и у земледельцев имелся домашний скот. Различия между двумя обществами, по его мнению, можно проследить лишь в количестве и площади пастбищ [Златкин, 1955, с. 74]. В действительности же кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы относятся к особым хозяйственно-культурным типам, различающимся способом ведения хозяйства; по образному выражению Л.Н. Гумилева, «земледельцы организуют флору той территории, которая их кормит, а кочевники – фауну» [Гумилев, 1968, с. 268]. Кроме того, эти общества различаются социальной структурой, образом жизни, особенностями материальной и духовной культуры и т.д. Разумеется, между ними нельзя проводить пропасти, но затушевывание различий также абсолютно недопустимо.

Что касается изучения кочевников Евразии, то в этой области знания этнографическая наука накопила очень большой опыт, при этом именно отечественной этнографии принадлежит здесь ведущая роль [Златкин, 1971; Бромлей, 1981, с. 132 сл.; Васютин, Крадин, Тишкин, 2005, с. 10.; ср.: Lattimor, 1962, p. 146]. Этот богатейший опыт, безусловно, должен быть использован для реконструкции процесса исторического развития древнегреческих государств Северного Причерноморья, в особенности Боспора, поскольку в их ряду тот лежал первым на пути передвижений кочевников с востока.

Принято считать, что варварские влияния проявились в наиболее рельефном, концентрированном виде именно на Боспоре, и это положение, в общем, невозможно оспаривать. Есть основания полагать, что такой вектор развития в немалой степени был стимулирован обозначенным фактором, но подробнее об этом речь пойдет ниже.

1. Эллины и варвары. Проблемы сосуществования

Временно отвлекаясь от истории греческих колоний Северного Причерноморья и развития греко-варварских взаимоотношений в этом регионе, необходимо заметить, что само слово «варвар» вошло в современные языки именно из древнегреческого (βάρβαρος), хотя понятия «варвар» и «варварство» появились гораздо раньше, с возникновением первых цивилизаций на Древнем Востоке, тогда же возникло и противопоставление «цивилизация»–«варварство» [Джоунс, 1987, с. 156]¹. Принадлежность к «варварам» определялась не какими-то расовыми особенностями, а, скорее, образом жизни, при этом для большей части Евразийского континента концентрированным выражением такого понимания стали как раз кочевники Центральной Азии [ср.: Брумяко, 2001, с. 12-15; Массон, 2001, с. 34-36]. Понятно, что вторжения этих народов были очень опасны для цивилизованного мира, в самом слове «варвар», как казалось, была скрыта немалая угроза. Совсем не удивительно, что у защитников цивилизации на такой почве сложилось предвзятое, высокомерное отношение к культурам «дикарей», отличие которых от культур цивилизованных государств стало считаться абсолютным. Борьба против «варварства» даже была декларирована как одна из задач, стоящих перед «цивилизацией».

Вернемся, однако, к Древней Греции, которая, как говорилось, подарила миру слово «варвар». В связи с этим зададимся вопросом, соответствовало ли его значение привычному для нас пониманию – «враг цивилизации» или же оно означало нечто иное? Страбон предложил, на мой взгляд, вполне приемлемую концепцию происхождения термина «варвар». По его мнению, это слово возникло в силу подражания грубому для греческого уха произношению иноземцев, и лишь позднее стало названием всех негреческих народов [Strab. VII. 4, 6]. Иными словами, для греков варварами были все другие народы вне зависимости от их экономического, социально-политического или культурного развития, к примеру, это были и кочевники-арабы, и кельты, населявшие в то время бескрайние пространства европейских лесов, и египтяне, создавшие грандиозную цивилизацию, перед которой греки не скрывали своего восхищения. Любопытно, но Гомер в своих поэмах ни разу не употребил этого

¹ Следует отметить, что некоторые исследователи выводят это слово из удвоенного шумерского *bar*, означавшего «наружный», «внешний» с вероятным дополнительным значением «чужой», «иностранный» [см.: Potts, 1983, p. 127].

термина, хотя и сказал о карийцах, как о «говорящих наречием варварским» [П. П. 867; перев. Н.И. Гнедича]. Историк Фукидид посчитал, что это произошло «оттого, что эллины тогда еще не отделились от них (варваров – Ю.В.) и не объединились под одним именем» [Thuk. I. 3, 3; перев. Г.А. Стратановского и др.]. Такая трактовка представляется весьма странной, поскольку трудно понять, каким образом могло существовать «варварское наречие» без наличия самих «варваров». Еще более удивительно, что все древнегреческие авторы до 480 г. до н.э. употребили этот термин не более пяти раз [Tuplin, 1999, p. 54].

Надо признать, что древние греки оценивали варваров совсем не однозначно и часто не вкладывали в это слово того негативного смысла, которое оно имеет в современной нам культуре. Известно, что Геродот достаточно взвешенно оценивал достоинства и недостатки негреческих народов. Описывая на страницах своей «Истории» начальный период Греко-персидских войн, он неоднократно с похвалой отзывался о многих варварских народах и даже о персах, к примеру, высоко оценил персидскую систему воспитания детей [Herod. I. 137]. Такая симпатия по отношению к персам (мидянам) в Древней Греции называлась *μηδισμός* [Доватур, 1957, с. 81]. Во вступлении к «Истории» Геродот, как известно, даже отметил, что его произведение написано для того, чтобы «великие и удивления достойные дела как эллинов, так и варваров (выделено мною – Ю.В.) не остались в безвестности» [Herod. I; перев. Г.А. Стратановского].

Более того, уже у Гомера, т.е. задолго до Геродота, можно найти корни «идеализирующей» традиции в освещении жизни негреческих народов, в частности это относится к приведенному выше его пассажу о справедливейших среди смертных – млекоедах и доителях кобылиц [II. XIII. 6-7], коими, как было сказано, вероятнее всего, являлись кочевники. В эпоху эллинизма, когда греческая цивилизация отчетливо почувствовала симптомы приближающегося кризиса, «идеализирующая» традиция получила новый импульс для развития в литературе и историографии. В соответствии с ней варвары рисовались свободными и счастливыми скотоводами и земледельцами, живущими в гармонии с природой, противопоставляясь при этом грекам, то есть людям городской цивилизации, погрязшей во всевозможных пороках – лени, сутяжничестве, стяжательстве и т.д. Основоположником такой традиции, как считается, стал историк Эфор, взгляды которого нашли заметный отзвук как в современной ему, так и более поздней литературе [Ростовцев, 1925, с. 6, 88-90; Широкова, 1979, с. 124-138].

В древнегреческой литературе, однако, прекрасно известна и совсем иная традиция, в отношении которой приведу лишь некоторые примеры. Взгляд Платона на проблему греко-варварских взаимоотношений сводится к тому, что греки и варвары – враги по природе [Plato. *Republ.* 470 с]. Эврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде» трактовал эту проблему несколько иначе, указывая на то, что грекам прилично властвовать над варварами [Eurip. *Iphig.* 1400–1401]. Его полностью поддержал Аристотель, подведя под эту концепцию научную базу: «Так как по своим природным свой-

ствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия» [Arist. Polit. 1285a 20-24; перев. С.А. Жебелева]. Более кратко эту мысль он выразил словами – «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» [Ibid. 1252b 9]. По свидетельству Диогена Лаэртского известно также, что один из знаменитейших мудрецов (Фалес или Сократ) был благодарен судьбе за три вещи: «во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар» [Diog. Laert. I. 33; перев. М.А. Гаспарова]. Геродот, который, как было сказано выше, пытался проявить объективность во взглядах на негреческий мир, был обвинен в легковерной болтливости и сознательной лжи [Мищенко, 1888, с. IV-V; Pearson, 1959, p. 275]. Плутарх даже написал по этому поводу целый трактат «О злокозненности Геродота» [Plut. Moral. 854e-874c], в котором Отец истории наряду с прочим обвинялся в излишних симпатиях к варварам (мидянам) и нелояльности по отношению к эллинской цивилизации [Plut. Moral. 857a], т.е. в том самом *μηδισμός* [Борухович, 1972, с. 494-498].

Стереотип восприятия варваров как грубых, распущенных, деспотичных, рабских, коррумпированных и т.п. [Coleman, 1997, p. 200], как видим, активным образом насаждался некоторыми виднейшими деятелями греческой культуры и науки. Все приведенные выше высказывания позволяют в полной мере убедиться в существовании, так сказать, греческого этноцентризма, если не сказать большего. Л.П. Маринович в отношении этого явления предпочитает такие определения, как «шовинизм» и «ксенофобия» [Маринович, 2006, с. 11]. Многочисленные и разнообразные связи с иноземцами, как будто, совсем не мешали распространению подобных представлений, а, вероятно, в чем-то даже стимулировали их. Следует оговориться, правда, что такая крайняя точка зрения, скорее всего, сложилась лишь в начале V в. до н.э. в результате событий Греко-персидских войн, создания Делосского (Афинского) морского союза, в котором афиняне пытались осуществить свою гегемонию, активным образом противопоставляя мир эллинский и мир варварский. В известном смысле есть резон в утверждении, что именно афиняне, разыгрывавшие тогда свой политический пасьянс, «изобрели варваров» [см.: Hall, 1989; 1995, p. 108; Coleman, 1997; ср. Маринович, 2006, с. 11].

Этот этноцентризм, однако, совсем не был результатом развития в Древней Греции каких-то расистских идей [Tuplin, 1999; Маринович, 2006, с. 11]. Таких здесь не существовало никогда! Свое физическое и умственное превосходство греки объясняли климатическими условиями Эллады и, в целом, благоприятной средой обитания. По мысли Аристотеля, в холодной Европе обитают люди мужественные, но не наделенные умом, а в жаркой Азии – обладающие умом, но лишенные мужества. «Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он

обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми...» [Arist. Polit.1327b 18-32; перев. С.А. Жебелева].

В реальной жизни греческих колоний, расположенных в гуще варварских племен, такая «демонизация» образа варвара, впрочем, как и его идеализация, вряд ли могла стать продуктивной. Жизнь чаще всего требовала иных подходов и оценок, что уже не раз продемонстрировано в научных исследованиях [см.: Minns, 1913; Rostovtzeff, 1922; Wells, 1980; Cunliffe, 1988]. Возвращаясь к ситуации в Северном Причерноморье, следует признать, что главной военной силой здесь были племена кочевников, именно с их стороны, как представляется, для эллинов исходила основная угроза. Тем не менее, Страбон, оценивая их взаимоотношения с колонистами, нарисовал почти идиллическую картину. Приведу ее с некоторыми сокращениями:

«Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну. Вот почему поэт (Гомер – Ю.В.) назвал этих самых людей и справедливыми, и вместе неимущими средств. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению... Земледельцы же, хотя и славятся в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» [Strab. VII. 4, 6; перев. В.В. Латышева].

По мнению М.И. Ростовцева, в данном месте «Географии» Страбон опирался на труд Посидония, использоавашего в свою очередь более ранние источники [Ростовцев, 1925, с. 101; Rostowzew, 1931, S. 92; ср.: Граков, 1954 с. 21; Дашевская, 1981, с. 219-220; Столба, 1993, с. 58]. С.Р. Тохтасьев признал идею М.И. Ростовцева крайне сомнительной, отмечая, что этот «весьма грубо скомпилированный Страбоном отрывок» отражает философскую идею, вошедшую в арсенал идеализаторов варварства [Тохтасьев, 1984, с. 140]. Вопрос об источниках знаменитого географа древности, конечно, очень непрост, но в данном случае он не имеет особого значения. Важно подчеркнуть, что из слов Страбона следует, что в военных конфликтах, имевших место в Северном Причерноморье, были виноваты, прежде всего, алчные земледельцы, вероятно, и греки, но совсем не «справедливые» кочевники. На деле же ситуация, конечно, была значительно сложнее, и масштабные войны, которые время от времени потрясали весь регион, происходили совсем не только из-за жадности земледельцев.

II. Феноменальность Евразийских степей

II.1. Восток и запад степного коридора. Сходство в различии

Великая Евразийская степь, протянувшаяся от границы Монголии с Китаем на востоке до венгерской равнины на западе или, другими словами, от Хингана до Карпат, несмотря на разнообразие населяющих ее народов в этническом и языковом отношении, представляет собой некое единство. Кочевники и на востоке, и на западе демонстрируют немало сходных или даже очень близких явлений в культуре и, вообще, в способе своей жизнедеятельности. При чтении китайских хроник, в которых содержатся описания быта хуннов, их контактов с великой империей и пр., порой невольно возникает удивление, насколько эти описания схожи с картиной жизни скифов, обрисованной Геродотом несколькими веками ранее. В принципе, можно считать, что за долгую историю взаимоотношений кочевников с оседлыми земледельческими народами и государствами выработались сходные механизмы их реализации, которые, несмотря на известные территориальные или хронологические различия, в конце концов, приводили к близким результатам.

Для того, чтобы нагляднее объяснить сказанное, вполне логично, на мой взгляд, обратиться к существующим сейчас научным концепциям, трактующим основные закономерности контактов кочевников с оседлыми цивилизациями в двух противоположных концах степей Евразии, т.е. на границах с Китаем с одной стороны, и в Северном Причерноморье – с другой. Конечно, на получение тождественности реконструкций надеяться никак не приходится хотя бы по той причине, что на востоке кочевники соседствовали с одной из величайших земледельческих цивилизаций Древнего Мира, обладающей огромными экономическими, демографическими и военными ресурсами, а на западе цивилизация была представлена сравнительно небольшими греческими государствами: Боспор, Херсонес Таврический, Ольвия и некоторые другие, еще более мелкие. Несмотря на обозначенное весьма существенное различие, история взаимоотношений кочевников с оседлыми цивилизациями в обоих случаях демонстрирует ряд в высшей степени важных и схожих явлений [Lattimore, 1962, p. 25, 148, 504].

Л.Н. Гумилев в свое время заметил, что «победы кочевников сменялись поражениями, подъемы культуры и экономики – упадками, и вообще история кочевых народов была не менее богатой коллизиями, чем история их оседлых соседей» [Гумилев, 1972, с. 45]. С этим заключением, разумеется, невозможно поспорить, однако современные исследования демонстрируют гораздо более любопытную и показательную картину. Что касается античного Северного Причерноморья, то М.И. Ростовцев уже более 90 лет назад обратил внимание, что в истории этого региона можно выделить периоды яркого экономического и культурного развития, проявлявшиеся одновременно и в греческих государствах, и на территориях местных варварских племен

[Ростовцев, 1912а, с. 103 сл.]. На смену процветанию в мире степи и в мире эллинов столь же синхронно и практически повсеместно приходили периоды кризиса, экономического и культурного упадка. Идея М.И. Ростовцева о ритмичности, однонаправленности в развитии греческого и варварского миров региона представляется в высшей степени важной, актуальной для современной науки. Она была положена автором этих строк в сотрудничестве с К.К. Марченко в основу периодизации истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху [Marčenko, Vinogradov, 1989a; 1989b; Виноградов, Марченко, 1991; 2005]. В дальнейшем она нашла свое развитие в схеме исторического развития Боспора Киммерийского в VI–I вв. до н.э. [Виноградов, 2006а], о которой подробнее речь пойдет чуть позднее. Сейчас же еще раз следует подчеркнуть, что мир кочевников степей северного Понта и греческие государства региона демонстрируют ритмичность и однонаправленность развития, когда на смену периодам процветания приходили периоды, которые можно определить как кризисные.

С точки зрения здравого смысла такое положение может показаться несколько непонятным или даже надуманным, поскольку привычнее полагать, что доминирующие в регионе кочевнические объединения всей своей мощью должны были давить на греческие государства, разорять их набегами и всевозможными поборами, лишая возможности поступательного экономического развития. Казалось бы, периоды смут среди кочевников, отсутствие единства в степях, точнее, отсутствие преобладания одного из кочевнических племен над другими, должно было способствовать свободному, неотягощенному внешними факторами развитию греческих колоний северного Понта [Кутайсов, 2002, с. 294]. В действительности же все, скорее всего, было как раз наоборот: относительное единство и процветание степей совпадало с периодами процветания в мире греческих колоний.

На востоке Великой степи, как представляется, можно проследить ту же самую картину развития контактов двух миров, что удалось продемонстрировать современному американскому исследователю Т. Барфилду [Barfield 1992; 2001; Барфилд, 2002]. Его основной вывод заключается в том, что в те времена, когда Китай существовал как могучая империя, такие же империи возникали и в степях. Для обозначения последних автор использует очень удачное определение – «теневые империи» [Barfield, 2001, p. 10; Барфилд, 2002, с. 75 сл.; ср.: Lattimore, 1962, p. 69]. Действительно, они являлись своего рода тенью великого соседа, возникая вместе с утверждением централизованной власти в Китае и разрушаясь, когда Китай погружался в пучину политической анархии и экономической депрессии. Раздробленная степь для Поднебесной была не страшна, поскольку ни одно из отдельно взятых племен кочевников не могло вести с ней эффективную политику, но степную империю Китай уже никак не мог игнорировать [Barfield, 2001, p. 12, 14]. Парадокс истории, однако, заключается в том, что эти империи, формировавшиеся как кон-

федерации степных племен, возникали лишь тогда, когда имелась возможность поддерживать связь с китайской экономикой, когда посредством набегов или специальных договоров номады получали от южных соседей всевозможные платежи. Такие платежи, жизненно необходимые для поддержания «теневого» степной империи, мог предоставить только единый, централизованный и, в общем, процветающий Китай.

Император Китая, конечно, мог организовать масштабную военную акцию против кочевников и примерно наказать беспокойных соседей, но такая акция, во-первых, совсем не гарантировала успеха, а, во-вторых, стоила огромных затрат. Альтернативное направление китайской политики по отношению к кочевникам очень хорошо выразил историк Оуян Сю, писавший, что «нельзя упускать возможности *держатъ варваров на привязи* (выделено мною – Ю.В.) и случаев проявления к ним милости и величия» [Материалы по истории, 1984, с. 185; перев. В.С. Таскина]. Он продолжал также: «Подчинение варваров не всегда приносит пользу, но утрата их может привести к тому, что они станут источником бедствий...» [Там же]. Император Сяо-чжун (528 г.) заметил, что для удержания кочевников в повиновении Поднебесная располагает немалыми средствами, при этом «для совершивших крупные подвиги существуют щедрые награды, для проявивших высокие добродетели имеются блестящие титулы» [Материалы по истории, 1984, с. 288; перев. В.С. Таскина].

В общем, для того, чтобы «не утерять варваров», а «держатъ их на привязи», империи было выгодней не вести с ними боевые действия, а платить вождям номадов, пытаясь направить политику контролировавшихся теми объединений в сравнительно безопасное для Китая русло [ср.: Бернштам, 1951, с. 40]. Китайские хроники буквально пестрят описаниями всякого рода даров, направляемых из империи в степь, в их списке представлены: хлеб, вино, деликатесы, шелковые ткани, украшения из золота и нефрита, дорогая посуда, оружие и т.д. [см.: Бичурин, 1950а, с. 52, 59, 60, 69, 76, 89-90, 97, 101, 118-119, 123 и др.; Материалы по истории, 1984, с. 283]. От китайского двора в степь посылались даже принцессы, предназначенные в жены вождям кочевнических объединений [см.: Бичурин, 1950а, с. 52, 69, 76; 1950б, с. 157; Материалы по истории, 1984, с. 288]. Мир для Китая, как можно видеть, стоил очень дорого, но война могла обойтись еще дороже.

Предводитель номадов, к примеру, шаньюй хуннов, получив столь большие дары от Китая, немалую их долю оставлял в своем распоряжении, но, естественно, был обязан делиться со своими приближенными, те в свою очередь – с собственными вассалами и т.д. Только с помощью постоянно функционирующего механизма перераспределения китайских даров можно было сохранить единство степи. Существование кочевой империи, таким образом, поддерживалось совсем не трудом скотоводов-кочевников, а откровенной эксплуатацией китайской экономики. Падение династии в Китае являлось не только причиной политической анархии в стране, но одновременно и фатальным ударом

нако, другим вопросом – применима ли концепция «теневых» империй к истории античного Северного Причерноморья? Казалось бы, это вполне возможно, поскольку, как было сказано выше, и в этом регионе в истории развития мира цивилизации (греческих государств) и мира варваров (прежде всего, кочевых народов), можно наблюдать известную синхронность и однонаправленность процессов роста и упадка. Тем не менее в данном случае ответ на поставленный вопрос, вероятнее всего, должен быть отрицательным.

Концепция «теневых» империй к истории Северного Причерноморья, по всей видимости, неприменима или же применима лишь в ограниченной степени. Такое положение следует связывать, во-первых, с тем бесспорным фактом, что экономический потенциал греческих государств региона был несопоставим с китайским и вряд ли мог стать надежной базой для сложения и долговременного существования соседних, по существу, паразитических кочевых империй. Конечно, не может быть сомнения в том, что эллины вынуждены были платить предводителям номадов определенную дань, возможно, в форме подарков. Более того, значительная часть дорогих предметов торевтики, присходящих из курганов варварской элиты степей Северного Причерноморья, по всей видимости, никогда не вовлекалась в торговый обмен, а являлась дипломатическими дарами. Почти нет сомнения, что эллины, подобно китайцам, «покупали» себе мир у кочевников, но в отличие от китайцев цена им могла быть назначена сравнительно скромная.

Во-вторых, трудно представить, чтобы в истории Ольвии, Херсонеса Таврического или Боспора подобно Поднебесной были моменты крушения политической власти, разгула сепаратизма и анархии. В этих маленьких государствах кризисные периоды периодически случались, но масштабные дезорганизации, сопоставимые с последствиями падения династии в Китае, здесь вряд ли могли иметь место.

В-третьих, есть все основания считать, что периоды расцвета в истории Северного Причерноморья сменялись периодами упадка совсем не по причине дезинтеграции в мире цивилизации, как это имело место на границах с Китаем. Основная причина здесь, как можно полагать, находится в плоскости дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, вызванной продвижением на запад из глубин Азии новых кочевнических этносов. Дестабилизация в степях северного берега Понта, как правило, самым пагубным образом отражалась на сопредельных территориях, в том числе и в греческих государствах региона, но об этом подробнее речь пойдет ниже.

В-четвертых, в Северном Причерноморье имеется еще один (третий) немаловажный элемент системы политических, экономических и культурных взаимодействий. Первые два уже были названы, это греческие государства и кочевники; третий элемент создавали оседлые и полuosедлые земледельческие племена, населявшие лесотепи Северного Причерноморья и области Прикубанья [Виноградов, Марченко, 1991, с. 146; 2005, с. 28]. Влияние этого

фактора на развитие греко-варварских взаимоотношений и, в общем, на общий баланс сил в регионе, конечно, нельзя недооценивать.

О. Латтимор, сопоставляя степи Северного Причерноморья и Центральной Азии, отмечал существование здесь двух различных исторических моделей, подразумевая под этим местную этнокультурную и социокультурную специфику [Lattimore, 1962, p. 152]. Продолжая это сопоставление в плоскости изучения процессов синхронного роста и упадка, имевших место на востоке и западе великого пояса степей, можно признать, что при очевидном сходстве они все-таки в немалой степени различны, поскольку определялись различными причинами. Очень кратко это различие можно определить следующим образом: на востоке все зависело от положения в Китае, а на западе – от ситуации в степях. Вполне возможно, что на всем протяжении пояса Евразийских степей при специальном изучении взаимодействий кочевников с цивилизованными странами будут открыты какие-то модификации двух обозначенных моделей, условно называемых нами китайской и северопричерноморской, но это дело будущего.

II.2. Кочевые империи

Обсуждение концепции Т. Барфилда о существовании на границах Китая «теневых» кочевнических империй заставляет обратиться к более подробному рассмотрению самого феномена кочевнических (кочевых) империй и шире – кочевнической государственности. В связи с этим следует подчеркнуть, что одной из важнейших закономерностей истории Евразийских степей, безусловно, является периодическое возникновение здесь грозных военных объединений кочевых племен, подчинявших себе огромные пространства, населенные как кочевыми, так и оседлыми народами. В их числе можно назвать Великую Скифию, Гуннскую империю, Хазарский каганат, Монгольскую империю и некоторые другие. В отечественной литературе, по большей мере относящейся к советскому периоду, основное внимание концентрировалось на недолговечности этих образований, которые быстро распадались на составные части под действием центробежных сил, исчезали с политической арены в результате внутренних усобиц или под ударами других кочевнических орд [Артамонов, 1977, с. 13; Марков, 1976, с. 312; Плетнева, 1981, с. 55; 1982, с. 41, 47]. В последние годы в изучении кочевых империй имеется немало серьезных достижений, общий прогресс наших знаний позволяет взглянуть на проблему в несколько ином ракурсе.

Начать следует с того, что кочевники сами по себе, внутри своего общества, создать государство не могли, они в нем просто не нуждались [Крадин, 1995б, с. 55-56; 2001, с. 23; Хазанов, 2002, с. 48]². Эту мысль еще в конце XIX в.

² У любого правила, естественно, имеются исключения. Так, трудно сомневаться, что у монголов государство существовало, начиная с Чингис-Хана [Сандаг, 1977; Таскин, 1984. с. 31; Крадин, 1995б. с. 50. 61-62].

прекрасно выразил В.В. Радлов, писавший о тюркоязычных кочевниках Сибири, что звание хана у них не давало его обладателю реальной власти над своими подданными. Далее приведу цитату: «Вообще звание хана имело значение лишь до тех пор, пока отдельные роды и племена получали прямую выгоду от военных походов хана, захватывая хорошие зимние стойбища или военную добычу, или, с другой стороны, пока власть хана гарантировала им защиту от нападений вражеских отрядов и обеспечивала сохранность их имущества. Пока эта выгода была очевидной, они мирились с необходимостью подчиняться чужому приказу и нести расходы по содержанию хана. Если же это больше не сулило народу выгод, племена, роды и родовые подразделения тотчас же распадались на отдельные группы, стремившиеся кочевать и содержать свой скот независимо друг от друга. Однако любая угроза извне немедленно вызывала к жизни новый конгломерат племен, который, по-видимому, больше всего соответствовал таким периодически возникавшим обстоятельствам» [Радлов, 1998, с. 340]. В общем, следует признать, что для кочевых народов устойчивые формы административного управления, по большей мере, оставались совершенно невозможными. Н.А. Масанов в этом отношении справедливо указывает, что верхние ступени социальной организации кочевников Евразии отличались наименьшей устойчивостью и «нередко носили аморфный и незавершенный характер» [Масанов, 1985, с. 26].

Главным богатством кочевников, как хорошо известно, является скот, но это «четвероногое богатство», как его назвал Л.Н. Гумилев [1972, с. 50], весьма специфично. Скот – это не зерно [Barfield, 2001, p. 15], данный прибавочный продукт невозможно накапливать практически до бесконечности, что, в принципе, допустимо с зерном в земледельческих обществах. К тому же после самых благоприятных для скотовода лет в климатическом отношении, могут наступить неблагоприятные времена, грозящие полной потерей стад [Крадин, 2001, с. 23; 2002, с. 112]. Материальная база для создания прочной системы классового подчинения, как видим, в этом мире была очень ненадежной. Хорошо известно также, что кочевника очень трудно заставить подчиняться насилию, платить налоги и т.д., в ответ на притеснение он может просто откочевать на другую территорию [Крадин, 2001, с. 23; 2002, с. 120; Barfield, 2001, p. 15]. Альтернативную точку зрения лучше всех из современных исследователей выразил Е.И. Кычанов, по мнению которого, государство у кочевников было результатом «сословно-классового расслоения кочевых обществ, не только орудием обороны и ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать своих неимущих и малоимущих соплеменников и рабов» [Кычанов, 1997, с. 273]. Однако вооруженный кочевник, как удачно заметил Н.Н. Крадин, «не очень удобный объект для эксплуатации» [Крадин, 2001, с. 26].

Только в очень редких случаях, как признает А.М. Хазанов, кочевническое государство могло возникнуть без завоевания и подчинения оседлого населения, но без таких завоеваний оно являлось не более, чем недолговечным историческим эпизодом [Khazanov, 1984, p. 295; см. также: Лашук, 1967а, с. 34; 1967б, с. 115; Хазанов, 1973б, с. 9]. Т. Барфилд, возражая ему, заметил, что такие государства все-таки имелись, и они были совсем не «однодневками». По его мнению, кочевники создали особый тип государства, нацеленного на эффективное взаимодействие с более крупными и в социально-экономическом отношении более высокорганизованными соседями, прежде всего, земледельцами. Этот тип государства соединяет в себе и государственную, и племенную иерархию, при этом каждая из них служит выполнению особых функций: государственная нацелена на внешнюю политику, ведение войн и пр., а племенная сосредоточена на внутренней жизни общества. Понятно, что такое понимание кочевнической государственности самым тесным образом связано с концепцией «теневых империй», о которой речь шла выше. В рамках империи племенная система была редуцирована до исполнения внутренних дел, но в случае крушения всей этой структуры она получала свободу, и степь погружалась в пучину анархии [Barfield, 1992, p. 7-8].

Кратко резюмируя эту дискуссию, можно признать, что подчинение земледельцев или выгодное соседство с ними делало кочевнические государства более прочными и устойчивыми. С другой стороны, в научной и популярной литературе многократно повторялась мудрая сентенция, приписываемая киданьскому чиновнику Елюй Чу-цаю, которую тот высказал Великому монгольскому хану. Она сводится к тому, что земледельческое государство можно завоевать сидя на коне, но управлять им с коня невозможно [см.: Мункуев, 1965, с. 19; Хазанов, 1973б, с. 12; Крадин, 1995а, с. 167; Lattimore, 1962, р. 508]. Кочевники, конечно, не «заимствовали» государство, но для эффективного управления завоеванными территориями вынуждены были использовать опыт побежденных, местную администрацию и т.д.

Вполне логичной представляется точка зрения, что кочевнический этнос в рамках такого политического организма превращался в господствующий этнос-класс [Крадин, 2001, с. 27]³. Еще раз можно повторить, что государства, созданные номадами, чаще всего выступали таковыми лишь во внешних проявлениях. Внутри же они базировались на прежних племенных связях, власть правителя при этом основывалась не на легитимном насилии, а на умении организовывать военные походы и перераспределять полученные таким образом доходы, равно как и доходы от взимания дани или торговли, среди своих соплеменников [Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 21].

³ В отличие от этого, представление о трансформации кочевнического этноса в государство, высказанное Н.Н. Крадиным [2001, с. 24], выглядит весьма и весьма спорным.

Широко бытующее в современной исторической науке понятие «кочевая империя» самым тесным образом связано со сказанным выше. Это были «имперские конфедерации», выступавшие как автократические и централизованные объединения во внешней политике, но по своей внутренней сущности являвшиеся консультативными и гетерогенными [Barfield, 1992, p. 8; Барфилд, 2002, с. 74; ср.: Марков, 1980, с. 29; Крадин, 2002, с. 114-115]. С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов отмечают, что понятие степных или кочевых империй распространяется «только на политические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 6]. Завоевательный импульс во время создания империи, как правильно отмечают авторы, был направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение терриорий с иными хозяйственно-культурными типами. Столь же справедливо их заключение, что государства, созданные кочевниками, можно именовать империями не на стадии консолидации племен под властью одного племени и одного вождя, а на стадии установления даннической зависимости или формы непосредственного политического подчинения областей и государств с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 7]. В общем, кочевые империи, не обладавшие ни регулярной армией, ни административным аппаратом, осуществлявшим власть в отношении самих кочевников, но, вместе с тем, хорошо организованные и сильные в отношениях с соседями или с завоеванными народами, представляли собой весьма специфическую форму политической централизации [Марков, 1982, с. 82].

В сходном ключе этот феномен трактует Н.Н. Крадин. Он рассматривает кочевые империи как мощные военно-политические структуры для отношений с крупными оседло-земледельческими цивилизациями [Крадин, 1991, с. 107; 1992, с. 309], как тип социального организма, основанного на внешнеэксплуататорской деятельности [Крадин, 1993, с. 198]. Империи, по его мнению, представляли собой сложные общественные системы, занимавшие обширные территории; все они состояли из «кочевого ядра», имевшего военно-иерархическую организацию, и из зависимых, эксплуатируемых областей, занятых чаще всего земледельческими народами [Крадин, 1995а, с. 175]. Если суммировать все сказанное выше, то кочевая империя представляется Н.Н. Крадину как «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации» [Крадин, 2001, с. 21-22]. Эти внешние формы эксплуатации могут выражаться в откровенных грабежах, периодических набегах, вымогательстве «подарков», наложении дани и т.д. [Крадин, 1991, с. 310; 1992, с. 169-170; 1995, с. 175].

некоторые из которых в силу масштабности и исторической роли можно признать империями [см.: Khazanov, 1984, p. 231 ff.; Васютин, 2002, с. 94-96].

В исторической перспективе периферия кочевой империи неизбежно развивалась быстрее центра, и в конечном итоге это вело к крушению империи под действием центробежных сил [Буровский, 1995, с. 160]. Большинство кочевых империй просуществовало не более 100–150 лет, но, как стали считать современные исследователи, такова судьба всех империй, которым имманентно присуща недолгая история [Буровский, 1995, с. 162; Крадин, 2001, с. 31]. Кочевые империи на обрисованном ими общем фоне, как будто, даже выглядят несколько предпочтительней, а господствовавшие в них династии – более стабильными. Т. Барфилд обратил внимание, что потомки Модэ, основателя гуннской империи, правили степью 600 лет, а потомки Чингис-Хана – около 700 [Barfield, 1992, p. 28; Барфилд, 2002, с. 70]. Все это отчасти так, если их сравнивать с империями Карла Великого, Наполеона или Третьим рейхом, которые можно рассматривать как своего рода «империи ностальгии» [ср.: Barfield, 2001, p. 39]. Если же обратиться к истокам и вспомнить об империях, которым названные новообразования в значительной степени пытались соответствовать, т.е. о Риме и Византии, то все предстанет совсем в ином и, конечно, более объективном виде.

III. Миграции кочевников

III.1. Динамика степей Евразии

Всем хорошо известно, что степи Северного Причерноморья являются частью великого пояса степей Евразии, по которому, как уже частично говорилось, периодически происходили перемещения кочевников с востока на запад. Эти периодические выплески связываются с Внутренней Азией, главным образом монгольской степью, которую Л.С. Клейн удачно назвал «генератором народов» [Клейн, 1974 с. 126]. В древности степным коридором на запад прошли скифы, сарматы, аланы и др., в средневековье – гунны, хазары, печенег, половцы, татаро-монголы и т.д. Д.А. Мачинский определил это явление как «закон степей», заключающийся в том, что кочевые орды неуклонно двигались с востока на запад, при этом восточные соседи имели военное преобладание над западными [Мачинский, 1989а, с. 21; 1993, с. 9]. Он также первым среди исследователей обратил внимание на то, что периодичность этих передвижений может быть связана с хронологическими отрезками, охватывающими 200–300 лет [Мачинский, 1971, с. 50]. Надо признать, что его наблюдения не нашли должного понимания у коллег-археологов, а они, на мой взгляд, имеют принципиальное значение для понимания исторических судеб не только кочевых этносов, но и оседлых народов Северного Причерноморья, в том числе и греческих колонистов.

Причины, побуждавшие племена кочевников покидать родные места

Л.Н. Гумилев выделял два типа передвижения номадов на запад (завоевание и выселение), коррелируя их с увлажнением или усыханием степной зоны.

Экономическая система кочевников действительно весьма своеобразна, она демонстрирует особый тип взаимоотношений между человеком, животным и растительным миром степей [Bonte, 1981, p. 34]. Как справедливо считает А.М. Хазанов, она основана на балансе трех переменных:

1. Природные ресурсы, т.е. растительный покров степей, наличие водных источников и т.д.
2. поголовье скота.
3. Численность населения.

Обозначенные переменные, по мысли исследователя, находились в состоянии динамического баланса, подвергаясь колебаниям в сторону увеличения или уменьшения, но эти колебания происходили отнюдь не синхронно. Возникающая в результате этой асинхронности хроническая нестабильность кочевнической экономики, вероятнее всего, являлась одной из причин периодически возникающих миграций [Хазанов, 2002, с. 40].

Экономико-климатическая гипотеза, вне всякого сомнения, имеет немалое рациональное зерно, однако ее безусловное признание может завести нас в тупик. Дело в том, что кочевники обычно устремлялись с востока на запад, а это, если трактовать проблему с обозначенных позиций, может означать лишь то, что климат на западе всегда или почти всегда был лучше, чем на востоке, с чем вряд ли можно безоговорочно соглашаться. Н.Н. Крадин вообще признает такой подход неперспективным [Крадин, 1992, с. 63]. Нет, он не отрицает влияние климатического фактора на историю, а, напротив, подчеркивает зависимость экономики номадов от природно-климатических колебаний [Крадин, 1991, с. 302; 1992, с. 52], но вот влияние этого фактора на историю миграций, как будто, отрицает полностью. Во всяком случае, по его мнению, «жесткая корреляция» глобальных периодов усыхания/увлажнения степей с временами упадка/расцвета кочевых империй сейчас не подтверждается» [Крадин, 2001, с. 22]. Сказанное выше по данному вопросу заставляет нас в чем-то признать его правоту, хотя все-таки трудно вообразить, чтобы мощные кочевнические объединения возникали в условиях полной засухи в аридной зоне.

Вместе с тем, признание или непризнание влияния климатических колебаний на миграции кочевников не мешает нам согласиться с мнением А.М. Хазанова, что их передвижения на запад почти всегда сопровождались войнами [Khazanov, 1984, p. 173]. Крупные передвижения при этом, вероятнее всего, осуществлялись, так сказать, по принципу «падающего домино», когда один народ теснил другой, тот, в свою очередь, третий и т.д. Первым картину такой миграции обрисовал сам Отец истории: «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войн массагетами, ушли, перейдя Аракс, в Киммерийскую землю; именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам»

[Herod. IV. 11. 1; перев. А.И. Доватура и др.]. Из российских исследователей ее разделял В.В. Григорьев, писавший, что вторжения номадов «происходили вследствие толчков, которые вторгавшиеся получали сами ... от других соседних и почему-либо более сильных кочевников». Он же обозначил еще один важный принцип – «между кочевниками гонимые и преследуемые тотчас же обращаются в победителей и преследователей» [Григорьев, 1875, с. 11]. Весьма показательно, что Страбон назвал аорсов и сираков, т.е. два сильных кочевых этноса, обитавших в степях между Каспием и Понтом, беглецами «из среды живущих выше народов» [Strab. XI. 5. 8]. Эти «беглецы», однако, обладали весьма крупными военными силами – сираки при боспорском царе Фарнаке выставили 20 тыс. всадников, царь аорсов Спадин – 200 тыс., «а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья» [Strab. XI. 5. 8; перев. В.В. Латышева].

В ряду крупных современных ученых концепцию «падающего домино» развивает Т. Барфилд, подчеркивающий, что масштабные миграции, как правило, не были следствием голода и поиска новых пастбищ; они, скорее, были вызваны давлением более сильных соседей, когда кочевникам легче было найти «новый дом», нежели воевать за «старый» [Barfield, 1992, р. 24; Барфилд, 2002, с. 64-65]. Рассматриваемая концепция подкупает своей простотой и, так сказать, глубиной корней, но она не объясняет двух «проклятых» вопросов: чем вызывались «первотолчки» и почему они происходили с известной периодичностью? Проблема, как видим, очень сложна.

Нетрудно заметить также, что при изучении миграций номадов исследователи по большей мере обращают внимание на факторы, которые выталкивали их с «родных» территорий (ухудшение климата, нападения врагов и т.п.). Д. Энтони назвал их push factors, но ведь существовали и pull factors, притягивавшие переселенцев на новые земли [Anthony, 1997, p. 22-23]. Нет сомнения, что люди вряд ли согласятся переселиться в абсолютно неведомые края, необходимую «соблазнительную» информацию о далеких землях, достаточную для организации масштабной миграции, могли приносить «пионеры» [Anthony, 1997, p. 27], участники разведывательных походов, в которые отправлялись по большей мере молодые, неженатые мужчины, но об этом речь пойдет ниже.

Каждая волна кочевнических миграций, как уже говорилось, не приходила на пустое место, и поэтому совсем не удивительно, что вторжения на новые территории обычно сопровождались войнами с их обитателями, то есть кочевниками, продвинувшимися сюда ранее. После утверждения гегемонии пришельцев, ситуация в степях постепенно стабилизировалась вплоть до нового вторжения восточных номадов, когда начиналась очередная серия войн. Обозначенная цикличность чрезвычайно характерна для истории кочевнических этносов степей северного Понта, являясь одной из важнейших закономерностей в развитии этого региона. Надо признать, что в изучении

этой цикличности, отражающей очевидную схожесть исторических судеб различных кочевнических народов Северного Причерноморья, отечественная историческая наука накопила немалый опыт, более того – на этом пути, по моему глубокому убеждению, достигнуты весьма серьезные успехи. Первым на обозначенную закономерность указал С.И. Руденко [1961, с. 3-4], позднее его идеи были развиты С.А. Плетневой на материалах эпохи средневековья [Плетнева, 1967, с. 180 сл.; 1981, с. 50 сл.; 1982, с. 13 сл., 36 сл., 77 сл.]. В истории номадов Северного Причерноморья исследовательница выделила три периода или этапа, которые можно определить как *вторжение*, *стабилизация* и *кризис*. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый период – это вторжение. На этом этапе кочевники, продвигавшиеся с востока, активно захватывали новые территории для обитания. Несколько драматизируя ситуацию, С.А. Плетнева писала: «Кочевники надвигались, как туча, уничтожая все на своем пути» [Плетнева, 1981, с. 51]. Во время вторжения они перемещались без четких маршрутов кочевания, не имели строго определенных районов летних и зимних пастбищ и т.д. [ср.: Хазанов, 1973а, с. 7; Марков, 1976, с. 282]. Этот период, охватывающий 25-30 лет в истории кочевников, практически не находит отражения в археологических источниках, за исключением следов пожаров и разрушений на земледельческих поселениях, запустения некоторых территорий; в степи с ним могут быть связаны отдельные погребения номадов. С.А. Плетнева определяла этот период как время «нашествия» [Плетнева, 1982, с.14], другие исследователи склонны называть его – «периодом завоевания» или «обретения родины»⁴. Такие определения вполне оправданы, поскольку пришельцам приходилось вести борьбу за обладание районом с прежними его хозяевами. Г.Е. Марков обоснованно считает, что во время больших переселений общество номадов закономерно переходило в «военно-кочевое» состояние [Марков, 1976, с. 311-312; 1980, с. 28-29].

Вполне очевидно, что передвижение кочевников на запад, их вторжение в Северное Причерноморье, как правило, приводило к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, накладывало заметный отпечаток на последующее развитие всех территорий, прилегающих к поясу степей. Можно предполагать, что во время вторжения основная цель пришельцев заключалась в уничтожении власти старой кочевнической аристократии и утверждении новой; рядовое кочевническое население, возможно, тоже частично уничтожалось, но, скорее всего, просто обкладывалось данью или инкорпорировалось в состав орды пришельцев, постепенно растворяясь

⁴ Понятие «период обретения родины» сложилось в венгерской археологической литературе первой половины XIX в. в отношении памятников, оставленных кочевниками-венграми времени их продвижения в Карпатский бассейн в IX в. н.э. [см.: Археология Венгрии, 1986, с. 331-332]. Сейчас его используют и в отношении истории других кочевых народов.

в ней [Першиц, 1994, с. 201]. Войны кочевников, однако, совсем не ограничивались лишь степными территориями, в них так или иначе включались соседние земледельческие народы (в древности, разумеется, и греческие колонии), над которыми новые хозяева степей стремились установить свой контроль. Именно тогда, как представляется, дестабилизация военно-политической обстановки в регионе достигала максимальной степени напряжения.

Номады в своих отношениях с оседлыми народами и государствами на этом этапе могли придерживаться весьма жесткой линии поведения, которую прекрасно выразил один из монгольских аристократов после завоевания Китая. Обращаясь к Чингис-хану, он заявил: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех! Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища» [Мункуев, 1965, с. 73]. Весьма показательно, правда, что великий хан не поддержал столь радикальной точки зрения.

«Новые номады», как уже было сказано, полностью утверждали свою гегемонию приблизительно через четверть века после вторжения, тогда им удавалось установить «нормальную» систему эксплуатации подвластных территорий, взимание дани с подчиненных земледельцев и т.п. На этой стадии кочевники уже не были однозначно заинтересованы в дальнейшем продолжении войн, и, таким образом, военно-политическая ситуация в степях постепенно стабилизировалась, что знаменовало начало нового исторического этапа [ср.: Марков, 1976, с. 311-313].

Второй этап в истории кочевников можно именовать этапом стабилизации. Для него в первую очередь характерно то, что у номадов уже были выработаны правила взаимоотношений с соседними земледельческими народами, сложились стабильные маршруты сезонных передвижений, постоянные районы летних и зимних пастбищ, сформировались родовые кладбища и т.д. Как правило, такие перемены достаточно благотворно сказывались на положении земледельцев, поскольку фиксированная дань, которую те вынуждены были выплачивать номадам, конечно, была лучше откровенного грабежа. Разумеется, этот этап нельзя считать подобием некоей идиллии. Кочевая аристократия по вопросу эксплуатации подвластных племен вряд ли всегда имела единую, тем более удовлетворяющую эксплуатируемых, точку зрения. К примеру, среди Чингизидов одна группа рассматривала земледельческое население как объект периодических грабительских походов, другая предпочитала более цивилизованные методы поборов [Мункуев, 1965, с. 65; Федоров-Давыдов, 1966, с. 236; 1973, с. 29]. В последнем случае очень многое зависело от форм и размеров взимаемой номадами дани [об этом см.: Першиц, 1973; 1994, с. 208; Крадин, 1992, с. 60; 1995а, с. 174; 2001, с. 28; Khazanov, 1984, р. 224 ff.]. Однако при всей сложности и неоднозначности возникавших ситуаций этап «завоевания родины» в истории взаимодействий кочевников с земледельцами можно называть конфликтным, а этап стабилизации – относительно конструктивным.

Третий этап определяется как кризисный. Кризисные явления проявлялись в прогрессирующем разрушении экономической системы и социальной структуры кочевнических обществ степей Северного Причерноморья. Усиление имущественной дифференциации приводило к тому, что часть кочевников (обедневшая) начинала оседать на землю и переходить к занятию земледелием, а другая (богатые семьи) продолжала кочевать. Об оседании кочевников на землю (седентаризации) необходимо сказать особо. Дело в том, что в обычной ситуации кочевник порой был вынужден браться за плуг, но, получив урожай, он стремился немедленно обменять его на скот и вернуться к кочеванию [Марков, 1976, с. 139; Бациева, 1982, с. 318; Крадин, 1991, с. 314-315; 1995а, с. 166; Khazanov, 1984, р. 83; 198-202]. Если же седентеризация приобретала большие масштабы, т.е. значительная часть кочевников, занявшихся земледелием, в силу ряда причин уже не могла возвратиться к ведению скотоводческого хозяйства, то это свидетельствовало о системности кризиса в степях.

О масштабах седентеризации на этом этапе можно судить по рассказу арабского автора ал-Омари о Дешт-и-Кипчак (половецкой степи): «До покорения (этой страны) татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности» [Тизенгаузен, 1884, с. 235]. Некоторые исследователи считали эту оценку не более, чем пессимистическим преувеличением [Греков, Якубовский, 1937, с. 45]. Преувеличение здесь, скорее всего, присутствует, но не слишком большое. Г.А. Федоров-Давыдов показал, что половцы действительно знали временную оседлость [1966, с. 206-207], все проявления которой были уничтожены монгольским завоеванием [1966, с. 234; ср.: Плетнева, 1981, с. 56]. Такая ситуация в истории степей Северного Причерноморья, как представляется, была достаточно типичной и проявлялась неоднократно [ср.: Lattimore, 1962, р. 150].

Кризисные явления в степях, вне всякого сомнения, стимулировались влиянием на кочевников цивилизованных стран. По этому поводу китаец-перебежчик в 174 г. до н.э. поучал хуннского шаньюя, подчеркивая, что «численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они (хунны – Ю.В.) потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные (от китайских – Ю.В.) и не зависят в этом от Китая» [Бичурин, 1950а, с. 57]. Распространение в среде кочевников моды на китайские шелковые одежды, китайскую пищу, напитки и т.д., по мнению этого перебежчика, ослабляли их силу. Такое нравоучение, необходимо признать, не лишено смысла [Бернштам, 1951, с. 39; Васютин, 2002, с. 92]. При этом оно справедливо отнюдь не только в отношении хуннов, те же самые процессы с той же самой направленностью можно проследить и в других частях Великой степи, где она граничила с земледельческими цивилизациями. Различия проявлялись разве что в наборе и облике предметов цивилизованного быта, поставлявшихся для кочевников.

В такой кризисной ситуации, как правило, сопровождавшейся внутренними раздорами, кочевники Северного Причерноморья встречали угрозу с востока,

связанную с появлением новых кочевых этносов. По большей мере, они не могли оказать пришельцам адекватного сопротивления, и новый цикл развития начинался с обозначенной выше исходной точки. Таким образом, прерывание культурно-исторической и этнической традиции в степях региона происходило неоднократно [Буровский, 1995, с. 162]. Более того, можно считать, что в евразийских степях на протяжении трех тысяч лет социальные процессы характеризовались обратимостью, движение в этой сфере осуществлялось по кругу, а процесс поступательного развития в значительной мере оказывался фикцией [Хазанов, 1973а, с. 6; 1973б, с. 13].

Охарактеризованная последовательность основных циклов в развитии кочевнических этносов Северного Причерноморья, как частично говорилось выше, основывается в первую очередь на материалах, относящихся к эпохе средневековья. Но можно ли ее применять к более ранним временам? М.П. Грязнов в свое время предостерегал от механического переноса форм быта и хозяйства, характерных для поздних кочевников, на древность, когда все эти особенности находились еще в стадии формирования [Грязнов, 1955, с. 19]. Возможно, в чем-то он был прав, но современные исследования демонстрируют, что само деление на ранних и поздних кочевников в известном смысле было искусственным, в реальности же между номадами древности и средневековья было гораздо больше общего, нежели различного [Хазанов, 1973а, с. 6-8; Крадин, 1992, с. 51; Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 12; Крадин, Тишкин, Харинский, 2005, с. 8; но ср.: Массон, 2003, с. 82, 95].

Киевская исследовательница Н.А. Гаврилюк признает применимость трехэтапной схемы развития кочевых этносов Северного Причерноморья к древности, но считает, что ее надо дополнить еще одним, четвертым этапом [Гаврилюк, 1999, с. 315]. Этот этап она связывает с запустением степей, обусловленным экологической катастрофой, в свою очередь вызванной спецификой экономического и социального развития степных обществ, перенапряжением степной экосистемы в ходе ее усиленного использования, дигрессией пастбищ и т.д. По расчетам Н.А. Гаврилюк, степи после экологической катастрофы восстанавливались лишь через 100–150 лет [Гаврилюк, 1999, с. 312]. С подобной катастрофой исследовательница связывает крушение Великой Скифии, происшедшее, вероятнее всего, на рубеже IV–III вв. до н.э.

Следует согласиться с Н.А. Гаврилюк, что такое эпохальное явление, каким было крушение Великой Скифии, должно объясняться целым комплексом причин, и экологические факторы здесь, как представляется, сыграли свою роль. Но являлась ли экологическая катастрофа непрямым и неизбежным (четвертым) этапом в истории развития всех кочевых этносов региона? На этот вопрос, как представляется, следует ответить отрицательно. Дело в том, что история кочевых этносов Северного Причерноморья не знает такого примера, когда какой-либо из кочевых этносов сошел с политической арены, так сказать, вообще без посторонней помощи. Скорей, можно считать, что внут-

реннее ослабление кочевых обществ обычно помогало их «соседям-врагам», приходившим с востока. Необходимо также обратить внимание и на то, что история кочевников средневековья не знает 100-150-летних перерывов в циклах, связанных с историей различных этносов. К примеру, между хаза-рами и печенегами, печенегами и половцами, половцами и татаро-монголами их усмотреть не удастся, а значит дополнение схемы С.И. Руденко–С.А. Плетневой еще одним, четвертым, этапом вряд ли можно признать удачным⁵.

Современная археология в ряде случаев позволяет достаточно уверенно считать, что начало периодов дестабилизации военно-политической ситуации в северопричерноморском регионе, вызванных продвижением новых номадов, фиксируется, прежде всего, в его восточных областях – Подонье и Прикубанье. И это вполне естественно, поскольку пришельцы с востока появлялись именно здесь и лишь потом устремлялись далее к западу. Любопытно, но и обратный процесс, связанный со стабилизацией военно-политической обстановки, опять же раньше всего проявляется в восточной части Причерноморских степей. Именно в Подонье и Прикубанье чаще всего фиксируются самые ранние могильники пришельцев из глубин Азии.

III.2. Татаро-монгольское завоевание как пример миграции кочевников

Постановка этого вопроса, вероятно, может вызвать некоторое удивление, поскольку принято считать, что миграции, по большей мере, являлись спонтанным, постепенным процессом, а татаро-монгольские завоевания стали результатом серии хорошо спланированных походов, осуществленных армией могучей империи Чингис-Хана и его преемников. Л.Н. Гумилев, к примеру, категорически возражал против отождествления монгольских походов XIII в. с обычными миграциями [Гумилев, 1987, с. 74]. Под последними, как говорилось выше, он понимал расселение мелких групп кочевников на степных окраинах, происходившие в период усыхания аридной зоны (см. главу 3.1). У монголов же победу одерживали «не рыхлые скопища кочевников, а хорошо организованные мобильные отряды, после боевых кампаний возвращавшиеся

⁵ Не все кочевые народы, появившиеся в степях Северного Причерноморья, непременно проходили в своем развитии все обозначенные три стадии. По наблюдениям И.П. Засецкой, концепция С.И. Руденко–С.А. Плетневой не вполне применима к гуннам. Имеющиеся археологические материалы, которые можно связывать с этим народом, представлены разбросанными по степям одиночными погребениями с разнообразным обрядом, что соответствует первой стадии кочевания; характерные признаки второй представлены лишь в незначительной степени [Засецкая, 1994, с. 159]. Такое положение, в общем, не удивительно, поскольку вся недолгая история гуннов в Европе (конец IV – V вв.) представляет череду войн и далеких походов. А.К. Амброз связывал обезлюдение пространств Северного Причерноморья в V в. с тем обстоятельством, что гунны увели местное население в составе своих войск, когда в первых десятилетиях этого столетия центр их державы был перенесен в Среднее Подунавье [Амброз, 1971, с. 104].

в родные степи» [Гумилев, 1987, с. 74]. В известном смысле Л.Н. Гумилев был, безусловно, прав, но все-таки идея о «завоевании без переселения» представляется немного искусственной, и ирония Л.С. Клейна по этому поводу была вполне оправдана [Клейн, 1974, с. 134]. В действительности в отношении татаро-монгольских завоеваний следует признать, что со времени Великого переселения народов цивилизация не знала столь грандиозных изменений в политике, общественной жизни и культуре, столь масштабных перемещений отдельных родов и целых племен [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 86], иными словами, их трактовка как своеобразной миграции вполне допустима.

Не следует забывать также, что крупные миграции кочевников вообще, как правило, являлись результатом некоего политического решения кочевого народа, предпочитавшего найти новые земли для обитания, нежели защищать старые от натиска врагов [Barfield, 1992, p. 24; Барфилд, 2002, с. 64-65]. Уже неоднократно говорилось, что обретение новой родины было связано с серией весьма продолжительных войн. Монголов с их земель никто не выгонял, и концепция «падающего домино» (см. главу 3. 1) в этом отношении абсолютно неприемлема. В принципе, только в этом можно видеть явное отличие их завоеваний от «обычной» миграции, прочие отличия заключаются разве что в большей масштабности и лучшей организации их распространения на обширнейших пространствах Азии и Европы. Рассматривая татаро-монгольские завоевания как вид миграции, попытаемся обратить внимание на некоторые ее существенные моменты.

Важным событием начального этапа этих завоеваний на западе, как известно, стал поход Джебэ и Субэдея. Арабские источники сообщают, что во время преследования бежавшего Хорезмшаха к ним присоединилось «много войск мусульманских и неверных, а также и (много) негодаев, замышлявших грабежи и бесчинства» [Тизенгаузен, 1884, с. 14]. Перед походом на Грузию к Джебэ и Субедэю присоединился также некий Акуш, собравший вокруг себя туркмен, курдов и др. [Там же, с. 15]. Как видим, уже в самом начале татаро-монгольских завоеваний в него включились выходцы из различных народов. Во время похода на Русь их войска состояли не только из монголов, но и из тюрок, киданей, китайцев, чжурчженей, тангутов и др. [Кычанов, 1999, с. 164]. Монголы лишь возглавили это полиэтническое движение.

Первое вторжение в Восточную Европу опять же было связано с походом Джебэ и Субедэя. Имеющиеся источники позволяют уверенно считать, что тумены монгольских полководцев появились в Предкавказье в 1222 г., нанеся здесь поражение аланам и половцам [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Крымский город Судак был захвачен ими, скорее всего, уже в начале 1223 г. [Записки XII–XV вв., 1863, с. 601, № 33; Тизенгаузен, 1884, с. 26; 1941, с. 33; Рашид ад-Дин, 1952, с. 229], при этом в Крым татаро-монголы, вероятно, продвинулись зимой через замерзший Керченский пролив [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 156; Плетнева, 1990, с. 172; Бубенок, 2003, с. 29–30].

Затем монгольские полководцы повели своих воинов в половецкую степь и, притворным отступлением заманив русско-половецкое войско почти до Дона, разгромили его 31 мая 1223 г. в битве на Калке [см.: Греков, Якубовский, 1937, с. 31-38; Пашуто, 1956, с. 129-131; Каргалов, 1967, с. 64; Черепнин, 1977, с. 187-189; Романов, 1981, с. 79 сл.; Толочко, 1987, с. 167; 1999, с. 164-165; Вернадский, 1997, с. 47-48; Кривошеев, 2003, с. 132-136; Храпачевский, 2004, с. 329-335]. После этого, несмотря на очевидные успехи похода, Джебэ и Субэдей увели свои тумыны в Монголию, и новый поход на запад состоялся лишь почти через 15 лет после этого. Тем не менее, еще до его начала, в 1229 г. и последующие годы, татаро-монголы провели военные акции в Прикаспийских степях и против Волжской Булгарии [Пашуто, 1956, с. 150-151; Черепнин, 1977, с. 190]. Военное напряжение на восточных рубежах половецкой степи ощущалось все больше и больше [Хрусталеv, 2004, с. 67]. По свидетельству венгерского миссионера Юлиана, прибывшего к аланам в 1235 г., те отказывались сопровождать его дальше, поскольку боялись татар, находившихся где-то поблизости [Аннинский, 1940, с. 79].

Батый начал поход «к последнему морю» летом-осенью 1236 г. Численность его войска иногда сильно преувеличивали, но наиболее взвешенная точка зрения сводится к тому, что в нем насчитывалось 120–140 тыс. воинов, из которых собственно монголов было не более половины [Каргалов, 1967, с. 74; Кирпичников, 1989, с. 144; Храпачевский, 2004, с. 180; Хрусталеv, 2004, с. 69; но ср.: Гумилев, 1992, с. 518]. Эта крупная, хорошо подготовленная армия, прежде всего, совершила успешное нападение на Волжскую Булгарию [Храпачевский, 2004, с. 351; Исаков, Измайлов, 2007, с. 87], а затем, зимой 1237/38 г., обрушилась на русские княжества. Не останавливаясь на перипетиях этого похода [см.: Греков, Якубовский, 1937, с. 156 сл.; Пашуто, 1956, с. 151 сл.; Черепнин, 1977, с. 186 сл.; Толочко, 1986, с. 168 сл.; 1999, с. 168 сл.; Вернадский, 1997, с. 58-59; Кривошеев, 2003, с. 139 сл.; 2006, с. 152 сл.; Храпачевский, 2004, с. 354 сл.; Хрусталеv, 2004, с. 81 сл.], напомним лишь, что Киев был захвачен в 1240 г., т.е. через 18 лет после первого появления татаро-монголов в степях Восточной Европы. Тогда же, по всей видимости, было нанесено окончательное поражение половцам. Половецкий хан Котян с остатками своего войска ушел в Венгрию, где вскоре сам Котян и его приближенные были перебиты, а орда ушла на Балканы [см. Греков, Якубовский, 1937, с. 161; Пашуто, 1956, с. 166; 1977, с. 211; Федоров-Давыдов, 1977, с. 247; Вернадский, 1997, с. 59; Толочко, 1999, с. 142-143; Мыськов, 2003, с. 28-29].

В 1241 г. начался большой поход Батыя в глубь Европы [см.: Пашуто, 1956, с. 163 сл.; 1977, с. 210 сл.; Храпачевский, 2004, с. 388 сл.; Хрусталеv, 2004, с. 189 сл.]. Тяжелые удары татаро-монголов обрушились на Польшу, Чехию, Венгрию и другие земли. Лишь узнав о смерти великого хана Угедея (11 ноября 1241 г.), Батый приказал своим войскам повернуть назад. Несмотря на несомненные успехи этого похода, дальнейшие завоевания на западе,

базой для которых, вероятнее всего, должны были стать степи Паннонии [Храпачевский, 2004, с. 391; Хрусталеv, 2004, с. 226], так и не были осуществлены.

Становление империй Джучидов завершилось к 70-м годам XIII в. Тогда, после периода «бури и натиска», как его называют Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов, начался период стабилизации и расцвета великодержавия Золотой Орды [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 93]. Нетрудно подсчитать, что время «бури и натиска», если начинать его с вторжения в Волжскую Булгарию⁶, заняло около 35 лет.

Кратко подводя итог сказанному о ходе татаро-монгольских завоеваний, следует обратить внимание на ряд важных обстоятельств:

1. В монгольские завоевания, как и в миграции другого рода, включались самые различные народы, они были полиэтничными.
2. Перед масштабной завоевательной акцией имела место своего рода разведка, охватившая, в основном, район Подонья и Прикубанья.
3. Военное напряжение на восточных рубежах Дешт-и-Кипчака после этого продолжало ощущаться и, возможно, даже возрастало. Тем не менее, большой поход был предпринят лишь через 15 лет после разведки.
4. В результате завоевания степей Северного Причерноморья была уничтожена половецкая аристократия, а рядовое население, в основном, было включено в состав новой орды.
5. Практически одновременно с завоеванием причерноморских степей было начато покорение земель, примыкающих к ним с севера.
6. После этих акций татаро-монголы провели поход в центральную Европу, затронувший, прежде всего, Польшу, Венгрию и Балканы. Даную акцию опять же нельзя рассматривать как характерную только для завоевательного похода Батыя. Археологические источники достаточно уверенно фиксируют периодические вторжения кочевников на территорию Средней Европы, по крайней мере, со скифского времени [Скорый, 1990б; Хохоровски, 1994; Бруяко, 2005, с. 293 сл.; Мелюкова, 2006; но ср.: Парцингер, 1998].
7. Период завоеваний в Восточной Европе занял приблизительно 35 лет, после чего ситуация здесь в известном смысле стабилизировалась.

Монгольское завоевание показательно также и в отношении их последствий для самих завоевателей. Арабский писатель ал-Омари оставил по этому поводу любопытное свидетельство: «В древности это государство (степь Дешт-и-Кипчак – Ю.В.) было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кипчаками, как будто они одного

⁶ Разведывательный поход Джебэ и Субедзэ 1222-1223 гг., естественно, нельзя считать началом татаро-монгольских завоеваний в Восточной Европе.

(с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) на земле кипчаков вступили в брак с ними и остались жить в земле их (кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе» [Тизенгаузен, 1884, с. 235]. Реальная история Дешт-и-Кипчака в это время была, конечно, значительно драматичней, чем почти идиллическая картина, обрисованная ал-Омари [Исхаков, Измайлов, 2007, с. 175-180]. Тем не менее, современные исследователи почти единодушно признают, что монгольских черт в материальной культуре Золотой Орды очень немного [см.: Исхаков, Измайлов, 2007, с. 175]. Самый наглядный археологический признак этно-политических перемен этого времени в степях региона можно связать с исчезновением традиции ставить на курганах «каменные бабы», что, в свою очередь, диагностирует уничтожение культуры половецкой аристократии [Федоров-Давыдов, 1966, с. 239; 1973, с. 41]. Есть веские основания считать, что монгольские отряды, оседая в иноэтничной среде, как правило, утрачивали свой язык и веру; в Золотой Орде постепенно усилилась роль кипчацко-половецкого этноса [Федоров-Давыдов, 1966, с. 247; 1973, с. 27-28, 171; Каргалов, 1967, с. 61; Кычанов, 2002, с. 82]. Все эти вопросы, однако, требуют более серьезного, теоретического осмысления [см.: Алексеев, Бромлей, 1968].

III.3. Миграции кочевников и археология

Проблема миграций кочевников Евразии на запад, безусловно, является составной частью более широкой проблемы миграций в истории человечества. Так получилось, что в науке XX в. их изучение столкнулось с серьезными сложностями, и это касается как отечественной (советской) науки, так и западной [Клейн, 2004., с. 210]. В Советском Союзе миграции долгое время считались чем-то антинаучным, немарксистским, противоречащим законам внутреннего развития общества и даже теоретическим прикрытием агрессии против страны социализма [об этом см.: Клейн, 1993, с. 21 сл.; Виноградов, 2000а, с. 109; Формозов, 2004, с. 53, 58-59; ср.: Чайлд, 1949, с. 109, 133-135]. На Западе такое положение оказалось связанным с теоретическими представлениями «новой» археологии, возникшей в конце 60-х гг. XX столетия и по существу деморнизовавшей и мистифицировавшей эту идею [Chapman, Namerow, 1997, p. 1; Anthony, 1997, p. 21]. Многим сторонникам «новой» археологии до сих пор представляется, что миграционные трактовки являются слишком простыми для решения сложных проблем развития человеческих сообществ; с помощью них подобно *deus ex machina* слишком часто легко объяснялись все эпизоды культурных изменений, очень трудных для объяснения [см., к примеру: Tainter, 1988, p. 63, 89, 202]. Подобные весьма серьезные сомнения в универсальности теории миграционизма привели к тому, что от нее вообще почти отказались, тем самым в очередной раз «выплеснув из ванны вместе

с грязной водой и ребенка». Л.С. Клейн по этому поводу справедливо заметил, что «критикуя миграционизм и диффузионизм за то, что они превращали идеи миграции и диффузии в отмычку для интерпретации любых изменений в культуре, незачем чураться самих явлений миграции и диффузии» [Клейн, 2004, с. 284]. Тем не менее, по существу только в последние годы в западной науке миграционные объяснения стали иметь вес при оценке дисконтинуитета в развитии археологических культур, в особенности при изучении территориального распространения комплексов материальной культуры [Anthony, 1997, p. 21]. Следует подчеркнуть, однако, что теоретическое осмысление подобных явлений не мешает западным ученым под миграциями часто понимать совсем не перемещения народов, а характерную для современного мира мобильность населения [Chapman, Hamerow, 1997, p. 1].

Вновь возвращаясь к ситуации в степях Евразии, необходимо признать, что одним из важных последствий неоднократного проникновения различных кочевых народов на новые земли, в том числе и в Северное Причерноморье, было формирование здесь весьма пестрой этнической картины. Чрезвычайно характерным в связи с этим является описание Геродота, попытавшегося разделить местные народы на скифские и нескифские [Herod. IV. 17-22], в меньшей степени в этом плане информативны этническая карта Страбона [Strab. VII. 17] и текст декрета в честь Протогена [IOSPE. I². 32], но и они весьма показательны. По свидетельству Геродота, скифы царские даже проживали чересполосно, т.е. в двух различных, разделенных немалыми пространствами районах [Herod. IV. 20; 22. 3]. Такая чересполосность, впрочем, была характерна не только для степей Северного Причерноморья [см. Бичурин, 1950б, с. 190-191]. Обозначенная ситуация ставит перед археологами, исследующими степные памятники, очень непростую задачу. Выделение археологических культур, групп или даже этнодиагностирующих признаков, которые можно было бы уверенно связать с конкретными кочевыми народами, представляется в высшей степени сложным. Об этнической атрибуции многих археологических памятников, особенно тех, которые находятся в зоне пограничья или относятся к времени миграций («за завоевания родины»), споры в научной литературе не утихают и, по всей видимости, никогда до конца не утихнут.

Материальная культура номадов вообще весьма специфична, по понятным причинам она в основном должна состоять из предметов компактных, легких, удобных для транспортировки. Весьма специфичными должны быть и оставленные ими археологические культуры; в свое время Г. Чайлд считал их почти невидимыми или неуловимыми [Childe, 1939, p. 91]. Естественно, такая характеристика не может относиться к курганным некрополям номадов, а вот места их стоянок археологически выявляются с большим трудом. Основным археологическим материалом для интересующего нас времени, безусловно, является керамика. В отношении нее специальные наблюдения убедительно демонстрируют, что кочевниками керамическая

посуда использовалась не столь интенсивно, нежели обитающими на сопредельных территориях оседлыми народами, и набор ее у них был намного скромней [Gribb, 1993, p. 75-76].

Еще одно важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание в связи с существующими в современной археологической науке трактовками миграций кочевников, заключается в том, что исследователи пытаются определить «прародину» тех или иных народов, появившихся в степях Северного Причерноморья, почти не уделяя внимания огромной сложности этого исторического явления. По понятным причинам ученые стремятся найти такие районы или археологические культуры, из которых вместе с переселенцами на запад могли распространиться характерные для номадов северного Понта типы погребальных сооружений, керамические формы, детали боевого снаряжения и т.д. В общем, такой подход дает основание достаточно уверенно считать, что движение определенных типов артефактов по степному коридору, в основном, осуществлялось с востока на запад⁷. В остальном же приходится признать, что археология в большинстве случаев не дает надежных оснований для определения районов, из которых эти миграции происходили. В принципе, мне не известны примеры того, чтобы культура восточных номадов была перенесена на запад в неизменном виде, без каких-то потерь и трансформаций [ср.: Плетнева, 1981, с. 52; 1982, с. 16; Болгов, 1996, с. 28-29; Михайлова, 2006, с. 9]. В этом, собственно, и кроется главная причина невероятной сложности рассматриваемой проблемы.

Некоторые трактовки миграций кочевников Евразии с востока на запад, существующие в современной науке, в ряде случаев представляются несколько механистичными. Многие исследователи, как будто, полагают, что во время движения номадов на новую родину непременно устремлялся весь этнос, во всяком случае, его значительная часть, и результатом такого движения непременно должен стать перенос на новое место целого культурного комплекса, представленного на территориях старого обитания. Они по-прежнему ищут проявления идентичности археологических культур в глубинах Азии и в степях Причерноморья и, естественно, не находят их [Яценко, Раевский, 1980, с. 112]. Л.С. Клейн, критикуя такой подход, назвал его «лекальным», сводящимся к тому, что в новом ареале как бы по одному лекалу воспроизводились культурные формы старого района обитания. В реальности же «лекальных» передвижений культур не бывает [Клейн, 1973, с. 6; 1999, с. 58; Титов, 1982, с. 91-93]. Как справедливо заметил Д. Энтони, «мигрируют не культуры, а люди» [Anthony, 1997, p. 27], иными словами, в процессе миграций

⁷ Подобную картину демонстрирует также изучение этнонимов и топонимов, которые имеют тенденцию к распространению с востока и юго-востока на запад, имея в своей основе реальные перемещения племен [Ельницкий, 1977, с. 141; Ольховский, 1981, с. 56].

ма (к примеру, ременные пряжки и т.д.). А вот в обряде погребения, скорее, будут доминировать местные черты; керамика, как представляется, вообще будет представлена исключительно местными типами. При таком положении миграция молодых неженатых мужчин вполне может оказаться незаметной для современной археологической науки, но, как можно предполагать, именно такая система расселения была достаточно обычной не только в сравнительно поздние времена, но и в древности.

Обращаясь к скифской истории, следует обратить внимание, что античная письменная традиция сохранила весьма противоречивое представление о возрасте скифского этноса. Юстин считал этот народ очень древним, оспаривавшим древность происхождения у самих египтян [Just. II. 1.5]. Геродот же признавал скифов самыми молодыми [Herod. IV. 5], но отмечал, что от первого царя Таргитая до похода Дария на скифов прошло не меньше тысячи лет, «но именно столько» [Herod. IV. 7]. Надо признать, что тысяча лет – это срок немалый даже для мифа и легенды [Хазанов, 1975, с. 40]. Таким образом, по рассказу Отца истории, скифы были одновременно и самыми молодыми, и весьма древними. По мнению А.В. Назаренко, состояние источников таково, что на указанное противоречие следовало бы закрыть глаза [Назаренко, 1989, с. 235], но ему все-таки можно найти объяснение. Дело в том, что из повествования Геродота известно, что самыми молодыми называли себя сколоты [Herod. IV. 5-6]. Этимология этого слова очень не проста [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 209-210, комм. 147-148; Тохтасьев, 2005, с. 72-73], но А.В. Назаренко удалось показать, что его можно связывать с иранскими словами типа «молодой», «несовершеннолетний» и т.п. Небезынтересно в связи с этим заметить, что Юстин в «Эпитоме сочинения Помпея Трога» сообщает о Сколопите; так звали одного из двух скифских царевичей, изгнанных из отечества и уведших множество молодежи на реку Термодонт в Каппадокии [Just. II. 4. 1]. Жены, а точнее вдовы, этих скифов впоследствии стали прародительницами амазонок [Just. II. 4. 4-11]. Вслед за Юстином этот рассказ излагает Оросий, но скифского царевича он называет Сколопетий [Oros. I. 15. 1]. Можно предположить, что общий контекст, в котором упоминаются имена столь близкие этнониму «сколоты», то есть указывающие на явно молодой возраст царевичей, на участие в походе молодежи и т.п., подкрепляют гипотезу о миграции, в которой участвовали, в основном, юноши. Однако В.А. Назаренко делает заключение, что сколоты были так названы в честь вероятного прозвища их легендарного царя Колаксия, как младшего из трех братьев [см.: Herod. IV. 2-4], которого, возможно, называли «Младший» [Назаренко, 1989, с. 237]. Такая трактовка, на мой взгляд, вызывает немалые сомнения, хотя Геродот действительно сообщает, что сколоты назывались так по имени царя [Herod. IV. 6. 2]. Если следовать ей, то сколотами («младшими»), скорее, следовало бы называть паралатов, потомков Колаксия, младшего из трех братьев-прародителей, но письменные источники не дают для этого надежных оснований.

Из скифской легенды, которую приводит Геродот [IV. 6. 1-2], известно, что сколоты – это общее название паралатов (потомков Колакся), вместе с авхатами (потомками среднего брата Липокся), а также катиарами и траспиями (потомками старшего Арпокся). Скорей всего, сколоты («младшие») получили свое название не в честь их легендарного царя Колакся, и вообще, как представляется, этот этноним не имеет отношения к скифской этногонической легенде. А.В. Назаренко, на мой взгляд, напрасно не придает значения одному важному обстоятельству, нашедшему отражение в обозначенном круге источников (Юстин, Оросий). Эти источники однозначно свидетельствуют, что царевич Сколопит (Сколопетий) увел молодежь в далекие земли, и пусть в данном случае речь в них идет не о Северном Причерноморье, но, в принципе, и для интересующего нас региона можно предположить нечто подобное, то есть миграцию сюда каких-то молодежных отрядов. Это тем более допустимо, что Геродот, рассказывая о происхождении савроматов, также отмечал, что к амазонкам ушли молодые скифы, а затем вместе с ними переправились через Танаис [Herod. IV. 111. 2; 115. 1-3; 116. 1].

Все приведенные соображения позволяют считать, что в древности в передвижениях кочевников на новые места обитания важную роль играли отряды, состоявшие из молодых, неженатых мужчин. В каждой конкретной ситуации при изучении этих миграций археологи будут сталкиваться с кругом весьма трудно разрешимых проблем, но, в любом случае, гипотеза «лекальных» миграций к ним абсолютно не применима.

В археологических реалиях миграции кочевников, сопровождавшиеся распространением их власти на сельскохозяйственные народы, могли найти самое различное воплощение. Вновь обращаясь к скифской проблематике, можно указать, что сторонники «автохтонной» гипотезы происхождения скифов обычно большое внимание уделяют фактам, свидетельствующим о некоей преемственности между предскифской и скифской эпохами, проявляющейся в керамических формах, особенностях погребального обряда и пр. [Яценко, Раевский, 1980, с. 110-111]. Если это так, то, казалось бы, о миграции кочевников с востока, повлиявшей на формирование скифской культуры, говорить вообще не приходится. Однако отмеченный факт преемственности вряд ли можно считать бесспорным доказательством отсутствия миграций, в подтверждение чего имеются некоторые археологические наблюдения. Так, для раннего этапа скифской истории можно привести курган Перепятиха в лесостепном Поднепровье, являющийся основным в курганной группе [Скорий, 1990а]. Обнаруженные здесь находки позволяют уверенно судить, по крайней мере, о двухкомпонентности местного культурного комплекса: предметы конского снаряжения, типы оружия являются степными, а керамика – местная, обычная для сельскохозяйственного населения. Та же самая двухкомпонентность фиксируется в более поздних Воронежских курганах, но выступает она несколько в ином облике. Самые ранние из Воронежских курганов относятся к концу VI – началу

V вв. до н.э. [Медведев, 1996, с. 176], они, как представляется, принадлежат пришлой военно-аристократической верхушке. Как и в Перепахтихе, их отличает богатство погребального инвентаря, обилие оружия и пр. В курганах, естественно, имеется и керамика, но на сей раз она сильно отличается от посуды местных земледельцев, так называемой городищенской. Такое явно намеренное неприятие посуды местных типов, возможно, объясняется тем, что военно-аристократическая верхушка, которой принадлежат Воронежские курганы, утвердилась здесь в результате миграции из Днепровского Левобережья [Медведев, 1996, с. 180], т.е. из сравнительно недалеко расположенного района. Есть основания предполагать, что при переселениях на такие небольшие расстояния, осуществляемых относительно крупными и хорошо организованными группами населения, могли складываться некоторые культурные атрибуты, характерные только для этих этнических групп. Возможно, это проявлялось в сложении определенных стереотипов, мешавших культурным заимствованиям из среды подчиненного населения. Вообще же выделение двух типов миграций – на короткие расстояния (short-distance) и на дальние расстояния (long-distance) – в теоретическом отношении представляется очень полезной [Anthony, 1997, p. 26].

Еще раз несколько отвлекаясь от археологических материалов, в связи со сложностями возможных культурных трансформаций у кочевников можно привести пример, зафиксированный письменной традицией, относящийся к сравнительно позднему времени. Хорошо известно, что при завоевании монголами Ирана и Ирака отряды золотоордынского хана Берке сражались в составе войск Хулагу. После конфликта, возникшего между двумя монгольскими предводителями (впоследствии он вылился в десятилетия вражды между Хулагидами и Джучидами), Берке приказал своим войскам вернуться в Золотую Орду, но, если такое возвращение окажется невозможным, позволил им уйти в Египет. Обстоятельства сложились так, что часть его войск действительно была вынуждена направиться в Египет, где им был оказан самый теплый прием [Закиров, 1966, с. 38-39; Мыськов, 2003, с. 88]. Первый отряд, насчитывавший более двухсот всадников, прибыл туда в 1262 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 163-164], затем пришел более крупный тысячный отряд [Тизенгаузен, 1884, с. 100]. Известно также о появлении в Дамаске двухсот конных и пеших монголов, бежавших сюда вместе с женами и детьми [Тизенгаузен, 1884, с. 187]. Можно предполагать, что в результате этих событий на службу к египетскому султану перешло 2-3 тысячи золотоордынцев, а, если учесть их жен и детей, то эта цифра должна еще более возрасти. Все они, разумеется, приняли ислам и в культурном отношении, как можно полагать, довольно быстро растворились среди подданных султана, так что вряд ли возможно надеяться на получение каких-нибудь археологических подтверждений данного исторического факта.

Сказанное выше заставляет согласиться с точкой зрения, что проследить миграции по археологическим материалам – задача поистине огромная,

почти необъятная [Chapman, Nameraw, 1997, p. 6]. Сложность задачи, тем не менее, совсем не означает, что изучение миграций должно находиться на периферии современной археологической науки.

IV. Номады и оседлые народы

IV.1. Соперничество на поле боя

Выше уже неоднократно говорилось, что кочевники по причине своей военной силы и мобильности во все времена создавали очень большие проблемы для соседних оседлых народов и государств постоянными набегами или даже масштабными завоеваниями. Оценивая такое положение следует сразу же решительно отказаться от бытующего представления, что победы кочевнических армий достигались их подавляющим численным перевесом. Факты говорят как раз об обратном. Даже успех татаро-монголов крылся совсем не в сверхмногочисленности их войск [Lattimore, 1962, p. 142; Barfield, 2002, p. 16-17]⁸. Дело здесь в ином, и, прежде всего, в том, что культура кочевников известной степени вообще носит милитаризированный характер. Можно полагать, что эта особенность возникла изначально, с момента сложения кочевничества как особого хозяйственно-культурного типа, во всяком случае, уже у скифов труд воина, как свидетельствует Геродот, почитался выше всего, считался благородным [Herod. II. 167; ср.: Amm. Marc. XXXI. 2. 22]. Более того, по существующим у кочевников представлениям очень высоко ценилась смерть в бою [Материалы по истории, 1984, с. 64]. В «Сокровенном сказании монголов» [§ 190] по этому поводу говорится:

«Разве не лучше для воина-мужа

В битве погибнуть и кости сложить свои

Рядом с сайдаком и луком своим?»

(перев. С.А. Козина)

Постоянная готовность к защите своих стад и кочевий от нападений противника или, наоборот, к набегам на соседние земли – специфические особенности жизнедеятельности кочевых обществ [см., например: Абрамзон, 1951, с. 137; Потапов, 1954, с. 79, 82; Толыбеков, 1955, с. 77; Грязнов, 1955, с. 21; Хазанов, 1973б, с. 7; Клейн, 1980, с. 33-34; Марков, 1980, с. 22; Кшибеков, 1984, с. 33; Таскин, 1984, с. 28; Худяков, 1985, с. 107; Крадин, 1991, с.305; 1992, с. 62-64, 158; 1993, с. 197; 1995а, с. 166; Lattimore, 1951, p. 64-65; Khazanov, 1984, p. 222; Gribb, 1993, p. 59; но ср.: Златкин, 1973, с. 70]. Развитие военной организации у кочевников, как справедливо отметил В.М. Массон, «по суще-

⁸ Выше говорилось (глава 3.2), что порой численность армии Батая, двинувшейся в Восточную Европу, сильно преувеличивалась, наиболее приемлемой представляется цифра в 120-140 тыс. воинов. Л.Н. Гумилев, правда, полагал, что она достигала всего 30 тыс. [Гумилев, 1992, с. 518], но с его доводами невозможно согласиться.

ству органически вошло в образ жизни» [Массон, 1989, с. 88], а война, как считают некоторые исследователи, стала для них своего рода промыслом [Потапов, 1954, с. 82; Клейн, 1980, с. 34].

Кочевническая экономика, в принципе, обеспечивала прекрасную основу для проведения стремительных походов – стада выносливых, неприхотливых и прекрасно подчиняющихся человеку лошадей. Не может быть ни малейшего сомнения также и в том, что боевые качества конников-номадов, так сказать, родившихся в седле и с детства привыкших стрелять из лука, сражаться копьем и т.д., следует признать очень высокими [Айонс, 2002, с. 99 сл.]. Отряды таких воинов, имеющих достаточное количество запасных (заводных) коней, в самые краткие сроки могли преодолеть большие расстояния и нанести удар по противнику в самом уязвимом месте и в самое неожиданное для него время. Не удивительно, что именно фигура воина-всадника стала символом степного номадизма, метафорой той необузданной силы, которая время от времени обрушивалась на мир оседлой цивилизации [Barfield, 1992, p. 21].

Выработанные в кочевнической среде приемы ведения боя, в частности, знаменитый «парфянский выстрел», когда конники, отступая от противника, вели интенсивную стрельбу из луков назад, как и некоторые другие их изобретения на этом поприще были непривычны для войск земледельцев. Создавая видимость отступления, кочевники наносили своим преследователям немалый урон, к тому же в нужный момент они могли повернуть назад и всей своей силой обрушиться на потерявшие строй, оторвавшиеся от основных сил отряды противника. Вообще тактические приемы проведения сражений, связанные с охватом конницей флангов неприятельской армии, заходом ей в тыл, с притворным отступлением, устройством засад и т.д., как правило, вели к одержанию победы номадами. В связи с этим следует напомнить сентенцию арабского мыслителя XIV в. Ибн Халдуна [см. о нем: Игнатенко, 1980; Бациева, 1982] о том, что в столкновении двух равных по численности армий преимущество будет на стороне той, в составе которой больше кочевников. Этот мыслитель, в частности, отмечал также, что «войску правителя более полезны те, кто ближе к бедуинской жизни и ее суровости, чем те, кто воспитан в условиях городской жизни» [Бациева, 1982, с. 352].

Необходимо признать, правда, что намного раньше арабского ученого сходная мысль была высказана древними греками. Геродот приписывал персидскому царю Киру слова, что «в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов». Далее Отец истории отметил, что персы прислушались к мнению своего вождя и «предпочли, сами владея скудной землей, властвовать [над другими народами], чем быть рабами на тучной равнине» [Herod. IX. 122; перев. Г.А. Стратановского]. Геродот

при этом специально обратил внимание, что часть персидских племен были кочевниками [Herod. I. 125].

Сложившаяся ситуация представляется несколько парадоксальной, поскольку экономическая и социальная отсталость кочевников по сравнению с оседлыми обществами оборачивалась их военным преимуществом [Хазанов, 2002, с. 44]⁹. Это военное преимущество номадов является одним из определяющих факторов истории в древности и средневековье, ситуация изменилась лишь в новое время с его революцией в области военного дела и вооружений. Крупный специалист в области изучения номунизма А.М. Хазанов справедливо указывает на то, что до этой революции оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников [Хазанов, 2002, с. 55; Khazanov, 1984, p. 222-223; ср. Дигар, 1989, с. 47; Крадин, 1993, с. 196; 1995а, с. 166; Першиц, 1994, с. 132; Lattimore, 1951, p. 333, 1962, p. 151; Clutton-Brock, 1992, p. 76]. Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номадов с таким расчетом, чтобы те защищали земельные территории от нападений других номадов [Khazanov, 1984, p. 263], но и такой заслон отнюдь не всегда был надежен [Lattimore, 1962, p. 147].

Никакие договоры и выплаты не гарантировали земледельцам полного спокойствия на границах их владений; нападения номадов, пусть в некрупных масштабах, все равно продолжались. Любопытно, что такую ситуацию описывают авторы, абсолютно различные по культуре и времени жизни: греческие мыслители, китайские хронисты, европейские путешественники. В своем диалоге «Токсарид или дружба» Лукиан Самосатский, древнегреческий писатель-сатирик (около 120–190 гг.), написал, что на территорию Боспорского государства нападение совершали отдельные отряды скифов, которые названы «разбойниками», так что за их действия остальные скифы ответственности не несли [Лус. Тох. 49]. В китайских источниках описывается аналогичная ситуация. Посланники императора задали вопрос шаньюю хуннов, почему вопреки имеющемуся договору на границы империи продолжаются нападения. Шаньюй в ответ на это заявил, что набеги производят «негодяи из народа», которые поступают подобно мятежникам в Китае [Бичурин, 1950а, с. 110]. Сравнивая своих «негодяев из народа» с китайскими мятежниками, он, конечно, указывал на то, что те не подчиняются центральной власти, а значит его вины в их действиях нет и быть не может. В значительно более позднее время Г. Боплан писал, что

⁹ В научной литературе тезис о военном преимуществе номадов над армиями оседлых обществ оспаривается редко [Asad, 1973, p. 71; ср.: Cole, 1981, p. 131-133]. Объяснение такой ситуации кроется, вероятно, не в стремлении сторонников этой концепции казаться оригинальными, а в ограниченности узко регионального взгляда на проблему.

весьма опасные набеги на соседей производятся «татарскою вольницею», обитавшей на Буджакской равнине между устьями Днестра и Дуная и не подчинявшейся ни хану крымскому, ни султану турецкому [Боплан, 1832, с. 53]. Такие «вольницы», надо полагать, существовали в степных анклавах всегда, что в значительной степени осложняло нормальное сосуществование кочевников с оседлыми обществами.

Некоторые советские исследователи полагали, что рядовые скотоводы отправлялись в поход по воле своих племенных вождей без особой охоты, чуть ли не насильно. Как писал А.М. Бернштам, воинская повинность для кочевников была своеобразной формой эксплуатации [Бернштам, 1946, с. 128; ср.: Кычанов, 1997, с. 297], или, по словам И.Я. Златкина, «тудящиеся-кочевники не были заинтересованы в войнах» [Златкин, 1973, с. 70]. Современные исследования демонстрируют противоположную ситуацию: для рядовых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддержать экономическую независимость и достойное существование, а для оседлых кочевников – достичь его. Рядовые кочевники порой даже оказывали давление на вождей, требуя от них организовать поход против кого-нибудь из соседей [Крадин, 1993, с. 202-203; 2002, с. 119].

Военная угроза со стороны кочевников для оседлых обществ и государств была, так сказать, постоянным фактором, и удар с их стороны мог быть нанесен в любое, самое неожиданное для земледельцев время¹⁰. Чрезвычайно показательным в этом отношении является суждение церковного писателя XII в. Евстафия Солунского о набегах половцев на византийские земли. Этих кочевников он называл народом скифским и писал о нем: «В одно и то же время он близок и уже далеко отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз» [см.: Васильевский, 1872, с. 120]. Подготовиться и достойно встретить столь подвижного врага было почти невозможно.

По этой причине кочевники, угрожая нападением, часто шантажировали своих соседей, требовали у них выплаты «обычной» дани или же откровенно вымогали сверхординарные «подарки» и пр. Надо признать, что оседлые государства очень часто шли на такие выплаты, поскольку были не в состоянии эффективно противостоять неожиданным ударам кочевников. Даже могучий Китай, как уже частично говорилось выше, вынужден был проводить именно такую политику. Т. Барфилд в связи с этим заметил, что, в принципе, китайцы могли придерживаться по отношению к степнякам трех вариантов поведения [Barfield, 2001, p. 16]:

¹⁰ Для понимания особенностей грабительских походов кочевников против оседлых обществ важное значение имеют рассказы европейцев о Крымском ханстве [см.: Боплан, 1823, с. 43-44, 47-58; Де-Люк, 1879, с. 480-481; Д'Асколи, 1902, с. 123-124; Литвин, 1994, с. 65-66]. Все они, в общем, солидарны в том, что татар можно было бы отразить, «если бы не их уловки, хитрость и коварство» [Литвин, 1994, с. 68].

1. Укреплять границы и игнорировать требования номадов.
2. Атаковать кочевников в открытой степи.
3. Замирить номадов с помощью договоров, обеспечивающих для них поступление крупных субсидий и открытие пограничной торговли.

Каждый из этих трех вариантов имел свои плюсы и минусы, тем не менее, китайцы, обладая людским и экономическим потенциалом, намного превосходящим кочевников, имея хорошо оснащенную, многочисленную армию и т.п., вынуждены были предпочитать именно третий и, казалось бы, самый дорогостоящий, не выгодный для себя вариант. Однако большая война со степняками стоила еще дороже, поскольку требовала огромных армий, введения новых налогов и т.д. [Barfield, 2001, p. 17], к тому же она совсем не гарантировала безусловной победы над врагом. По мнению В.Г. Григорьева удача в таких войнах могла быть достигнута в двух случаях: во-первых, когда кочевники страдали от неблагоприятных условий (бескормица, падеж скота и пр), а во-вторых, когда союзниками земледельцев или руководителями их войск выступали сами кочевники, точнее те их группировки, которые были враждебны противникам земледельцев [Григорьев, 1875, с. 22-23]. Это мнение уважаемого исследователя, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания.

Нет сомнения, что относительно долговременный успех Китая могла бы гарантировать молниеносная победоносная война, но достичь такого результата было чрезвычайно трудно. Дело в том, что кочевники могли просто уклониться от боевых действий, отойдя от границ империи в глубь степи [Lattimore, 1962, p. 147], обрекая армию вторжения на мучительные, смертельно опасные блуждания по незнакомой территории. Типичный сценарий такой войны с плачевным результатом для нападающей стороны, как хорошо известно, описан еще Геродотом в истории похода персидского царя Дария против скифов Северного Причерноморья [Herod. IV. 83-143; о нем см.: Мазетти, 1982; Черненко, 1984а; Эдаков, 1986; Полин, 1994; Алексеев, 2003, с. 162; Красножон, 2006; Sahbazi, 1982; Gardiner-Gerdner, 1987]. Отец истории описал также поход Кира против среднеазиатских кочевников (массагетов), который закончился разгромом персидской армии и гибелью царя [Herod. I. 201, 205-214; о нем см.: Пьянков, 1964; Дандамаев, 1985, с. 52-55; История Древнего Востока, 2004, с. 734-737]. Не менее печальная судьба ожидала в 331 или 330 г. до н.э. Зопириона, полководца Александра Македонского, о походе которого в Скифию и об осаде им Ольвии сохранились краткие сведения у древних авторов [Just. XII. 2. 16; Macrob. Saturn. I. 11. 32; Oros. IV. 19. 4; Curt. X. 1. 43-44]. В «Эпитоме сочинений Помпея Трога», составленной Юстином, говорится, что он погиб здесь вместе со всей армией [Just. XII. 2. 16]. Современные исследователи трактуют обстоятельства этого похода по-разному [см.: Доманский, 1985; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 150 сл.; Гаврилюк, Черненко, 1991; Самойлова, 1993; Алексеев, 2003, с. 243-245], однако, слава победы над Зопирионом, как правило, связывается со скифами. О трудностях войн с кочевниками, как уже говорилось,

свидетельствует история Китая и, разумеется, весь опыт борьбы России с Крымским ханством вплоть до XVIII в. [Полин, 1994, с. 89-92].

Важнейший принцип китайской политики по отношению кномадам хорошо сформулирован в одном документе, датированном 140 г. В нем говорится: «Срединное государство спокойно и давно уже не знает войны. Противопоставив неприятелю лучшую конницу в поле, под тучею стрел решать победу – вот в чем в настоящее время состоит *преимущество кочевых иноземцев, а слабость Срединного государства* (выделено мною – Ю.В.). С тугим самострелом сидя на городской стене или в крепком окопе, упорно держаться и выжидать, пока неприятель ослабнет – вот в чем состоит *преимущество Срединного государства, а слабость кочевых иноземцев* (выделено мною – Ю.В.). Надобно более стараться о том, в чем преим�ществуем, и смотреть на последствия; установить подкупы, открыть награды и обнародовать это для раскаивающихся...» [Бичурин, 1950а, с. 135].

В приведенном документе, как видим, основной упор в противостоянии номадам делается на надежность крепостных стен и на систему подкупа кочевой аристократии. С последним тезисом все понятно, и особые сомнения в необходимости коррумпирования потенциального врага вряд ли могут возникнуть. Столь же бесспорен и второй тезис, хотя всем известно, что абсолютно неприступных крепостей не существует, любая из них может быть захвачена тем или иным способом, но для этого нападающая сторона должна иметь большой практический опыт, набор осадных машин и т.п. Понятно, что и номады могли захватить хорошо укрепленные города неожиданным ударом, когда, к примеру, стража не успевала закрыть городские ворота; русские летописи называли такие нападения «изъездом» [Кучера, 1987, с. 171]. Если же такого не происходило и защитники города проявляли должную волю к противостоянию врагу, то кочевники приступали к пассивной осаде, перекрывая все пути, связывавшие город с внешним миром; опять же следуя русским летописям, такой способ действий можно назвать «обложением» [Кучера, 1987, с. 171]. Как показывают многочисленные исторические факты, номады не умели вести правильную осаду и штурм крепостей. В случае, если к защитникам города подходили крупные подкрепления, отряды кочевников немедленно отступали.

В.В. Каргалов, на мой взгляд, сильно преувеличил реальное положение дел, когда, описывая вторжение гуннов на запад, отметил, что стены европейских городов не выдержали ударов гуннских стенобитных орудий [Каргалов, 1967, с. 7]. На самом раннем этапе своего пребывания в Европе эти кочевники предпочитали преодолевать вражеские укрепления за счет неожиданных стремительных ударов [Никоноров, 2002а, с. 275]. Аммиан Марцеллин даже отметил, что никогда не приходилось видеть, чтобы гунны штурмовали укрепления [Amm. Marc. XXXI. 2.8]. При Атиле, однако, от их нападений уже не могли устоять никакие оборонительные сооружения [Iord. Get. 210], и это

следует связывать с тем, что царь гуннов активно использовал на своей службе пленных и дезертировавших к нему римских военных специалистов [Никоноров, 2002а, с. 248, 276]¹¹. Арабы, по мнению Н.В. Пигулевской, вообще не могли брать обнесённые неприступными стенами города Месопотамии и Сирии, более того, они даже были не в силах справиться с самыми невысокими оборонительными стенами [Пигулевская, 1964, с. 225], что, впрочем, не помешало им провести грандиозные завоевания.

Татаро-монголы до покорения Китая тоже не умели штурмовать города и не имели для этого специальных орудий [Вернадский, 1997, с. 41]. Правда, позднее они с успехом применяли такие орудия: катапульты, тараны, зажигательные снаряды с нефтью и пр. [Рашид ад-Дин, 1946, с. 42-43, 49, 55-57; 1952, с. 201-202, 216, 224; Шихаб ад-Дин, 1996, с. 94], что в немалой степени облегчило для них борьбу с земледельческими государствами. Осадные машины при этом использовались монголами весьма искусно: при необходимости камнеметы усанавливались на корабли [Рашид ад-Дин, 1946, с. 42], в случае отсутствия камней для катапульт рубились и распиливались большие деревья [Раши ад-Дин, 1946, с. 42; 1952, с. 215]. Последнее свидетельство может показаться несколько фантастическим, поскольку на первый взгляд представляется почти бесспорным, что деревянные метательные снаряды не представляют угрозы для мощных городских укреплений. Однако в действительности все было не так просто. Шихаб ад-Дин, рассказывая об осаде Хорезма, сообщает: «Когда они (татары – Ю.В.) увидели, что в Хорезме и его области нет камней для катапульт, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивать их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татары] заменили ими камни для катапульт» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 131-132; перев. З.М. Буниятова].

Оценивая эти факты, следует признать, что большой опыт в осадных технологиях накапливался монголами постепенно, по мере боевых действий против оседлых государств [Храпачевский, 2004, с. 211-212]. Не совсем правильно при этом считать, что татаро-монголы просто научились у китайцев, переняли у них приемы осады городов [см.: Каргалов, 1967, с. 77]. Почти нет сомнений, что осадные орудия приводили в действие не воины-кочевники, а китайские, иранские и пр. специалисты. В летописи Рашид ад-Дина говорится, что в Китай для этого посылали гонцов с требованием доставить необходимое число «камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков» [Рашид ад-Дин, 1946, с. 23]. Весьма любопытны также свидетельства Шихаб ад-Дина о боевых действиях в Хорасане. По его словам, всякий раз,

¹¹ В любом правиле, как известно, имеются исключения [см.: Артамонов, 2002 г., с. 95; Никоноров, 2002а, с. 275-276, прим. 77], но они не отменяют самого правила.

когда татарский отряд нападал на какую-нибудь местность, «он собирал людей из окрестных деревень и двигался с ним к городу, где их силами ставили катапульты и пробивали бреши в стенах, пока не овладевали городом» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 92; перев. З.М. Бунятова]. У этого автора находим также рассказ о перебежавшем к татарам хорасанце Хабаше, которого те «поставили во главе вероотступников и поручили ему установку катапульт и управление пехотинцами» [Шихаб ад-Дин, 1996, с. 93; перев. З.М. Бунятова].

Несмотря на великолепную оснащенность своего войска, татаро-монголы прекрасно понимали сложность проведения военных кампаний, связанных с осадой городов, и часто приказывали побежденным срывать крепостные стены [Рашид ад-Дин, 1946, с. 29, 34, 39, 47]¹². Марко Поло, путешествуя по Китаю, заметил, что монголы запретили тамошним городам иметь оборонительные стены [Марко Поло, 1956, с. 280]. Католический монах Юлиан, очевидец татаро-монгольского вторжения в Европу, считал характерной для них чертой ведения войны то, что «на укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок» [Аннинский, 1940, с. 88], но это свидетельство, в чем-то схожее с рассказами Шихаб ад-Дина, отражает несколько иной аспект данной проблемы.

Типичным способом защиты земледельческих народов от нападений кочевников было возведение всякого рода стен и валов, отсекающих пути нападения номадов на жизненно важные центры земледельческих государств. В качестве примеров такой практики можно привести Великую Китайскую стену, Дербент, русские засеки и т.д. [Григорьев, 1875, с. 19]¹³. В отношении Руси в этот список следует добавить так называемые Змиевы валы, возведенные в Среднем Поднепровье, как считается, в конце X – первой половине XI вв. Они располагались своего рода лабиринтом на наиболее опасном киевском направлении и, по заключению М.П. Кучеры, были «серьезным препятствием, широким фронтом перекрывавшим пути для проникновения подвижной легкой конницы» [Кучера, 1987, с. 171; ср.: Михайлова, 2006, с. 67]. По мнению исследователей, Змиевы валы были не только защитой от конных отрядов кочевников, но и препятствием для прогона их стад, не дававшим возможности расширить кочевья на север [Кучера, 1987, с. 185; Толочко, 1999, с. 67].

¹² Такая практика, впрочем, была характерна не только для кочевников. История Древней Греции тоже дает немало подобных примеров [см.: Thukid. III. 50. 1; IV. 51. 1; V. 83.2; Plut. Alk. 37; Plut. Lis. 14-15].

¹³ О древности такой практики можно судить из рассказа Геродота о возвращении скифов из Азии в Северное Причерноморье и об их борьбе с потомками «слепых рабов» [Herod. IV. 3]. Последние, как известно, вырыли широкий ров (τάφος) от Таврских (Крымских) гор до Мелитийского озера (Азовского моря), т.е. отсекали Восточный Крым. Отец истории писал только о рве, но, разумеется, трудно представить, чтобы добытая при этом земля не была использована для сооружения вала.

Любопытно, что и сами кочевники использовали этот же способ защиты при войнах со своими соплеменниками. К примеру, когда у татаро-монголов разгорелась борьба между Хулагидами и Джучидами, хан Абака приказал построить вал и вырыть глубокий ров с северной стороны от Куры. Для защиты этих укреплений от нападений золотоордынских войск был выделен специальный отряд [Тизенгаузен, 1884, с. 204; 1941, с. 76, 82; Рашид ад-Дин, 1960, с. 68; см.: Закиров, 1966, с. 16].

Достаточно обычной практикой следует признать также расселение части кочевников на границах земледельческих государств. Им, естественно, вменялась в обязанность охрана и защита этих рубежей от степняков. Хороший пример такого рода из истории Византийской империи представляет акция Константина Мономаха, который попытался расселить печенегов на землях к западу от Дуная, имея надежду использовать печенежскую конницу в борьбе против турок-сельджуков. В.Г. Васильевский по этому поводу заметил: «Печенеги, живя среди болгарского населения под управлением своих родовых князей, признавая в то же время верховные права империи, не могли, конечно, сделаться вдруг оседлыми и спокойными подданными. Время от времени их бродячие шайки пускались грабить своих соседей и не церемонились выходить за границы земель, им указанных для кочевий» [Васильевский, 1872, с. 137].

Сходный опыт в истории Киевской Руси представляют «свои поганые»: торки, берендеи и др., объединившиеся в союз «Черных клобуков» [о них см.: Плетнева, 1958, с. 218-219; 1973; Михайлова, 2006, с. 74, 79-83]. Расселенные в южнорусском пограничье, они, однако, были не очень надежными подданными. Русские князья стремились к их безусловному подчинению, те же всеми силами пытались сохранить свою независимость или федеративную форму взаимоотношений. На этой почве неоднократно возникали конфликты [Толочко, 1999, с. 81, 84].

О том же самом свидетельствует история взаимодействий Китая с вассальными объединениями кочевых племен. В исторической перспективе такие взаимоотношения никогда не были особенно эффективными [Lattimore, 1951, p. 79]. Жесткий контроль подвижного мира кочевых племен вряд ли был по силам даже могучей Китайской империи, а вмешательство в их споры и междоусобицы вообще могло привести к краху всей системы вассальных отношений. В общем, «пограничные люди» были готовы принять формальную сторону подчинения земледельческим государствам, но его содержание было для них абсолютно чуждо. Не удивительно по этой причине, что в глазах земледельцев они всегда сохраняли репутацию дерзких и коварных варваров [Barfield, 1992, p. 3].

О больших проблемах, с которыми сталкивались армии оседлых государств в борьбе со степняками уже говорилось выше. Тем не менее С.А. Плетнева в истории средневековой Руси сумела указать на ряд удачных военных акций против половцев [Плетнева, 1981, с. 58; 1982, с. 30, 57-58; ср.: Толочко, 1987, с. 163; 1999, с. 112; Михайлова, 2006, с. 103-104]. По ее мнению, это

могло иметь место лишь тогда, когда русским князьям стали хорошо известны маршруты сезонных перекочевок номадов, районы их зимних пастбищ и т.д. Успех походов в глубь степей обеспечивал то, что удары наносились весной, когда кочевники еще не оправились от тяжелой для скотоводов зимы, когда их стада были отягчены молодняком, т.е. когда номады теряли свою подвижность¹⁴. Признавая справедливость выводов авторитетной исследовательницы, следует еще раз подчеркнуть, что такие походы без знания районов зимних пастбищ номадов вряд ли имели особые шансы на успех. Впрочем, задолго до С.А. Плетневой, еще во второй половине XIX в., к сходному выводу пришел М.А. Терентьев, оценивавший современные для него результаты российского проникновения в Среднюю Азию. Один из важнейших выводов, связанных с этим проникновением, сводится к тому, что «ни султаны правители, ни летучие отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатия, ни сила – ничто не в состоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках» [Терентьев, 1875, с. 13].

Подводя итог сказанному, следует признать, что для противостояния натиску из степей оседлые народы и государства вынуждены были напрягать все свои силы, используя как военные, так и дипломатические факторы, активно подкупая кочевую аристократию, переманивая часть номадов на свою сторону и т.д. Военное противостояние, однако, не исчерпывает всего спектра взаимоотношений двух миров, и представление об истории кочевников как о серии бесконечных войн и перемещений из одной области в другую [Лашук, 1973, с. 88], в общем, несколько преувеличено. Войны сменялись периодами относительного затишья [Марков, 1981, с. 86]. Выше говорилось, что период «завоевания родины» у номадов сменялся относительно стабильным и в плане взаимоотношений с оседлыми земледельческими народами сравнительно конструктивным этапом. Тогда чрезвычайно важную роль начинали играть мирные экономические связи, они, однако, отличались значительным своеобразием.

IV.2. Номады и земледельцы в мирной обстановке

Периоды замирения степи ни в коем случае нельзя признать ни абсолютно спокойными, ни слишком продолжительными. Даже если между номадами и земледельческими государствами имелись соответствующие договоры о размерах дани, количестве и качестве подарков, поставляемых в ставки владык степей, и т.д., напряжение могло возникнуть в любой момент. Один из хуннских вождей, к примеру, угрожал китайцам, что в случае недостаточности или дурного качества этих подарков, на них осенью

¹⁴ Оптимальным временем для походов кочевников против земледельцев была, конечно, осень. Тогда труды животноводческого цикла в значительной степени были закончены, кони были сильны, а земледельцы уже убрали свои поля, и у них было чем поживиться [Barfield, 1992, p. 24].

будет послана конница «потоптать хлеб на корню» [Бичурин, 1950а, с. 59]. Этот пример с полной наглядностью доказывает, что подарки играли важную роль для предотвращения ненужных земледельцам войн.

В отношении подарков необходимо добавить несколько слов, поскольку они являлись характерной и даже универсальной формой обмена в архаических обществах [см.: Мосс, 1996, с. 83 сл.]. С формальной стороны этот обмен состоял из трех элементов: давать – брать – возвращать, при этом компенсирующий дар (возвращение) был весьма и весьма важен. Поскольку в даре была заложена, как тогда считалось, магическая сила дарителя, то «отдарок» был абсолютно необходим, при этом он должен был быть, по меньшей мере, равноценным подарку. Отсутствие или неполнота возврата ставила получателя в зависимое положение по отношению к дарителю, это могло привести к возникновению враждебности и даже войнам. Есть все основания считать, что система «подарок-отдарок» являлась целостным социальным феноменом, благодаря которой сохранялся мир, достигались взаимоотношения дружбы и солидарности [Кривошеев, 2006, с. 179-180]¹⁵.

Важным регулятором взаимоотношений мира цивилизации и мира степных кочевников, разумеется, был институт династических браков. Выше уже говорилось (см. главу 2.1), что к владыкам номадов направлялись китайские принцессы различных уровней их сложной иерархической лестницы [Бичурин, 1950а, с. 52, 69, 76; 1950б, с. 157; Материалы по истории, 1984, с. 288]. Такая практика, разумеется, была характерна не только для взаимоотношений хуннов и китайцев.

Еще одним регулятором взаимоотношений двух миров, призванным обеспечить спокойствие на границах, несомненно, был институт заложничества. Опасаясь беспокойных соседей, земледельцы, вероятнее всего, специально оговаривали положение, при котором к ним «на воспитание» присылались сыновья вождей номадов. По этой причине не удивительно, что к двору императоров Поднебесной неоднократно посылались сыновья вождей хуннов [Бичурин, 1950а, с. 69, 99, 132]. Как можно полагать, это был старший сын, наследовавший престол. В китайских хрониках имеется сообщение о том, что после смерти шаньюя император отпустил заложника в орду, но на смену ему был послан другой, так что братья встретились по дороге [Бичурин, 1950а, с. 119].

¹⁵ Весьма показателен в этом отношении разговор, состоявшийся между китайским императором Гао-цзы (471-499 гг.) и его посланником кномадам. Чиновник заметил, что варвары вели себя очень неучтиво и по этой причине надо бы отказаться от их подарков. Император в ответ на это сказал: «Подношение предметов, выращенных на поросших травой землях, – постоянное правило для наших слуг. Отказаться от его подношений – значит оттолкнуть его от себя. Тогда, если бы он захотел исправиться, дорога к этому для него была бы закрыта» [Материалы по истории, 1984, с. 225; перев. В.С. Таскина]. По той же самой причине некоторые варварские вожди, совершившие неуродные для Поднебесной деяния, порицались, но все-таки получали обычные дары, к примеру, 120 кусков шелковых тканей [Там же].

Отвлечемся, однако, от этих аспектов сосуществования двух миров и обратимся к более фундаментальным проблемам экономических взаимоотношений. «Пусть ваши овцы будут жирными!», – так звучит традиционное приветствие скотоводов Монголии, уходящее корнями в глубокую древность [Жуковская, 1990, с. 10]. Это не удивительно, поскольку главное богатство кочевников Евразийских степей всегда заключалось в их стадах, прежде всего, в конях и мелком рогатом скоте [Потапов, 1954, с. 72; Марков, 1976, с. 282; Барфилд, 2002, с. 60-61; Lattimore, 1951, p. 73ff.; Gribb, 1993, p. 34-37]. Со своими стадами они могли передвигаться по маршрутам сезонных перекочевок из района летовок в районы зимников и обратно, при этом амплитуда кочевания, т.е. расстояние между двумя крайними точками, могла сильно варьировать в зависимости от местных условий, достигая 1000 км [Народы Средней Азии и Казахстана, 1963, с. 354; Марков, 1976, с. 209, 283; Масанов, 1989, с. 73; Khazanov, 1984, p. 52]. Такую систему подвижного скотоводства, в принципе, можно трактовать как оптимальную форму экономического освоения зоны степей и полупустынь с их высокопродуктивными кормовыми угодьями [Массон, 1989, с. 85]. Следует особо подчеркнуть, что в обычной обстановке маршруты передвижения кочевников были строго определены, пользование пастбищами и источниками воды регламентировано [Владимирцов, 1934, с. 42-43; Федоров-Давыдов, 1966, с. 196-197; 1976, с. 41-42; Ванштейн, 1972, с. 57; Марков, 1976, с. 74, 86; Кшибеков, 1984, с. 94-95; Оразов, 1985, с. 103-105; Таиров, 1993, с. 4; Барфилд, 2002, с. 62-64; Khazanov, 1984, p. 38, 50-51; Barfield, 1992, p. 22]. Г. де Рубрук писал о татаро-монголах, что «всякий (их) начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весной и осенью» [Гильом де Рубрук, 1993, с. 79]. Такое положение, конечно, было характерно для всех кочевых народов, в противном случае в системе кочевого скотоводства воцарился бы полный хаос [Шахматов, 1964, с. 33].

Кочевая экономика, однако, никогда не могла быть самодостаточной, автаркичной, и по этой причине номады стремились всеми возможными способами добыть дополнительные средства к существованию. Даже при нормальном функционировании кочевой экономики многое зависело от других, главным образом, оседлых обществ, которые, по выражению А.М. Хазанова, создавали своего рода «гарантийный фонд», необходимый для жизнеобеспечения номадов [Хазанов, 2002, с. 39, 41]. Дополнительные средства могли быть получены различными путями: обмен с земледельцами, участие в международной торговле (сопровождение караванов и пр.), наемничество и т.д. [Крадин, 1991, с. 304; 1992, с. 60-61; 1995а, с. 174; Хазанов, 2002, с. 44; Khazanov, 1984, p. 224-226]. О грабительских набегах, обложении земледельцев данью, вымогании у них «подарков», а также о завоеваниях и прямом подчинении оседлых народов уже было сказано выше.

Говоря о различиях культурно-хозяйственных типов кочевых скотоводов и пашенных земледельцев, следует еще раз подчеркнуть, что первые в отличие от последних не могли жить замкнутым обществом, поскольку всегда нуждались в ремесленной и земледельческой продукции. Естественно, все это кочевники могли взять, так сказать, «по праву», то есть путем откровенного насилия, но, если соотношение сил было не на их стороне, то тогда включались механизмы торгового обмена. В подтверждение такого положения приведу некоторые наблюдения специалистов. В отношении монголов Б.Я. Владимирцов подчеркивал, что из насущных предметов им недоставало «муки, оружия, а затем всяких «предметов роскоши», прежде всего тканей» [Владимирцов, 1934, с. 43]. Венгерский этнограф А. Рона-Таш отмечал: «Кочевое общество с его экстенсивным скотоводческим хозяйством не могло обеспечить себя всеми предметами повседневного обихода» [Рона-Таш, 1964, с. 27-28]. Это толкало кочевников к торговым связям с земледельцами, при этом, наряду с продуктами земледелия, «кочевники увозили с собой предметы роскоши, ткани, ювелирные изделия, оставляя взамен скот, меха, кожи и другую продукцию» [Рона-Таш, 1964, с. 28]. Т.А. Жданко также считает, что «кочевники не могли существовать без продукции земледелия и ремесла и регулярно обменивали скот, кожу, шерсть на хлеб и ремесленные изделия» [Жданко, 1968, с. 278]. И.Я. Златкин даже полагал, что «на всем протяжении евразийских степей кочевое скотоводство приобретало характер устойчивого и развивающегося производства в тех случаях, когда оно находило там рынок сбыта для излишков и источник снабжения продуктами оседлых земледельцев и ремесленников» [Златкин, 1973, с. 69]. Такое положение нашло отражение даже в таджикской народной пословице, на которую обратил внимание академик В.В. Бартольд, – «нет турка (кочевника – Ю.В.) без таджика (земледельца – Ю.В.)» [Бартольд, 1963, с. 460]. Со всем не исключено, что в данном случае он опирался на изречение Махмуда Кашгари, тюркоязычного автора XI в., которое гласит: «Нет тюрка без тата (таджика), нет шапки без головы» [Махмуд Кашгари, 1963, с. 454].

Количество подобных примеров можно было бы расширить практически безгранично [см.: Эфендиев, Першиц, 1955, с. 65, 71; Якубов, 1977, с. 128; Мавродина, 1983, с. 8; Кшибеков, 1984, с. 74; Артамонов, 2002², с. 109-110; Khazanov, 1984, p. 82, 202]. Все они убеждают нас в том, что кочевники в силу специфики их хозяйственной системы были заинтересованы в торговле с земледельцами, легко вступали в контакт с ними, подчас отстаивая свое право на торговый обмен силой оружия.

Есть все основания считать, что кочевники были заинтересованы в торговле с земледельцами больше, чем те в торговле с кочевниками [Жданко, 1973, с. 278; Хазанов, 1973а, с. 9; 1973б, с. 10-11; 2002, с. 43; Крадин, 1992, с. 60; 1995а, с. 170; Lattimore, 1951, р. 69; Khazanov, 1984, р. 82, 202], при этом необходимо особо подчеркнуть, что для кочевников торговля была нужна

не ради получения коммерческой выгоды, а ради самого их существования [Khazanov, 1984, p. 212]. Такое положение стало одной из причин того, что культурное различие в мире кочевников, по мнению Т. Барфилда, во многом определялось тем обстоятельством, какой центр оседлых цивилизаций являлся для них основным партнером: Китай, Иран или Европа [Barfield, 1992, p. 20].

Еще раз возвращаясь к Китаю, следует признать, что эта империя в идеале вполне могла быть автаркичной, однако торговля со степью здесь существовала почти всегда и запрещалась лишь периодически. Эта торговля была явно направлена не на получение каких-то крупных экономических выгод для китайцев, а на замирение опасных соседей [Barfield, 2001, p. 201]. О. Латтимор называл ее *gift-trade*, считая, что она была политическим, а не экономическим фактором [Lattimore, 1962, p. 483; ср. Khazanov, 1984, p. 206].

Понимание экономических связей кочевников с земледельцами, как видим, сопряжено с целым рядом очень непростых проблем. В научной литературе они, однако, порой стали трактоваться в сугубо функциональном аспекте. Ж.-П. Дигар, к примеру, рассматривает взаимодействие кочевых и оседлых народов в экономической сфере как форму производственной специализации, хотя участники этого взаимодействия, по его мнению, не могли в равной степени получать выгоды от сотрудничества [Дигар, 1989, с. 42]. Сходным образом понимает эту проблему Б.В. Андрианов, он пишет: «Между зоной кочевников и оседлых земледельцев устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политического и культурного взаимодействия...» [Андрианов, 1989, с. 20]. Г.Е. Арешян также склонен говорить о роли кочевников в межэтническом разделении труда [1989, с. 23]. Наметилась даже тенденция рассматривать кочевников и оседлых земледельцев как своего рода полярные комплиментарные оппозиции [Mohammed, 1973, p. 97 ff.], как «сектора» единой экономики [Barth, 1973, p. 12; Swidder, 1973, p. 23 ff.] и т.п. Все эти разговоры о межэтническом разделении труда или своего рода трудовой кооперации между кочевниками и земледельцами, возможно, имеют смысл для отдельных ситуаций в конкретных районах, но в общеисторическом плане для пояса Евразийских степей они вряд ли хоть сколько-нибудь продуктивны.

Дело в том, что оседлый крестьянин, как писал В.В. Радлов, незащищен перед кочевником [Радлов, 1998, с. 341]. При конфликтах внутри кочевых сообществ, угоне скота и т.п. кочевники могли выследить обидчиков, собрать необходимые силы и защитить свои права, а вот у крестьян в подобном конфликте с подвижными скотоводами это вряд ли получалось. По этой причине «среди оседлого населения кочевники слывут разбойниками и ворами и считаются нежелательными соседями» [Радлов, 1998, с. 341]. Ситуация, описанная В.В. Радловым, представляется достаточно типичной, а значит о «полярной комплиментарности» при таком положении можно предполагать лишь с очень большой натяжкой. В этом плане большего внимания заслуживают идеи,

высказанные другими исследователями. С.А. Плетнева, к примеру, признавала возможность симбиоза между кочевническими и земледельческими обществами, но обоснованно считала, что этот симбиоз чаще всего был насильственным, и насилие при этом исходило со стороны кочевников [Плетнева, 1982, с. 27, 44, 69]. В.М. Массон также склоняется к мысли о взаимодействии, а не противопоставлении мира номадов и мира древних цивилизаций, но это взаимодействие, по его мнению, могло быть как конструктивным, так и деструктивным [Массон, 1989, с. 82]. Периоды относительно мирного сосуществования двух миров, как уже неоднократно говорилось выше, сменялись катастрофами, и для достижения хотя бы видимости взаимопонимания требовалось немалое время.

Конечно, кочевнические объединения нельзя считать сугубо грабительскими или хищническими. Между каждой крупной группой номадов и оседлым обществом (обществами) всегда существовал своего рода симбиоз, развитие которого могло варьировать в зависимости от интенсивности прямых и косвенных связей. Как справедливо заметил О. Латтимор, ни экономика, ни социальная структура, ни особенности политической истории номадов не могут быть адекватно оценены при игнорировании этого феномена [Lattimore, 1951, p. 334].

IV.3. Древние греки Северного Причерноморья и номады

Все вышесказанное позволяет сделать некоторые предварительные заключения о взаимодействии древних греков и кочевников в Северном Причерноморье. Уже говорилось, что греки-колонисты, основавшие свои апойкии на северном берегу Черного моря, столкнулись здесь с непривычным и во многом непонятным для себя миром степных кочевников. Сначала это были скифы, потом появились сираки, аорсы, языги, роксоланы, аланы и др. Несмотря на общеизвестность этого факта, своеобразие связей греческих колонистов с кочевниками никогда не было предметом специального научного рассмотрения. Более того, в современной научной литературе эта проблема часто понимается несколько прямолинейно, при этом порой даже не проводится различий между кочевниками и оседлыми земледельцами. В подтверждение этого приведу несколько примеров, характеризующих, так сказать, полярные ситуации во взаимоотношениях двух миров – военные набеги и мирную торговлю.

Прежде всего, необходимо с полной определенностью признать, что греческие колонии Северного Причерноморья всегда зависели от кочевников, в той или иной форме вынуждены были платить им дань, подносить подарки вождям и т.д. На мой взгляд, вполне типичная картина взаимоотношений со степняками обрисована Геродотом в рассказе о периодических приходах в Ольвию скифского царя Скила вместе с войском [Herod. IV. 78. 3; об этом см.: Хазанов, 1975, с. 234-237; Виноградов Ю.Г., 1980; 1989, с. 98 сл.; Кузнецова, 1984], сами эти приходы Ю.Г. Виноградов был склонен рассматривать как

обычай «кормления» войска [Виноградов Ю.Г., 1989, с. 104]. Столь же типичная ситуация отражена в декрете в честь Протогена, в котором, в частности, говорится о царе сайев Сайтафарне, донимавшем ольвиополитов своими поборами, откровенными вымогательствами и т.д. [IOSPE. I². 32; об этом см.: Латышев, 1887, с. 113 сл.; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 181-183; Виноградов, 1999, с. 70-75].

Все эти факты, однако, не позволяют делать более широких заключений. Среди последних следует привести гипотезу Р.Б. Исмагилова, посчитавшего, что Боспор со времени Спартокидов являлся типичным примером кочевой империи [Исмагилов, 1993, с. 64]. В рассуждениях этого исследователя очень нелегко понять, каким образом государство, бывшее в своей основе греческим и при Спартокидах ставшее греко-варварским, превратилось в кочевую империю. Выше говорилось, что кочевые империи, по большей мере, создавались в результате завоевания кочевниками обширных территорий, населенных оседлыми народами. В принципе, имеются все основания считать таковой Великую Скифию, сугубо априорно можно полагать даже, что Боспор мог быть ее частью. Однако о завоевании Боспора кочевыми скифами нам ничего неизвестно, государство управлялось своими архонтами/царями, с которыми скифы поддерживали тесные, союзнические отношения. Таким образом считать Боспорское государство империей или ее частью у нас нет решительно никаких оснований.

Неудивительно, что в истории взаимоотношений греческих государств северного Понта можно найти немало примеров, связанных с серьезными военными конфликтами с кочевниками. Кроме свидетельств письменной традиции, на это довольно четко могут указывать некоторые археологические данные: следы пожаров и разрушений на поселениях, запустение сельской округи городов, усиление фортификационного строительства, появление в некрополях погребений людей с признаками насильственной смерти (к примеру, с наконечниками стрел варварских типов, застрявших в костях) и т.д.

Некоторые исследователи при реконструкции военно-политической ситуации в окрестностях греческих государств, к примеру, Ольвии, порой указывают, что концентрация варварских курганов на границах государства может быть увязана с усилением военной напряженности [Марченко, 1980, с. 142, прим. 58; Виноградов Ю.Г., 1989, с. 107, прим. 114]. Другие авторы, наоборот, отрицают факт такой угрозы для греков со стороны кочевников по той причине, что в близлежащих степях отсутствуют варварские курганы рассматриваемого времени, а значит номады кочевали где-то далеко и не могли представлять особой опасности [Крапивина, 1993, с. 146; Масленников, 1996, с. 62-63]. На мой взгляд, все эти рассуждения в высшей степени сомнительны, ибо кочевники могли совершать нападения с весьма отдаленных территорий, и наличие или отсутствие их погребений поблизости от греческих городов вообще не может свидетельствовать о характере военно-политической ситуации в районе [ср.: Крыжицкий, 2002, с. 209].

В связи с этим можно указать на более отдаленную историческую параллель: Крымское ханство на протяжении веков совершало грабительские походы на Россию и Польшу, но погребений крымских татар в окрестностях Москвы для подтверждения или опровержения летописных сведений, как будто, никто до сих пор искать не пытался, да и делать этого не следует.

В приведенном перечне археологических признаков ухудшения военно-политической ситуации необходимо обратить особое внимание на запустение сельской территории в окрестностях греческих городов. Нет сомнения, что при нападениях неприятеля сельские поселения были намного более уязвимы, чем защищенные стенами города. Они в большом количестве возникали в благоприятной, мирной обстановке и исчезали при ее ухудшении. Не следует считать, конечно, что все они непременно сжигались нападающими; дело здесь не в отдельных военных акциях, а в масштабах военной угрозы, в той неблагоприятной военно-политической обстановке, которая складывалась в степях. Кардинальные перемены на сельской округе можно связывать только с очень серьезной, продолжительной угрозой для жизни на сельских поселениях, исходившей со стороны кочевников [ср.: Braund, 2007, p. 62, 71]. В этом плане огромный интерес представляют результаты изучения воздействия военного фактора на состояние сельского хозяйства Древней Греции. Всем известно, что войны и кровавые междоусобицы были постоянными спутниками древнегреческой истории, в такой обстановке жизнь за пределами укреплений, казалось бы, была абсолютно невозможной. Однако это не так, и В.Д. Хансон правильно указывает, что отдельные акции вражеских армий не могли сказаться на сельском хозяйстве катастрофическим образом. Даже регулярные вторжения на территорию Аттики спартанских войск во главе с Архидамом на первом этапе Пелопоннесской войны не разрушили полностью ее сельскохозяйственную структуру [Hanson, 1998, p. 15, 140; ср.: Foxhall, 1995, p. 134-135]. Ситуация становилась совсем другой, когда сельские территории страдали от продолжительной нестабильности, тяжелого налогообложения, грабежей, потерь рабочей силы и т.п. [Hanson, 1998, p. 16]. Для греческих колоний Северного Причерноморья ситуация такой продолжительной нестабильности, как представляется, наступала тогда, когда в степях региона очередная волна кочевников начинала завоевание своей новой родины¹⁶.

Есть все основания считать, что активное освоение сельскохозяйственных территорий, выражающееся в возникновении вдали от городов большого количества различного рода поселений, вело к увеличению количества товарного хлеба, находящегося в распоряжении земледельцев. Иными словами можно сказать, что стабильные мирные отношения с кочевниками имели

¹⁶ Подобная ситуация, разумеется, была характерна не только для античной эпохи. А.Л.Якобсон обоснованно указывал на связь истории раннесредневековых поселений Восточного Крыма с положением в степях [Якобсон, 1958, с. 497, 500].

своим результатом рост хлебного экспорта из греческих городов Северного Причерноморья. Невозможно в этом отношении согласиться с В.А. Кутайсовым, писавшим, что «любые неурядицы в Скифии создавали благоприятные условия для увеличения хлебного экспорта эллинов» [Кутайсов, 2002, с. 294]. Ситуация, скорее всего, была диаметрально противоположной.

Вновь возвращаясь к военному аспекту взаимоотношений греков с кочевниками, зададимся вопросом: каким образом они могли сохранить свои города-государства в обстановке периодически возникавшей нестабильности? Как представляется, нападениям варваров греки противостояли обычным для себя образом, защищая городские стены или же выступая за их пределы. Вряд ли можно сомневаться в том, что скифы или иные кочевые народы региона могли захватить укрепленные города неожиданным ударом, но столь же уверенно можно считать, что вести правильную осаду городов и штурмовать их они не умели и, вероятнее всего, так никогда и не научились. Такое положение, как говорилось выше, было типично и для кочевых народов других областей. По этой причине укрепления греческих городов, какими бы несовершенными они не казались нам поначалу, в принципе, давали надежную защиту для колонистов.

В связи с этим можно указать на то, что греческая фортификация Северного Причерноморья вообще отличается известной консервативностью, в ней почти не представлены передовые нововведения, характерные для крепостного строительства Средиземноморья (ворота сложной конструкции, рвы, протейхизмы и пр.), вплоть до времени Митридата Евпатора не имеется убедительных материалов об использовании каких-либо осадных механизмов и т.п. В.М. Иванов считает, что в таких нововведениях отсутствовала особая необходимость [Иванов, 2005, с. 21], и с ним вполне можно согласиться. Угроза для греков всегда исходила, в основном, от местных варварских племен, в первую очередь, от кочевников, не умевших вести правильную осаду и штурмовать городские укрепления. Как известно, развитие фортификации с одной стороны, и осадной техники – с другой, всегда находилось в состоянии взаимобусловленности. Прогресс в одной из составляющих вел к адекватному изменению в другой; на «вызов» находился «ответ». Складывается впечатление, что в античном Северном Причерноморье особых «вызовов» к совершенствованию фортификации долгое время не было. По всей видимости, именно этим следует объяснять столь явный консерватизм, отсутствие заметного прогресса в оборонительном строительстве местных городов V–II вв. до н.э.

В случае столкновений с неприятелем в открытом поле греки, конечно, строились фалангой [о ней см.: Андреев, 1993; Нефедкин, 2004; Lorimer, 1947; Detienne, 1968; Van Wees, 2000]. Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII в. до н.э., т.е. задолго до освоения греками северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок, состоящий из нескольких шеренг тяжеловооруженных пехотинцев. Недостатков у фаланги, конечно, было немало, но достоинства ее в сравнении с боевыми порядками

(точнее, отсутствием таковых) у потенциальных противников из среды варварского мира просто неоспоримы. Дело в том, что даже у великолепной скифской конницы тоже были свои слабые стороны. В высшей степени показательно, что Геродот, описывая войну скифов с Дарием, заметил, что скифы всегда побеждали персидскую конницу, но отступали перед пехотой, страшая ее [Herod. IV. 128]. Строй пехоты, ошетинившийся копьями, а позднее штыками, – почти непреодолимое препятствие для конницы. В этом отношении в полной мере можно согласиться со Страбоном, который, вероятно, не очень сильно преувеличивал, когда писал, что «против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бессильным» [Strab. VII. 3. 17; перев. В.В. Латышева].

Самоочевидно, что такой боевой порядок требует определенного минимума тяжеловооруженных воинов. Построение из двух-трех сотен гоплитов никак нельзя признать серьезной силой, а вот фаланга из 1.5-2 тыс. воинов, фланги которой прикрыты конницей, могла выглядеть достаточно грозно. На Боспоре, правда, ни один из греческих городов, скорее всего, не располагал таким военным потенциалом, но это могло предполагать кооперацию нескольких городов в обозначенной, жизненно важной сфере.

Почти нет сомнений, что нападения на греческие поселения Северного Причерноморья чаще совершали не крупные армии кочевников, а сравнительно небольшие отряды кочевников. Это особенно важно для правильного понимания начального периода греческой колонизации региона, поскольку малочисленные группы первых колонистов просто не сумели бы противостоять многочисленным варварским группировкам. Тактика действий таких небольших отрядов, скорее всего, сводилась к простой формуле: «Неожиданно нападать, грабить, убегать». В такой ситуации фаланга тяжеловооруженных воинов, конечно, малоэффективна, она, как представляется, вообще ничего не могла поделать против мобильных отрядов конницы, которые к тому же совсем не стремились вступить в сражение, а, напротив, уклонялись от него. Успешнее противостоять разбойникам могли столь же подвижные отряды греческой или союзной грекам конницы, которые были в состоянии встретить врага в открытом поле или хотя бы организовать его преследование. В греческом мире содержание боевого коня, приобретение всего необходимого снаряжения и вооружения, вне всяких сомнений, было делом весьма дорогостоящим, доступным лишь самым состоятельным людям, прежде всего, аристократии [Spence, 1993, p. 164 ff.]. В связи с этим вполне логичным представляется, что выходцы из знатных родов, обосновавшихся в колониях северного берега Понта, самым внимательным образом присматривались к вооружению и особенностям боевых действий конницы кочевников и, соответственно, воспринимали некоторые важные особенности военного опыта кочевников.

Существование в опасном окружении варварских племен вынуждало греков не только учиться вести боевые действия в условиях степных ландшафтов,

но и умению договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя (St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον).

В серьезных военных конфликтах греки обычно опирались на поддержку союзных варварских народов, в основном, кочевых [Polyaen. VI. 9. 4; Diod. XX. 22-24]. Такая поддержка, как представляется, обходилась для греков совсем не дешево, благорасположение варварской элиты можно было приобрести только с помощью очень дорогих подарков. По этой причине некоторые из драгоценных изделий греческих торевтов, обнаруженные в «царских» курганах Северного Причерноморья следует рассматривать как «дипломатические дары», служившие важным элементом регулирования отношений между античными центрами и варварским миром [Wells, 1980, p. 72, 77; Яковенко, 1985, с. 27; 1986, с. 51-52]. Выше говорилось о своеобразии обычая дарений в архаических обществах, о силе подаренной вещи, о достигаемой с помощью нее «духовной власти» дарителя и пр. [Мосс, 1996, с. 83]. Для античного общества все эти сюжеты остаются практически неисследованными, хотя важность их не вызывает сомнений. В связи с этим можно напомнить пассаж из «Никомаховой этики» Аристотеля, в котором рассказывается об одном щедром гражданине. По поводу его действий Аристотель отметил, что «подарки чем-то похожи на посвящения богам» [Arist. EN. 1123a 5; перев. Н.В. Брагинской].

Выше говорилось также, что важным инструментом регулирования взаимоотношений между земледельческими государствами и номадами являлась система династических браков. Любопытно в этом отношении, что скифский царь Скил, по сообщению Геродота, родился от женщины из греческого города Истрия [Herod. IV. 78. 1], хотя Отец истории о матери царя ничего более определенного не сообщил. Сведения о распространенности династических браков на Боспоре между Спартокидами и элитой варварских народов относятся к довольно позднему времени. Эпиграфические данные позволяют предполагать, что во второй четверти II в. до н.э. боспорская царица Комосария была замужем за Арготом [КБН. 75]. Аргот – это иранское аристократическое имя [Виноградов Ю.Г., 1980, с. 92 сл.], так что имеются веские основания считать, что Комосария вступила в брак с представителем скифской династии [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 61]¹⁷. Другой документ такого рода – жертвенный стол с надписью, открытый при раскопках святилища на горе

¹⁷ Такое предположение нашло полное подтверждение в стихотворной надписи в честь Аргота, открытой в Неаполе Скифском [Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44 сл.; Зайцев, 2003, с. 43, 52, 110-111]. Ю.П. Зайцев предполагает, что брак с боспорской царицей стал началом политической карьеры Аргота [Зайцев, 2003, с. 43]. После ее смерти он, вероятно, переехал к Скилуру, сделал многое для укрепления скифского государства и удостоился чести быть погребенным в столице Крымской Скифии.

Митридат [Толстиков, 1987, с. 88 сл.; Виноградов Ю.Г., 1987, с. 55 сл.]. На нем начертано посвящение дочери Скилура, т.е. царя Малой Скифии, которая была замужем за Гераклидом. В супруге знатной скифянки исследователи чаще всего видят представителя боспорской аристократии, скорее всего, члена царской фамилии [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 590-591].

Есть все основания считать, что представители элиты Боспорского царства в опасные моменты могли найти защиту у союзных варваров. Диодор Сицилийский, в частности, сообщает, что царевич Перисад, спасая жизнь от преследований своего дяди Евмела, бежал к скифскому царю Агару [Diod. XX. 24]. У Лукиана Самосатского говорится, что Евбиот [прототипом для образа которого, может быть, стал тот самый Евмел – см. Виноградов, 2003, с. 88] до воцарения на боспорском престоле находился у савроматов [Лис. Тох. 54]. Трудно сказать, имеется ли возможность интерпретировать последнее сообщение как указание на существование в это время (конец IV в. до н.э.) института заложенничества, когда наследные принцы Боспора направлялись к правителям самых сильных объединений кочевников Северного Причерноморья, однако и исключать вероятность такой практики тоже вряд ли допустимо.

Весомые основания для предположения о существовании традиции передачи «на воспитание» правителям Боспора детей скифской элиты является знаменитый декрет в честь Диофанта [IOSPE. I². 352]. В этом документе, как известно, говорится о выступлении против боспорского царя Перисада V («Последнего») скифов во главе с Савмаком, которые, вероятнее всего, были недовольны достигнутой Диофантом договоренности о передаче власти над Боспором понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Во время восстания они убили Перисада, «вскормившего его», а Диофант сумел спастись, собрать необходимые военные силы и провести успешную карательную акцию. В результате этой акции он «виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство» [IOSPE. I². 352. 41-42], т.е. в Понт. В научной литературе большую полемику вызвало то место декрета, в котором говорится, что скифы во главе с Савмаком убили Перисада, «вскормившего его». Традиционно это выражение относили к Савмаку, который, соответственно, совершил страшное злодеяние, подняв руку на своего благодетеля, сам он при этом рассматривался как скифский царевич, получивший воспитание при дворе боспорского царя [Момзен, 1994, с. 201, прим. 1; Brandis, 1897, Sp. 774; Minns, 1913, p. 520, 582; Rostovtzeff, 1932, p. 229; McGing, 1986, p. 53]. Академик С.А. Жебелев в слове «вскормившего» усмотрел указание на рабскую принадлежность Савмака, а само восстание стало трактоваться им как выступление рабов. Это проявление классовой борьбы на Боспоре было поставлено в ряд других крупных рабских восстаний, потрясших античный мир [Жебелев, 1933; 1953, с. 82 сл.; ср.: Diehl, 1935, Sp. 653 ff.; Gajdukevič, 1971, S. 303 ff.]. У этой гипотезы, естественно, нашлись

противники, аргументы которых сейчас представляются весьма сильными [см.: Robinsohn, 1980]. Неудивительно, что Ю.Г. Виноградов видел в восстании Савмака дворцовый переворот, осуществленный полуварварской верхушкой Боспорского царства, во главе которого стоял скифский царевич, воспитанный при дворе [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86]. Все это, к сожалению, не дает надежных оснований для суждения о времени появления на Боспоре самого института «вскармливания», но, как представляется, он сложился здесь ранее второй половины II в. до н.э.

Первостепенным фактором межэтнических связей, безусловно, всегда была торговля. Можно считать, что весьма объективная картина торговых связей греков с кочевниками обрисована Страбоном, который в отношении Танаиса заметил, что номады доставляли сюда рабов, шкуры и «разные другие товары кочевников», а греки «привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» [Strab. XI. 2. 3; перев. В.В. Латышева]. Танаис при этом был вторым по значимости торжищем у варваров после столицы Боспорского царства – Пантикапея [Strab. VII. 4. 5].

Интерпретация археологических фактов, свидетельствующих о торговле греков с номадами, однако, связана с немалыми трудностями. Прежде всего, при рассмотрении этих вопросов нельзя ограничиваться исключительно материалами, происходящими из окрестностей греческих городов, что, к примеру, сделал Т.С. Нунен в статье, посвященной основанию Пантикапея [Noonen, 1973, p. 81]. Это методически неверно. В силу подвижности кочевников, товары, которые они получали при торговом обмене с греками, могли попадать в самые отдаленные районы. Есть веские основания считать, что у номадов Северного Причерноморья во все времена господствовал так называемый меридианальный тип кочевания, при котором летние пастбища находились на севере, а зимники – на юге [Khazanov, 1984, p. 50]. Во всяком случае, именно такую картину рисует Страбон в отношении роксоланов [Strab. VII. 3.17], а Марко Поло, Плано Карпини и Амброджио Контарини в отношении татаро-монголов [Марко Поло, 1955, с. 88; Карпини, 1993, с. 61; Контарини, 1971, с. 220]. Как свидетельствуют этнографические наблюдения, именно при таком типе кочевания совершались максимально дальние перекочевки. Выше было сказано, что амплитуда кочевания при этом может достигать тысячи километров и даже более. По этой причине можно предполагать, что во время зимнего пребывания номадов в южном районе степей они могли приобретать у греков товары, которые летом перемещались вместе с владельцем на многие сотни километров к северу [Лапин, 1966, с. 74; Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 160].

Исходя из общих представлений о характере торговых связей кочевников с земледельцами, можно предполагать также, что для скифов и других номадов древности греческие колонии были важны, прежде всего, как центры земледельческого и ремесленного производства [ср.: Вахтина, 1989, с. 84].

Однако не все исторические эпохи в этом отношении в равной степени освещены археологическими материалами. К примеру, для архаического Боспора до сих пор имеется не слишком много соответствующих данных. Тем не менее, в Пантикапее все-таки удалось открыть остатки четырех мастерских второй половины VI – начала V вв. до н.э., важную часть продукции которых составляло оружие, защитные доспехи и детали конской сбруи. Все эти изделия могли быть рассчитаны на сбыт в варварскую среду [Трейстер, 1988, с. 58-59]. Пантикапейская литейная форма, в которой, как считалось, отливались бляхи в зверином стиле [Марченко И.Д., 1962, с. 51 сл.; Блатовский, 1964, с. 40-41; Онайко, 1966, с. 164-165; Яковенко, 1976, с. 129], при специальном рассмотрении оказалась формой для отливки бутеролой (наконечников ножен) парадных мечей типа келермесских или мельгуновских, т.е. найденных в самых богатых погребальных памятниках периода скифской архаики [Трейстер, 1988, с. 46-48; 1992, с. 74-75; 1998, с. 131-132]. Н.А. Онайко предполагала также, что в боспорских мастерских были произведены мечи типа обнаруженных у хут. Шумейко и Томаковки [Онайко, 1966]. В общем, весьма вероятно, что на Боспоре могли производиться самые разнообразные изделия, находившие сбыт у кочевников, в первую очередь, предметы вооружения [Онайко, 1966, с. 159 сл.; Марченко И.Д., 1971, с. 146 сл.; Черненко, 1979, с. 185-186]. Конечно, в торговлю сразу стали вовлекаться, а со временем все в более и более крупных масштабах, вино и предметы роскоши, различные ювелирные изделия, в которых была заинтересована скифская племенная верхушка [Прушевская, 1955, с. 336; Вахтина, 1984, с. 9-10].

Еще раз следует обратить внимание, что на всем протяжении существования греческих колоний на берегах Черного моря грек-земледелец или грек-ремесленник для кочевника-скотовода был более предпочтительным торговым партнером, чем, скажем, греческий купец, продающий изящные вазы. Хрупкие вазы к тому же совершенно не приспособлены к кочевому быту. И если такие вазы все-таки вовлекались в обмен, то сам по себе этот факт может свидетельствовать о довольно значительном развитии торговли продуктами земледелия с одной стороны, и продуктами скотоводства – с другой, но эта торговля, по понятным причинам, не находит прямого отражения в археологических источниках [ср.: Кузнецов, 2000, с. 18 сл., 34; Roebuck, 1956, p. 132; Tsetskhladze, 1998, p. 53 ff.]. Данная гипотеза значительно отличается от довольно распространенной некоторое время назад точки зрения на греко-варварскую торговлю скифского периода, предполагавшей посредническую роль кочевой аристократии в поставке хлеба от туземных племен в греческие города [см.: Онайко, 1970, с. 81, 86; Артамонов, 1972, с. 59, 62; 1974, с. 113]. В настоящее время она нуждается в существенных оговорках, поскольку сам факт участия кочевников в транзитной торговле хлебом представляется вряд ли историчным. Совсем другое дело, что кочевая аристократия могла принимать

активное участие в экономическом развитии региона, способствуя трансформации хозяйственной системы контролируемых ими территорий в том направлении, которое требовалось их партнерам-грекам. Не удивительно, что выгоды от этой торговли были таковыми главным образом для варварской элиты.

V. Великая степь и Боспор Киммерийский

V.1. Динамика степей Евразии и периодизация истории Боспора Киммерийского

В последние годы в результате проведенных масштабных археологических исследований на памятниках Боспора, других античных центров Северного Причерноморья, а также сопредельных территорий, населенных варварскими племенами, стало возможным предложить схему исторического развития района, которая, отличаясь от привычного деления античной истории на архаическую, классическую, эллинистическую и римскую эпохи, конкретизировала бы ее, учитывала региональные особенности и наполняла местным содержанием. Предложенный подход, правда, не может считаться вполне новым. Хорошо известна периодизация истории Северного Причерноморья, разработанная В.Д. Блаватским [1959, с. 7 сл.]. В основу его схемы была положена идея социально-политического развития местных греческих государств, в частности, возникновение здесь такого явления как «протоэллинизм» и пр. Допуская возможность такой периодизации, хотелось бы подчеркнуть, что важнейшая из северопричерноморских региональных особенностей, наличие кочевнического фактора, в ней почти не нашла отражения. В наши дни уже не может быть сомнения в том, что для построения периодизации истории любого античного государства на северном берегу Черного моря первостепенное значение имеет изучение греко-варварских взаимоотношений в регионе и, прежде всего, вычленение этапов, связанных с продвижением сюда с востока новых и новых кочевых этносов.

Методика построения такой периодизации была предложена в серии работ, которые частью были подготовлены автором этих строк совместно с К.К. Марченко [Marčenko, Vinogradov, 1989a; 1989b; Виноградов, Марченко, 1991; 2005], частью с К.К. Марченко и Е.Я. Роговым [Виноградов, Марченко, Рогов, 1997], а частью индивидуально, отражая определенные различия во взглядах соавторов на проблему [Марченко, 1996; Виноградов, 1999a; 2006a]. Отвлекаясь от этих различий, необходимо подчеркнуть, что объединяющий, стержневой момент нашей концепции заключается в попытке подхода к анализу истории Боспора и других греческих государств северного берега Понта как ответа или, скорее, серии ответов на вызовы, исходящие из степей. Вторжения кочевников из глубин Азии в Причерноморье, как было сказано выше, вели к дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, к распространению кризисных явлений на сопредельные со степью территории, в том

Причерноморье и, одновременно, переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III – первая половина II вв. до н.э. – период относительной стабилизации в степях северного берега Понта, который особенно ярко проявился на Боспоре. В истории государства, как можно считать, тогда были продолжены и развиты тесные связи с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II в. до н.э. – 107 г. до н.э. – новая дестабилизация в степях Северного Причерноморья, вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Боспор, как и другие государства региона, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107–63 гг. до н.э. – Боспор в составе Всепонтийской державы Митридата. Для владыки Понта в разразившейся тогда борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор стал важнейшим стратегическим пунктом, через который, как представляется, осуществлялся его контроль над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее стали теми событиями, которые как бы подвели итог более чем пятивековому развитию Боспора.

8. 63 г. до н.э. – первая половина I в. н.э. Этот период выделяется прогрессирующей стабилизацией обстановки в регионе, но на Боспоре он был ознаменован острой борьбой за царский престол.

9. Середина I – середина III вв. н.э. – новый расцвет Боспорского царства, на сей раз под контролем Римской империи. В начале этого периода в причерноморские степи продвинулись кочевники-аланы, но эта этническая переменная не привела к радикальной перемене военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Более того – пришельцы даже не сумели поставить под свой контроль весь этот регион. Район их обитания, в основном, был ограничен северо-восточным Приазовьем. Конец девятого этапа связан с вторжением в регион германских племен готов.

Остановимся на каждом из названных периодов более подробно.

V.2. Греческая колонизация и ранняя история апойкий Боспора Киммерийского (около 600-480/79 гг. до н.э.)

К моменту появления древнегреческих переселенцев на берегах северного Понта, скифы уже были полноправными хозяевами степей, об их былой борьбе с киммерийцами [Herod. IV. 11-12] или о сражении с сыновьями слепых рабов, происшедшем, вероятнее всего в Восточном Крыму [Herod. IV. 3-4], напоминали лишь довольно смутные предания. Однако при освоении колонистами района Боспора кочевнический фактор, как представляется, сыграл весьма существенную роль.

Греческие переселенцы на стадии освоения берегов Керченского пролива, основывая здесь несколько апоекий установили достаточно тесные взаимоотношения с соседними местными племенами. Сейчас существуют веские основания считать, что греческое проникновение в Северо-Восточное Причерноморье и Приазовье началось ранее рубежа VII–VI вв. до н.э. Материалы из древнего поселения, расположенного около современного Таганрога и, как представляется, полностью разрушенного морем, позволяют считать, что оно было образовано в третьей четверти VII в. до н.э. [Копылов, Ларенок, 1994, с. 5; Копылов, 1999, с. 174-175; 2006, с. 85; см. также Мачинский, 1989а, с. 20]. Основное количество греческих поселений на берегах Керченского пролива возникло позднее, где-то в пределах первой-второй четвертей VI в. до н.э. [Кузнецов, 1991, с. 31-34; Koshelenko, Kuznetsov, 1998, p. 255]. Почему ранее этого срока колонисты оставляли район пролива без особенного внимания? Почему они не основали здесь ни единой апойкии в середине или во второй половине VII в. до н.э.? Возможно, это было связано с местной демографической ситуацией, но, несмотря на нее, позднее на сравнительно небольшой территории Боспора была основана целая серия сравнительно крупных греческих поселений, аналогий чему в других центрах греческой колонизации Северного Причерноморья просто не существует [см. Gajdukevič, 1971, S. 32-38, 170-255]. Среди них имелись апойкии или города-государства (Пантикапей, Нимфей, Гермонасса, Кепы, Синдская Гавань или Горгиппия), тогда как другие поселения, а их по письменным и археологическим источникам известно несколько дюжин, наиболее вероятно возникли в результате внутренней колонизации района, в их числе такие «малые» боспорские города, как Мирмекий, Тиритака, Порфмий и др. [Виноградов, 1993а, с. 86; 1999б, с. 104-105; 2005а, с. 222; но ср.: Молев, 1997, с. 9; Анохин, 1999, С. 6-10; Завойкин, 2001а, с. 22 сл.; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15-16; Зинько, 2007, с. 38-39; Tsatskhelidze, 1997, p. 44]. Весьма показательно, что ранние поселения европейского Боспора были довольно крупными образованиями, позднее трансформировавшиеся в города или небольшие городки.

Можно считать, что все отмеченные особенности освоения греками берегов Керченского пролива были связаны с демографическими факторами: относительной близостью к Боспору Предкавказской Скифии и периодически зимними передвижениями групп кочевых скифов через замерзший пролив [Herod. IV. 28]. Эти периодические передвижения, как представляется, были наиболее важным фактором демографической ситуации на Боспоре в это время. Вслед за В.Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1949, с. 33; Gajdukevič, 1971, S. 40) можно полагать, что зимние переправы скифов имели место во время сезонных перекочевков на зимние пастбища в Прикубанье [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155-161; Виноградов, 2005а, с. 214-220]¹⁹. Такие передвижения,

¹⁹ Относительно небольшая площадь крымской степи, как представляется, не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов кочевниками, она более пригодна для

несомненно, представляли для переселенцев немалую опасность, и, по всей видимости, греки поначалу просто пересекли пролив, не решившись основать в столь выгодном районе свои колонии. К непривычной обстановке необходимо было присмотреться из более отдаленного и менее опасного места. Однако и позднее, когда «на выгодном и опасном перекрестке» Боспора Киммерийского, как его назвал Д.А. Мачинский [1989б, с. 9], уже существовала целая серия греческих выселков, боспоряне не смогли создать вокруг своих городов системы сельскохозяйственных поселений подобной той, которая сложилась в Ольвийском регионе [Виноградов, 1993а, с. 88-89; 2005а, с. 223; о сельской округе Ольвии этого времени см.: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 12-95]. Небольшие деревни на пути варварских передвижений, разумеется, были слишком уязвимыми.

Некоторые исследователи указывают, что подобная система расселения была характерна только для Керченского полуострова, тогда как на Тамани во время археологических разведок зафиксировано немало сельских поселений, относящихся к времени архаики [Абрамов, Паромов, 1993, с. 71 сл.; ср.: Завойкин, Масленников, 2006; Зубарь, Зинько, 2006, с. 89-90; Saprykin, 2006, р. 275]. Такое положение, казалось бы, противоречит гипотезе о периодических передвижениях кочевников через этот район. Однако это не совсем так, поскольку на всех архаических поселениях Таманского полуострова, на которых проводились раскопки (таких, к сожалению, очень немного), получены убедительные данные, позволяющие судить об их временном, сезонном характере [Соловьев, Бутягин, 2002, с. 71; Виноградов, 2006б, с. 75; ср.: Горлов, 2007, с. 96]. К тому же, если следовать традиционному представлению, что Тамань в древности представляла дельту Кубани, состоящую из серии островов, то сами географические условия местности могли представлять для греков защиту от нападений кочевников, по крайней мере, на летний период, т.е. на время проведения полевых работ²⁰.

их сезонного использования [Баранов, 1990, с. 15]. Почти тридцать лет назад мы предполагали, что Геродот в своем рассказе описывал переправы скифов, направлявшихся из Поднепровья на зимние пастбища Прикубанья [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с. 155 сл.]. Сугубо гипотетически можно предложить и другую интерпретацию. Не исключено, что кочевые скифы совершали свои передвижения по кольцевому маршруту, т.е. вокруг Азовского моря, пересекая пролив в начале зимы. И.А. Баранов реконструирует такой маршрут кочевания для ранних тюрок; это, по его выражению, «Большое Кочевое кольцо» было разорвано хазарским вторжением [Баранов, 1990, с. 15]. Показательно, однако, что в районе Керченского пролива существовали «хазарские переправы», засвидетельствованные рассказом Ибн-ал-Биби [Якубовский, 1927/1928, с. 54].

²⁰ В подтверждение этого приведу некоторые исторические параллели. В арабских источниках имеются свидетельства об областях Мамукту (Мамкуту) и Бугаз-Кум, первую из которых обычно помещают на Северном Кавказе, а вторую – в низовьях Волги. В этих областях находились острова, жители которых, «сделав воду крепостной стеной», отказывались подчиниться Тимуру. Островитяне были покорены только зимой, когда вода была скована льдом [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 184].

Реальность ледовых походов скифов и, соответственно, их влияние на ход греческой колонизации некоторыми исследователями в последние годы подвергается большим сомнениям [Масленников, 2001а, с. 309 сл.; Паромов, 2006, с. 376]. Основанием для таких сомнений признается, в частности, трудность или даже практическая неосуществимость переправы через большие водные пространства, скованные льдом. Действительно, пройти четыре километра по льду (такова примерная ширина Керченского пролива в районе переправ) было делом нелегким, но, как представляется, вполне осуществимым. В качестве аналогии рассказу Геродота можно привести свидетельство турецкого путешественника Эвлии Челеби, путешествовавшего по Крыму в 1641–1667 гг., и вместе с отрядом паши, а также многочисленными купцами и паломниками, совершившего переправу через пролив с таманской стороны на крымскую. Путешественник красочно описал трудности, связанные с этой переправой, но для турок она завершилась вполне успешно [Эвлия Челеби, 1996, с. 164–166]. Еще один пример в таком же роде относится к более позднему времени. По свидетельству очевидца, зима 1839–1840 г. выдалась очень суровой, в результате этого Керченский пролив покрылся льдом, и сообщение между двумя его берегами осуществлялось на санях [Филипсон, 2000, с. 139].

Более отдаленный от Боспора в географическом отношении, но не менее показательный пример приводит арабский историк Ибнбатута. Описывая зимние переправы через Волгу около Астрахани, он сообщает: «Султан остается здесь (т.е. в Астрахани – Ю.В.) до тех пор, пока усиливается стужа и эта река замерзает. Замерзают и соседние с нею воды. Потом он приказывает жителям этого края привезти (несколько) тысяч возов соломы, которые они кладут на лед, сплотившийся на реке... По этой реке и соединенным с нею водам ездят в арбах на расстояние трех дней пути. Часто по ней проходят караваны, несмотря на конец зимы, но (при этом) тонут и погибают» [Тизенгаузен, 1884, с. 301]. Об использовании скованных льдом рек как своего рода зимних дорог вряд ли стоит особо говорить [см.: Тизенгаузен, 1884, с. 306, 309; Гильом де Рубрук, 1993, с. 109]. В общем, переправы через замерзшие водные пространства для кочевников не были исключительным явлением. Для того, чтобы неподкованные лошади не скользили по льду, могли использоваться самые простые средства (к примеру, разостланная солома), наконец, можно было передвигаться по снегу, а не по открытому льду [Барбаро, 1971, с. 145]. Все эти соображения позволяют с полным доверием относиться к сообщению Геродота о зимних переправах скифов через замерзший пролив, признавая их одним из важнейших факторов местной демографической ситуации во время греческой колонизации.

Сталкиваясь с греками на Боспоре, номады, как представляется, не использовали эту зону в экономическом отношении, а лишь рассматривали ее как удобный плацдарм для перемещений в Предкавказские степи. Подобное положение засвидетельствовано для различных исторических периодов во

многих регионах, в том числе и в степях Евразии [Khazanov, 1984, p. 33]. Любопытное свидетельство, позволяющее лучше понять ситуацию, оставил И. Барбаро, с 1436 г. долгое время проживавший в Тане. Ему принадлежит описание татарской орды, переправившейся через Дон и продвигавшейся на запад мимо города. Это передвижение он наблюдал в течение всего светового дня, стоя на городской стене; ворота Таны при этом, естественно, были закрыты [Барбаро, 1971, с. 142-143].

В принципе такое соседство могло создавать немалые трудности для обеих сторон, как для кочевников, так и еще в большей степени для земледельцев. С одной стороны, оно таило в себе возможность возникновения взаимной вражды, конфликтов и т.д., но с другой, во избежание их, к заключению всякого рода договоров, соглашений и пр. В такой ситуации грекам необходимо было научиться договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По одной из версий, сохранившейся в древней письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя [St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον].

Существуют веские основания считать, что, несмотря на соседство с номадами, боспорские колонии первоначально существовали в относительно мирной, благоприятной обстановке. Однако в середине VI в. до н.э. или немного ранее или чуть позднее на греческих поселениях фиксируются определенные негативные явления, вероятно связанные с ухудшением взаимоотношений с местными племенами. Это прежде всего демонстрируют слои крупномасштабных пожаров, открытые в Кехах, Мирмекии и Порфмии [Кузнецов, 1992, с. 32, 42; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45; Виноградов, 2005а, с. 224-224; 2008, с. 42 сл.; Vinogradov, 1999, p. 288-290]. Таганрогское поселение прекратило свое развитие приблизительно в это же самое время [Копылов, 1999, с. 174-175]. Необходимо подчеркнуть также, что в Мирмекии и Порфмии были обнаружены остатки ранних фортификационных систем, относящихся к второй половине VI в. до н.э. [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45; Виноградов, 2008, с. 42 сл.; Vinogradov, 1999, p. 290-293]. В настоящий момент они являются наиболее ранними оборонительными сооружениями, открытыми на древнегреческих памятниках северного берега Черного моря.

Результаты современного археологического изучения заставляют считать, что почти все греческие поселения первоначально имели довольно примитивный, полуварварский облик, поскольку были застроены заглубленными в землю жилыми и хозяйственными конструкциями (полуземлянками). Как представляется, стадия земляночного домостроительства заканчивалась через 70–80 лет после основания поселения. Лишь тогда все полуземлянки засыпались грунтом и на их месте возводились наземные здания с внутренними дворами, улицы с тротуарами и т.д. Создание урбанистической структуры следует трактовать как важный показатель завершения периода адаптации колонистов к местным непростым климатическим,

экологическим и демографическим условиям [Виноградов, 1999б, с. 108; 2000, с. 230-231]. С этого времени и приблизительно до конца первой четверти V в. до н.э. боспорские колонии находились на пике процветания.

V.3. Правление Археанактидов

О правлении Археанактидов на Боспоре (480/79–438/37 гг. до н.э.) мы знаем из единственного сообщения историка Диодора Сицилийского [Diod. XII. 31.1]. Однако археологические материалы позволяют считать, что это было время заметной нестабильности в степях Северного Причерноморья связанной с усилением скифской агрессивности. Такое развитие военно-политической ситуации может быть объяснено по-разному. Некоторые исследователи связывают усиление агрессивности скифов с их победой в войне против персидского царя Дария, происшедшей, скорее всего, в диапазоне между 515 и 512 гг. до н.э. [Виноградов Ю.Г., 1983, с. 399 сл.; Толстиков, 1984, с. 24-59; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 66-67; Васильев, 1992, с. 111-128 Vinogradov, 1980, S. 70-110]. На мой взгляд, дестабилизация обстановки в североприпонтийском регионе была вызвана продвижением с востока Евразийских степей приблизительно в конце VI в. до н.э. новых скифских племен [Алексеев, 1993, с. 28-38; 2003, с. 168-193; Виноградов, 2001а, с. 124-127; 2002, с. 184-185; Marčenko, Vinogradov, 1989а, р. 288-290]. Эти «новые номады» с археологической точки зрения имели культуру, в некоторых чертах отличную от культуры времени скифской архаики, но имеющиеся различия, как представляется, греками не рассматривались как значительные, во всяком случае они не помешали распространить на пришельцев этноним «скифы». Более того, есть основания считать, что их они стали называть скифами царскими [Виноградов, 2001а; но ср.: Исамгилов, 1993, с. 63].

Как представляется, появление новых групп кочевников стало причиной нарастающей военной напряженности в регионе, зафиксированной всеми имеющимися источниками. Междоусобные войны, разразившиеся в это время в степях, к концу первой трети V в. до н.э. стали всеохватывающими [Скорый, 1997, с. 70; Murzin, Skory, 1994, р. 70-71], началась военная экспансия скифов на Балканы [Herod. IV. 40]. В результате происшедших изменений греческие государства региона оказались в очень сложной ситуации, многочисленные сельские поселения Нижнего Буга и Днестра прекратили свое существование [Марченко, 1980, с. 142-143; Vinogradov, 1980, S. 71; Ochotnikov, 2001, р. 103; Kryzhitsky, 2005, р. 127]. Следы пожаров были открыты на многих боспорских поселениях, и в некоторых из них были возведены оборонительные сооружения: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Фанагория и др. [Толстиков, 1984, с. 26-31; Шелов-Коведяев, 1985а, с. 67; Виноградов, 1992, с. 107; Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 38; Вахтина, 1995, с. 33; Алексеева, 1997, с. 13; Зинько, 2007, с. 62; Tolstikov, 1986, р. 168-170]. В такой непростой ситуации

в 480/79 г. до н.э. боспорские полисы, как можно предполагать, объединились в оборонительный союз во главе с Археанактидами [Diod. XII. 31. 1]. Объединенными усилиями они смогли противостоять скифскому натиску.

Долгое время считалось, что для защиты от давления из степей при Археанактидах был возведен вал, отсекавший восточную часть Керченского полуострова, вошедший в научную литературу под названием Тиритакского [см.: Толстиков, 1984, с. 32 сл.], но современные исследования заставляют относиться к данной гипотезе с очень большой осторожностью²¹. Вне зависимости от этого, следует предполагать, что важным результатом успешного противостояния боспорян скифскому натиску стало прекращение регулярных передвижений кочевников через замерзший пролив [Виноградов, 2005а, с. 243, 245], которые, как представляется, были основным фактором демографической ситуации на Боспоре во время греческой колонизации.

Оборонительный союз Археанактидов вряд ли можно понимать как единое государство или даже державу. Греческие полисы в его структуре, скорее всего, сохранили свою автономию, на что может указывать факт монетной чеканки Фанагории и Нимфея, осуществлявшейся, правда, в более позднее время [Анохин, 1986, с. 14-16; 1999, с. 41, 44-46; Васильев, 1992, с. 123; Shelov, 1978, р. 11-32]. Немалое значение для понимания исторической ситуации имеют также курганы местной знати, которые приблизительно с середины V в. до н.э. стали возводиться около Нимфея, Пантикапея, Фанагории, Кеп и, вероятно, Гермонассы. Эти памятники имеют принципиальное значение для понимания специфики исторического развития Боспора, и Дж. Бордман не без основания писал, что научный интерес к боспорским колониям в немалой степени объясняется их близостью к богатейшим скифским курганам [Boardman, 1964, р. 263]. Следует подчеркнуть, что прочная традиция совершения такого рода погребений на Боспоре сложилась именно при Археанактидах [Виноградов, 2001б, с. 77-78; 2005а, с. 245-248]. Имеющиеся материалы, таким образом, дают основания предполагать, что внутри союза Археанактидов боспорские апойкии сохранили определенную степень независимости [Виноградов, 2002, с. 191-192; 2005а, с. 259-260].

V.4. Ранние Спартокиды

В 438/37 г. до н.э. власть на Боспоре перешла от Археанактидов к Спартоку [Diod. XII. 31.1]. Приблизительно в то же самое время в Северном Причерноморье наступил период относительной стабилизации военно-политической ситуации, приведшей впоследствии к «золотому веку» Великой Скифии

²¹ А.А. Масленников, много сделавший для изучения боспорских валов, считает, что на месте Тиритакского вала существовали три разновременных сооружения, самое раннее из которых можно датировать лишь первой половиной IV в. до н.э. [Масленников, 2003, с. 188-189]. Признавая

1985, с. 109-122], но эта точка зрения не нашла особой поддержки среди исследователей [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 182 сл., 186; 1985б, с. 320; Завойкин, 2001б, с. 150 сл.; Сапрыкин, 2003, с. 28].

Новой структуре государства соответствовала новая топография размещения погребений местной аристократии. На сей раз могильные насыпи были сгруппированы около двух столиц Боспора, Пантикапея и Фанагории, первая из этих групп более многочисленна и показательна: Куль-Оба, курган Патиниоти, курган Кекуватского и др. [Виноградов, 2005а, с. 268-274]. Эти памятники, как представляется, демонстрируют направление главных политических и культурных связей государства, которые вели тогда в степи Северного Причерноморья, демонстрируя наличие очень близких, союзнических отношений между Скифией и Боспором [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 156; Яковенко, 1985, с. 28; 1986, с. 43 сл.; Виноградов, 2005а, с. 275; ср.: Гайдукевич, 1955, с. 122]. Этот союз, однако, мог существовать лишь до тех пор, пока ситуация в регионе оставалась относительно стабильной, точнее, пока Скифия могла сдерживать развитие негативных тенденций в степи.

К концу IV в. до н.э. Великая Скифия постепенно вступила в период кризиса, политического и военного ослабления. В этом отношении, хронологический отрезок, на котором было возведено большинство скифских «царских» курганов – вторая половина IV в. до н.э. – может быть назван «золотой осенью» Скифии [Mačenko, Vinogradov, 1989, p. 811]. Весьма показательно, что приблизительно тогда же на Боспоре ситуация тоже стала меняться к худшему. Из речи Демосфена мы знаем о войне царя Перисада I против каких-то скифов, что привело к серьезным затруднениям для афинских торговцев [Dem. XXXIV. 8]. Эти торговые затруднения, однако, были всего лишь симптомом будущих потрясений. Следует обратить внимание также, что на поселениях хоры Нимфея фиксируются разрушения конца третьей – начала последней четвертей IV в. до н.э., которые обычно объясняются войной Перисада I со скифами [Зинько, 2005а, с. 112; 2007, с. 115], но этот вопрос требует дополнительных исследований.

Конфликт между сыновьями Перисада в 310/09 г. до н.э. [Diod. XX. 22-24], вероятнее всего, следует рассматривать не как простую междоусобицу или маленькую гражданскую войну [Rostovtzeff, 1930, p. 577]. Борьба братьев из-за боспорского престола произошла во время развития в регионе другой, значительно более масштабной борьбы двух этно-политических группировок – скифов и сарматов. Последние, как можно предполагать, к тому времени уже продвинулись к восточным рубежам Скифии. Представляется вполне естественным, что Сатир II и Притан были поддержаны скифами, традиционными союзниками Боспора, тогда как мятежному Евмелу оказали активное содействие, скорее всего сарматы–сираки [см.: Десятчиков, 1977, с. 46; Виноградов, 2003, с. 77-92; 2005а, с. 277-281; Rostovtzeff, 1922, p. 145; 1930, p. 577; Sulimirski, 1970, p. 95]. Судьба распорядилась так, что именно Евмел оказался победителем в этой войне.

Весьма показательно, что две названных войны в истории Боспора (война Перисада со скифами и усобица его сыновей из-за наследования престола) не стали причиной ощутимых кризисных явлений. Конечно, война во все времена – это трагедия, кровь и насилие, и нет сомнений, что в последней трети IV в. до н.э. Боспорское государство переживало весьма непростые моменты. Тем не менее археологические данные убедительно демонстрируют, что хронологический период, охватывающий всю вторую половину IV в. и начало III в. до н.э., в целом, был временем процветания.

Еще раз повторяюсь, это был настоящий «золотой век». По моему мнению, локальные военные конфликты с каким-то из варварских племен вообще не могли стать для Боспора причиной серьезного кризиса. Основная причина подобных кризисов, скорее всего, лежала в плоскости глобальных изменений военно-политической ситуации в мире кочевников Северного Причерноморья.

V.5. Боспор и падение Великой Скифии

Первая половина III в. до н.э. в истории Северного Причерноморья может быть определена как период нестабильности, связанной с крушением Великой Скифии. Фатальный удар по внутренне ослабленной Скифии, как представляется, был нанесен новой волной восточных кочевников – сарматами – около 300 г. до н.э. [Виноградов Ю.Г., 1997а, с. 122; 1999, с. 59-62; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 93; Брумяко. 1999, с. 84-86; Алексеев, 2003, с. 277]. Первая волна сарматских миграций с востока, как представляется, была связана с сираками и аорсами; возможно, она включала также сарматов «царских» [Виноградов, 2004, с. 20 сл.]. Эта миграция вызвала в степях северного берега Понта кризис более глубокий, чем в первой половине V в. до н.э., он потряс всю систему греко-варварских взаимоотношений. Сарматы, по всей видимости, нанесли серию жестоких военных ударов по Скифии, но в силу ряда причин не сумели освоить скифские степи. На сравнительно долгое время эти племена обосновались на востоке, в областях Подонья и Прикубанья, тогда как степи северного берега Черного моря оказались практически запустевшими вплоть до II в. до н.э. [Симоненко, Лобай, 1991, с. 76; Полин, 1992, с. 111-112, 120-121; Полин, Симоненко, 1997, с. 92; Марченко И.И., 1996, с. 72; Виноградов Ю.Г., 1997, с. 123, прим. 96; Виноградов, 1999а, с. 57-58, 76; Simonenko, 1994, p. 116]. Причиной столь необычного феномена, возможно, была кельтская экспансия в области к востоку от Дуная. Совсем не исключено, что в это время в районе Поднепровья столкнулись две волны миграций – восточная (сарматская) и западная (кельтская). Ни одна из них не была в состоянии одержать окончательную победу, так что степи Северного Причерноморья почти на 70 лет оставались практически «ничейной» землей [Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 19; Виноградов, 1999а, с. 80].

Все греческие государства северного берега Черного моря вступили в сложный период адаптации к новым историческим реалиям. Все они, в том числе

и Боспор, приблизительно в конце первой трети III в. до н.э. потеряли поселения хоры, всегда наиболее уязвимые при вражеских нападениях [Щеглов, 1985, с. 192; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 100; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 362; Марченко, 1999, с. 168; Рогов, 2005, с. 196; Масленников, 1997, с. 63-65; Виноградов, 2005а, с. 283; Okhotnikov, 2001, p. 115]. Наиболее впечатляющие картины гибели боспорских поселений, ставшей результатом агрессии со стороны варваров, открыты при раскопках в Восточном Крыму [Зинько, 1996, с. 16; 2007, с. 166, 169; Масленников, 1997, с. 63, 65; 1998а, с. 88; Виноградов, 2005а, с. 283-284; Maslennikov, 2005, p. 164; Saprykin, 2006, p. 280]. В городских центрах в это время началось активное строительство оборонительных сооружений [Tolstikov, 1986, p. 171; Виноградов, 2005а, с. 283-284]. Вряд ли можно со стопроцентной уверенностью утверждать, кто конкретно был виновен в обозначенной военной катастрофе, но все-таки есть основания предполагать, что это были остатки скифов, оттесненных в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденных поэтому отвоевывать для себя здесь жизненное пространство [Гайдукевич, 1959, с. 277; Демьянчук, Туровский, 1999, с. 92; Виноградов, 2005а, с. 289-290; Зубарь, Зинько, 2006, с. 96; Rostovtzeff, 1930, p. 57]. Монетный кризис, связанный с кризисом понтийского хлебного экспорта в Средиземноморье и проявившийся во всех греческих государствах региона, стал важным следствием этнических и военно-политических перемен, которые имели место в это время [Щеглов, 1989, с. 56-58; Виноградов, 2005а, с. 289-290; Shelov, 1978, p. 89-94].

Если рассуждать сугубо теоретически, то можно предположить, что в азиатской части Боспора, территориально расположенной ближе к районам, занятым сарматами, историческая ситуация должна была складываться не менее драматично, нежели в европейской. В результате происшедших перемен владыки Боспора, как представляется, потеряли власть над некоторыми из меотских племен, подчиненных им ранее. Вместе с тем, реальных свидетельств военных катастроф этого времени здесь почти не зафиксировано [Виноградов, 2005а, с. 285-287]. Правда, на Семибратнем городище был обнаружен слой пожара, относящийся к рассматриваемому периоду [Анфимов, 1951а, с. 242; 1958, с. 52], но, даже если его связывать с сарматским нападением, то все равно приходится признать, что вскоре взаимоотношения с пришельцами нормализовались. В связи с этим следует напомнить, что в междоусобице сыновей Перисада за боспорский престол победу одержал Евмел, поддержанный сираками. Почти нет сомнения, что он сохранил хорошие отношения со своими союзниками по трудной борьбе. Неудивительно поэтому, что Елизаветинское городище на Средней Кубани еще в конце IV в. до н.э. стало важным центром боспорского влияния в этом регионе [Анфимов, 1966, с. 161; 1967, с. 130].

Важная особенность рассматриваемого этапа заключается также в том, что начиная с этого времени погребения местной аристократии стали производиться только на азиатском Боспоре. На территории Восточного Крыма

самый поздний курган этого типа датируется приблизительно концом IV в. до н.э. Это курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун под Керчью в 1875 г., который демонстрирует явные меото-сарматские особенности в погребальном обряде и инвентаре [Виноградов, 1993б, с. 38-51; 2005а, с. 290-294].

Весьма любопытная ситуация проявляется в это время в низовьях Дона, то есть практически на пути сарматских походов на запад. Как показали археологические раскопки на Елизаветовском городище, в самом начале III в. до н.э. здесь была основана боспорская колония. Она не просуществовала долго и была сожжена в 280–270-х гг. до н.э., возможно, в результате нападения сарматов [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 70-71, 252-261]. Однако почти одновременно с этим событием был основан Танаис [Шелов, 1970, с. 23; 1989, с. 47], ставший вскоре важнейшим центром боспорского влияния в районе Подонья [Strab. VII. 4.5].

V.6. Новое возрождение Боспора

В соответствии с концепцией М.И. Ростовцева, вторую половину III – первую половину II вв. до н.э. в истории Боспорского царства можно назвать периодом культурного ренессанса [Rostovtzeff, 1930, p. 581; 1932, p. 227]. Этот культурный и, надо признать, экономический ренессанс в очередной раз был связан с периодом относительной стабилизации в степях Северного Причерноморья, более очевидной в восточной части региона, нежели в западной [Марченко, 1996, с. 70-80; Виноградов, 1999а, с. 56-82]. Есть веские основания считать, что государство в это время окрепло, власть боспорских царей над меотами была восстановлена [КБН. 25; Сапрыкин, 1996, с. 222].

В высшей степени показательным, что на Боспоре отчетливо прослеживаются признаки возрождения жизни на сельских территориях [Кругликова, 1975, с. 95-96; Масленников, 1998а, с. 89; Зинько, 2007, с. 169]. На Таманском полуострове (поселение Артющенко I) открыты даже остатки железоделательной мастерской, функционировавшей во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. [Виноградов, 2001г, с. 19-20; Vinogradov, Lebedeva, 2005, p. 316-317]. Как уже неоднократно говорилось выше, появление большого количества сельских поселений обычно хорошо увязывается с улучшением военно-политической ситуации в регионе. На сей раз на некоторых из них, расположенных в Восточном Крыму, были открыты фортификационные сооружения [Масленников, 1998а, с. 208-209, 211-216; Maslennikov, 2005, p. 165], что заставляет полагать, что улучшение ситуации в это время было весьма относительным.

Есть основания считать, что на данном этапе относительной стабилизации военно-политической обстановки в регионе во второй половине III – первой половине II вв. до н.э. из Северного Причерноморья и, прежде всего, с Боспора достаточно регулярно осуществлялся экспорт зерна в Средиземноморье, хотя, разумеется, он не мог достичь масштабов IV в. до н.э. Об этом,

прежде всего, свидетельствует надпись Каллимаха, сына Каллимаха [МИС, с. 243-244, № 5], поставленная в Афинах вскоре после 176/75 г. до н.э. В ней говорится о некоем купце (может быть, была даже группа таких купцов), поставлявшем оливковое масло в обмен на зерно, вероятнее всего, в города Северного Причерноморья. Не удивительно в связи с этим, что финансовая система Боспорского государства постепенно вышла из кризиса. Важные финансовые перемены, как известно, были связаны с реформой Левкона II [Shelov, 1978, p. 133-138; Анохин, 1986, с. 56-58].

В азиатской части Боспора в это время сооружались довольно богатые курганы местной варварской аристократии: комплексы Васюриной горы [Ростовцев, 1914б, с. 43 сл., 53 сл.; Власова, 2004а], Буерова Могила [ОАК, 1870-1871, с. IX сл., XXXI сл.; Ростовцев, 1925, с. 550], Мерджаны и др. [Виноградов, 1998; 1999а, с. 61-63]²². Складывается впечатление, что на этом этапе боспорские правители сохранили и развили близкие, союзнические отношения с местными племенами Подонья и Прикубанья.

V.7. Боспор и новая волна сарматских миграций

Приблизительно в середине II в. до н.э. относительно стабильная ситуация в степях Северного Причерноморья была нарушена, из-за Дона на запад стали продвигаться новые племена кочевников [Виноградов, 2007а]. Глубина кризиса, охватившего вследствие этого Северное Причерноморье, как представляется, была прямым результатом того, что в регионе тогда последовательно появилось сразу несколько кочевых этносов. Такое положение, разумеется, никак не способствовало развитию надежного базиса для сложения стабильных варварских этно-политических образований [Ростовцев, 1914а, с. 199; Rostovtzeff, 1922, p. 115]. В соответствии с текстом Страбона [Strab. VII .3.17], эта вторая волна сарматских миграций может быть связана с роксоланами, языгами и, возможно, ургами. Вероятно, она включала также сарматов «царских», которые, как говорилось выше, ранее обитали в степях Подонья, Страбон же зафиксировал их уже на правом берегу Днепра [Виноградов, 2004а, с. 21-22, 25]. Другую группу, которую следует связывать с этой волной, составляли сатархи. Плиний сообщал, что они перешли Дон [Plin. NH VI. 22], а одна из надписей второй половины II в. до н.э. (IOSPE. I². 672) фиксирует их уже в районе Крыма [Десятчиков, 1973, с. 131-144]. Аспургиане появились на

²² Традиционно в список курганов рассматриваемого времени включается Малая Близница. М.И. Ростовцев даже считал, что в нем нет ни единой находки ранее конца III в. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375; Rostowzew, 1931, S. 333]. Специальное изучение памятника показало, что курган относится к IV в. до н.э., может быть, даже к его середине [Виноградов, 2004б, с. 89-111], так что из списка показательных памятников второй половины III – первой половины II вв. до н.э. его необходимо исключить.

азиатской стороне Боспора [Strab. XI. 2.11], их продвижение сюда можно относить к последней четверти II в. до н.э. [Молев, 1994, с. 55; но ср.: Сапрыкин, 1985; 2002, с. 136-137; Яйленко, 1987, с. 35-39; 1990, с. 160-162]. Позднее аспургиане стали играть очень важную роль в событиях боспорской истории [Gajdukevič, 1971, S. 328ff., 337ff., 362, 471; Горончаровский, 2006a].

Ухудшение военно-политического положения в степях вскоре отразилось на восточных рубежах Боспора. В этом отношении очень показательны разрушение ряда сельских поселений, в том числе Таманского толоса [Онайко, 1967, с. 168; Сокольский, 1976, с. 46; Сорокина, 1985, с. 377]. В истории государства вновь возникла такая ситуация, при которой хора азиатского Боспора, пострадавшая от вражеских нападений, не могла дать необходимого количества товарного хлеба. Есть веские основания считать, что экспорт зерна из Северного Причерноморья в это время на регулярной основе вообще не мог осуществляться. Полибий даже сообщает об импорте зерна в Понт из Средиземноморья [Polyb. IV. 4–5].

Пытаясь противостоять натиску с востока, боспорские правители старались заручиться поддержкой царей Крымской Скифии. Эпиграфические документы, найденные в Пантикапее и Неаполе Скифском, позволяют предполагать, что боспоро-скифский союз на этом этапе был действительно достигнут [Виноградов Ю.Г., 1987, с. 55-86; Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44 сл.; Зайцев, 2003, с. 43, 52, 110-11; Vinogradov, 1997, S. 100-132]. Однако союзнические отношения со Скифией в сложившейся тогда военно-политической обстановке вряд ли могли принести для Боспора долговременный позитивный результат. Нет сомнения, что Крымскую Скифию по экономическому и военному потенциалу невозможно равнять с Великой Скифию IV в. до н.э. По этой причине в условиях ухудшения военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья она никак не могла обеспечить Боспору полной безопасности. Боспорские правители были вынуждены выплачивать все возрастающую дань соседним варварам [Strab. VII. 4.4] и фактически сотрудничать с пиратствующими племенами Северо-Западного Кавказа – ахейцами, зигами и гениохами [Strab. XI. 2.12]. Московский эпиграфист В.П. Яйленко предположил даже, что государство в это время находилось на краю катастрофы, то есть его фактической де-эллинизации [Яйленко, 1990, с. 129], с чем в известной степени можно согласиться. В таких тяжелых условиях последний Перисад вынужден был передать власть понтийскому царю Митридату Евпатору [Strab. VII. 24. 3-4; IOSPE. I². 352].

V.8. Боспор под властью Митридата

Время господства над Боспором царя Митридата (107–63 гг. до н.э.) наполнено разнообразными событиями и явлениями, в высшей степени важными для понимания последующей римской эпохи. Имеются основания считать,

что местные племена, прежде всего скифы и ахейцы, не смирились с потерей своего влияния на Боспоре. Именно в этом ключе, как представляется, следует трактовать скифское восстание во главе с Савмаком (107 г. до н.э.), до сих пор занимающее столь знаменитое место в отечественной историографии [см.: Жебелев, 1933; 1953, с. 82 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 296 сл., 536-538; Виноградов Ю.Г., 1987, с. 79-80, 86; Gajdukevič, 1971, S. 303-310; Vinogradov, 1997, S. 549-556]. Это варварское выступление, как известно, было подавлено понтийским полководцем Диофантом [IOSPE. P. 352], тогда как Неоптолем, другой полководец Митридата, одержал две победы над варварами на Боспоре Киммерийском – одну в морском сражении, а другую в конном, происшедшем зимой, когда воды пролива были скованы льдом [Strab. II. 1.16; VII. 3.18]. Очень вероятно, что этими варварами были ахейцы и другие пиратствующие племена Северо-Западного Кавказа [Виноградов, 2001в, с. 65-69].

В Понтийском государстве Митридата Боспор занимал очень важное место как пункт поставок для армии местных военных формирований, а также для снабжения продовольствием, амуницией и пр. [Rostovtzeff, 1932, p. 232; Gajdukevič, 1971, S. 318; Молев, 1976, с. 56-69; 1995, с. 45-46; Сапрыкин, 1996, с. 151; Зубарь, Зинько, 2006, с. 133 сл.; Зинько, 2007, с. 181 сл.]. Владыка Понта сделал многое для подготовки своих боспорских владений к войне с Римом, возводя здесь укрепления и создавая фонд царских земель. С.Ю. Сапрыкин в связи с этим считает, что именно в 80-60-х гг. до н.э. на Боспоре зарождается эллинистическая государственность [Сапрыкин, 2003, с. 30].

Митридадовы войны, разразившиеся между Понтом и Римом за гегемонию в Средиземноморье, имели для Боспора весьма негативные последствия. Уже после Первой войны Боспор отпал от царя [App. Mithr. 64], вероятнее всего, по вине варваров, а не греков [Шелов, 1978, с. 56-58; 1983, с. 53]. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют предполагать, что это были те же самые варвары (скифы и ахейцы), которые и ранее боролись с Митридатом, стремясь сохранить свое влияние на Боспоре [Виноградов, 2001в, с. 67; 2005б, с. 201]. Бытующее представление, что именно скифы были наиболее важным элементом в северопричерноморской политике Митридата, что они были его основной опорой и т.п., представляется сильно преувеличенным. Наиболее надежными союзниками владыки Понта были мотосарматские племена Прикубанья, сарматы, бастарны и некоторые другие [Яйленко, 1990, с. 130; Виноградов, 2005б, с. 204; ср.: Olbrycht, 2004, S. 331 ff.].

Поражение Митридата в последней войне против Рима привело к его бегству на Боспор, ставший центром подготовки задуманного им Итальянского похода [App. Mithr. 101]. Бремя предыдущих неудачных войн и приготовлений к новой, а также хорошо продуманные действия римлян закономерно привели к ситуации, в которой греческие города и даже царская армия подняли восстание против него [App. Mithr. 110-111]. Любопытно, однако, что местные формирования из племенного мира Северного Причерноморья, как

будто, не приняли в нем участия [Каллистов, 1938а, с. 283]. Смерть Митридата в 63 г. до н.э. в такой ситуации стала важным показателем окончания крупного этапа в историческом развитии Боспора и одновременно начала нового.

V.9. Борьба за власть над государством

После бурного периода Митридатовых войн, походов и восстаний, военнополитическая ситуация в Северном Причерноморье постепенно возвращалась в стабильное положение. На Боспоре после смерти Митридата начался период борьбы за власть над государством [Каллистов, 1938б; Гайдукевич, 1949, с. 311-318; 1955, с. 126-129; Сапрыкин, 2002]. Трон переходил из рук в руки: Фарнак, Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон, Аспург. Происхождение Аспурга обычно связывают с сарматской этнической средой, о чем свидетельствует его имя, близкое этнониму «аспургиане» [Гайдукевич, 1949, с. 324-325; Виноградов Ю.Г., 1994, с. 152-153; ср.: Сапрыкин, 1985; 2002, с. 136-137; Яйленко, 1987, с. 39-40; 1990, с. 161-162]²³. По мнению Ю.Г. Виноградова при этом царе «режим наибольшего благопрയാствования» на Боспоре получили сарматы, причем совсем не обязательно только аспургиане [Виноградов Ю.Г., 1994, с. 154; ср.: Сапрыкин, 2002, с. 203 сл.]. Именно сарматы, вероятнее всего, стали опорой Аспурга во внешней политике, с их помощью он сумел подчинить крымских скифов и тавров [КБН, 39, 40]. Это подчинение, разумеется, следует считать не полным включением названных народов в состав Боспорского царства, а лишь приведение их в состояние трибутно-вассальной зависимости от царя [Виноградов Ю.Г., 1994, с. 155].

Борьба за престол, наполненная самыми трагическими событиями, продолжалась приблизительно до середины I в. н.э. Последним ее аккордом стала война 45-49 гг., в которой столкнулись сыновья Аспурга – Митридат VIII и Котис [Гайдукевич, 1949, с. 326-328; Щукин, 1994, с. 205-206; Горончаровский, 2003]. Митридата в этой борьбе поддержали сираки, а Котиса – римляне и аорсы; победа досталась Котису.

В результате этих событий на Боспоре утвердилось государство потомков Аспурга, получивших в дальнейшей истории Боспора имя Тибериев Юлиев. Среди ее представителей весьма популярным было имя «Савромат», что некоторым исследователям позволяет считать династию «сарматской». В.Ф. Гайдукевич указывал на условность этого термина, поскольку владыки

²³ С.Ю. Сапрыкин настаивает на связи Аспурга с династией, восходящей к Митридату Евпатору [Сапрыкин, 2002, с. 138-139], но это не должно противоречить основной версии об его этническом родстве с сарматами. Известно, что Митридат отдавал своих дочерей замуж за самых могущественных из вождей прокубанских племен [App. Mithr. 102], в том числе, конечно, и сарматов. В.П. Яйленко в связи с этим правильно указал, что эти браки должны были привести к появлению большого числа потомков Митридата, имевших право на боспорский престол [Яйленко, 1990, с. 132].

Боспора, несмотря на свое родство и тесные связи с аристократией местных племен, возглавляли государство, остававшееся в своей основе античным, греко-варварским [Гайдукевич, 1955, с. 130, прим. 3; ср.: Яйленко, 1990, с. 163; Сапрыкин, 2002, с. 138-139].

Во второй половине I в. до н.э. на территории нынешнего Фанталовского полуострова была построена оборонительная система, состоявшая из мощных 12 крепостей. Н.И. Сокольский связывал это строительство с деятельностью боспорского царя Асандра [Сокольский, 1976, с. 107], который, по сообщению Страбона, отгородил стеною «перешеек Херсонеса у Меотиды» (Strab. VII. 4. 6). С Н.И. Сокольским в этом вполне можно согласиться [Толстиков, 1992б, с. 50; см. также: Гарбузов, 2003; Паромов, 2003], но возведение оборонительной системы не ограничивалось Фанталовским полуостровом, укрепления возводились и в других частях азиатского Боспора [Рогов, 1999, с. 153].

Несмотря на эти продолжительные раздоры, Боспор постепенно выходил из кризиса, что отчетливо проявилось уже в правление Асандра и Аспурга. Междоусобные войны данного периода весьма показательны по той причине, что еще раз наглядно демонстрируют одну чрезвычайно важную особенность боспорской истории, – эти междоусобицы, несмотря на все связанные с ними драматические коллизии, как и внутренние войны, имевшие место на Боспоре в предшествующие времена, не стали причиной системного кризиса в государстве. Еще раз следует подчеркнуть, что такой кризис мог быть вызван только глобальной дестабилизацией военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья. На данном этапе крупных варварских передвижений в регионе, как представляется, не было, и военно-политическая обстановка здесь, в целом, оставалась стабильной.

V.10. Последний расцвет Боспорского государства

Период с середины I в. по середину III в. н.э. в истории Боспорского царства, в целом, можно назвать вполне стабильным. Любопытно, но в середине I в. н.э. в степях произошла очередная демографическая перемена, связанная с появлением аланов [Кулаковский, 1899, с. 9-11; Мачинский, 1974, с. 132; Яценко, 1993; Щукин, 1994, с. 209; Габуев, 1996, с. 7 сл.]²⁴. Эти воинственные номады, пришедшие, как представляется, из областей, прилегающих к Аральскому морю, расселились на нижнем Дону. Необходимо подчеркнуть, что на сей раз проникновение нового кочевнического этноса в степи северного берега Понта не стало причиной заметной дестабилизации военно-политической обстановки в регионе. Нет сомнения, что аланы совершали походы на территории весьма отдаленные от их кочевий, но эти походы

²⁴ Об аланах см. также: Абрамова, 1978; 1992; Безуглов, 1990; Казанский, 1994; Симоненко, 2001а; Ковалевская, 2005, с. 72 сл.

все-таки не стали причиной масштабного изменения военно-политической ситуации в степях Северного Причерноморья. В чем же кроется причина такого, в общем, необычного положения? Одно из объяснений, возможно, кроется в раздробленности аланов [Amm. Marc. XXXI. 1. 17]. Не исключено также, что их военный и демографический потенциал не позволял им осуществить подчинение обширных пространств Причерноморских степей. Во всяком случае, ясно одно – появление новых номадов в середине I в. н.э. не вызвало масштабной дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, как это бывало ранее. Аланы, расселившись на территориях нижнего Подонья и Приазовья, стали поддерживать тесные отношения с Боспором. В частности, известно о существовании коллегии аланских переводчиков, во главе которой стоял главный переводчик [КБН. 1053].

Все категории источников позволяют с уверенностью судить о заметном росте боспорской экономики, развитии внутренней и международной торговли, расцвете культуры. Боспор в очередной раз оказался на вершине своего могущества, но, на сей раз, это было могущество вассала Римской империи. Для имперской администрации Боспорское царство стало важным пунктом, расположенным на границе двух миров – цивилизации и варваров, что позволяло ей, если не держать под контролем эту границу, то, по крайней мере, получать достоверную информацию о военно-политической ситуации в степях региона.

Контакты с номадами сыграли важную роль в изменении структуры боспорской армии. Ее основой стала тяжелая аристократическая кавалерия [Блаватский, 1954, с. 141-145; Горончаровский, 1993, с. 79-82; 2001, с. 72-85; Mielczarek, 1999, р. 86-88]. Другая существенная особенность этого периода заключается в существовании целой серии небольших укрепленных городов, расположенных на сельскохозяйственной округе государства [Рогов, 1999; Зубарь, Зинько, 2006, с. 165 сл.; Saprykin, 2006, р. 282]. В их ряду на европейской стороне Боспора очень показательным является исследованное в недавнее время городище Артезиан [Винокуров, 1998, с. 32 сл.], но наиболее известным и хорошо изученным памятником по-прежнему остается Илурат [Гайдукевич, 1958; Горончаровский, 2006б; Gorontcharovski, 2007]. Эта крепость была построена по регулярному плану, ее оборнительные стены первоначально имели толщину приблизительно 2 м, позднее они были усилены и местами достигали 6,40 м. Материальная культура города демонстрирует любопытное смешение греческих и варварских черт.

Некоторые исследователи рассматривают этот период как время сарматизации боспорской культуры. Такое представление, восходящее к идеям М.И. Ростовцева [1914а, с. 206; 1925, с. 243, 255; Rostowzew, 1931, S. 220], нашло развитие в трудах некоторых советских ученых [Гайдукевич, 1949, с. 413; 1955, с. 139-140; Блаватский, 1959, с. 33; 1964, с. 145; Десятчиков, 1974; Кастанаян, 1981, с. 109 сл.] Естественно, в вопросе о роли сарматского

элемента в культуре и истории Боспора недопустима абсолютизация; «сплошной сарматизации» здесь, естественно, никогда не было [Масленников, 1990, с. 14]. Варваризация античной культуры, характерная для всех окраин греко-римского мира этого времени, на Боспоре была связана с сильным импульсом, исходящим с востока, из районов расселения меото-сарматских племен.

Анализ письменных и эпиграфических источников, разнообразных археологических материалов показывает, что варварское окружение и контакты с Римом играли важную роль в историческом развитии Боспора этого времени. Вся эта система была разрушена в результате вторжения в степи северного берега Понта германских племен готов. Боспор, как известно, стал базой для их морских походов по Черному и Средиземному морям [Гайдукевич, 1949, с. 439 сл.; Хайрединова, 1994, с. 523; Болгов, 1996, с. 26-43; Казанский, 1999, с. 277 сл.; Щукин, 2005, с. 448-451; Зинько А., 2008; Gajdukevič. 1971, S. 459 ff.; ср. Зубарь, Зинько, 2006, с. 159-160]. М.И. Ростовцев считал середину III в. н.э. концом греко-иранского периода в истории юга России [Ростовцев, 1918, с. 165, 179; Rostovtzeff, 1922, p. 170]. В отношении Боспора этот исторический рубеж представляется возможным признать как завершение эллинского периода развития, поскольку тогда царская династия, восходящая к Митридату, была заменена чисто варварскими правителями, и все государство, как представляется, стало более варварским во всех сферах жизни [Сапрыкин, 2003, с. 34; ср.: Зубарь, Зинько, 2006, с. 214 сл.].

Заключение

Завершая очерк истории взаимоотношений Боспора со степным миром, необходимо хотя бы кратко сказать о ситуации во время вторжения в Северное Причерноморье гуннов. Эти кочевники, тесня аланов, начали свое продвижение на запад в 70-х гг. IV в. н.э. [Васильев, 1921, с. 289; Бернштам, 1951, с. 143; Артамонов. 2002². С. 68; Засецкая, 1994, с. 5, 132]. Об их взаимоотношениях с античными государствами региона нам известно очень немного. Тем не менее, в отношении Боспора в советской литературе господствовала сугубо отрицательная оценка данного исторического явления [см.: Гайдукевич, 1949, с. 479 сл.; Бернштам, 1951, с. 144; Якобсон, 1958, с. 459; Кругликова, 1966, с. 23-24; Сокольский, 1968, с. 251 сл.]. Археологические исследования последних лет позволяют изменить эту точку зрения и предполагать, что разгрома боспорских городов, связанного с появлением новых номадов, не было [Болгов, 1996, с. 45-46; Казанский, 1999, с. 284; Яйленко, 2002, с. 323 сл.], в Пантикапее в конце IV–V вв. функционировали некрополи, в которых представлены весьма богатые захоронения [Амброз, 1971, с. 103; Засецкая, 1979, с. 14-15; 1990, с. 102], эпиграфические памятники позволяют уверенно судить о стабильном существовании боспорской монархии вплоть до конца V в. [Виноградов Ю.Г., 1998, с. 245-246].

В отношении Пантикапея А.К. Амброз даже заметил, что при гуннах город, вероятно, несколько оправился от последствий готского нашествия III в. [Амброз, 1971, с. 103].

Ученые, правда, продолжают спорить по поводу достоверности легендарной традиции о переходе гуннов через пролив; одни считают, что имеющаяся информация отражает один из маршрутов продвижения кочевников на запад [Васильев, 1921, с. 290, 297; Засецкая, 1994, с. 139; Болгов, 1996, с. 46; Казанский, 1999, с. 284], другие настаивают на ее сугубой мифологичности [Гадло, 1979, с. 14, 16; Тортика, 2003, с. 70-71]. Вслед за А.А. Васильевым все же предпочтительней полагать, что основная масса гуннов устремилась на запад, перейдя Танаис, но часть их, вероятно, не очень многочисленная, прошла через Боспор и Крым [Васильев, 1921, с. 290]. Тем не менее, кочевники оказали определенное влияние на историческое развитие этого района, Н.Н. Болгов по этому поводу пишет: «Сохранив в неизменности внутренний уклад своей жизни, Боспор органически вошел в систему культуры южнорусских степей гуннского времени» [Болгов, 1996, с. 43]. В научной литературе даже осторожно ставится вопрос о гуннском «протекторате» над Боспором [Болгов, 1996, с. 107-109; 2002, с. 53; Казанский, 1999, с. 284].

Гуннский эпизод еще раз доказывает обоснованность представления о том, что многовековая история античного Боспора демонстрирует в высшей степени любопытный, по-своему уникальный способ адаптации древнегреческих переселенцев к своеобразным условиям северо-восточного Причерноморья. В научной и популярной литературе это своеобразие Боспора в сравнении с другими греческими государствами северного берега Понта сейчас принято называть «боспорским феноменом», и такое название в значительной степени оправдано. Основания для этого кроются в особенностях государственного устройства, интенсивном взаимодействии с варварским миром, своеобразии боспорской материальной и духовной культуры и т.д.

В сфере взаимодействий Боспора с варварским миром особая роль принадлежала кочевым этносам. К сожалению, в научной литературе эта роль раскрыта еще в недостаточной степени. К примеру, если говорить о влиянии варварских народов на историческое развитие Боспора Киммерийского в доримскую эпоху, то до недавнего времени в научной литературе остро дискутировался по существу один вопрос: какие из них, скифские или синдо-меотские, имели здесь особое, главенствующее значение. Вопрос, конечно, очень важный, и от правильного ответа на него в понимании боспорской истории зависит чрезвычайно многое; смущает лишь излишняя категоричность в его постановке. Исторический процесс всегда является результатом сложения самых разнообразных, зачастую противоречивых сил и тенденций, поэтому трудно ожидать, чтобы на протяжении столетий не происходило никаких перемен в политических и экономических устремлениях любого государства. И принципиальные сторонники концепции о син-

до-меотском преобладании на Боспоре [см.: Блаватский, 1959, с. 15, 18, 47; Артамонов, 1974, с. 120 сл.; Масленников, 1981, с. 12], и последователи традиционной скифской концепции [см.: Жебелев, 1953, с. 117; Гайдукевич, 1949, с. 5, 70 сл.; 1959; Яковенко, 1985], на мой взгляд, недооценивают этого исторического динамизма. В общетеоретическом плане гораздо более перспективной представляется подход Т.В. Блаватской, которая в истории Боспора выделяла периоды синдского, скифского и сарматского преобладания [Блаватская, 1959, с. 97 сл., 111, 131].

Эта изменчивость в немалой степени определялась положением, которое складывалось в степях Северного Причерноморья. Кардинальные перемены демографической и военно-политической ситуации, связанные с продвижениями из глубин Азии на запад новых кочевнических этносов, накладывали отпечаток на исторические судьбы не только мира номадов, но и всех пограничных со степью народов и государств. В этом плане деление истории Боспора VI в. до н.э. – III в. н.э. на предложенные девять основных периодов представляется вполне допустимым.

Все отмеченные выше пики и падения, все стадии периодического движения вверх и вниз иллюстрируют основополагающий факт тесной связи истории этого государства с военно-политической ситуацией (ситуациями) в степях Северного Причерноморья. Этот динамический процесс может быть описан словами Ю.В. Готье, высказанными им более 80 лет назад. Исследователь считал, что взаимодействия греческого (городского) и местного (степного) элементов были неравномерными, так сказать, пульсирующими; порой владения властителей Боспора простирались очень далеко, знаменуя собой периоды расцвета государства, но в закономерно наступавшие периоды ослабления и упадка «степь освобождалась от преобладания боспорских городов и переходила в наступление, доводила свое варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея» [Готье, 1925, с. 187]. Ю.В. Готье, на мой взгляд, смог выразить идею, представляющую большое значение для современной науки.

Вместе с тем, обозначенные выше девять этапов, несмотря на их явное различие, демонстрируют одно в высшей степени важное обстоятельство. Оно связано с тем, что Боспор всегда стремился, если использовать образное выражение китайских источников, «не утратить варваров», «удержать их на привязи» (см. главу 2, 1). Такая «потеря», особенно во взаимоотношениях с кочевниками, грозила государству очень большими бедами. Имеющиеся материалы в ряде случаев позволяют судить о достаточно серьезных изменениях в боспорской политике по отношению к местным племенам, особенно после радикальных демографических и военно-политических перемен в степях, которые в известном смысле позволяли правителям Боспора спасти ситуацию, уменьшить неизбежные потери, наладить конструктивные отношения с господствующим кочевым этносом.

МИГРАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Резюме

Северное Причерноморье в античной ойкумене занимает особое место. Греки-колонисты столкнулись здесь не только с оседлыми варварскими племенами, но и с кочевниками. Боспор Киммерийский являлся самым восточным центром греческой культуры в регионе, первым лежавшим на пути всех миграций кочевников из глубин Азии на запад. Взаимодействия с миром степей здесь всегда отличались особой интенсивностью.

Глава I посвящена вопросам отношения греков к другим (варварским) народам. Представления, связанные с идеализацией варваров, также как и их демонизацией, в мире колоний вряд ли имели большое распространение. Реалии жизни на краю ойкумены требовали более взвешенных оценок.

Глава II названа «Феноменальность Евразийских степей». В отношении античного Северного Причерноморья М.И. Ростовцев обратил внимание, что периоды процветания здесь сменялись кризисами. Эти процессы протекали синхронно в греческих государствах и в степном мире. Т.Барфилд (Barfield T.J.) показал, что такая же закономерность проявлялась в восточной части степей Евразии, во взаимоотношениях Китая с гуннами. Кочевые империи возникали здесь лишь тогда, когда Китай был процветающим государством.

В главе III рассмотрены проблемы, связанные с изучением миграций кочевников. Эти миграции в истории Северного Причерноморья происходили с периодичностью в 200-300 лет. Их начальный период, как правило, был связан с завоеванием. Тогда дестабилизация военно-политической обстановки охватывала не только степные области, но и соседствующие с ними районы. Стабилизация наступала приблизительно через 25-30 лет после появления пришельцев. Как пример миграции кочевников рассматриваются татаро-монгольские завоевания в Европе. Археологические источники, как правило, не дают ответа на вопросы, связанные с определением района, из которого происходила миграция. В процессе этнических передвижений материальная культура значительно трансформировалась.

Глава IV посвящена вопросам взаимодействия номадов с оседлыми народами. Эти вопросы рассмотрены как в периоды войны, так и мира.

В главе V обрисована история Боспора Киммерийского в контексте динамичной истории степей Евразии. В ней периодически сменяются периоды процветания и кризисы. Последние синхронизируются с вторжениями в Северное Причерноморье новых кочевнических волн. В связи с этим история Боспора разделена на 9 основных периодов:

1. Греческая колонизация и ранняя история апойкий Боспора Киммерийского (600-480/79 гг. до н.э.)
2. Появление «новых» номадов, правление Археанактидов (480/79 – 438/37 гг. до н.э.)
3. Стабилизация обстановки в Северном Причерноморье, ранние Спартокиды (438/37 г. – рубеж IV–III вв. до н.э.)
4. Боспор и падение Великой Скифии (первая половина III в. до н.э.)
5. Относительная стабилизация ситуации в степях и новое возрождение Боспора (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.)
6. Боспор и новая волна сарматских миграций (середина II в. – 107 г. до н.э.)
7. Боспор под властью Митридата (107 – 63 гг. до н.э.)
8. Борьба за власть над государством (63 г. до н.э. – середина I в. н.э.)
9. Последний расцвет Боспорского государства (середина I – середина III вв. н.э.).

MIGRATIONS OF NOMADS IN EURASIA AND SOME PECULIAR FEATURES IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CIMMERIAN BOSPORUS

The North Pontic region occupies a specific place in ancient oikumene. Greek colonists met not only barbarian tribes that had settled there but nomads as well. The Cimmerian Bosphorus was the farthest centre of Greek culture in the region, which was the first one lying on the way of all migrations of the nomads from the heart of Asia to the west. Interrelations with the steppe world were always intensive there.

М.Ю. ВАХТИНА

ПОРФМИЙ – ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД У ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ КИММЕРИЙСКИЙ БОСПОР

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с античным городищем, обнаруженным к северо-востоку от г. Керчь, на возвышенном плато недалеко от побережья Керченского пролива, на западной окраине современного пос. Жуковка [Веселов, 1952, с. 227-237; 2005, с. 14; Шургая, 1984, с. 69-71; Tsetskhladze, 1997, р. 62]. Сведения о поселении с таким названием содержатся в сообщениях древних авторов – Псевдо-Арриана и Стефана Византийского [Ps.-Arr. *Peripl. M. Eux.* 69, 70, 117; Steph. *Byz.*, s.v. Πορθμία καὶ Πορθμίον]. Происхождение названия этого города от греческого слова πορθμός – «переправа» – достаточно прозрачно и не вызывает сомнений у исследователей. Действительно, данные письменных и археологических источников позволяют реконструировать в непосредственной близости от города одну из традиционных переправ через Керченский пролив, в древности связывавшую Прикубанье с Крымом и Северным Причерноморьем в целом [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Виноградов, 2005а, с. 214 сл.]. Как нам представляется, своеобразие географического положения Порфмия не могло не найти отражения в облике и исторической судьбе этого поселения.

Заслуга локализации древнего города принадлежит замечательному знатоку Керченского полуострова, общественному инспектору охраны памятников В.В. Веселову [1952, с. 227 сл.]. Первые раскопки городища были проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством В.Ф. Гайдукевича в 1953 г. В последующие годы памятник регулярно исследовался силами отдельного отряда этой экспедиции. До 1985 г. раскопками руководила Е.Г. Кастанаян, осуществившая масштабные исследования так называемого «нового города», как иногда называют Порфмий, тотально перестроенный в эллинистическое время, фактически выстроенный заново на месте более древнего поселения. В результате этих работ мы можем составить представление о жизни небольшой боспорской крепости со второй половины III до середины I вв. до н.э. Следует подчеркнуть, что в настоящее время Порфмий является уникальным и наиболее полно изученным позднеэллинистическим городом-крепостью на территории европейского Боспора.

На протяжении следующего периода археологического изучения городища (1986–1990 гг.) основное внимание уделялось раскопкам слоев и объектов,

связанных с ранним периодом существования Порфмия, а также обследованию окрестностей древнего города. Третий период начался в 2002 г., после более чем десятилетнего перерыва¹; в этот период, наряду с работами на городище, началось исследование порфмийского некрополя. Участки, на которых велись раскопки, показаны на сводном топографическом плане (рис. 1)².

Таким образом, за несколько десятилетий систематических раскопок Порфмия был накоплен значительный археологический материал, позволяющий приблизиться к пониманию особенностей жизни и своеобразия материальной культуры этого «малого» боспорского города, попытаться понять, какие черты сближают ее с культурой других городов Боспора, а какие, напротив, присущи лишь этому поселению.

На основании имеющихся в нашем распоряжении археологических данных можно с уверенностью говорить об основании Порфмия в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э. Как нам представляется, это поселение не являлось самостоятельным полисом, а, как полагает Ю.А. Виноградов, наряду с другими боспорскими поселениями, такими, например, как Мирмекий и Тиритака, возникло в результате «вторичной колонизации», осуществляемой по инициативе Пантикапея [Виноградов, 1995, с. 68; 2005, с. 228]. Концепция, предложенная Ю.А. Виноградовым, на наш взгляд, является наиболее приближенной к реальной исторической ситуации, сложившейся в районе Киммерийского Боспора на начальном этапе греческой колонизации региона, она позволяет «увязать» многие известные нам факторы в единую систему. Тем не менее, многие исследователи предполагают наличие в Порфмии и других «малых» боспорских городах полисной организации на начальном этапе их существования [см., напр., Сапрыкин, 2003, с. 19-20; Зубарь, Зинько, 2006, с. 15-16; Зинько, 2007, с. 43-44; Завойкин, 2007, с. 223 сл.].

Древний Порфмий располагался на скалистом плато (рис. 2). Размерами этого плато определялись и размеры греческого поселения во все эпохи его существования: площадь, на которой были обнаружены строительные остатки, не превышает 0,7 га. Возвышенность, на которой был построен город, обладала целым рядом несомненных преимуществ, прежде всего, связанных с военной сферой. Раскопки показали, что первые оборонительные сооружения Порфмия были построены достаточно рано, вскоре после его основания. Следует признать, что место для небольшого укрепленного поселения в районе традиционных переправ через Керченский пролив было

¹ С 2002 г. раскопки Порфмия ведутся при финансовой поддержке Фонда «Киммериды» (г. Москва).

² Топографический план городища и его окрестностей, представленный в этой работе, был составлен в 1990 и 2006 гг. Я.М. Паромовым, А.В. Реппо и Ю.Г. Кутимовым. Раскоп 1 на этом плане соответствует раскопу Г на плане, приведенном в работах Е.Г. Кастанаян [напр., Кастанаян, 1983, рис. 1], раскоп 2 – раскопу В, а раскоп 3 – раскопам А-Б.

выбрано чрезвычайно удачно. Со скального плато, где находился город, открывается прекрасный вид на окрестности и дороги, как сухопутные, так и морские. Отчетливо виден и берег по другую сторону пролива (рис. 3). Здесь удобнее всего переправляться с европейского Боспора на азиатский и, соответственно, наоборот. Отсюда, от Порфмия, удобнее всего путешествовать дальше, двигаясь вдоль побережья в сторону Мирмекия и Пантикапея. Расположенное на этом пути укрепленное поселение, несомненно, служило прекрасным опорно-наблюдательным пунктом.³

К югу и юго-востоку от городища расположены затопляемые водой низины; возможно, в древности море подходило ближе к стенам города. Берег в данной части удобен для строительства гавани – недаром в 50-х гг. прошлого века именно здесь был построен Порт-Крым, успешно функционирующий до сих пор⁴.

С севера, востока и запада к Порфмию примыкают небольшие равнины с пахотными землями и родниками пресной воды. При обследовании окрестностей городища здесь были зафиксированы остатки небольших каменных построек, к сожалению, почти полностью уничтоженных современной распашкой; обнаруженный подъемный материал относился к эллинистическому времени. В 1988 г. остатки одной из таких усадеб, построенной, скорее всего, во второй половине IV в. до н.э. и просуществовавшей до конца II в. до н.э., были раскопаны в 250 м к востоку от восточного склона плато, на котором находился город [Вахтина, 2002]⁵. Эти данные красноречиво свидетельствуют о том, что жители Порфмия активно использовали территорию вокруг поселения. Примечательно, что эти небольшие усадьбы располагались в непосредственной близости от укрепленной цитадели, что, несомненно, облегчало их обитателям возможность, в случае появления опасности, найти убежище за стенами Порфмия.

Порфмий, как уже говорилось, был основан приблизительно в середине VI в. до н.э. и прекратил свое существование вскоре после середины I в. до н.э., когда необходимость в укрепленном поселении в районе Керченского пролива, по всей вероятности, отпала. Раскопки позволили выявить следы пожаров и разрушений, разделившие историю этого маленького города на несколько периодов. Эти катастрофы, периодически нарушавшие стабильность жизни Порфмия, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют ситуацию, складывавшуюся в районе пролива на различных исторических этапах. Для жителей Порфмия близость традиционных переправ через Боспор Киммерийский

³ Показательно, что во время Второй Мировой войны именно эта возвышенность была выбрана оккупационными войсками для организации укрепленного наблюдательного пункта: южная часть городища изрезана линиями окопов.

⁴ На южной окраине плато, где расположен греческий город, в 50-х гг. был установлен створный маяк, на который ориентируются ночью паромы, идущие в Крым с Тамани и выходящие на фарватер.

⁵ Раскопки этого объекта велись под руководством ст.научного сотрудника ИИМК РАН Л.Б. Кирчо, которой автор выражает глубокую признательность.

не только приносила определенные преимущества, но и являлась источником потенциальной опасности. Кто же мог быть источником этой опасности, против кого возводились оборонительные сооружения «старого» и «нового» Порфмия? Как нам представляется, в качестве «нарушителей» стабильности в районе традиционных переправ через Киммерийский Боспор могли, в первую очередь, выступать воинственные группы местного, варварского населения. Несомненно, наибольшую опасность представляли кочевники, занимавшие доминирующее положение в степях Северного Причерноморья. В архаическую, классическую и раннеэллинистическую эпоху этими кочевниками были скифы, позже на смену им пришли сарматы.

Как мы уже упоминали, пожары, перестройки фортификационных сооружений разделяют относительно краткую историю этого небольшого города на несколько периодов [Вахтина, 2005а, с. 44-49]. Постараемся охарактеризовать их, описав наиболее выразительные из обнаруженных объектов.

Строительные остатки, относящиеся к второй половине VI – первой трети V вв. до н.э., были выявлены преимущественно в восточной и юго-восточной частях городища на площади более 400 кв. м. Здесь были обнаружены следы архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних среди открытых на Боспоре; по времени возведения и технике сооружения их можно сопоставлять лишь с оборонительными стенами древнего Мирмекия [Vinogradov, 1999, fig. 3. 1,2; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41-45]. За пределами Северного Причерноморья ближайшей аналогией этим конструкциям по технике возведения являются архаические оборонительные стены Старой Смирны.

Цоколь восточной архаической оборонительной стены Порфмия был раскрыт на протяжении более чем 12 м (рис. 4, 5). Эта оборонительная стена в древности шла в направлении с-в – ю-з по естественному склону плато, на котором было основано городище. В этом месте природная возвышенность имеет самый пологий склон, здесь находился наиболее уязвимый при нападении неприятеля участок. В основании открытой здесь стены лежал ряд крупных известняковых блоков (длиной до 1-1,2 м и шириной до 0,5-0,6 м); на этот нижний ряд кладки были уложены камни меньшего размера, пространство между ними было забутовано мелкими камнями. Кладка иррегулярная, рядовая (рис. 6). Максимальная сохранившаяся высота цоколя стены – 1,2 м, толщина – 1-1,1 м. Судя по сохранившимся развалам, верхняя часть стены была сложена из сырцовых кирпичей. Южный ее конец был пристроен к природным скальным выходам; здесь конструкция имела вид ломаной линии, образуя нечто вроде бастиона (рис. 7). С внутренней поверхности стены был сооружен водосток (рис. 8), по которому сточные воды по естественному склону выводились за пределы городища. Остатки его сохранились на протяжении 10 м в длину, глубина ложа достигала 0,4 м. «Выход» водостока, через который воды вытекали наружу непосредственно у

внешней стороны архаической оборонительной стены, был зафиксирован в южной ее части; впоследствии, на протяжении следующего строительного периода, водосток не функционировал и его «выход» был закрыт камнем.

Южная линия обороны Порфмия сохранилась гораздо хуже. В этой части памятника укрепления шли вдоль южной границы плато, имевшего здесь крутой склон. В конструкции были использованы огромные естественные скальные глыбы известняка: они иногда слегка подтесывались, а перемычки между ними заполнялись мелкими камнями, иногда природные выходы известняка «достраивались» кладкой из более мелких камней. К сожалению, эта оригинальная конструкция сохранилась лишь фрагментарно, хотя трасса ее четко прослеживается по всей раскрытой площади (примерно на 20 м в длину).

Еще один фрагмент ранней оборонительной стены городища был обнаружен при раскопках жилых кварталов позднеэллинистического времени в юго-западной части памятника (рис. 9). Здесь участок архаической оборонительной стены был инкорпорирован в значительно более позднюю постройку и служил стеной жилого дома позднеэллинистического времени [Вахтина, 2006, с. 35, рис. 5]; основная часть ранних фортификационных сооружений западной части Порфмия, очевидно, к этому времени была разобрана.

Все охарактеризованные выше оборонительные сооружения связаны с начальным периодом существования города. Археологический материал, найденный по трассе оборонительных стен и в заполнении водостока [Vakhtina, 2003, fig. 9-12; Вахтина, 2006, с. 36, рис. 7], позволяет отнести их ко второй половине VI в. до н.э. Среди находок восточногреческих амфор особенно интересен фрагмент горла милетской амфоры [Вахтина, 2006, с. 36, рис. 6], который можно датировать в пределах третьей четверти столетия. По морфологическим признакам, цвету и качеству глины этот фрагмент близок находке из березанского колодца № 5 [Монахов, 2003, с. 248, рис. 3]. Среди находок столовой восточногреческой керамики – фрагментированный североионийский кувшин с росписью в виде полос и волнистых линий, нанесенных темно-красным лаком, и ручками-выступами (рис. 10, 11), многочисленные фрагменты клазоменских амфор с «чешуйчатым орнаментом» (рис. 12), фрагмент стенки закрытого клазоменского сосуда с пояском полихромного орнамента (рис. 13).

В конце периода, на рубеже VI–V вв. до н.э., Порфмий переживает первую катастрофу – на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Горелый слой, лежащий на материке, достигает толщины трех сантиметров; обнаруженные здесь находки, в том числе развалы амфор, лежащих *in situ* (рис. 14), сильно обожжены. На участке, примыкающем к восточной оборонительной стене, за пределами городища были найдены мелкие фрагменты человеческого черепа. Следует отметить, что следы разрушений и пожаров позднеархаического времени повсеместно фиксируются на участках, где культурный слой был исследован до материка.

В 1972 г. при раскопках культурных напластований до материковой скалы в западной части городища, исследовавшегося под руководством Е.Г. Кастанаян, был найден однолезвийный железный нож или кинжал⁶. Длина его составляет 30 см, максимальная ширина лезвия – 5 см (рис. 15). О его датировке можно судить по материалам, найденным вместе с ним в слое и нашедшим отражение в полевой документации [Кастанаян, 1972, л. 10-11]; судя по археологическому контексту [Кастанаян, 1972], его можно датировать временем не позднее начала V в. до н.э. Форма ножа находит параллели в материалах лесостепного правобережного Приднепровья раннескифского и среднескифского времени [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 72, рис. 16, 27, 28; с. 94, рис. 17, 19, 21]. Скорее всего, его рукоятку украшало зооморфное изображение; к сожалению, судить об этом трудно, так как нож не был очищен и отреставрирован. На наш взгляд, порфмийской находке наиболее близок нож из кургана 491 у с. Макеевка [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 16, 17].

Представляет интерес и еще одна находка, связанная со «скифской темой» – фрагмент тулова небольшого аттического чернофигурного лекифа (рис. 16), найденный в слое по трассе южной архаической оборонительной стены на юго-восточной окраине городища [Вахтина, 2005а, с. 98]. На нем был изображен «скиф», держащий под уздцы двух лошадей; он представлен в характерном остроконечном головном уборе, с горитом, подвешенным у пояса [Вахтина, 2007, рис. 1-3]. По характеру изображения фрагмент можно датировать 510-500 гг. до н.э. Лекиф принадлежал к хорошо известной группе сосудов, украшенных сценами с изображениями конных и пеших «скифов». Такие сосуды были достаточно широко распространены в аттической вазописи позднеархаического времени; основная их часть датируется 520-490 гг. до н.э. Исследователи спорят по поводу трактовки этих сюжетов, степени их реалистичности и правомерности соотнесения представленных на аттической керамике варваров с конкретными скифами, населявшими северопричерноморские степи⁷. Однако, в независимости от понимания подобных сюжетов, нет никакого сомнения в том, что жители Порфмий (как и других боспорских поселений) прекрасно представляли себе скифов реальных. И потому находка фрагмента сосуда этой группы, единственного для греческих колоний Северного Причерноморья, именно в Порфмий, поселении, расположенном в непосредственной близости от «скифских переправ», кажется глубоко символичной.

Одна из особенностей и трудностей в исследовании Порфмий – отсутствие на сегодняшний день (несмотря на многочисленные попытки) отчетливых данных о жилых комплексах, принадлежащих первым порфмийским поселенцам, хотя керамические материалы, относящиеся к начальному эта-

⁶ Эта находка хранится в Керченском историко-культурном заповеднике; П72–69.

⁷ Литературу по проблеме см. Вахтина, 2007, с. 56-63.

пу существования поселения, найденные в слое, достаточно репрезентативны. Заглубленные в землю жилища, т.н. землянки, характерные для начального этапа существования греческих поселений Северного Причерноморья [см. Виноградов, Рогов, 1997; о земляночном строительстве на Боспоре см. Виноградов, 2005а, с. 229-230] в Порфмии пока обнаружены не были. Возможно, это объясняется тем, что слой материковой глины на этом памятнике незначителен, а непосредственно под ним залегает природная скала, в которой достаточно трудно сделать углубление.

Все, что пока удалось сделать в плане изучения архаического домостроительства в Порфмии, – выявить фрагменты оснований и развалы сырцовых стен, по-видимому, возведенных непосредственно на древней дневной поверхности. Наиболее выразительные и хорошо сохранившиеся остатки застройки этого типа были исследованы в 2002 г., когда было раскрыто помещение, построенное в другой технике, и более древнее, по сравнению с известными ранее. Тогда в северо-восточной части городища были обнаружены остатки основания наземной постройки, по периметру которой были уложены мелкие камни известняка (длина самых крупных не превышает 0,20 м), уложенных в один ряд (рис. 17). Они ограничивали подпрямоугольное помещение (северная стена имела длину 6,72 м, южная – 7 м, восточная – 1,9 м, западная – 2,4 м), ориентированное по линии восток-запад; с востока к этому большому помещению, очевидно, примыкало другое, меньших размеров, остатки которого сохранились значительно хуже. Над этим нижним опорным рядом камней, несомненно, были возведены сырцовые стены: на поверхности исследуемого участка выявлены пятна сырцовых развалов. Время функционирования данного наземного комплекса определяется в рамках второй половины VI в. до н.э. Об этом, в частности, можно судить по остаткам протофасосских амфор, лежавших *in situ* на обожженном уровне пола комплекса [Vachtina, 2003, p. 46-47, fig. 15-17; Монахов, 2003, с. 255, рис. 8]. Судя по материалу, эта постройка прекратила свое существование в результате пожара, произошедшего в самом конце VI в. до н.э. (не позднее рубежа VI–V вв.), то есть, сгорела в результате первой катастрофы, о которой мы писали выше.

В западной части раскопа 1 (Г) были зафиксированы развалы сырцовой стены, толщина которой достигала 0,5 м, а суммарная длина – около 3-х м; в ее основании также были расчищены мелкие камни. Судя по сохранившимся остаткам, стена была ориентирована в направлении север-юг, что соответствует как ориентировке цоколя древнейшей оборонительной стены, так и планировке жилой застройки, возникшей здесь после пожара. При разборке сырцовых развалов были найдены: фрагмент восточногреческого кувшина второй половины VI в. до н.э. с росписью в виде волнистых линий и фрагмент клазоменской столовой амфоры с частью изображения крылатого фантастического существа (сирены?), который можно датировать третьей – началом последней четверти этого столетия (рис. 18).

Возможно, остатки какого-то заглубленного в грунт помещения, точные границы которого зафиксировать не удалось, были выявлены в небольшом разведочном раскопе 1986 г. на участке к югу от южной линии природных скальных выходов в восточной части городища. Здесь был расчищен развал небольшого глинобитного очага (рис. 19), фрагменты амфор ранних типов, в том числе ножка клазоменской амфоры на широком поддоне, которую можно отнести к середине – третьей четверти VI в. до н.э.

К числу предметов обихода первых жителей Порфмий принадлежат и фрагменты двух орнаментированных подставок-жаровен для очага (рис. 20), которые можно датировать временем не позднее рубежа VI–V вв. до н.э. [Вахтина, 1997, рис. 1; Грицик, 2004, с. 152-156, рис. 1]. Эти фрагменты также были найдены в слое пожара по трассе архаических оборонительных стен и, очевидно, происходили из разрушенных жилищ древнейшего периода городской застройки.

Говоря о керамических материалах, связанных с начальным периодом существования города, следует отметить присутствие незначительных по количеству фрагментов лепной посуды; основная часть профилированных частей принадлежала неонаментированным горшкам со слегка отогнутыми наружу венчиками, характерными для т.н. «степных» типов (рис. 21). Следует также отметить находки стенок колхидского пифоса с рельефным орнаментом, одного из самых ранних экземпляров, известных на Боспоре, что, возможно, свидетельствует о контактах жителей Порфмий с населением более восточных областей, лежащих по другую сторону Понта.

Результаты раскопок позволяют утверждать, что жизнь в Порфмий после первой волны разрушений восстановилась достаточно быстро. Очевидно, были восстановлены и продолжали функционировать фортификационные сооружения. Правда, после катастрофы древнее ложе водостока, шедшего вдоль внутренней стороны восточной оборонительной стены, было засыпано землей, а его выход, как уже говорилось, заложен камнем.

После пожаров и разрушений конца VI – рубежа VI–V вв. до н.э. в домостроительстве позднеархаического Порфмий, по-видимому, наступает новый этап. Здесь появляются постройки, возведенные в технике, известной по исследованиям других боспорских памятников. К западной, внутренней стороне восточной оборонительной стены был пристроен большой жилой наземный комплекс (рис. 22). Ориентировка его хорошо «увязывается» с ориентировкой оборонительных стен. Этот комплекс был раскрыт на площади 16 x 10 м и состоял не менее чем из 9 небольших помещений. Цоколи стен были сложены из небольших камней известняка, кладка рядовая, с забутовкой глиной и мелкими камнями. Верхние части стен, очевидно, были сырцовыми. В ряде помещений кладка стен сохранилась на 0,5-0,7 м в высоту, пол одного из них (№ 2) был вымощен известняковыми плитами, достигавшими 0,5-0,6 м в длину, и обломками керамики. В этом помещении был найден фрагмент костяной рукоятки ножа с циркульным орнаментом (рис. 23). Об-

наруженный в помещениях материал датируется в пределах последней четверти VI – первой трети V в. до н.э.

Вероятно, с функционированием этого комплекса можно связывать небольшой зольник, возникший на восточной окраине скального плато, за пределами восточной оборонительной стены (примерно в 5 м к востоку от нее). Зольник содержал материалы начала V в. до н.э. В их числе фрагмент медальона дна аттической чаши с росписью в краснофигурной технике (рис. 24), костяной стилос для письма, фрагмент костяной пластины (рис. 25). Вероятно сюда, за пределы городской черты, куда ранее выводились сточные воды, в это время высыпали золу от очагов. Позже, в раннеэллинистическое время, на этом участке за пределами восточной архаической городской стены возникает огромная мусорная свалка.

Позднеархаический большой наземный комплекс, возведенный на горелом слое, связанном с какой-то ранней катастрофой, был перекрыт другим горелым слоем, свидетельствующим о новом, более позднем по времени, пожаре. Его можно датировать концом первой трети V в. до н.э. Остатки пожаров этого времени прослеживаются на всех раскрытых до его уровня участках памятника, что свидетельствует о масштабности катастрофы. Пожары и разрушения, относящиеся к концу первой трети V в. до н.э., зафиксированные в Порфмии, находят аналогии и на других памятниках европейского Боспора, также переживавших не лучшие времена [Толстиков, 2001а, с. 45-48]. Этот период справедливо считается временем дестабилизации, нарушения привычного уклада жизни как на Боспоре [Виноградов, 2005а, с. 239 сл.], так и во всем Северном Причерноморье [Виноградов, Марченко, 1991, с. 149-151; Алексеев, 1992, с. 7, 118 сл.; 2003, с. 194-196, 208 сл.].

С этим периодом разрушений, вероятно, связана находка дна чернолаковой аттической чаши начала V в. до н.э. с граффито [...] Ε ΠΑΡΘΕΝΩ [...] на внешней стороне дна, изданная С.Р. Тохтасевым [1993, с. 74-75].

Таким образом, на основании анализа строительных остатков, раскрытых на большой площади в восточной части городища, мы можем наметить два основных этапа в развитии архаического Порфмия, отделенных друг от друга и от последующего этапа слоями пожаров и разрушений. Эти разрушения, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют достаточно сложную ситуацию, существовавшую в эпоху архаики в районе Киммерийского Боспора. Сооружение оборонительных стен в Порфмии практически с самого начала его существования, очевидно, диктовалось суровыми реалиями жизни. Ситуация в районе переправы через Керченский пролив была, по всей видимости, достаточно опасной, но все же позволяла основать здесь постоянное поселение и отстраивать его по мере необходимости. Несомненно, при выборе места для города учитывались и реально существовавшие преимущества.

Говоря о более позднем времени, необходимо признать, что мы пока не располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать облик Порфмия

IV в. до н.э. Все выразительные комплексы и постройки, обнаруженные на городище, относятся либо ко второй половине VI–V вв. до н.э., либо к III–I вв. до н.э. Примечательно, что эта «лакуна» фиксируется именно для IV в. до н.э., эпохи, традиционно считающейся периодом расцвета Боспорского государства. Археологические исследования 80-х гг. прошлого века позволили зафиксировать в восточной части памятника (раскоп I\Г) участки золистого слоя, перекрывающего строительные остатки позднеархаического и раннеклассического времени. Здесь, в яме № 5, был обнаружен склад из 9 амфор (8 – гераклейских и 1 – неизвестного центра), очевидно, представлявшей собой остатки подвала дома первой половины IV в., позже полностью разобранного. Верхняя дата этого комплекса, определенная С.Ю. Монаховым, ограничивается началом – серединой 70-х гг. IV в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 260-263].

Выразительный материал IV в. до н.э. был получен в результате раскопок площади за пределами восточной архаической оборонительной стены городища. На этом участке слой, не содержащий никаких строительных остатков, был чрезвычайно насыщен находками, прежде всего, керамическими. На основании датировок обнаруженных здесь амфорных клейм и чернолаковой посуды можно заключить, что основная масса этого материала относится к IV в. до н.э., в основном, к первой половине столетия. Здесь же был найден массивный и тяжелый лутерий, изготовленный из местного известняка (рис. 26), использовавшийся ранее, вероятно, в ритуальных целях. Скорее всего, участок за пределами восточной оборонительной стены был использован в качестве мусорной свалки; складывается впечатление, что она возникла в результате одноразовой акции, а не в процессе долгого накопления. Возможно, сюда свозили строительный мусор, появившийся в ходе работ по дальнейшему масштабному строительству на городской территории в середине – второй половине III в. до н.э., которое было сопряжено с разборкой строений более раннего времени (речь о нем пойдет ниже).

Для этого периода фиксируется глобальная перестройка существовавшего ранее поселения. Топография и планировка так называемого «нового города», построенного по единому плану после единовременной разборки построек более раннего времени и перепланировки всего городища, была изучена Е.Г. Кастанаян [Кастанаян. 1968; 1971; 1972; 1983; см. также Шургая, 1984]. Перестройка и перепланировка Порфмия, строительство новых оборонительных сооружений, по всей вероятности, были продиктованы, прежде всего, изменениями в демографической и общеполитической ситуации на Боспоре, связанными, прежде всего, с появлением и утверждением в северопричерноморских степях новой волны кочевников – сарматов и переориентировкой внешнеполитического курса боспорских правителей. Облик города претерпел значительные изменения. Несомненно, не могла не измениться и жизнь его обитателей.

Новые оборонительные сооружения – стены и башни – предназначались не только для защиты жителей города, но являлись также важным звеном в

фортификационной системе Боспора в целом. О том, что «новый Порфмий» был сооружен как крепость, свидетельствует тот факт, что городские кварталы возводились одновременно с оборонительными стенами, по единому, регулярному плану. Е.Г. Кастанаян обратила внимание на то обстоятельство, что строительство новых укреплений в Порфмии начинается в период нового подъема экономики Боспора, после преодоления кризиса первой половины III в. до н.э.; в это же время начинается усиление оборонительных систем других греческих центров Боспора и шире – Северного Причерноморья [Кастанаян, 1983, с. 167-168]. Не исключено, что глобальной перестройке Порфмия также предшествовал пожар. Во всяком случае, стратиграфия восточного раскопа показывает три золистых прослойки (рис. 27): первые две из них отчетливо соотносятся с катастрофой и разрушениями, описанными выше, обстоятельства и время появления последней нуждаются в проверке и уточнении в процессе дальнейших раскопок. В этой связи хочется обратить внимание на восстановление оборонительных стен Фанагории, имевшее место в III в. до н.э. [Завойкин, 2004, с. 51; 91], а также на появление на сельской территории Боспора новых укрепленных поселений (о последних речь пойдет ниже), зафиксированное для этой эпохи; синхронность этих явлений с возведением новых оборонительных сооружений Порфмия была отмечена А.А. Завойкиным [2007, с. 237, прим. 54]. Возможно, в контексте этого нового этапа, начавшегося в истории Боспора, связанного со строительством новой серии укреплений и укрепленных пунктов, можно рассматривать и возведение первых оборонительных сооружений Китея, построенных в конце IV в. до н.э. [Молев, 2006, с. 122; Molev, 2007, p. 92]; судя по данным археологии, до этого Китей существовал как неукрепленное поселение, по меньшей мере, на протяжении столетия⁸.

Порфмий является одним из самых ранних городов-крепостей позднеэллинистического времени, открытых на Боспоре (рис. 28). Оборонительные стены города и его жилые постройки были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города, были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка, грубо стесанных по фасадам. Стены возводились на бутовом фундаменте высотой 1 м, который иногда выступал за внутреннюю линию стены на 0,30 м.

Раскрыта одна из башен новой оборонительной линии (рис. 29), имевшая в плане прямоугольную форму (9,97 x 9 м; размеры внутреннего пространства – 4,1 x 3,8 м). Башня была расположена в северо-западном углу, несколько выдаваясь за пределы крепостной стены, что давало защитникам города возможность флангового обстрела подступов к укреплениям. Северная и западная

⁸ С.Ю. Сапрыкин связывает с началом этого этапа «негативные» явления, фиксирующиеся в других регионах Северного Причерноморья – на хоре Ольвии и хоре Херсонеса, прежде всего, гибель неукрепленных поселений и появление поселений укрепленных [Сапрыкин, 2003, с. 29]. Эти изменения он справедливо связывает не только с усобицами, но и с передвижением варваров.

стены башни достигали 2 м в ширину, восточная – 1,2 м, южная – 1,5 м. К внешнему фасаду северной (наружной) стены был пристроен дополнительный панцирь шириной до 0,75 м. Внутрибашенное помещение имело площадь 26 кв. м. В его восточной части раскрыта вымостка из плит, при расчистке которых был обнаружен во вторичном использовании акротерий известнякового надгробия IV в. до н.э. с изображением пальметты. У северной стены башни на вымостке находилось погребение собаки, над которым был насыпан земляной холмик, обложенный мелким бутовым камнем. Вход в башню находился в ее южной стене. Башня фланкировала калитку в западной оборонительной стене, за калиткой располагался привратный двор площадью 7,5 x 3,5 м. К северной и западной оборонительным стенам был пристроен ряд сообщающихся между собой помещений. Об облике башни и примыкающих к ней сооружений можно судить по реконструкции (рис. 30), принадлежащей В.П. Толстикову [Tolstikov, 1997, S. 226, Fig. 23].

Эллинистический Порфмий, очевидно, представлял собой небольшое военное поселение. Как полагала Е.Г. Кастанаян, в таком городе могло проживать до 400 человек. Позднеэллинистический город состоял из восьми прямоугольных кварталов шириной 11 м, вытянутых с востока на запад. Каждый из них представлял собой единый строительный блок. Кварталы были разделены тремя продольными улицами и переулками. Срединный переулок делил город на две части – западную и восточную. Вдоль восточной и западной оборонительных стен также были проложены переулки. Ширина продольных улиц составляла 1,50-1,75 м; переулков – 1,50 м. Жилые дома сгруппированы в блоки по кварталам; каждый квартал был разделен поперечными стенами на отдельные участки с домом и двориком (рис. 31). Дома состояли из одной, либо нескольких комнат. Площадь жилых помещений – 15-20 кв. м; некоторые из них достигали площади 35 кв. м. Площадь дворов – около 50 кв. м. Стены были сложены на глиняном растворе из небольших камней известняка или ракушечника, слегка подтесанных по фасаду. Крыши обычно покрывались боспорской черепицей, гораздо реже встречалась черепица из Синопы. Город отличался сравнительным благоустройством [Кастанаян, 1983, с. 160-161]. О декоре отдельных домов свидетельствуют находки фрагментов двух известняковых дорических капителей (одна из них показана на рис. 32), обнаруженных при раскопках юго-западной части поселения и, по определению А.В. Буйских, принадлежавших не храму, а небольшому частному или же общественному строению⁹.

Нам пока не удастся обнаружить близких аналогий планировке позднеэллинистического Порфмия среди синхронных памятников Материковой и Восточной Греции. Обычно в качестве ближайшей аналогии приводят планировку крепости Илурат [Гайдукевич, 1958, рис. 13; Goroncharovskiy, 2007, fig. 1],

⁹ Выражаю благодарность ст. научному сотруднику Института археологии НАН Украины А.В. Буйских за консультации по этому вопросу.

возникшей значительно позже. А.А. Масленников сравнил планировку «нового» Порфмия с планировкой укрепленного сельского поселения у с. Семеновка, существовавшего в то же время [Масленников, 1998а, с. 143, рис. 94]. Такое сопоставление вполне справедливо. Действительно, изучение топографии и планировки эллинистического Порфмия в сравнении с планировкой крупных сельскохозяйственных комплексов, возникающих в это время на Керченском полуострове, представляется весьма перспективным. В качестве еще одной аналогии может служить, например, городище Сююрташ (Золотое Восточное), существовавшее с середины III по конец II вв. до н.э. [Масленников, 2007б, с. 410-411, рис. 171б], а также некоторые другие памятники [Maslennikov, 2007, fig. 3-6].

Обращаясь к данным об освоении греками сельской территории восточной части Керченского полуострова, нельзя не заметить, что возведение новых укреплений Порфмия, перестройка его жилых кварталов синхронна значительным переменам в облике сельскохозяйственной округи боспорских городов. Вот как писала об этом И.Т. Кругликова, посвятившая почти четверть века исследованиям хоры Боспора: «Новый этап в истории сельскохозяйственной территории Боспора начинается во второй половине III – начале II в. до н.э., когда большая часть неукрепленных сельских поселений запустела, на новых, более удобных для обороны местах возникли новые поселения, появились крупные укрепленные усадьбы» [Кругликова, 1975, с. 101]. Проведенные позже масштабные исследования А.А. Масленникова вполне подтверждают этот вывод [Масленников, 1998а, с. 89; 2007а, с. 206-207]. Нельзя не согласиться с утверждением, что «вторая четверть – середина III в. до н.э. – важный рубеж в ее (т.е. хоры Европейского Боспора – М.В.) истории, а, значит, и всего Боспорского государства» [Виноградов, 2006а, с. 283 сл.]. А.А. Масленников не без основания считает вторую половину III – начало I вв. до н.э. одним из самых «смутных и малоизвестных» периодов в истории Боспора [Масленников, 2007а, с. 206].

Планировка Порфмия этого периода, для которой характерна «правильность», компактность, максимальное освоение небольшого пространства на вершине природной возвышенности, находит ближайшие параллели в планировке больших укрепленных усадеб и поселений Восточного Крыма и Крымского Приазовья, существовавших в то же время. Не исключена возможность, что планировка этой небольшой крепости, с рядами жилых домов и хозяйственных помещений, стены которых в северной, западной и южной частях города пристроены непосредственно к оборонительным стенам, является изобретением боспорских строителей. Несомненно, они возводили ее с учетом опыта античного градостроительства, для которого вообще было характерно сочетание сложившихся традиций с экспериментом, всесторонняя оценка конкретных особенностей местности, назначения возводимых построек и т.п. Витрувий в своем знаменитом трактате по архитектуре учил как следовать

традиции, так и «видоизменять ее в соответствии с природным местоположением или величиной сооружения» [III, 3. 13; цит. по Витрувий, 1936], так как «в каждой стране народ рождается с несходными качествами как души, так и телосложения. Поэтому устройство домов должно быть согласовано с особенностями различных племен и народов» [IV, 1. 12]. Добавим от себя – и конкретной военно-политической ситуацией.

Е.Г. Кастанаян, вслед за В.Ф. Гайдукевичем, называла поздний Порфмий клерухией, т.е. военным поселением, возникшим, вероятно, в результате какой-то целенаправленной акции, приводя как пример такой акции переселение и наделение землей каллатийцев при Евмеле, о котором рассказывает Диодор Сицилийский [XX, 25]¹⁰. Нетрудно себе представить, что «новый» город был населен семьями, на мужскую часть которых были возложены обязанности по несению военной службы, наблюдению за районом переправы, поддержанию в надлежащем виде фортификационных сооружений и пр. Обширная плодородная равнина, примыкающая к городу с севера, использовалась его жителями как сельскохозяйственная территория.

Материалы, обнаруженные при раскопках эллинистических комплексов, свидетельствуют, что жители города занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Импортная керамика представлена эллинистическими амфорами, черно- и краснолаковой керамикой, керамикой с накладным орнаментом, «мегарскими» чашами, малоазийскими рельефными сосудами. За годы раскопок Порфмия собрана большая коллекция терракотовых статуэток эллинистического времени [Кастанаян, 1970], среди найденных экземпляров наиболее выразительно представлены изображения женских божеств (рис. 33). Находки лепной керамики для этого периода по-прежнему немногочисленны, значительную ее часть при этом составляют сосуды, имитирующие античные; так, например, в Порфмии широко представлены типы лепных кастрюль, известные по материалам Нимфея [Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 273-275].

Анализ остеологических находок из эллинистического слоя, проведенный А.В. Каспаровым, показывает относительно высокий, по сравнению с материалами из раскопок других боспорских поселений, процент крупного рогатого скота, что, возможно, говорит о хорошем рационе питания населявших Порфмий жителей. Анализ костных остатков показал также, что жители города занимались охотой на дикую птицу практически круглый год¹¹.

В последние годы начались исследования на некрополе Порфимия, некогда открытом В.В. Веселовым [2005, с. 12-14]. Раскапывается его участок, функционировавший в позднеэллинистическое время, т.е., синхронный позднему периоду существования города, расположенный примерно в 300 м к западу

¹⁰ Архив Е.Г. Кастанаян. Неоконченный очерк «Порфмий», с. 11-12.

¹¹ Выражаю благодарность ст. научному сотруднику ИИМК РАН А.В. Каспарову за проделанную работу по определению остеологических материалов из Порфмия.

от городища, за небольшой балкой¹². На участке были обнаружены могилы разных типов: погребения в простых грунтовых ямах, плитовые гробницы и склепы, сложенные из крупных обтесанных блоков известняка [Вахтина, Стоянов 2006]. Всего было раскопано шесть склепов, содержащих многократные захоронения людей, связанных, очевидно, родственными узами. Положение костных останков позволяет прийти к заключению, что умершие были погребены в вытянутом положении, головой на восток (рис. 34). К сожалению, склепы были ограблены (некоторые еще в древности), но даже дошедшие до археологов материалы позволяют судить об относительном богатстве и разнообразии погребального инвентаря, представленного обломками столовых сосудов, бусами, металлическими изделиями и монетами. С одним из склепов (№ 1) связана находка антропоморфного надгробия (рис. 35). Грунтовые и плитовые могилы, как правило, содержали одиночные захоронения с более скромным инвентарем.

Примерно в середине I в. до н.э. (или чуть позже) город был заброшен и никогда больше не восстанавливался. Никаких разрушений или пожаров этого времени на памятнике выявлено не было, очевидно, он был просто оставлен жителями. Бурный период в истории Боспора, начавшийся после Митридатых войн, повлек за собой дестабилизацию общеполитической ситуации и, вероятно, переориентировку многих «векторов» в политике государства. Время прекращения жизни в Порфмии, уход гарнизона из этой небольшой крепости синхронны появлению новой системы укрепленных поселений в глубине полуострова, значительно удаленных от побережья, таких как Илурат и крепость у пос. Артезиан. В.Ф. Гайдукевич в свое время полагал, что «причиной (ухода населения – М.В.), по-видимому, послужило обмеление бухты, повлекшее за собой значительное отступление береговой полосы в восточном направлении. В связи с этим функции поселения, выполнявшего роль наблюдательного пункта у переправы, очевидно, перешли к другому поселению, находившемуся ближе к Сипягинскому мысу (бывш. Еникале)» (1953, л. 1-2).

Рассматривая возможные причины прекращения жизни в Порфмии, нельзя не обратить внимание на последовавший приблизительно на рубеже II–I вв. до н.э. отток жителей из поселений Крымского Приазовья. Так, поселение «Золотое-Восточное», возникшее около третьей четверти III в. до н.э., «просуществовало до рубежа II–I или даже самого начала I в. до н.э.»; приблизительно в это же время жителями были оставлены поселения «Крутой Берег», «Казантип-Восточный II», «Казантип-Западный» и, возможно, другие поселения [Масленников, 2007а, с. 208]. Нельзя не согласиться с исследовавшим эти поселения А.А. Масленниковым, полагающим, что «перерыв

¹² В 2003–2004 гг. работы на некрополе велись под руководством научного сотрудника ИИМК РАН Р.В. Стоянова, а в 2008 – под руководством научного сотрудника КИКЗ П.Г. Столяренко, которым автор выражает свою признательность.

в их жизни – явления одного плана, а также с тем, что «вопрос о точном времени и причинах прекращения жизни в Приазовских городищах около рубежа II–I вв. до н.э.» является «весьма ... важным как для местной истории боспорской хоры, так и всего государства» [Масленников, 2007а, с. 209].

Каковы бы ни были конкретные причины (или совокупность причин), очевидно, что в новую эпоху, наступившую после Митридатовых войн, Порфмий утратил свое значение как крепость у переправы. Уточнить время прекращения жизни на поселении, вероятно, можно будет, предприняв тщательный анализ всей суммы позднейших материалов памятника, прежде всего, нумизматических. Эта работа еще ждет своего исследователя. Пока же приведем данные А.М. Гилевич, изучившей 135 монет¹³, найденных в Порфмии в 1975-1983 гг. [Гилевич, 1994, с. 24-25]. Ряд экземпляров определению не поддавался, хронология же и центры производства остальных выглядят следующим образом.

Большинство найденных в Порфмии монет принадлежали пантикапейской чеканке: 11 экз. относились к IV в. до н.э., самая ранняя монета – к 400-375 гг.; остальные – ко второй половине столетия. К III в. до н.э. принадлежали 48 экз. (в основном, к первой половине и середине столетия). II в. до н.э. датировались 46 экз., из них 28 относились к первой половине и середине II в., конец же столетия представлен единичными экземплярами. К I в. до н.э. относились 11 экз., причем 6 из них принадлежали 90-80 гг. до н.э. Ко времени Фарнака (63-47 гг. до н.э.) относились 3 экз., самой же поздней из монет пантикапейской чеканки оказалась монета времени Асандра (47-44 гг. до н.э.). Среди монет, определенных А.М. Гилевич, были встречены 2 монеты Фанагории II в. до н.э.,¹⁴ 5 монет Амиса и 2 монеты Синопы, относящиеся к митридатовскому времени (111-80 гг. до н.э.). Как представляется, анализ выборки монетных находок, проведенный этой исследовательницей, отчетливо иллюстрирует «угасание» торговой активности Порфмия примерно к середине I в. до н.э. и, очевидно, прекращение жизни на поселении около этого хронологического рубежа.

¹³ Всего за время раскопок Порфмия было найдено более 240 монет, так что выборка, изученная А.М. Гилевич, представляет собой примерно половину всех монетных находок.

¹⁴ Во время консультации по вопросам, связанным с нумизматическими материалами Порфмия, А.М. Гилевич сообщила мне о 13 известных ей найденных здесь фанагорийских монетах, отметив, что подобных монет в Порфмии было найдено больше, чем в Мирмекии и Тиритаке. По мнению исследовательницы, это обстоятельство объясняется близостью Порфмия к району переправ, определявшей его экономические связи, более тесные, чем связи других поселений, с городами азиатского Боспора.

М.Ю. Вахтіна

ПОРФМІЙ – ГРЕЦЬКЕ МІСТО БІЛЯ ПЕРЕПРАВИ
ЧЕРЕЗ КІММЕРІЙСЬКИЙ БОСПОР

Резюме

Боспорське місто Порфмій традиційно ототожнюється з руїнами античного городища, виявленого до північного сходу від м. Керч, на підвищеному плато неподалік від узбережжя Керченської затоки. Перші його розкопки були проведені Боспорською археологічною експедицією ЛОІА АН СРСР/ІІМК РАН у 1953 р. За декілька десятиріч систематичних розкопок був накопичений значний археологічний матеріал, який дозволяє наблизитися до розуміння особливостей життя та своєрідності матеріальної культури цього «маленького» боспорського міста.

На підставі маєвих в нашому розпорядженні даних можна з упевненістю говорити про заснування Порфмія у середині – на початку третьої чверті VI ст. до н. е. Будівельні залишки та оборонні споруди, які відносяться до VI – першої треті V ст. до н. е., були виявлені у східній та південно-східній частинах городища. Особливий інтерес завдають залишки архаїчних фортифікаційних споруд, які є не тільки самими стародавніми для даної пам'ятки, але також одними із самих ранніх, розкритих на Боспорі. На межі VI – V ст. до н. е. Порфмій пережив катастрофу – на всій площі, де були виявлені архаїчні залишки, просліджуються сліди пожежі. Результати розкопок дозволяють стверджувати, що життя в Порфмії після першої хвилі зруйнувань відновилося достатньо швидко. Очевидно, були відновлені та продовжили функціонувати фортифікаційні споруди. В цей період в Порфмії з'являються наземні житлові комплекси, возведенні у техніці, яка характерна для поселень Боспора пізнього архаїчного та раннього класичного часу. Ці побудови підлягають зруйнуванню у середині – третій чверті V ст. до н. е.

Таким чином, на основі аналізу будівельних залишків, розкритих на великій площі у східній частині городища, ми можемо намітити два основних етапи в розвитку архаїчного Порфмія, відокремлених одне від одного та від слідуючого етапу шарами пожеж та зруйнувань. Ці зруйнування, на наш погляд, чудово ілюструють складну ситуацію, яка існувала в епоху архаїки у районі Кімерійського Боспору.

Дослідження показали, що у середині – другій половині III ст. до н. е. відбулася глобальна перебудова існуючого раніше поселення. В цей період були возведенні нові оборонні споруди та житлові будівлі. Оборонні стіни міста та його житлові будинки були зорієнтовані на всі боки світу. Стіни, частково виявлені по всьому периметру міста, були складені з великих, майже не оброблених глибоко мшанського вапняку. Розкрита одна з веж, північна – західна, прямокутна у плані. Пізній елліністичний місто складалося з восьми прямокутних кварталів, витягнутих зі сходу на захід. Кwartали були поділені продовжними вулицями та провулками. Будинки склалися з однієї або декількох кімнат, кожний будинок мав внутрішній двір. Матеріали, виявлені при розкопках елліністичних комплексів, свідчать про те, що мешканці міста займалися сільським господарством, рибалкою та полюванням.

В останні роки почалися дослідження на некрополі Порфмія. Досліджується ділянка некрополя, яка функціонувала у пізній елліністичній часи.

М.Ю. Вахтина

ПОРФМИЙ – ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД
У ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ КИММЕРИЙСКИЙ БОСПОР

Резюме

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с руинами античного городища, обнаруженными к северо-востоку от г. Керчи, на возвышенном плато недалеко от побережья Керченского пролива. Первые его раскопки были проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в 1953 г. За несколько десятилетий систематических раскопок был накоплен значительный археологический материал, позволяющий приблизиться к пониманию особенностей жизни и своеобразия материальной культуры этого «малого» боспорского города.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно с уверенностью говорить об основании Порфмий в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э. Строительные остатки и оборонительные сооружения, относящиеся к VI – первой трети V вв. до н.э., были выявлены в восточной и юго-восточной частях городища. Особый интерес представляют остатки архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних, открытых на Боспоре. На рубеже VI-V вв. до н.э. Порфмий пережил катастрофу – на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Результаты раскопок позволяют утверждать, что жизнь в Порфмий после первой волны разрушений восстановилась достаточно быстро. Очевидно, были восстановлены и продолжали функционировать фортификационные сооружения. В этот период в Порфмий появляются наземные жилые комплексы, возведенные в технике, характерной для поселений Боспора позднеархаического и раннеклассического времени. Эти постройки подвергаются разрушению в середине – третьей четверти V в. до н.э.

Таким образом, на основании анализа строительных остатков, раскрытых на большой площади в восточной части городища, мы можем наметить два основных этапа в развитии архаического Порфмий, отделенными друг от друга и от последующего этапа слоями пожаров и разрушений. Эти разрушения, на наш взгляд, прекрасно иллюстрируют сложную ситуацию, существовавшую в эпоху архаики в районе Киммерийского Боспора.

Исследования показали, что в середине – второй половине III в. до н.э. произошла глобальная перестройка существовавшего ранее поселения. В этот период были возведены новые оборонительные сооружения и жилые постройки. Оборонительные стены города и его жилые дома были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города, были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка. Раскрыта одна из башен, северо-западная, прямоугольная в плане. Позднеэллинистический город состоял из восьми прямоугольных кварталов, вытянутых с востока на запад. Кварталы были разделены продольными улицами и переулками. Дома состояли из одной либо нескольких комнат, каждый дом имел внутренний двор. Материалы, обнаруженные при раскопках эллинистических комплексов, свидетельствуют о том, что жители города занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой.

В последние годы начались исследования на некрополе Порфмий. Исследуется участок некрополя, функционировавший в позднеэллинистическое время. Были обнаружены могилы разных типов: погребения в простых грунтовых ямах, плитовые гробницы и склепы, сложенные из крупных обтесанных блоков известняка.

Примерно в середине I в. до н.э. или чуть позднее город был заброшен и никогда больше не восстанавливался.

PORTHMION – GREEK CITY NEAR THE WAY ACROSS CIMMERIAN BOSPOROS

Summary

The article summarizes the main achievements in the investigation of the Greek Bosporan city of Porthmion (fig. 1). Traditionally, Porthmion is identified with the remains of ancient town situated north-east of the modern city of Kerch on the outskirts of the village Zhukovka (fig. 2). Information about a settlement called Porthmion is provided by ancient authors. That the name is derived from the Greek πορθμός (crossing) is fairly obvious and has never been questioned. Indeed, both written and archaeological sources suggest that one of the traditional routes across the Strait of Kerch linking the Kuban region with the Crimea ran close to the city. The proximity of Porthmion to the routes connected European and Asiatic parts of Bosporos Kingdom, which have been also used by nomad tribes with no doubt reflected at the history of the Greek settlement.

From 1953 the excavations at Porthmion were carried out by the Bosporan Archaeological Expedition of LOIA (now IHMC\IIMK) RAS. Quite a number of important discoveries are connected with the name of E.G.Kastanajan, who directed the excavations till 1986. Under her guidance the remains of Porthmion fortifications and residential constructions of the Late Hellenistic period have been uncovered (fig. 28) [Kastanajan, 1970; 1972; 1975; 1983]. During the next period of excavations from 1986 till now the spacial attention was given to investigation of the remains of Late Archaic and Early Classical periods. From 2003 the excavation at Porthmion necropolis began.

A considerable amount of evidences concerning the the initial stage of of the occupation of Porthmion has been gathered [Vachtina, 2003; Vakhtina, 2006]. The results of excavations suggest that that originally the town was designed and founded as a small fortified settlement. The building remains dated from the second half of the 6th to the first third of the 5th centuries BC were uncovered in the eastern and south-eastern parts of the site. The most remarkable are the traces of the Archaic fortifications (fig. 3-9). The early fortification walls revealed at Porthmion are comparable in terms of their age and the construction technique only with the defensive walls of Myrmekion. They can be dated to the second half of the 6th century BC. The erection of defensive walls at Porthmion was not a mere tribute to caution, but was rather dictated by the harsh realities of life. Towards the very end of the 6th century BC the settlement was involved in a largescale catastrophe, during wich the site were destroyed by fire. Immediately after the catastrophe mentioned above Porthmion was rebuilt. The foundations of the walls of the big dwelling complex excavated in the eastern part of the site (fig. 22) were put directly on the burnt level. In the first third of the 5th century BC this complex was in its turn also destroyed by fire. It would be natural to suppose that the immediate causes of those fires and catastrophes were most probably the aggravation in the connections with nomad tribes.

The next important period of the city's existence is connected with the building of the new fortifications (fig. 29-30) and new buildings (fig. 31), concurrently erected by a single plan in the mid.-second half of the 3rd century BC.

Life at Porthmion finally ceased around the middle of the 1st century BC. The fortress was abandoned and never was restored again. Having survived all the calamities of the preceding period, the inhabitants of the city left it after the Mithridates wars, during the epoch of prolonged crisis.

In recent years the investigation of Porthmion necropolis to the west from the site began. The excavations revealed several types of funeral constructions: burials in simple pits, burials in pits, covered with limestone plates, burials in crypts made of limestone blocks with collective burials. All the buried were put in graves with their heads towards the west; the funeral rite was obviously Greek (fig. 34). All the uncovered graves belonged to the Hellenistic period.

Рис. 1. Обобщенный топографический план Порфмия и его некрополя

Рис. 2. Городище Порфмий (вид с юга)

Рис. 3. Вид с холма, где располагался древний город, на Керченский пролив и современную паромную переправу

Рис. 4. Восточная архаическая оборонительная стена (современное состояние)

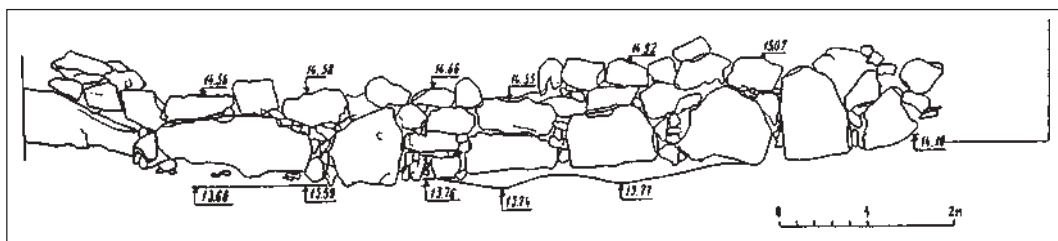

Рис. 5. Фас цоколя восточной архаической оборонительной стены

Рис. 6. Фрагмент кладки архаической оборонительной стены (съемка 1986 г.)

Рис. 7. Южная часть цоколя архаической оборонительной стены

Рис. 8. Архаический водосток

Рис. 9. Фрагмент западной архаической оборонительной стены

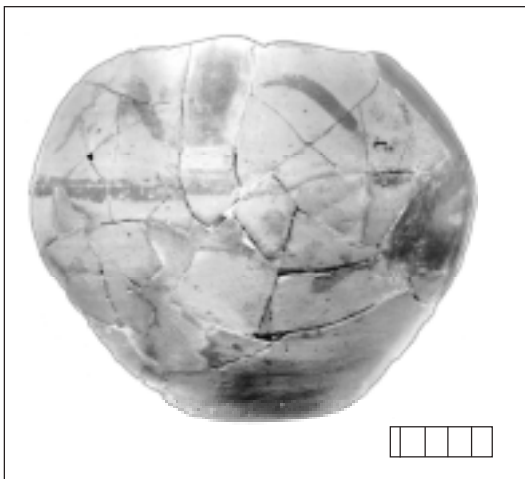

Рис. 10. Фрагментированный североионийский кувшин с росписью из полос и волнистых линий

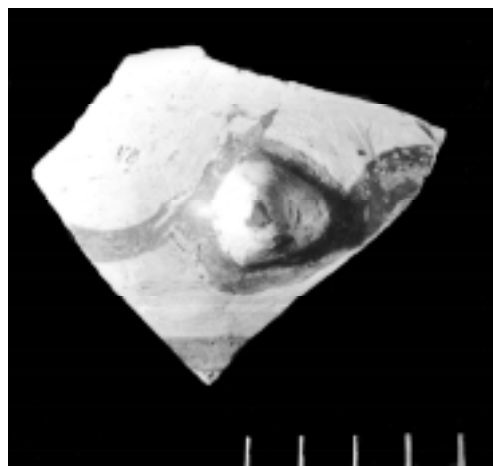

Рис. 11. Фрагмент стенки североионийского кувшина с ручкой-выступом

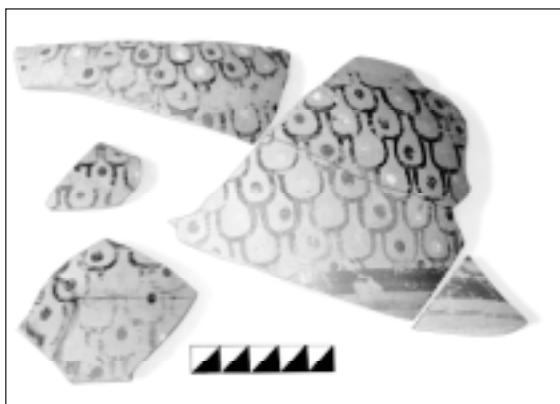

Рис. 12. Фрагменты клазоменских амфор

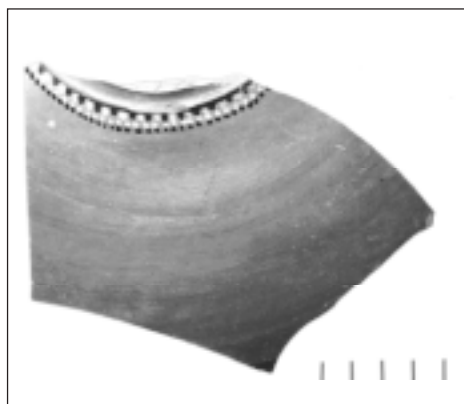

Рис. 13. Фрагмент клазоменского сосуда

Рис. 14. Фрагментированная клазоменская амфора, лежавшая «in situ» в горелом слое по трассе восточной оборонительной стены

Рис. 15. Железный кинжал из архаического слоя в западной части городища (раскопки Е.Г. Кастанаян)

Рис. 16. Фрагмент аттического чернофигурного лекифа с изображением «скифского лучника»

Рис. 17. Остатки помещений архаического времени в северо-восточной части городища

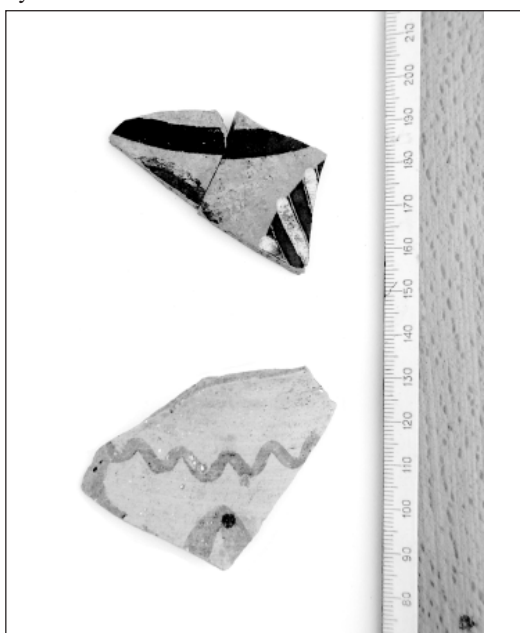

Рис. 18. Находки из развалов сырцовых стен в юго-восточной части городища:

1 - фрагмент клазоменской амфоры с частью изображения фантастического существа; 2 – фрагмент ионийского кувшина

Рис. 19. Остатки очага, открытого в юго-восточной части городища

Рис. 20. Фрагмент орнаментированной жаровни

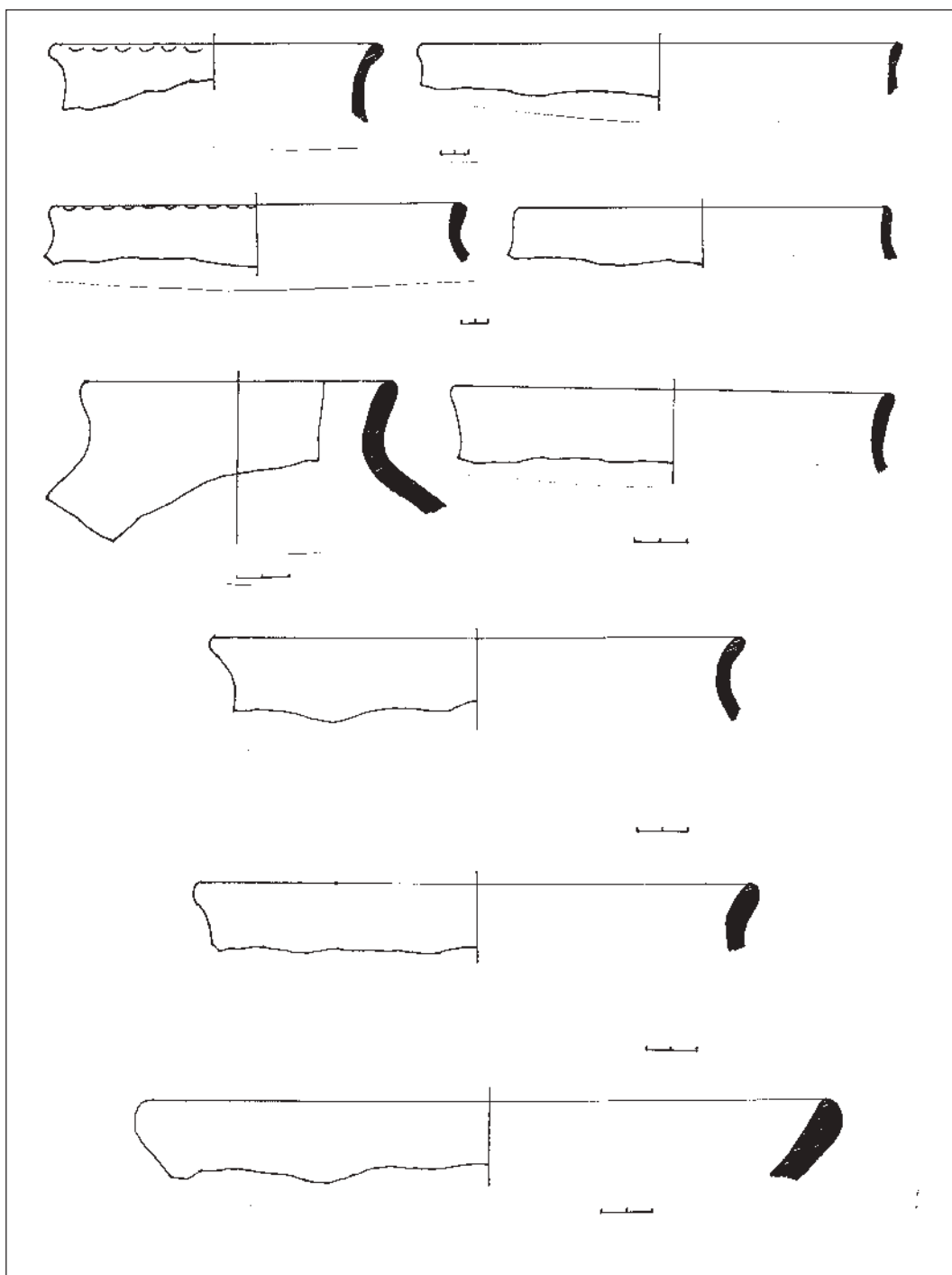

Рис. 21. Фрагменты лепной керамики из раскопок архаического Порфмий

Рис. 22. Часть позднеархаического наземного комплекса, пристроенного к восточной архаической оборонительной стене (вид с востока)

Рис. 23. Фрагмент костяной рукоятки ножа из помещения № 2

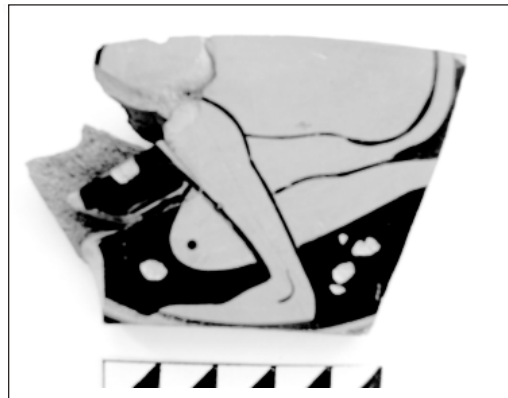

Рис. 24. Фрагмент дна аттической чаши с росписью в медальоне дна из зольника

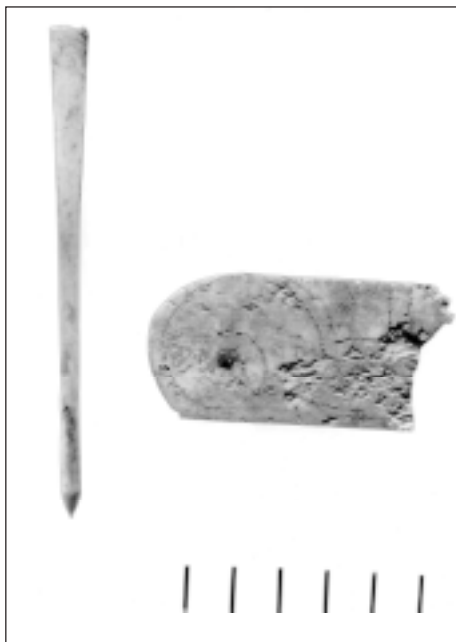

Рис. 25. Находки костяных изделий из зольника – стилос и фрагмент орнаментированной костяной пластины

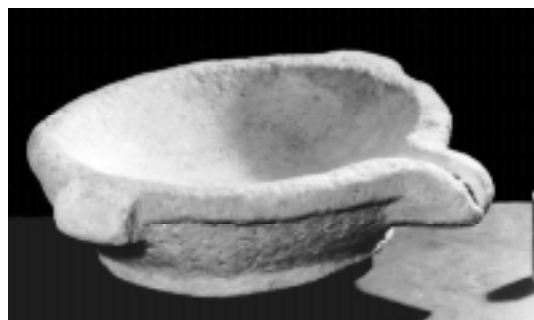

Рис. 26. Известняковый лутерий из свалки за пределами восточной оборонительной стены

Рис. 27. Стратиграфия восточного участка городища

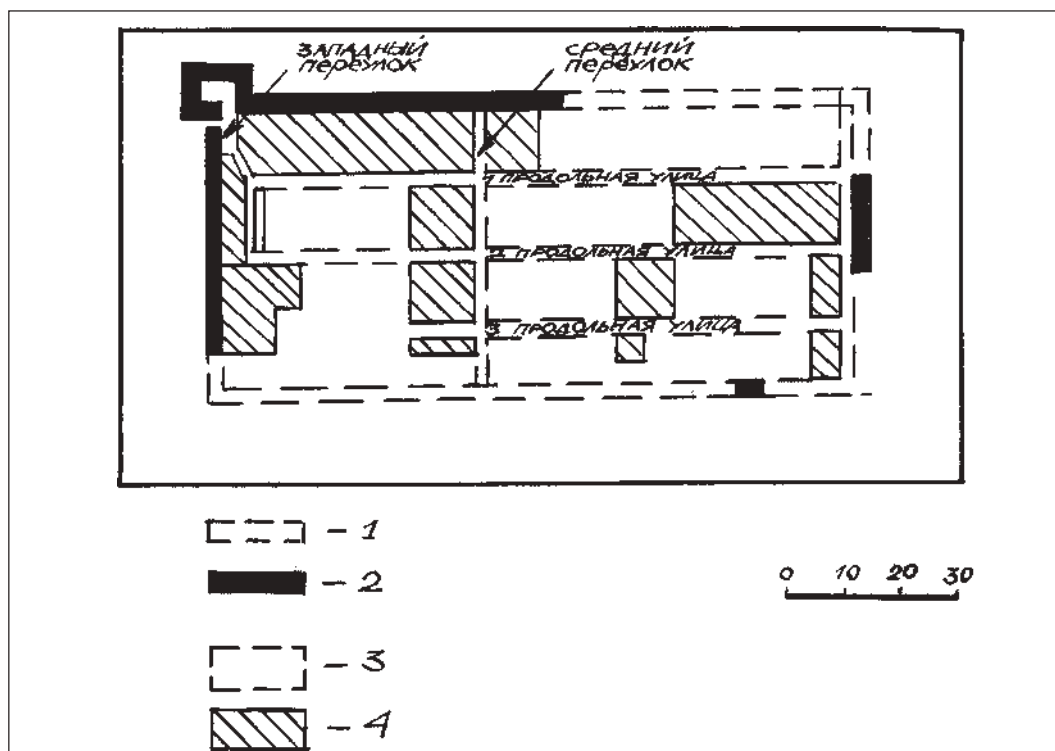

Рис. 28. План-схема эллинистического Порфмья (по Е.Г. Кастанаян).

1 – предполагаемые границы оборонительных стен; 2 – остатки фортификационных сооружений, выявленных в процессе раскопок; 3 – границы жилых кварталов; 4 – раскопанные участки жилой застройки

Рис. 29. Остатки северо-западной эллинистической башни (раскопки Е.Г. Кастанаян)

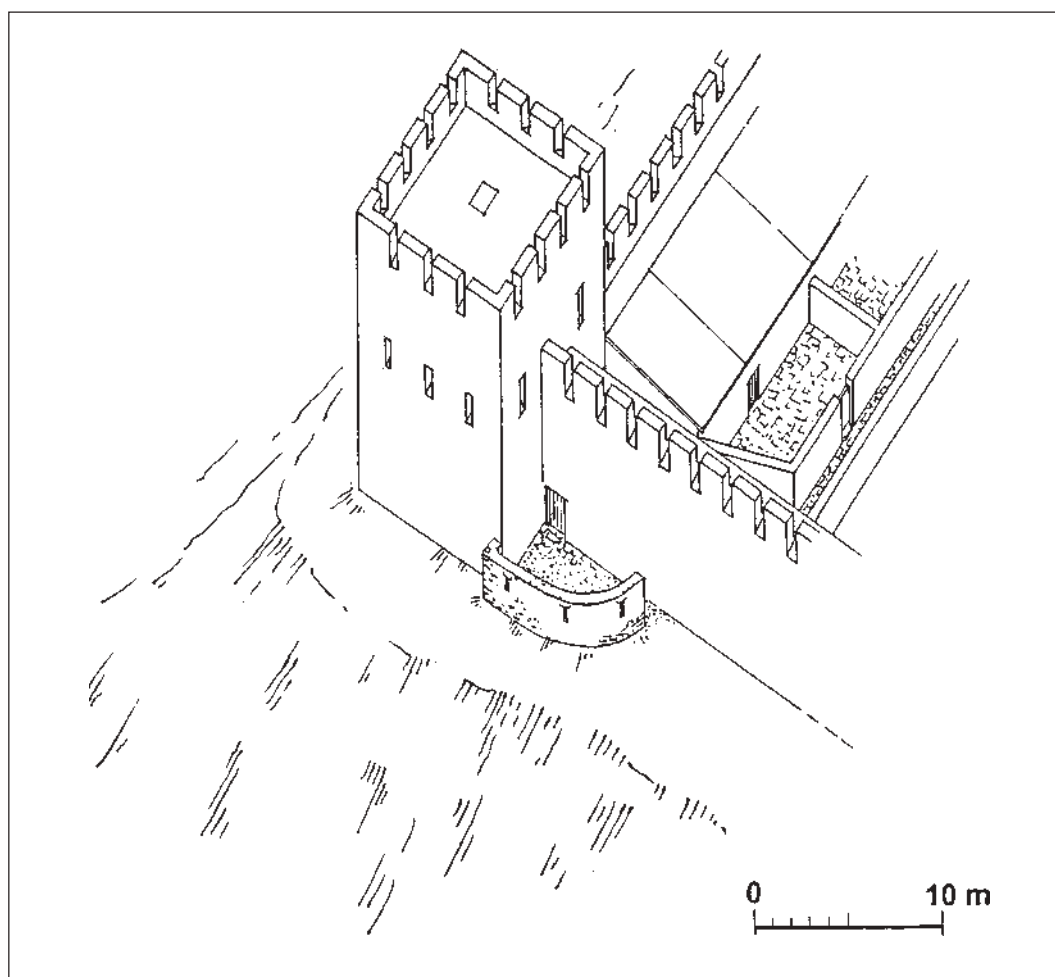

Рис. 30. Укрепления эллинистического Порфмия (реконструкция В.П. Толстикова)

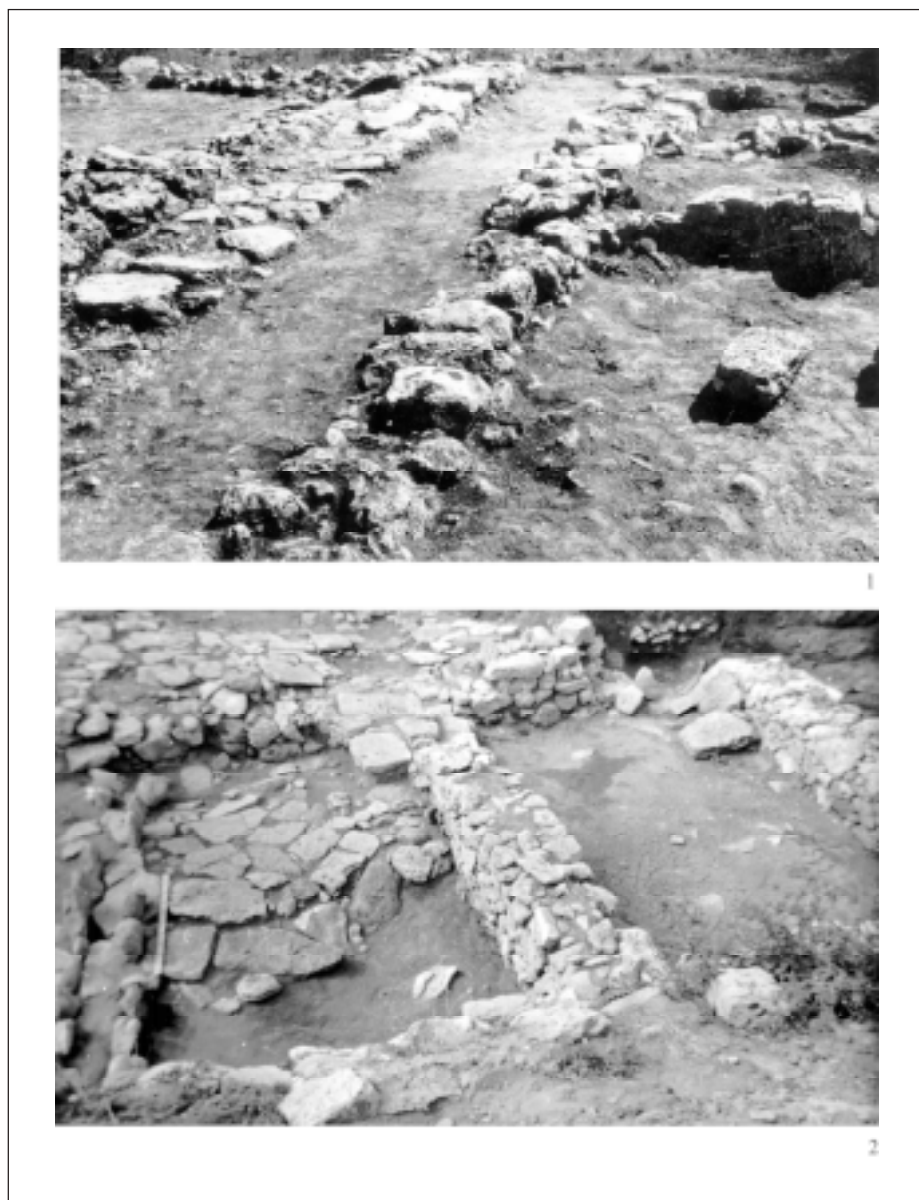

Рис. 31. Фрагмент городской застройки эпохи эллинизма (раскопки Е.Г. Кастанаян)

1 – 2-ая продольная улица; 2 – остатки жилого дома на раскопе III (А-Б)

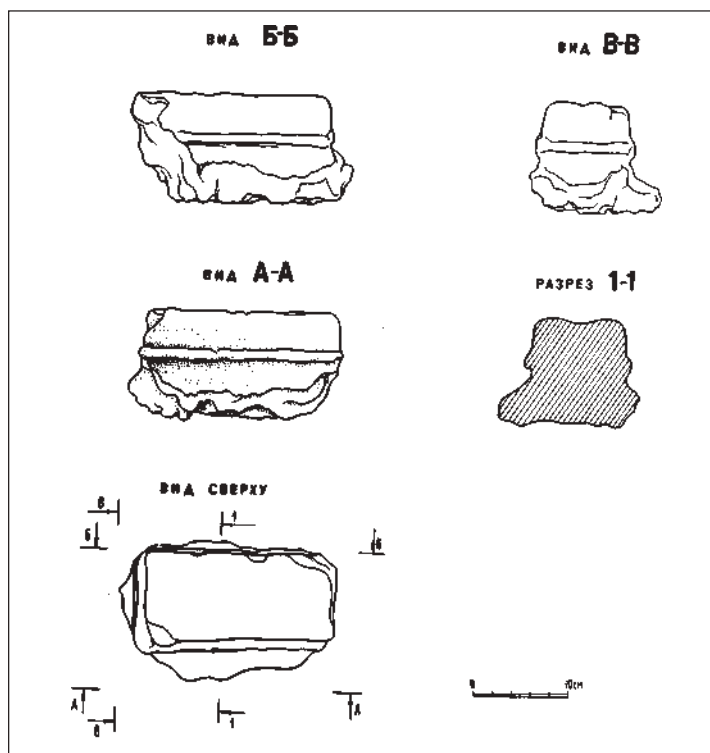

Рис. 32. Фрагмент известняковой эллинистической капители

Рис. 33. Фрагменты терракотовых статуэток, представляющих Кибелу, сидящую на троне (из раскопок Е.Г. Кастанаян)

Рис. 34. Некрополь Порфмия. Склеп № 4 (раскопки П.Г. Столяренко)

Рис. 35. Антропоморфное надгробие, найденное на некрополе (склеп № 1) (раскопки Р.В. Стоянова)

ПУБЛИКАЦИИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, В.П. НИКОНОВ

ДЕРЕВЯННАЯ ОСНОВА СЕДЛА ИЗ КЕРЧЕНСКОГО КУРГАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. ДО Н. Э.

Проблема генезиса седла в степях Евразии, несмотря на накопленный к настоящему времени немалый фактический материал, остается весьма непростой для разрешения. Всестороннее рассмотрение вопроса требует привлечения всех имеющихся исторических, археологических и изобразительных данных. В высшей степени странно, однако, что от внимания ученых, специально занимающихся обозначенной проблематикой, ускользнула одна очень давняя, чрезвычайно показательная и к тому же сравнительно неплохо сохранившаяся находка. Речь идет о деревянной пластине, обнаруженной в 1859 г. в одном из курганов под Керчью (на северном склоне горы Митридат, против Татарской слободки) и хранящаяся сейчас в Государственном Эрмитаже [П., 1859, 1]¹. Курган раскапывался выдающимся керченским археологом А.Е. Люценко, на хорошем для того времени методическом уровне и, в общем, сравнительно неплохо документирован [Рукописный архив ИИМК РАН, Оп. I, 1859, № 12, л. 1–2, 11–12, 122–123; № 21, л. 6–7].

Находка происходит из гробницы, которая, следуя сквозной нумерации погребальных комплексов, исследованных в 1859 г. под Керчью, имеет № 4². Эта гробница была открыта в южной части одного из «полураскопанных» курганов «средней величины» на глубине одной сажени (2,13 м), вероятно, от вершины насыпи (рис. 1). Погребальная конструкция, сложенная из каменных плит и покрытая двумя такими же плитами, имела четырехугольную форму и была ориентирована в широтном направлении. Ее длина составляла около 1,80 м, ширина – 1,25 м, глубина – 0,90 м.

¹ Выражаем нашу сердечную благодарность сотруднице Гос. Эрмитажа Н.З. Куниной за предоставленную возможность ознакомиться с находкой. К сожалению, слова благодарности приходится говорить уже посмертно, поскольку в июне 2007 г. эта замечательная женщина ушла из жизни. Ее смерть стала для нас большим ударом, как и для всех, знавших ее хотя бы немного.

² Кроме гробницы № 4, в кургане были открыты еще две – №№ 5 и 8. Земляная гробница № 5 содержала захоронение ребенка с четырьмя лекифами (сетчатыми и с изображением пальметок); «ожженная гробница» № 8 (кремация) была обнаружена на поверхности материка в западной части кургана (см. рис. 1, план). Среди углей и обгоревших человеческих костей были найдены обломки битой посуды и медные гвозди от сгоревшего гроба (Ф. 1, 1859, № 12, л. 2, 12–14).

В каменной гробнице был обнаружен деревянный саркофаг с резными украшениями, в котором лежал мужской костяк головой на восток. Судя по имеющимся описаниям, у ног костяка находилась керамическая урна с остатками кремации. Около правого колена была положена интересующая нас деревянная пластина с крупной железной пряжкой; выше его находились большая медная шпилька и железный стригиль, а возле левого колена — полуистлевшая деревянная шкатулка с бронзовыми ручками; несколько выше левого колена была обнаружена медная сильно окислившаяся монета. Около саркофага с западной стороны, т.е. в ногах погребенного, была поставлена небольшая краснофигурная пелика, хранящаяся сейчас в фондах Государственного Эрмитажа [П., 1859, 2]. На этой пелике с одной стороны изображены две задрапированные фигуры около алтаря, в руке у левого персонажа находится тимпан; с другой стороны сосуда представлена одна задрапированная фигура также около алтаря. Эта находка позволяет уверенно датировать весь комплекс в пределах второй половины IV в. до н. э.

Что касается интересующего нас деревянного предмета (рис. 2), то он представляет собой изогнутую пластину размером 28×22,5 см при толщине 2,5–3 см. Поверхность пластины местами сильно потерта и даже заполирована. С одной боковой стороны хорошо сохранилась прорезь, в которой закреплен конец гнутого деревянного стержня толщиной 2 см. Место соединения стержня с пластиной охвачено бронзовой обоймой, набитой сюда с помощью бронзовых гвоздиков. Следы от гвоздей, расположенные в форме полукруга, имеются также на противоположной стороне пластины, что дает основание предполагать, что здесь тоже находилась прорезь с вставленным в нее гнутым деревянным стержнем и бронзовой обоймой. На нижней поверхности рассматриваемого предмета имеется выемка (22×19 см) глубиной около 1 см, видимо, предназначенная для войлочной подкладки.

Почти за 150 лет, прошедших с момента обнаружения описанного предмета, он практически не привлек внимания исследователей боспорских древностей; лишь Н.И. Сокольский обратил внимание на эту деревянную (кленовую) пластину, посчитав ее частью седла [Сокольский, 1971, с. 227, 286, табл. XXXIV, 2; ср. Горончаровский, 2007, с. 324–325]. Вывод уважаемого исследователя, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания. К нему можно добавить, что боковые стержни, вставленные в специальные прорези и закрепленные с помощью бронзовых обоймочек, вероятнее всего, служили основами передней и задней лук. Можно предполагать также, что пластина помещалась на мягкую, скорее всего, войлочную основу. Почти нет сомнения, что в конструкцию седла входили также кожаные мешочки. В общем, у нас нет сомнений в том, что рассматриваемая керченская находка является частью седла; не случайно, что рядом с ней была обнаружена железная пряжка, которую исследователь кургана сразу признал подпружной [Архив ИИМК РАН, Оп. I, 1859, № 12, л. 122].

Находка основы седла в кургане второй половины IV в. до н.э. для района Боспора Киммерийского является уникальной, хотя находки конской узды, как хорошо известно, здесь отнюдь не редкость. Обычно они хорошо увязываются с культурой кочевых народов Северного Причерноморья. В данном случае картина открывается чрезвычайно любопытная. Общий облик керченской гробницы 1859 г., детали обряда погребения и сопровождающий инвентарь следует признать вполне греческим, более того – палестрическим, поскольку среди погребального инвентаря представлен стригиль. Основа седла, однако, уводит нас в мир северопричерноморских степей времени заката Великой Скифии. В научной литературе уже высказывалось мнение, что скифы не позднее IV в. до н. э. использовали жесткие деревянные седла [Граков, 1971, с. 98; Мелюкова, 1989, с. 97; ср.: Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 403-406].

В связи с этим следует обратить внимание на несколько хорошо известных погребальных памятников скифской аристократии IV в. до н. э. К примеру, в Толстой Могиле были зафиксированы остатки седла, сохранившиеся в виде древесного тлена, там же были найдены подпружные пряжки [Мозолевский, 1979, с. 36, 190]. В кургане Козел, по данным И.Е. Забелина, седла, украшенные золотыми обивками, были обнаружены на трех погребенных там конях [ср.: Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 403]. Однако еще более показательными представляются факты, полученные в Александропольском кургане во время раскопок упоминавшегося выше А.Е. Люценко. Как известно, этот археолог начал раскопки здесь в 1855 г. и сразу открыл захоронение верхового коня с богатым уздечным набором. На спине костяка было обнаружено полуистлевшее седло, имевшее в ширину около $\frac{3}{4}$ аршина (53,3 см). Седло в своей основе было деревянным, при этом окрашенным в красную краску; передняя и задняя луки имели украшения в виде золотых обивок. С левой стороны от него находилась железная пряжка, очевидно, относившаяся к подпруге; с правой стороны А.Е. Люценко заметил остатки колчана [ДГС, I, с. 10; Лазаревский, 1895, с. 30-31]. В 1855-м, а затем в 1856 г., в кургане были найдены также и другие погребения лошадей с седлами, от которых, правда, сохранились только золотые обивки [ДГС, I, с. 16, 18; Лазаревский, 1895, с. 35]. Следует подчеркнуть, что А. Е. Люценко обнаружил здесь также погребения коней без седел, но они, как справедливо полагал исследователь, скорее всего, не были верховыми [ДГС, I, с. 20; Лазаревский, 1895, с. 36]. Все эти наблюдения позволяют достаточно уверенно полагать, что скифы, по крайней мере во второй половине IV в. до н. э., использовали седло, в конструкцию которого входили кожаные подушки и деревянная дощечка [ср.: Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 406]. Есть основания предполагать также, что скифы экспериментировали со стремениами [Clutton-Brock, 1992, p. 76, 102], но это совсем другой сюжет.

Впрочем, совсем недавно Е.В. Степанова подвергла это предположение сомнению и предложила свою точку зрения, согласно которой седла

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа...

в хронологическом диапазоне от VII–VI вв. до н. э. по первые века новой эры были только мягкими, т. е. не имевшими жесткой деревянной основы, а их седельные подушки были снабжены разного вида мягкими упорами (по типу знаменитых седел из Пазырыкских курганов). Седла жесткой конструкции, по ее мнению, появились в Центральной Азии не позднее начала IV в. н. э. и не ранее конца того же столетия. В степи Северного Причерноморья, как представляется исследовательнице, они попали вместе с гуннами [Степанова, 2003; 2004].

Согласиться с подобным утверждением нам не представляется возможным. Дело в том, что дошедшие до нашего времени вещественные и иконографические материалы определенно свидетельствуют о бытовании жестких седел в кавалерии сарматских племен [Симоненко, 2004], римлян [Connolly, 1987; Clutton-Brock, 1992, p. 75], парфян и ранних Сасанидов [Herrmann, 1989; Никоноров, 2002б; 2005, с. 161]. Другими словами, их распространение в западной части евразийского материка имело место еще до гуннского вторжения в Юго-Восточную Европу.

Концепция Е. В. Степановой явно не учитывает такой важный импульс к возникновению седел с жесткой деревянной основой, как потребности развития военного дела. Не позднее IV в. до н. э. на вооружении скифской конницы появляются длинные штурмовые пики [Черненко, 1984б], управление которыми в бою требовало достаточно прочной посадки всадника, чтобы не упасть с коня в момент удара. Прежние мягкие седла никак не соответствовали такой задаче в отличие от новых, с деревянной основой, имевших жесткие упоры в виде передней и задней лук или же выступов-«рогов». Не позднее III в. до н. э. на поля сражений вступают катафракты – закованные в доспехи конные пикейщики [Хазанов, 1971, с. 71–81; Mielczarek, 1993], для всаднического снаряжения которых седло жесткой конструкции являлось уже важнейшим и неотъемлемым атрибутом.

Керченская находка 1859 г. благодаря своей неплохой сохранности и надежной датировке (вторая половина IV в. до н.э.), безусловно, имеет очень важное научное значение для изучения всаднических древностей античной эпохи. Она еще раз демонстрирует, насколько тесной была связь Боспора с миром северопричерноморских номадов, насколько быстро боспоряне воспринимали передовые достижения в военном деле из их арсенала.

Ю.О. Виноградов, В.П. Никоноров

ДЕРЕВ'ЯНА ОСНОВА СІДЛА З КЕРЧЕНСЬКОГО КУРГАНУ
ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ IV СТ. ДО Н. Е.

Резюме

Проблема розвитку сідла у Євразійських степах все ще залишається важкою для розв'язання. В цьому зв'язку уявляється дуже дивним, що фахівці, які займаються цією проблематикою, не наділяють уваги однієї дуже давньої, але дуже цікавої знахідки, яка відрізняється гарним зберіганням. Це – дерев'яна платівка, знайдена у 1859 р. у кургані в околиці міста Керчі, яка зберігається зараз в Державному Ермітажі. Завдяки невеликій краснофігурній пеліці, знайденої біля саркофагу, який вміщає чоловічий кістяк, гробниця може бути надійно датована другою половиною IV ст. до н. е. На пеліку зображені дві задрапіровані фігури перед олтарем.

Розглянутий предмет уявляє собою зогнуту дерев'яну платівку (28 x 22,5 см), на підвалині якої є виїмка глибиною 1 см, яка, явно, назначалася для кріплення платівки на поверхні будь-якого м'якого матеріалу, наприклад, войлоку. Необхідно відмітити, що платівка місцями дуже потерта і навіть наполовірована. З боків розташовані прорізи, в яких закріплені кінці гнутого дерев'яного стрижня товщиною 2 см, який служив, мабуть, основою видільного заднику. Місце з'єднання стрижня з платівкою охоплене бронзовою обоймою, яка набита сюди за допомогою бронзових цвяхів. До цих пір з дослідників боспорських стародавностей лише Н. І. Сокольський звернув увагу на цю платівку, вважаючи її частиною сідла. Ми розподіляємо цю точку зору шановного дослідника.

Знахідка дерев'яної основи сідла у кургані другої половини IV ст. до н. е. для району Боспору Кіммерійського унікальна. Цю гробницю та деталі поховального обряду слідус визнати цілком грецькими, але знахідка основи сідла звідси уводить нас в світ степів Північного Причорномор'я часів занепаду Великої Скіфії.

Ю.А. Виноградов, В.П. Никоноров

ДЕРЕВЯННАЯ ОСНОВА СЕДЛА ИЗ КЕРЧЕНСКОГО КУРГАНА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. ДО Н. Э.

Резюме

Проблема развития седла в Евразийских степях все еще остается трудной для разрешения. В этой связи представляется очень странным, что специалисты, занимающиеся этой проблематикой, не уделяют внимания одной очень старой, но очень любопытной находке, отличающейся хорошей сохранностью. Это – деревянная пластина, обнаруженная в 1859 г. в кургане в окрестностях города Керчи и хранящаяся сейчас в Государственном Эрмитаже. Благодаря небольшой краснофигурной пелике, найденной около саркофага, содержащего мужской костяк, гробница может быть надежно датирована второй половиной IV в. до н.э. На пелике изображены две задрапированные фигуры перед алтарем.

Рассматриваемый предмет представляет собой изогнутую деревянную пластину (28 × 22,5 см), на основании которой имеется выемка глубиной 1 см, которая, очевидно, предназначалась для крепления пластины на поверхности какого-нибудь мягкого материала, к примеру, войлока. Необходимо отметить, что пластина местами сильно потерта и даже заполирована. С боков расположены прорезы, в которых закреплены концы гнутого деревянного стержня толщиной 2 см, служившего, вероятнее всего, основой седельного задника. Место соединения стержня с пластиной охвачено бронзовой обоймой, набитой сюда с помощью бронзовых гвоздиков. До сих пор из исследователей боспорских древностей лишь Н.И. Сокольский обратил внимание на эту пластину, посчитав ее частью седла. Мы разделяем точку зрения уважаемого исследователя.

Находка деревянной основы седла в кургане второй половины IV в. до н.э. для района Боспора Киммерийского уникальна. Рассматриваемую гробницу и детали погребального обряда следует признать вполне греческими, но находка основы седла отсюда уводит нас в мир степей Северного Причерноморья времени заката Великой Скифии.

Yu.A. Vinogradov, V.P. Nikonorov

A WOODEN SADDLE CORE OF THE LATTER HALF
OF THE 4TH CENTURY BC FROM A KERCH BARROW

Summary

A problem of the saddle genesis in the Eurasian steppes is still difficult to be resolved. It seems extremely strange that expert dealing with this problematic have paid no attention to a vary old, but very interesting and sufficiently well preserved find, a wooden plate uncovered in 1859 in one of the barrows in the vicinity of the city Kerch (ancient Panticapaeon) and kept at present at the State Hermitage in St. Petersburg. Thanks to a small red-figured pelica depicting two draped personages by an altar, which was found near a sarcophagus containing a man's skeleton, thi tomb may be quite saferly dated to the latter half of the 4th century BC.

The thing under review is a curved plate of wood measuring 28 × 22,5 cm, its bottom having a hollow, about 1 cm deep, which was probably intended for a padding of soft material like felt. It should be noted that some spots of the plate's surface had been very worn out and even polished. Its sides are provided with cuts, in which the ends of a bent wooden rob, 2 cm thick, serving in all likelihood as a basis of the saddle counter, are fastened. The rod-and-plate junction is embraced with a bronze yoke hammered into with little bronze nails. Until now, to our knowledge, N.I. Sokolsky was the only among other researchers of Bosporan antiquities who paid attention to this object, believing it to have been a part of a saddle. We share the point of view of so authoritative archaeologist.

The finding of this wooden saddle core in the barrow of the latter half of the 4th century BC is unique for the entire territory of the Cimmerian Bosphorus. Although the tomb in question and details of funeral rites performed in it should be considered as quite Greek, the saddle core from there leads us away – to the steppe world of the Northern Pontic area, to the epoch of the decline of Great Scythia.

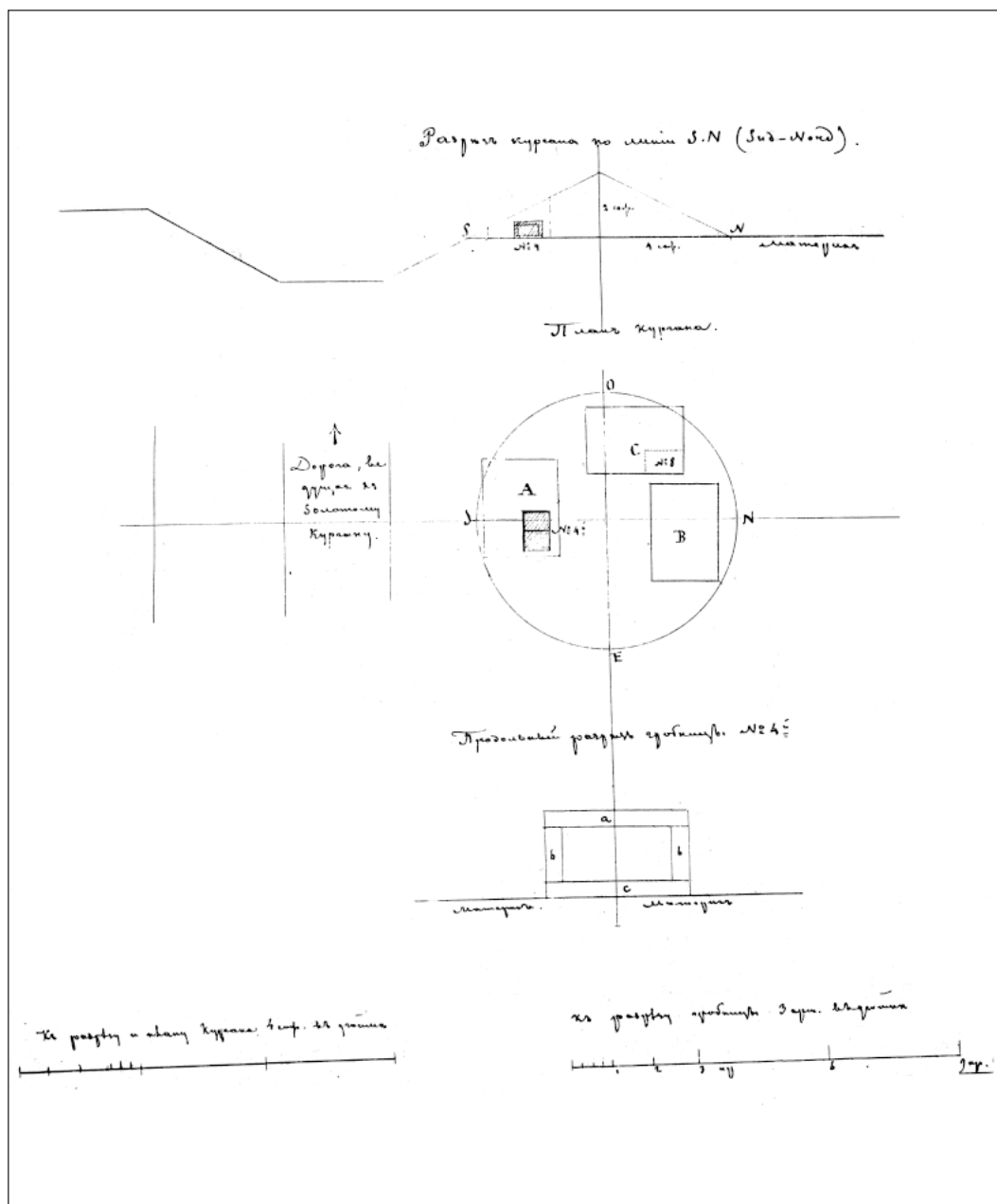

Рис. 1. Керченский курган 1859 г. (по НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1859. № 12. Л. 83)

Условные обозначения:

А – первый раскоп в кургане; № 4 – каменная гробница;
 В – второй раскоп в кургане; С – третий раскоп в кургане;
 А – крышка гробницы; b-b – стены гробницы; с – пол гробницы;
 № 8 – «жженная гробница».

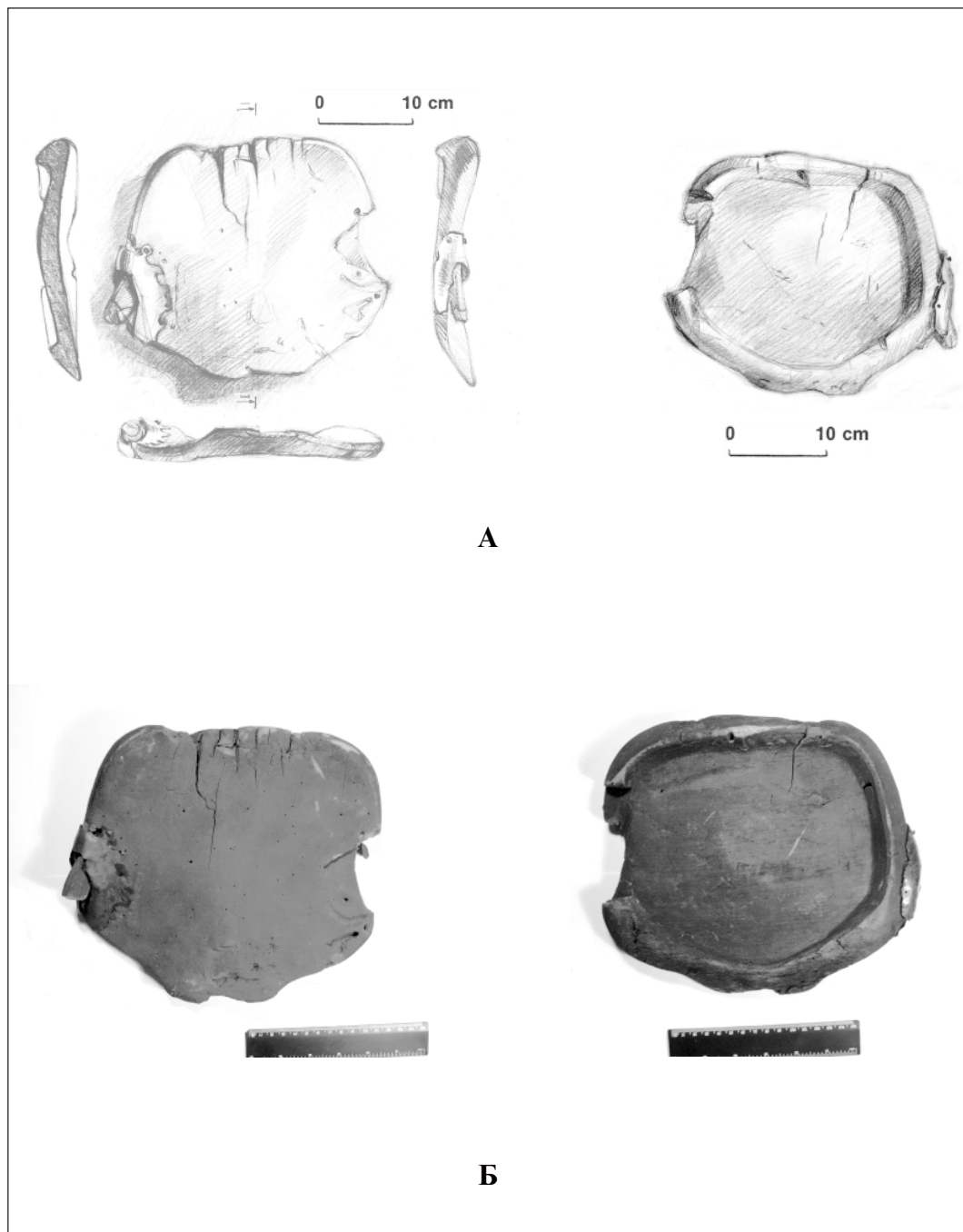

Рис. 2. Деревянная пластина из кургана (рисунок (А) и фото (Б))

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, А.Е. ТЕРЕЩЕНКО

МОНЕТЫ С ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Крупное античное поселение Артющенко I, расположенное на обрывистом берегу Черного моря в 16 км к югу от Тамани, исследуется Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры РАН с 1998 г. В 2008-м году здесь прошел одиннадцатый полевой сезон, и настало время подвести некоторые итоги¹. В ходе археологического изучения данного памятника было выяснено, что его функционирование было дискретным, при этом четко выделяются четыре этапа: 1) последняя треть VI – первая треть V вв. до н.э.; 2) короткий период в середине IV в. до н.э.; 3) середина III – первая половина II вв. до н.э.; 4) I–III вв. н.э. На первых двух этапах Артющенко I, вероятнее всего, являлось сельскохозяйственным поселением сезонного типа. На третьем и четвертом этапах оно становится стационарным [Виноградов, 2001, с. 18; 2006б, с. 75; Vinogradov, Lebedeva, 2005, p. 316]. За годы раскопок на памятнике было обнаружено 30 бронзовых боспорских монет IV в. до н.э. – II в. н.э. Удалось определить 29 экземпляров, практически все они принадлежат чеканке Пантикапея, только две относятся к фанагорийской эмиссии.

Результаты определений сведены в таблицу:

№ п/п	Гг. находки	Описание монет	Вес	Датировка
1	1998	Av – бюст царя вправо, по краю монетного поля круговая легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ (царь Реметалк). Rv – веночек по краю монетного поля, в центре буквы ΜΗ, обозначающие номинал. Сестерций. Состояние: удовлетворительное.	8,1 г	131/132-153/154 гг. н.э. [Анохин, 1986, с. 160, № 522; табл. 22, 522]
2	1998	Монета не читается.	1,5 г	

¹ Находкам лепной керамики эллинистического времени, обнаруженным на поселении в 1998-2007 гг. (участок II), посвящена статья Р.В. Стоянова, опубликованная в этом сборнике.

3	1999	Av – голова Аполлона вправо. Rv – лук и стрела вправо, снизу ПАН. Дихалк (?) ² . Состояние: плохое.	1,7 г	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 96; табл. VII, 96] или 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 146; табл. 5, 146]
4	2000	Av – голова Аполлона в венке вправо. Rv – лук в горите влево, снизу ПАН. Обол (?). Состояние: плохое.	1,6 г	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 95; табл. VII, 95] или 150-140 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, № 169; табл. 5, 169]
5	2001	Av – голова безбородого сатира в венке влево. Rv – лук и стрела, снизу ПАН. Халк (?). Состояние: плохое.	4,9 г d - 1,7 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 65; табл. VI, 65] или 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 133; табл. 4, 133]
6	2002	Av – голова безбородого сатира вправо, вокруг точечный ободок. Rv – лук в горите вправо, легенда ПАН-ΤΙ. Халк (?). В ходе очистки монета рассыпалась.	1,0 г	Ок. 330-315 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, № 55; табл. V, 55] или 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 140, № 113; табл. 3, 113]
7	2004	Av – голова Аполлона вправо. Rv – лук в горите влево, снизу ПАН. Обол (?). Состояние: очень плохое.	1,7 г	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 95; табл. VII, 95] или 150-140 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, № 169; табл. 5, 169]
8	2004	Av – голова Аполлона вправо. Rv – треножник, снизу ПАН. Видны остатки литников. Тетрахалк (?). Состояние: удовлетворительное.	2,4 г	Середина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 69; табл. VI, 69] или 240-230 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 139; табл. 4, 139]
9	2005	Av – голова Посейдона вправо, слева трезубец. Rv – корабельная прора влево снизу ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Обол (?). Состояние: плохое.	16,6 г d - 2,8 см	109-100 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 144, № 191; табл. 7, 191; см. Бурачков, 1884, табл. XXII, 152]
10	2005	Av – голова Аполлона вправо. Rv – лук и стрела вправо, снизу ПАН. Дихалк (?). Состояние: удовлетворительное.	1,0 г d - 1,3 см	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 96; табл. VII, 96] или 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 146; табл. 5, 146]

² Определения номиналов даны по В.А. Анохину [Анохин, 1986].

Боспорские исследования, вып. XXII

11	2005	Av – голова Аполлона вправо. Rv – лук в горите влево, снизу ПАН. Обол (?). Состояние: плохое.	1,5 г	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 95; табл. VII, 95] или 150-140 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, № 169; табл. 5, 169]
12	2006	Av – голова бородатого сатира вправо. Rv – протома орлиноголового грифона влево, внизу осётр влево, вокруг легенда П-А-N. Тетрахалк (?). Состояние: хорошее.	6,9 г d - 1,9 см	Ок. 330-315 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, № 57; табл. V, 57] или 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 140, № 111; табл. 3, 111]
13	2006	Av – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Перечеканена из типа: Av – голова безбородого сатира влево; надчеканка в виде 12-лучевой звезды. Rv – голова льва влево, внизу осётр влево, вокруг легенда П-А-N; надчеканка в виде горита. Халк (?). Состояние: удовлетворительное.	d - 2,2 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 67; табл. V, 67] или 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 133; табл. 4, 133]
14	2006	Av – голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо. Rv – плуг влево, сверху колос влево, П-А-N. Состояние: удовлетворительное.	d - 1,2 см	Конец III – первая половина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 218, № 83; табл. VII, 83] или 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 133; табл. 4, 133]
15	2006	Av – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Имеются остатки литников. Халк (?). Состояние: хорошее.	d - 1,5 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 66; табл. V, 66]
16	2006	Av – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Имеются остатки литников. Халк (?). Состояние: удовлетворительное.	d - 1,3 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 66; табл. V, 66]
17	2006	Av – голова безбородого сатира вправо. Rv – лук и стрела вправо, снизу ФА. Тетрахалк (?). Состояние: хорошее.	d - 1,5 см	II в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 221, № 112; табл. IX, 112] или 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 147; табл. 5, 147]
18	2006	Av – голова безбородого сатира влево. Rv – голова льва влево, внизу осётр влево, вокруг легенда П-А-N.	2,3 г d - 1,8 см	Ок. 315-300 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, № 61; табл. V, 61] или 294-284 гг. до н.э. [Анохин,

		Тетрахалк (?). Состояние: удовлетворительное.		1986, с. 141, № 125; табл. 4, 125]
19	2006	Av – голова безбородого сатира в венке влево. Rv – лук и стрела, снизу ПАН. Халк (?). Состояние: хорошее.	d - 1,7 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 65; табл. VI, 65] или 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 133; табл. 4, 133]
20	2006	Av – голова Посейдона вправо. Rv – корабельная прора влево, снизу ПАНТИ. Обол (?). Состояние: плохое.	d - 2,8 см	Начало 3-ей четверти III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 74; табл. VI, 74] или 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 144; табл. 4, 144]
21	2006	Av – голова безбородого сатира влево; надчеканка в виде 12-лучевой звезды. Rv – голова льва влево, внизу осётр влево, вокруг легенда П-А-Ν; надчеканка в виде горита. Халк (?). Состояние: практически полностью затёрта.	d - 1,9 см	Начало III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, № 62; табл. V, 62] или 284-275 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 130; табл. 4, 130]
22	2006	Особый тип: Av – голова безбородого сатира в плющевом венке вправо. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Имеются остатки литников. Халк (?). Состояние: плохое.	d - 1,2 см	Середина III в. до н.э. [Акимов, 2005, с. 23, 25; с. 24, рис.1, 9]
23	2006	Av – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Имеются остатки литников. Халк (?). Состояние: удовлетворительное.	d - 1,4 см	Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 66; табл. V, 66]
24	2006	Av – голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Rv – лук и стрела влево, снизу ПАН. Имеются остатки литников. Халк (?). Состояние: плохое.		Первая половина III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 66; табл. V, 66]
25	2006	Av – голова Артемиды вправо, слева лук и колчан. Rv – лань в прыжке влево, снизу ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ. Тетрахалк (?). Состояние: плохое.	d - 2,0 см	109-100 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 144, № 194; табл. 7, 194]
26	2006	Av – голова безбородого сатира влево. Rv – голова льва влево, внизу	d - 1,7 см	Ок. 315-300 гг. до н.э. [Шелов, 1956, с. 216, № 61; табл. V, 61]

		осётр влево, вокруг легенда П-А-N. Тетрахалк (?). Состояние: очень плохое.		или 294-284 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 125; табл. 4, 125]
27	2006	Av – голова бородатого сатира в плющевом венке влево. Rv – рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров, надпись ПАН-TI. Тетрахалк (?). Состояние: хорошее.	d - 2,4 см	Последняя четверть II в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 220, № 100; табл. VIII, 100] или 130-125 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 143, № 175; табл. 6, 175]
28	2006	Av – голова Аполлона вправо. Rv – лук и стрела вправо, снизу ПАН. Дихалк (?). Состояние: удовлетворительное.	d - 1,2 см	Первая половина – середина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 219, № 96; табл. VII, 96] или 220-210 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 146; табл. 5, 146]
29	2007	Av – голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо. Rv – плуг влево, сверху колос влево, П-А-N. Состояние: очень плохое.		Конец III – первая половина II вв. до н.э. [Шелов, 1956, с. 218, № 83; табл. VII, 83] или 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 133; табл. 4, 133]
30	2008	Av – голова Посейдона вправо, надчеканка в виде головы Афины. Rv – корабельная прора влево, снизу ПАН-TI. Обол (?). Состояние: плохое.	8,0 г d - 2,4 см	3-я четверть III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 75; табл. VI, 75], или 210-200 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 142, № 151; табл. 4, 151/153]

Если разбить весь массив монетных находок на хронологические блоки, то их выделяется пять. *К первому* или наиболее раннему (последняя треть IV – начало III в. до н.э.) относятся пять монет следующих типов: «голова бородатого сатира вправо, вокруг точечный ободок; лук в горите вправо, ПАН-TI» (№6), «голова бородатого сатира вправо; протома орлиноголового грифона влево, внизу осётр, ПАН» (№12), «голова безбородого сатира в венке влево; голова льва влево, внизу осётр ПАН» (№№ 18, 26), а также монета предыдущего типа, но с надчеканками «звезда – горит» (№ 21).

Второй блок можно определить первой половиной III в. до н.э. Он включает восемь монетных находок: №№ 5, 13, 15, 16, 19, 22, 23, 24. Все они относятся к типу «л.с. – голова безбородого сатира в венке влево, о. с. – лук и стрела, внизу ПАН». Три экземпляра отчеканены довольно аккуратно (№№ 5, 13, 19), другие изготовлены на бронзовых дисках меньшего размера и не всегда правильной формы, со следами литников, т.н. – «деградированный» тип (№№ 15, 16, 23, 24). Кроме того, имеется редкая разновидность данного типа, на которой аверсное изображение головы безбородо-

го сатира повёрнуто в правую сторону (№ 22). Предполагается, что подобные монеты могли быть чеканены в период после выпуска монет указанного типа, но до выхода серии «бородатый сатир вправо; лук и стрела, ПАНТИ» [Акимов, 2005, с. 25, 24, рис. 1, 9].

Третий блок (середина III – середина II вв. до н.э.) характеризуется находками двенадцати монет. Типы: «голова Аполлона в венке вправо; треножник, снизу ПАН» (№ 8), «голова Посейдона вправо; корабельная прора влево, снизу ПАНТИ» (№ 20), «голова Посейдона вправо, надчеканка в виде головы Афины; корабельная прора влево, снизу ПАНТИ» (№ 30), «голова быка в $\frac{3}{4}$ вправо; плуг влево, сверху колос влево, внизу ПАН» (№№ 14, 29), «голова Аполлона вправо; лук и стрела вправо, ПАН» (№№ 3, 10, 28), «голова Аполлона в венке вправо; лук в горите влево, снизу ПАН» (№№ 4, 7, 11). Сюда же входит экземпляр фанагорийской чеканки: «голова бородатого сатира в плющевом венке влево; лук и стрела вправо, снизу ФА» (№ 17).

Хотелось бы отметить экземпляр № 30 – «голова Посейдона вправо, надчеканка в виде головы Афины; корабельная прора влево, снизу ПАНТИ». В данном случае вызывает интерес довольно большой вес монеты – 8,0 г. К сожалению, какие-либо сводки по весам боспорской меди в целом, и этого типа в частности, отсутствуют. Тем не менее, на сегодняшний день у нас есть возможность воспользоваться краткими сведениями о составе Куматырского клада 2004 года. По сообщению С.Л. Завьялова, в этом комплексе присутствовали 89 монет «голова Посейдона вправо; корабельная прора влево, снизу ПАНТИ», с надчеканками в виде головы Афины и (или) головы сатира, с разбросом весов от 2,6 до 10,8 г. [Завьялов, 2005, с. 25]. Кроме того, среди опубликованных монет интересующего нас типа известны экземпляры с весом 7,92 г. из ГИМа [Шелов, 1956, с. 217, № 75] и 8,2 г. из анапского клада [Фролова, 1996, с. 49, № 7], а в нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа хранится экземпляр с весом 9,92 г. (ГЭ 26961).

Чрезвычайно любопытно, что подобные веса (т.е. – до 10 г) наблюдаются ещё только в одной серии боспорской меди, приходящейся на период с конца IV по начало III вв. до н.э. Эта серия включает в себя монеты типа «голова безбородого сатира в венке влево; голова льва влево, внизу осётр, ПАН», в процессе своего обращения получившие надчеканки «звезда – горит». Так, в Государственном Эрмитаже имеются экземпляры с весом 7,98 г. – ГЭ 26732 [Анохин, 1986, с. 141, № 131] и 8,48 г. – ГЭ 26719; в коллекции ГИМа находится монета с весом в 8,71 г. [Шелов, 1956, с. 216, № 61]. Более того, в составе клада 1986 года из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской, хранящегося ныне в Краснодарском музее, были выявлены монеты данного типа с весом 9,61 – КМ 8964/26; 9,05 – КМ 8964/27; 9,28 – КМ 8964/29; 9,67 – КМ 8964/224 [Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002, с. 43]. Таким образом, у нас есть вполне определённые основания полагать, что номинал монет, входящих в вышеуказанные выпуски, был одинаков.

Как представляется, к этому блоку можно отнести еще одну монету: «л.с. – голова Посейдона вправо, о.с. – корабельная прора влево» (№ 9). Хотя сохранность этого экземпляра очень плохая, но, судя по характеру изображения проры, а также по большому размеру и весу монеты, её можно отнести к весьма редкому типу: «л.с. – голова Посейдона вправо, слева трезубец; о.с. – корабельная прора влево, внизу легенда ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ». Время выхода этого типа определяется предположительно 109-100 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 144, № 191]. Однако несомненная близость в передаче аверсного изображения на рассматриваемом экземпляре с монетами, датирующимися началом третьей четверти III в. до н.э., на которых присутствует изображение головы Посейдона (№№ 20, 30), не предполагает столь уж большого хронологического разрыва между ними. К тому же монета из Артющенко была обнаружена в слое, который можно уверенно датировать не позднее второй четверти – середины II в. до н.э. Таким образом, у нас имеется достаточно оснований считать, что выпуск данного типа приходится на более раннее время, чем это считает В.А. Анохин. Во всяком случае, рассматриваемые монеты, скорее всего, уже находились в обращении около середины II в. до н.э.

В этой группе среди монет типа: «л.с. – голова Аполлона вправо, о.с. – лук и стрела вправо, снизу ΠΑΝ (№ 3, 10, 28)» имеется один весьма любопытный экземпляр (№ 10). На его реверсе помещен рисунок асимметричного лука, схожий с другими подобными изображениями, присутствующими в монетном деле Боспора этого времени [Зограф, 1951, табл. XLII, 11, 13; Шелов, 1956, табл. V, 72, 73; Голенко, 1974, табл. II, 50; Анохин, 1986, с. 142, табл. 4-5, №№ 145, 146]. Если в данном случае мы не сталкиваемся с небрежностью резчиков штемпелей, то можно высказать предположение, что в это время происходили изменения в форме традиционного лука «скифского» типа. Эти луки имели сравнительно небольшие размеры с перехватом в центральной части и симметрично изогнутыми концами [Мелюкова, 1964, с. 14 сл.; Черненко, 1981, с. 111 сл.]. Асимметричность формы, как известно, в научной литературе связывается с луками так называемого «гуннского» типа [Мошкова, 1989, с. 184]. Принято считать, что этот более крупный и более мощный, чем «скифский», лук был взят на вооружение сарматами Северного Причерноморья в I–II вв. н.э. [Хазанов, 1971, с. 28; Симоненко, Лобай, 1991, с. 12 сл., 43 сл.], однако на юге Западной Сибири он стал известен еще в III–I вв. до н.э. [Могильников, 1992а, с. 264; 1992б, с. 302; Хабдулина, 1993, с. 33]. Как представляется, асимметричность луков, изображенных на боспорских монетах, не может являться достаточным основанием для признания их «гуннскими» и, соответственно, для пересмотра устоявшейся точки зрения о времени появления данного вида оружия в Причерноморских степях. В то же время, несмотря на имеющиеся сомнения, нельзя исключать полностью вероятности того, что луки с измененной асимметричной формой могли попасть в этот регион с первой волной сарматских

миграций [Виноградов, 2004а]. Во всяком случае, появление луков этого типа на боспорских монетах, суммарно датируемых второй половиной III – первой половиной II в. до н.э., безусловно, требует своего объяснения.

Четвёртый блок монет с поселения Артющенко I относится к последней четверти II в. до н.э. Он состоит всего из двух монет, принадлежащих двум типам: пантикапейская (№ 27) – «голова бородатого сатира в плющевом венке влево; рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров, снизу ПΑΝ-ΤΙ» и фанагорийская (№ 25) – «голова Артемиды вправо, слева лук и колчан; лань в прыжке влево, внизу надпись крупными буквами ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ».

Пятый блок состоит из единственной монеты, относящейся к римскому времени (№ 1) – «бюст царя вправо, по краю монетного поля круговая легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ (царь Реметалк); венки по краю монетного поля, в центре буквы ΜΗ, обозначающие номинал».

Эта, самая поздняя монетная находка, была сделана при раскопках на участке I, где были зафиксированы строительные остатки римского времени, и, в общем, она вполне понятна и легко объяснима. С другими находками, в основном, происходящими с участка II, на котором были открыты строительные комплексы архаического, классического и эллинистического периодов, связано немало трудноразрешимых вопросов. Прежде всего, архаических боспорских монет на поселении не обнаружено, но этот факт вряд ли заслуживает особого внимания, поскольку подобные находки чрезвычайно редки не только на полуварварских сельских поселениях, но и в греческих городах Боспора. Четыре из обозначенных выше хронологических блоков, в принципе, позволяют судить о непрерывности существования Артющенко I, по крайней мере, с 330-315 гг. до н.э. вплоть до конца II – начала I вв. до н.э., однако археологические реалии памятника никак не позволяют с этим согласиться.

Монетные находки из первой хронологической группы или блока, как отмечалось, относятся к 330-315 гг. – началу III в. до н.э. Это время экономического расцвета Боспора, и появление монет на памятнике не должно вызывать особого удивления, однако следует подчеркнуть, что других археологических материалов, относящихся к обозначенному хронологическому отрезку, на Артющенко I не выявлено. Комплексы IV в. до н.э. (землянки аморфных очертаний и ямы), в основном, принадлежат середине столетия. Тем не менее, вполне можно предполагать, что постройки, синхронные монетам первого блока, были уничтожены в результате береговой абразии. Нельзя исключать также и того, что на поселении имеются пока еще не обнаруженные «кусты» построек, относящихся к последней трети IV – началу III вв. до н.э. Необходимо отметить, что площадь памятника составляет около шести га, а раскопками затронута лишь незначительная его часть.

Монеты второго хронологического блока (первая половина III в. до н.э.) приходятся на время монетного кризиса на Боспоре, выразившегося в общей «порче монеты», прекращении чеканки из драгоценных металлов, широком

выпуске меди и т.д. [см. Гайдукевич, 1949, с. 76-77; Шелов, 1956, с. 144; Анохин, 1986, с. 48 сл.]. Археологических комплексов, синхронных этим находкам, на Артющенко I опять же не зафиксировано. По этому поводу можно предложить два объяснения. Во-первых, можно допустить, что какое-то время в первой половине III в. до н.э. на территории памятника существовало поселение, но, подобно ситуации с первым хронологическим блоком, остатков его просто не удалось выявить. Второе объяснение сводится к тому, что в первой половине III в. до н.э. жизни на Артющенко I не существовало, и монеты второго блока (а, возможно, даже первого) продолжали находиться в обращении вплоть до того момента, когда здесь начала функционировать мастерская по обработке железной руды и получению железа, т.е. приблизительно до середины III в. до н.э.

Первое объяснение самым непосредственным образом сопряжено с пониманием обозначенной выше сложнейшей проблемы монетного кризиса на Боспоре. Сразу необходимо подчеркнуть, что данное негативное явление отчетливо и более-менее синхронно проявилось в монетном деле не только Боспора, но и других греческих государств Северного Причерноморья – в Херсонесе Таврическом и Ольвии, поэтому объяснение его какими-то локальными причинами вряд ли допустимо [см. Щеглов, 1985, с. 194; 1989, с. 56-58; Туровский, 1997, с. 45; Гилевич, 1999, с. 358; Суханов, 2005, с. 22]. Почти нет сомнения, что кризис был вызван тяжелым положением в хлебной торговле со Средиземноморьем и связанным с ним уменьшением притока на Боспор и в другие греческие центры региона драгоценных металлов. О причинах сокращения боспорского хлебного экспорта в научной литературе высказаны самые различные точки зрения: конкуренция более дешевого хлеба из птолемеевского Египта, военно-политические и демографические изменения в варварском мире Северного Причерноморья и, наконец, ухудшение климата. Первая из них была очень популярна в советское время [см. Жебелев, 1953, с. 84 сл., 147 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 76-78; Блаватский, 1964, с. 101; Граков, 1971, с. 53]. Однако сама возможность конкурентной борьбы в античном море была обоснованно оспорена М.К. Трофимовой [Трофимова, 1961, с. 46 сл.; ср. Шелов, 1970, с. 36]. Концепция, связывающая кризис понтийской хлебной торговли с ухудшением климата, выдвинута совсем недавно [Stolba, 2005, p. 398]. Возможно, она не лишена смысла, но о климате Северного Причерноморья в древности высказано так много взаимоисключающих суждений, что принимать ее сейчас было бы рискованно. В связи с этим предпочтительней представляется точка зрения, объясняющая эти события изменениями военно-политической и демографической ситуации в Северном Причерноморье, вызванной сарматской экспансией и опустошением Скифии [Ростовцев, 1914, с. 199; Брашинский, 1985, с. 203; Виноградов, 2005а, с. 289-290; Туровский, 2005, с. 379-380; ср. Молев, 1994, с. 65-67; Куликов, 2001, с. 230; Григорьев, 2006, с. 164].

И.Т. Кругликова, много сделавшая для изучения сельского хозяйства Боспора, уже 50 лет назад высказала верную идею, что существование большого числа сельских поселений на Керченском и Таманском полуостровах хронологически совпадает с периодом расцвета боспорской хлебной торговли [Кругликова, 1957, с. 227; 1975, с. 53]. В этом отношении сокращение числа сельских поселений, фиксируемое приблизительно с конца первой трети III в. до н.э., неизбежно должно было привести к уменьшению объема получаемого товарного хлеба. В наши дни эта гипотеза стала господствующей, и крушение хоры порой рассматривается как главная причина уменьшения «зернового потенциала» Спартокидов [Зубарь, 1999, с. 109], а значит и монетного кризиса на Боспоре. Такая интерпретация, однако, не совсем верна, поскольку кризисные явления в боспорском денежном деле проявились отнюдь не в конце первой трети III в. до н.э., а уже в самом начале этого столетия [Абрамзон, Фролова, Куликов, 2008, с. 75]. Совсем не удивительно, что монеты, явно относящиеся к времени монетного кризиса, встречаются на сельских поселениях Крымского Приазовья [Масленников, 1998б, с. 207-208; Stolba, 2005, р. 397, 399] и, как видим, на Таманском полуострове. Все это позволяет полагать, что ситуация здесь была сложнее, чем считается, и крушение боспорской хоры скорей, лишь усугубило уже обозначившиеся кризисные явления [ср. Демьянчук, Туровский, 1999].

В.Ф. Гайдукевич предполагал, что какая-то часть товарного хлеба поступала на Боспор от варварских племен [Гайдукевич, 1966, с. 53]. Эта весьма популярная в советской литературе точка зрения в настоящее время пересмотрена самым кардинальным образом. Складывается впечатление, что среди специалистов все более утверждается мнение, что никакой греко-варварской хлебной торговли вообще не существовало [Щеглов, 1990, с. 112; Гаврилюк, 1999, с. 164, 267 сл.; Кузнецов, 2000, с. 26; Rosivach, 2000, р. 40]. С таким мнением, на наш взгляд, невозможно согласиться, поскольку приведенные выше факты позволяют считать, что от положения на территориях расселения варварских земледельческих племен хлебный экспорт греческих центров зависел в немалой степени. По всей видимости, кризисные явления начались тогда, когда хора Боспорского государства еще процветала, а вот варварские территории Северного Понта уже испытывали потрясения, связанные с крушением Великой Скифии [Виноградов, Марченко, Рогов, 1997]. Начиная с конца IV в. до н.э., в результате вторжений сарматских племен в Прикубанье и на земли к западу от Дона оказалась нарушена прежняя система греко-варварских политических и экономических связей, что, в частности, привело к резкому сокращению поставок товарного хлеба с территорий, контролировавшихся скифами. Такое изменение ситуации в свою очередь могло стать причиной финансовых неурядиц, выразившихся в прекращении чеканки монет из благородных металлов и резком увеличении эмиссии меди [Виноградов, 2005а, с. 289-290].

В этом отношении в высшей степени показателен афинский декрет в честь Спартока III, относящийся к 288 г. до н.э. [МИС, 4; SIG, II, 653], из которого явствует, что хлебный экспорт в Афины из Боспора в это время продолжался, и в коллективной памяти афинян Спартокиды все еще продолжали играть роль «кормильцев» города [Хайнен, 1999, с. 161]. Однако в сравнении со временем Левкона I, когда в Афины ежегодно вывозилось 400 тыс. медимнов хлеба [Dem. XX. 32], а общий боспорский хлебный экспорт мог достигать 800 тыс. медимнов, т.е. около 33-х тыс. тонн [Гайдукевич, 1966, с. 48, прим. 1], поставки начала III в. до н.э. выглядят весьма скромными – всего 15 тыс. медимнов. Вполне очевидно, что приток драгоценных металлов на Боспор по причине столь заметного сокращения его хлебного экспорта закономерно отразился на монетном деле государства. Следует полностью согласиться с Х. Хайненом в том плане, что эти негативные перемены были связаны не с особенностями афинской политики, а с ситуацией в Северном Причерноморье [Хайнен, 1999, с. 164]. Иными словами, первое (?) и, вероятнее всего, весьма значительное уменьшение «хлебного потенциала» Спартокидов было связано с проблемами в греко-варварской торговле. Монетный кризис на Боспоре, как представляется, был вызван военно-демографическими переменами в регионе, происходившими в конце IV в. до н.э., и усугублен крушением боспорской хоры, когда многие сельские поселения Восточного Крыма пострадали от военных нападений и были покинуты населением во второй четверти – середине III в. до н.э. [Масленников, 1998а, с. 88; 2001б, с. 92; Виноградов, 2005а, с. 283; Зинько, 2005б, с. 61; Зубарь, Зинько, 2006, с. 95]. Ситуация на сельских поселениях азиатской части Боспора, в силу их плохой археологической изученности, все еще не вполне ясна, но есть основания полагать, что на обозначенном хронологическом отрезке там имели место сходные негативные явления.

Сравним картину, полученную при исследованиях Артющенко I с другой, в общих чертах очерченной А.В. Гавриловым для Восточного Крыма. В своей работе, посвященной исследованию феодосийской хоры, автор привел сведения о примерно тысяче монет, хранящихся в частных коллекциях и фондах Крымского краеведческого музея. Все они были найдены на поселениях (числом около пятидесяти), расположенных на территории от Крымских гор до Сиваша [Гаврилов, 2004, с. 189-205]. Согласно этим данным, последовательная смена монетных типов медной пантикапейской чеканки, которая прослеживается здесь с последней трети IV в. до н.э., прекращается на монетах типа «голова безбородого сатира в венке влево; лук и стрела вправо, ПАН», изготовленных либо на новых полноценных заготовках, либо перечеканенных из монет предыдущих типов. Далее следует период, в течение которого обращение монет пантикапейской чеканки в данном районе не фиксируется. Монеты, принадлежащие широко известной и, пожалуй, наиболее многочисленной пантикапейской серии: «голова безбородого сатира в венке влево – лук и стрела, внизу ПАН», изготовленные

на маленьких монетных кружках с остатками литников, на этих памятниках отсутствуют. Кроме того, здесь не обнаружен и сменивший их тип: «голова Аполлона – орел, ΠΑΝ», а также несколько последующих выпусков.

Самые ранние пантикапейские монеты, появившиеся на поселениях феодосийской хоры после отмеченного перерыва, представлены медью Левкона II типа: «голова Геракла вправо; лук и палица вправо, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» и «голова Афины вправо; молния, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» [Гаврилов, 2004, с. 194, № 105; с. 197, №№ 157, 160; с. 198, № 169; с. 202, № 232]. Время выхода этой серии определяется третьей четвертью III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 218, №№ 76, 77] или 240-230 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, №№ 134, 135]. Правда, необходимо принять во внимание, что в таврских предгорьях и окрестностях Феодосии в середине III в. до н.э. продолжали функционировать некоторые поселения, с которых происходят монетные находки. Они представлены исключительно экземплярами феодосийской чеканки типа: «голова Афины вправо – лук в горите влево, палица влево, ΘΕΥ» [Гаврилов, 2004, с. 192, № 56; с. 193, №№ 73, 84 и др.]. Предполагается, что эмиссия этих монет приходится на третью четверть III в. до н.э. [Шелов, 1956, с. 217, № 65, табл. VI, 65] или 240-230 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 141, № 137, табл. 4, 137]. Однако, благодаря исследованиям последних лет, их выпуск можно перенести на 60-ые гг. до н.э. [Шонов, 2003, с. 360; Гаврилов, 2004, с. 197, № 153; Гаврилов, Шонов, 2007, с. 349].

Если синхронизировать события военно-политической истории с монетными выпусками, то можно предположить, что монеты типа: «голова сатира влево – лук со стрелой, надпись ΠΑΝ», выполненные на новых монетных кружках, либо перечеканенные из предшествующего типа, являются последним, так сказать, «предвоенным» выпуском. Они, безусловно, принадлежат к времени монетного кризиса, но, вместе с тем, представлены на поселениях боспорской хоры. Что касается выпуска деградировавшей меди типа «голова сатира – лук и стрела, снизу ΠΑΝ», то, на наш взгляд, имеется достаточно оснований датировать начало ее производства концом первой – началом второй трети III в. до н.э., иными словами, временем крушения хоры. Еще раз следует повторить, что монетный кризис на Боспоре, как представляется, был вызван военно-демографическими переменами в степях Северного Причерноморья, происходившими в конце IV в. до н.э., и усугублен крушением боспорской хоры в конце первой трети III в. до н.э., связанным, в свою очередь, с дальнейшим ухудшением ситуации в регионе.

Весьма любопытно, что в период, когда в Восточном Крыму после военных потрясений жизнь на подавляющем большинстве сельских поселений прекратилась, и монетное обращение здесь не фиксируется, оно набирает силу на Артющенко I. Чрезвычайно показательно, что наибольшее число обнаруженных здесь монет одной серии (5 шт.) принадлежит серии «голова сатира – лук и стрела, снизу ΠΑΝ» так называемого «деградированного» типа. Складывается

впечатление, что процесс возрождения хоры на азиатской стороне Боспора начался раньше и проходил активней, чем на европейской. Уже отмечалось, что археологические материалы позволяют характеризовать военно-политическую ситуацию в этом районе как более стабильную и безопасную, нежели на Керченском полуострове [Виноградов, 2005а, с. 295].

В отношении монетных находок из Артющенко I следует признать, что самое большое их количество принадлежит к третьему хронологическому блоку: середина III в. до н.э. – первая половина II в. до н.э. Их насчитывается 12 экземпляров, вместе с тем, вполне очевидно, что, по крайней мере, часть более ранних монет попала на памятник на рассматриваемом этапе. Уже было сказано, что в это время на поселении функционировала мастерская по обработке (обогащению) железной руды и получению железа. Материальные остатки, связанные с мастерской, позволяют утверждать, что тогда культура поселения стала вполне греческой; во всяком случае, именно об этом может свидетельствовать сравнительно большое количество монет, терракотовых статуэток греческого облика, уменьшение доли лепной посуды в керамическом комплексе и т.д. Появление этой мастерской, на наш взгляд, следует связывать со стабилизацией военно-политической обстановки в степях Северного Понта, особенно в его восточной части и на Боспоре Киммерийском [Марченко, 1996; Виноградов, 1999а].

Две монеты четвертого хронологического блока, относящиеся к концу II в. до н.э., позволяют считать, что какая-то жизнь теплилась на поселении и в это время. Однако никаких археологических комплексов, синхронных данным монетным находкам, на Артющенко I не выявлено. Создаётся впечатление, что со второй половины II в. до н.э., рассматриваемый памятник снова переходит в разряд сезонных. Заметное оживление происходит здесь лишь в первых веках новой эры, но на сей раз оно не было связано с интенсификацией монетного обращения.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что все приведенные выводы и наблюдения, безусловно, нуждаются в проверке и сопоставлении с другими сельскими памятниками Боспора. К сожалению, изучение памятников хоры азиатского Боспора, в отличие от его европейской части, находится почти на начальной стадии, и сравнительный материал в нашем распоряжении практически отсутствует.

Ю.О. Виноградов, А.Е. Терещенко

МОНЕТНІ ЗНАХІДКИ З ПОСЕЛЕННЯ АРТЮЩЕНКО І
НА ТАМАНСЬКОМУ ПІВОСТРОВІ

Резюме

Розкопки на античному поселенні Артющенко І на Таманському півострові, який знаходиться приблизно у 15 км до півдня від станиці Тамань, були розпочати у 1998 р. та продовжуються до цих пір. На поселенні можна виділити чотири періоду функціонування: архаїчний (остання третина VI – перша третина V ст. до н. е.), класичний (біля середини IV ст. до н. е.), елліністичний (друга половина III – перша половина II ст. до н. е.) та римський (I – III ст. н. е.). За всі роки розкопів на поселенні знайдено 30 боспорських бронзових монет.

Перша хронологічна група (остання третина IV – початок III ст. до н. е.) складається з п'яти монет (табл. 6, 12, 18, 21, 26). Друга хронологічна група (перша половина III ст. до н. е.) складається з восьми знахідок (табл. 5, 13, 15, 16, 19, 22, 23, 24), вони відносяться до часу монетної кризи на Боспорі. Сама численна є третя група (друга половина III – перша половина II ст. до н. е.), яка складається з дванадцяти монет (табл. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 20, 28, 29, 30). Цей період був пов'язаний з функціонуванням майстерні по обробці залізної руди та виготовленню заліза. Можливо, що частина монет другої групи була в поведженні у цей час. Четверта хронологічна група (остання чверть II ст. до н. е.) складається всього з двох монет (табл. 25, 27). Єдина монета царя Риміталка належить до римського часу (табл. 1).

Ю.А. Виноградов, А.Е. Терещенко

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО І
НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Резюме

Раскопки на античном поселении Артющенко І на Таманском полуострове, находящемся приблизительно в 15 км к югу от станицы Тамань, были начаты в 1998 г. и продолжают до сих пор. На поселении можно выделить четыре периода функционирования: архаический (последняя треть VI – первая треть V вв. до н.э.), классический (около середины IV в. до н.э.), эллинистический (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.) и римский (I–III вв. н.э.). За все годы раскопок на поселении найдено 30 боспорских бронзовых монет.

Первая хронологическая группа (последняя треть IV – начало III вв. до н.э.) состоит из пяти монет (табл. 6, 12, 18, 21, 26). *Вторая хронологическая группа* (первая половина III в. до н.э.) состоит из восьми находок (табл. 5, 13, 15, 16, 19, 22, 23, 24), они относятся к времени монетного кризиса на Боспоре. Самой многочисленной является *третья группа* (вторая половина III – первая половина II вв. до н.э.), состоящая из дванадцати монет (табл. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 20, 28, 29, 30). Этот период был связан с функционированием

мастерской по обработке железной руды и производству железа. Возможно, что часть монет второй группы были в обращении в это время. *Четвертая хронологическая группа* (последняя четверть II в. до н.э.) состоит всего из двух монет (табл. 25, 27). Единственная монета царя Римиталка принадлежит к римскому времени (табл. 1).

Yu.A. Vinogradov, A.E. Tereshchenko

COIN FINDS FROM THE SETTLEMENT ARTUSHCHENKO I
ON THE TAMAN PENINSULA

Summary

Excavations at the Greek-period settlement Artushchenko I on the Taman Peninsula, approximately 15 km south of the Cossack village (stanitsa) Taman, were started in 1998 and are on-going. It was possible to distinguish reliably four periods of occupation at the site: the Archaic period (last third of the 6th – first third of the 5th century BC), the Classic period (about mid-4th century BC), the Hellenistic period (the second half of the 3rd – first half of the 2nd century BC), the Roman period (the 1st–3rd century AD). During all years of excavations at the site 30 Bosporan bronze coins were found.

The first chronological group (last third of the 4th – beginning of the 3rd century BC) consists of 5 coins (Tabl. 6, 12, 18, 21, 26). *The second chronological group* (the first half of the 3rd century BC) consists of 8 finds (Tabl. 5, 13, 15, 16, 19, 22, 23, 24). It was a time of a Coin crisis in Bosporus. The most numerous (12 coins) is *the third group* belonging to the second half of 3rd – first half of the 2nd century BC (Tabl. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 20, 28, 29, 30). This phase was connected with the functioning of a workshop for dressing iron ore and producing iron. It's possible that part of coins of the second group was in use in this time. *The fourth chronological group* (last quarter of the 2nd century BC) consists of two finds only (Tabl. 25, 27). One coin of ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ belongs to the Roman period.

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ЛАБРИС (СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ) И СИНДЫ
(по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции
ИИМК РАН в 2001-2008 гг.)

Семибратнее городище, расположенное в 28 км к северо-востоку от г. Анапы, близ пос. Чекон, занимает площадь около 10 га и своей широкой северной частью протяженностью 360 м развернуто к левому берегу Кубани между долинами рек Чекупс и Шакон (рис. 1). История его исследования насчитывает уже почти 120 лет. Первые небольшие раскопки здесь провел в 1878 г. В.Г. Тизенгаузен, ранее исследовавший знаменитые Семибратние курганы (рис. 2). Он оставил первое описание руин древнего города, расположенных в 3-х км к юго-востоку от них. Заложенные тогда по краям городища траншеи выявили остатки оборонительных сооружений «вышиной 4,5 аршина» (т.е. около 3,2 м), но никаких суждений по поводу их датировки автором раскопок высказано не было, кроме указаний на то, что при этом были найдены ручка греческой амфоры с клеймом и коррозированная медная, скорее всего, боспорская монета [ОАК, 1878-1879, с. VIII-IX]. Девяносто лет назад, давая оценку данным, полученным В.Г. Тизенгаузеном, М.И. Ростовцев вполне справедливо отмечал, что уже поверхностная разведка на городище «показала, сколько свету пролило бы серьезное исследование на быт и культуру синдов и какую реальную основу подвело бы оно под краткие сообщения Диодора и Тацита» [Ростовцев, 2002, с. 93]. Он предполагал несомненную связь городища с одноименными курганами и, следовательно, относил его, как минимум, к V–IV вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 352].

В 1927 г. городище обследовалось сотрудниками экспедиции РАНИОН [Башкиров, 1928, с. 71-86], а в 1931 г. – Таманской экспедиции ГАИМК [Иессен, Миллер, 1932, с. 58-61]. В 1937 г. Краснодарским историко-краеведческим музеем было организовано обследование низовьев Кубани и ее левого притока, р. Адагума. Тогда же на Семибратнем городище были впервые проведены топографические работы (сохранился план без высотных отметок) и сбор подъемного материала¹. Через год здесь начала работу экспедиция под руководством Н.В. Анфимова, которая, с перерывами, в течение

¹ Анфимов Н.В. Отчет по обследованию низовья р. Кубань // Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 2, 1937, оп. 1, № 190.

девяти полевых сезонов, вела раскопки этого археологического памятника вплоть до 1955 г. [Анфимов, 1941, с. 258-267; 1951а, с. 238-244; 1953, с. 99-111].

Название города, которое можно, по всей видимости, реконструировать как Лабрис, стало известно значительно позднее, после случайной находки в 1985 г. надписи боспорского царя Левкона I, в которой повествуется о том, что он посвятил здесь статую Фебу Аполлону после сражения с Октамасадом, сыном царя синдов Гекатея [Блаватская, 1993, с. 34-48; Тохтасьев, 1998, с. 286-302; Виноградов Ю.Г., 2002, с. 3-22; Яйленко, 2004, с. 425-445; Tokhtas'ev, 2006, p. 2-22].

Общая мощность культурных напластований на городище достигает 3,3 м. По данным раскопок его северной части, Н.В. Анфимов датировал их следующим образом. Самый ранний слой он отнес к концу VI – V вв. до н.э. и связал с ним остатки крепостной стены начала V в. до н.э. толщиной 2,40-2,45 м с прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 15-18 м друг от друга (рис. 3)². Считая существовавший здесь город на раннем этапе его существования тесно связанным с историей Синдского царства, Н.В. Анфимов не сомневался в том, что он возник в результате быстрого социально-экономического развития синдов [ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 132-133], оказавшихся в близком соседстве с греческими апойкиями Боспора Киммерийского. К началу IV в. до н.э. Н.В. Анфимов счел возможным отнести мощный зольный слой, возникший в результате пожаров и разрушений, который он связал с событиями военного характера в Синдике, известными из новеллы Полиэна о синдском царе Гекатее и меотянке Тиргатао [Polyaen, VIII, 55]. В конце того же столетия по его наблюдениям происходит еще один разгром Лабриса и окончательное разрушение ранних оборонительных сооружений. Третий строительный период связан с концом IV – первой половиной III в. до н.э., а последний в истории города – со второй половиной III – началом II вв. до н.э. В конце I в. до н.э., когда город уже лежал в развалинах, здесь возникло небольшое поселение, просуществовавшее около столетия. Эта, предложенная Н.В. Анфимовым хронологическая схема, долгое время не вызвала особых сомнений, но затем появились и другие взгляды относительно датировки оборонительных сооружений Лабриса, внешний вид которых был реконструирован В.П. Толстиковым (рис. 4), и этапов застройки территории города [Толстиков, 1985, с. 356-358; Горлов, Лопанов, 1999, с. 172].

По итогам работ Н.В. Анфимова, Семибратнее городище было признано памятником археологии федерального значения и поставлено под государственную охрану Постановлением № 1327 Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. Затем в его исследовании наступил перерыв, затянувшийся более чем на сорок лет и сказавшийся далеко не лучшим образом на сохранности

² Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1951 г. // Рукописный архив ИА РАН, ф. Р-1, № 622, л. 3.

открытых тут крепостных стен, башен и жилых домов, первоначальная высота которых достигала почти 2 м. Многое было выбрано окрестными жителями на камень, а современное состояние памятника в целом можно определить как аварийное, т.к. большая его часть (около 80 %), вопреки действующему законодательству, находится в хозяйственном использовании. Глубокая вспашка (до 0,7 м), проведенная в свое время агрофирмой «Чекон» и ежегодно на несколько меньшую глубину повторяющаяся ее правопреемником ООО «Прикубанское», не затронула только участки, прилегающие к старым раскопам Н.В. Анфимова в северной и северо-восточной частях городища. Помимо этого, по западному краю городища вдоль лесополосы, высаженной над трассой оборонительной стены, проходит грунтовая дорога, пересекающая северо-западный отрезок оборонительной стены на протяжении 8 м и постепенно разрушающая ее кладку, размываемую дождями. Хорошо фиксировавшийся ранее ров к западу от лесополосы почти полностью распахан. Та же судьба постигла грунтовый некрополь Семибратнего городища, расположенный к западу и югу от него.

В этой ситуации раскопки городища, возобновленные с 2001 г. Боспорской экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством автора этой статьи [Горнчаровский, 2005, с. 208-219], носили, прежде всего, охранно-спасательный характер. Целью настоящей работы является анализ новых данных, полученных в ходе проведенных полевых исследований, в том числе и неdestructивного характера (геомагнитная разведка, анализ отобранных палинологических образцов). Вместе с тем, мы в полной мере сознаем, что вплоть до осуществления широкого изучения застройки Лабриса на различных этапах его существования ряд наблюдений и выводов носят предварительный характер и требуют дополнительного обоснования.

Основные работы Боспорской экспедиции были связаны, главным образом, с практически неисследованной ранее южной частью городища. Место для раскопа I было выбрано в зоне распашки, на небольшом всхолмлении, где находились многочисленные вывернутые плугом куски известняковых плит. В свое время, интерпретируя данные аэрофотосъемки (рис. 5), Ю.В. Горлов и Ю.А. Лопанов отметили здесь на плане почти квадратный, по их мнению, выступ, рассматривая его как остатки цитадели I–III вв. н.э. с регулярной планировкой и «элементами фортификационной системы, в основе которой лежит один из типов римского лагеря» [Горлов, Лопанов, 1999, с. 172]. Понимая уязвимость подобных выводов, они оставили последнее слово за археологическими раскопками, и действительно, недавние исследования внесли существенные коррективы в сделанные ими предположения. Прежде всего, как показала геомагнитная разведка, южная часть Лабриса в плане представляет собой не квадрат, а трапецию (рис. 6), длина основания которой достигает 200 м, а боковые стороны, соответственно, – 100 м и 130 м (общая площадь выступа около 2,5 га). Северная же часть

городища, обращенная к древнему руслу Гипаниса, имеет овальные очертания. Эти различия, в условиях достаточно ровной местности (перепад высот на территории городища составляет не более 4-х м)³, являются не случайными, а отражающими определенные этапы в развитии городской территории. Форма прибрежной части Лабриса, видимо, окончательно сложилась в результате фиксации после строительства оборонительных сооружений границ первоначальной, достаточно беспорядочной застройки.

В свое время Р. Мартен выделил прямую зависимость системы застройки периферийных греческих центров от их экономической ориентации [Martin, 1973, p. 87-112], и ранний Лабрис в данном случае соответствует эмпорию, т.е. поселению преимущественно торгового профиля, основанному с целью налаживания обмена с туземным обществом, от которого оно целиком зависело, поскольку находилось в непосредственном варварском окружении [Valle, 1973, p. 54 ff.; Bravo, Chankowski, 1999, p. 275 ff.]⁴. Основная торговля велась по реке, но, где находился городской порт, пока не совсем ясно. Геомагнитная съемка участка площадью около 0,08 га у древнего русла Кубани, в заросшей травой низине за северной стеной городища, показала полное отсутствие каких-либо портовых сооружений. Видимо, они располагались к северо-западу от Лабриса, где, судя по рельефу местности близ устья пересохшей р. Шакон, можно предполагать в древности наличие достаточно большой бухты.

Датировать основание в земле синдов Лабриса как эмпория типа port of trade, по терминологии К. Поланьи [Козловская, 1984, с. 40], можно на основании происходящих с территории северной части городища керамических материалов. Наиболее ранние образцы фрагментов амфорной тары и греческой расписной керамики дают одну и ту же дату – не ранее самого начала V в. до н.э. [ср.: Каменецкий, 2003, с. 72; Вдовиченко, 2006, с. 32]. Следовательно, первоначальные оборонительные стены, которыми вскоре была окружена достаточно большая территория площадью около 8,5 га, должны были быть возведены в период, близкий к весьма знаменательной для Боспора дате – 480 г. до н.э. В связи с этим можно высказать одно предположение: а не было ли это одной из первых акций созданной тогда для отражения скифской опасности симмахии, включившей в число своих союзников синдов? [См.: Толстиков, 1984, с. 32 и сл.; Шелов-Коведяев, 1985, с. 77]. Строительство укреплений на Семибратнем городище было акцией весьма серьезной и дорогостоящей, поскольку в начале – первой четверти

³ Еще В.Г. Тизенгаузен отмечал, что южный край городища просто сливается с полем [ОАК, 1878-1879, с. VIII].

⁴ А. С. Русяева высказала предположение, что Лабрис мог быть основан боспорскими греками на синдской территории под эгидой Феба Аполлона [Русяева, 2003, с. 225 и сл.]. Действительно, судя по посвящению Левкона I, по крайней мере, ко времени описываемых в нем событий, Феб Аполлон уже был божественным покровителем Лабриса.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

V в. до н.э. целая фортификационная система, а не отдельные укрепления, известна только для акрополя Пантикапея [Толстиков, 2001б, с. 397-398].

Вполне возможно, что местный правитель, оговорив все аспекты взаимовыгодных политических, военных и экономических отношений с боспорскими городами в специальном соглашении, имел в Лабрисе постоянную резиденцию⁵, что и обусловило в дальнейшем особую роль этого города как в формировании у синдов не позднее середины V в. до н.э. раннего типа государственности [Тохтасьев, 2001, с. 66], так и в событиях военно-политической истории Синдики⁶. Индикатором значимости данного центра являются богатые захоронения в группе расположенных неподалеку Больших Семибратних курганов, первые из которых были произведены около середины V в. до н.э. (курганы №№ 2 и 4), а исчезает традиция возведения здесь курганов как раз с концом независимого существования Синдского царства⁷.

В южной части городища самые ранние культурные напластования были вскрыты на участке площадью 120 кв. м, примыкавшем к внутреннему фасу восточной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проездная башня (вскрытая часть имеет размеры 6,5 x 4,9 м), со стенами толщиной до 0,85 м при сохранившейся высоте до 0,94 м и пристроенная к ней лестница (рис. 7). Судя по фрагментам хиос-

⁵ Примером подобного рода отношений является ситуация, сложившаяся в Ольвии, где скифский царь Скил имел «дом обширных размеров и богато устроенный» [Herod., IV, 78-79].

⁶ Возможно, именно в Лабрисе греческими мастерами была налажена чеканка синдских монет [Смекалова, Горнчаровский, Дюков, 2007, с. 34-36]. Поскольку среди них представлены различные номиналы, включая и мелкие, можно сказать, что они чеканились для удовлетворения потребностей местного внутреннего рынка, то есть для ежедневного оборота. Ранее, начиная с А.Н. Зографа, высказывалась мысль о возможности их изготовления на пантикапейском монетном дворе [Зограф, 1951, с. 168; Терещенко, 1999, с. 84-89; 2004, с. 18; Тохтасьев, 2001, с. 68]. Правда, это не согласуется с данными металлографического анализа монет синдов, отличающихся по составу серебра от эмиссий других боспорских центров [Смекалова, 2000, с. 268]. Во всяком случае, исходя из общего анализа ситуации, отнесение Н.А. Фроловой начала их выпуска к первой половине V в. до н. э., а, может быть, и ранее [Фролова, 2002, с. 73], представляется неоправданно заниженным. Более узкие датировки выпуска синдских монет предлагали Д.Б. Шелов – последняя четверть V в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 45]; В.А. Анохин – 433-403 гг. до н.э. или 430-400 гг. до н.э. [Анохин, 1986, с. 137-138; 1999, с. 43] и А.Е. Терещенко – 431/430 – начало IV в. до н.э. [Терещенко, 2004, с. 19].

⁷ Хронологически погребальные комплексы других курганов распределяются следующим образом: №5 — середина – третья четверть V в. до н. э.; №1 — конец V – начало IV в. до н. э.; №6, вероятно, был сооружен в первое десятилетие IV в. до н. э.; №№ 7, 3 — в первой четверти IV в. до н. э. При этом курган №3, вероятно, был последним по времени возведения, поскольку сооружался наспех и был буквально втиснут между курганами №№ 2 и 4 [ср.: Бутягин, 1996, с. 45; Виноградов, 2005а, с. 252-254; Власова, 2005, с. 71]. Недавно была получена дополнительная информация относительно курганов №4 и №6. Для первого из них комбинированная радиоуглеродная дата довольно точно отразила археологические представления: курган был сооружен в интервале между 520 и 400 гг. до н.э., для второго в качестве *terminus post quem* выступает 400 г. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 190-191].

ских пухлогорлых амфор, один из которых выявлен в кладке башни, городская жизнь здесь началась во второй четверти V в. до н.э. Стены башни имели трехчастную структуру: два панциря из уплощенных, грубо обколотых кусков известняка с забутовкой из плотно утрамбованной глины с примесью мелких камней. Внутреннее помещение, видимо, служило для размещения постоянной стражи, охранявшей вход в город. О долговременном присутствии здесь небольшой группы людей свидетельствует сохранившееся в юго-западном углу башни на глинобитном полу горелое пятно от двухкамерного очага прямоугольной формы размерами 0,6 x 0,55 м.⁸ Над уровнем пола в районе очага зафиксированы золистые прослойки с примесью угля мощностью до 0,37 м, в которых, помимо обгоревших костей домашних животных, присутствуют раковины мидий и костяные пластинки осетров. Битая посуда, использовавшаяся для приготовления пищи, и бытовые отходы выбрасывались тут же, за стену, в угол между башней и лестницей.

Отмечена нивелировка рельефа местности под подошву лестницы с помощью слоя плотно утрамбованной, достаточно однородной глины светло-коричневого оттенка толщиной до 0,3 м. Длина основания лестницы 5,4 м, а ширина – около 2-х м. Сохранившиеся четыре нижних ступени имеют угол наклона 30°, что предполагает выход на верхнюю площадку проездной башни на высоте около 3,5 м. Кладка ее – иррегулярная, постелистая, с использованием блоков известняка размерами по фасу от 0,16 x 0,1 м до 0,92 x 0,16 м. Среди исследованных к настоящему времени памятников аналогичную оригинальную конструкцию с невысокой внутренней проездной башней и примыкающей к ней лестницей имеют только ворота в крепостной стене Пистироса (рис. 8), греческого эмпория, основанного в V в. до н.э. во Фракии на берегу реки, в более чем 300 км от морского побережья [Domaradzki, 1996, с. 18-19, fig. 1.4; 1.8; 2.2; Боузек, 2006, с. 34-35]. Впрочем, этим аналогии с Пистиросом не исчерпываются. Дело в том, что ворота в его крепостной стене с внешней стороны имели лишь одну башню, к которой атакующие должны были разворачиваться боком, не закрытым щитом. Судя по данным геомагнитной разведки, в Лабрисе таким же образом располагались погибшие в огне пожара башни (рис. 9), защищавшие обращенные на юг и на запад крепостные ворота, которым в длинной положительной аномалии на съемке соответствуют «разрывы» шириной около 5 м. Причем на южной линии обороны таких разрывов два, видимо, для обеспечения возможности неожиданных вылазок в случае неприятельской попытки прорваться в город с этой стороны. Здесь необходимо отметить наличие мощной положительной магнитной аномалии только на южной и западной линии обороны, где, как уже отмечалось,

⁸ Для сравнения остатки глинобитных печей ранее были открыты Н.В. Анфимовым именно в юго-западной части башен 1 и 2. См.: Н.В. Анфимов. Отчет о раскопках Семибратнего городища в 1950 г. // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. № 486, с. 9-10.

местность достаточно ровная. Возможно, это обстоятельство потребовало сооружения на внешней линии вырытого тут рва шириной около 13 м, а может быть, и в самом рву, дополнительных препятствий на пути нападавших, например, деревянного палисада, который, сгорев, и оставил столь сильный магнитный след. Далее на север, вдоль западного края лесополосы, где прослеживаются идущие с некоторым интервалом небольшие всхолмления, на магнитной карте «читается» слабая изогнутая положительная аномалия с вытянутыми прямоугольными выступами на расстоянии около 14 м друг от друга. Эти выступы можно предварительно интерпретировать как башни.

Я. Боузек, сопоставляя укрепления Пистираса с фортификационными сооружениями Северной Греции, пришел к выводу, что они наиболее близки городским стенам Фасоса, а толчком для отправки партии колонистов вглубь варварской территории могли стать описанные Фукидидом события [Thuc., II, 100-101], связанные с поражением восстания жителей острова против власти Афин в 465 г. до н.э. [Bouzek, 1996, с. 44]. Возведение в земле синдов на том же хронологическом отрезке аналогичных элементов оборонительной линии представляется не случайным. С некоторой долей вероятности можно предположить либо участие в строительстве фасосского архитектора, волею судеб оказавшегося на Боспоре, либо присутствие среди новых колонистов группы выходцев с Фасоса или из его владений на фракийском побережье⁹. Действительно, выплеск городской застройки в южном направлении за линию прежних стен с воротами, которые достаточно четко читаются на карте геомагнитной съемки, вполне вероятно, мог быть связан с прибытием на берега Гипаниса небольшой группы эпойков. Новые городские кварталы, вписанные в трапециевидную форму дополнительных оборонительных сооружений, заняли площадь около 2,5 га, что при средней плотности застройки дает цифру около 130-150 домовладений. Не исключено, что с притоком греческих колонистов в своем дальнейшем развитии Лабрис приобрел статус полиса, оставшись, однако, подконтрольным племени синдов в лице их вождей, видимо, получавших от своих греческих подданных сначала периодические дары в виде дорогого оружия, украшений и предметов роскоши, а затем и фиксированную дань золотом и серебром [ср.: Златковская, 1971, с. 127].

Данная ситуация довольно близко напоминает положение эллинов в рамках возникшего в начале V в. до н.э. Одрисского царства, где греческие полисы, основанные на фракийском побережье еще в VII–VI вв., были не только подчинены одрисским правителям, но и фактически инкорпорированы в структуру подвластного им государства [Высокий, 2003, с. 53]. Мы знаем, что граждане полисов и жители эмпориев в глубине варварской территории, не буду-

⁹ Недавно, на основе анализа ономастических данных и исторической ситуации на Фасосе, в Одрисском царстве и на Боспоре, А. Грэхем предположил, что выходцы с Фасоса связаны с происхождением боспорской династии Спартокидов [Graham, 2002, p. 87-99].

чи собственниками земли, платили налоги фракийскому царю, как и другие его подданные, начиная, как минимум, со времени правления Ситалка (431–424 гг. до н. э.) [Thuc. II. 97, 3]. В этой связи обращает на себя внимание надпись середины IV в. до н.э. из уже упоминавшегося Пистироса [Домарадска, 1991, с. 7-8; Домарадски, 1991, с. 9-10; Domaradzki, 1993, с. 37-43], представляющая собой соглашение между его жителями и фракийским царём, одним из преемников Котиса I (383–359 гг. до н. э.), чей договор с пистирийцами упомянут в надписи как предыдущий. В тексте упомянуты права фракийского царя в отношении подчиненного ему греческого города в форме казуального запрещения, то есть они имели место до оформления соглашения: царь мог судить и отменять долги; мог отобрать и отдать кому-нибудь землю, пастбища и поместье; мог изменять размеры клеров и отдавать их кому-нибудь другому; отбирать другую собственность жителей эмпория; оставлять гарнизон в городе; взимать пошлины на дорогах; наконец, арестовать или казнить любого человека. Таким образом, надпись свидетельствует, что на раннем этапе существования города фракийские правители считались верховными владельцами земли и даже распоряжались правами и свободой греческих поселенцев [ср.: Herod., VII, 137]. Подобные нормы, по всей вероятности, распространялись и на полисы. Права пистирийцев, то есть невозможность в дальнейшем вышеперечисленного, были «дарами» за какие-то заслуги. Из текста надписи мы можем составить представление о динамике предоставления этих прав: при Котисе I были даны гарантии личной безопасности эмпоритов и охраны их движимой собственности. При его преемнике политический статус города был повышен: дано право неприкосновенности земель пистирийцев; верховная судебная власть теперь принадлежала коллективу граждан; запрещалось размещение фракийского гарнизона внутри поселения. Подобное соглашение носило вполне конкретный характер и не касалось всех эмпориев, находившихся на фракийской территории [Высокий, 2003, с. 56-57].

Об этническом облике первоначального поселения на месте Семибратнего городища пока судить сложно, но, в любом случае, по крайней мере, уже со второй четверти V в. до н.э., город, видимо, существовал как греческий центр в Синдике. Не случайно И.С. Каменецкий отмечает для Семибратнего городища «специфически античный набор керамики» [Каменецкий, 2003, с. 71]. В данном отношении интересны также наблюдения И.И. Вдовиченко, изучившей коллекцию аттической расписной керамики из раскопок Н.В. Анфимова. Она обратила внимание на то, что «основная масса находок относится ко второй половине V в. до н.э.», и мы встречаем в их составе «очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами», а типологически имеющиеся образцы близки к характерным для городских центров Боспора [Вдовиченко, 2006, с. 35]. Анализ находок из раскопок последних лет дает для V в. до н.э. следующую картину: среди них присутствует довольно большое количество фрагментов чернолаковой и расписной керамики (до 7,5 %

керамического комплекса без учета амфор), несколько однобуквенных граффити, в том числе Θε, а также обломки раковин мидий, традиционно входивших в рацион питания древних греков. Контакты с местным населением нашли свое отражение в том, что до 24 % керамического комплекса (также без учета амфорного материала) составляют фрагменты лепных сосудов¹⁰. В дальнейшем, в конце V – первой четверти IV вв. до н.э. картина коренным образом меняется: доля лепной керамики сокращается до 16 % и резко, до 30 %, увеличивается процент чернолаковой и расписной посуды.

Ранние оборонительные сооружения на городище просуществовали недолго и подверглись разрушению не позднее середины 60-х гг. IV в. до н.э. С этими событиями на раскопе I связан золистый слой с включениями угля, где часто встречаются округлые морские гальки примерно одного размера и веса, которые могли использоваться как снаряды для пращи. На том же уровне, в 12 м к западу от оборонительной стены, найден свинцовый снаряд для пращи, имеющий чечевицеобразную форму и вес 55,6 г¹¹. После вхождения Лабриса и синдских земель в состав Боспорского царства, остатки ранних укреплений были использованы как фундамент для возведения новой фортификационной линии¹². Проездная башня с лестницей в данном случае оказалась не нужна и была разобрана. В ходе зачистки восточного борта раскопа I внутренний фас оборонительной стены IV в. до н.э. был вскрыт на протяжении 5,3 м при сохранности в высоту на 1,6 м (рис. 10). Определенные основания для ее датировки дает яма, впущенная с уровня подошвы стены, которая содержала горла гераклейских амфор, демонстрирующих образцы ранних керамических клейм фабрикантов Дионисия, Керкина и Дамофона. Эти находки датируются 70-ми – первой половиной 60-х гг. IV в. до н.э. [ср.: Монахов, 2003, с. 252-253, 307].

Связь между двумя строительными периодами подчеркнута поворотом стены IV в. до н.э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4-х м читается на аэрофотосъемке и геомагнитной карте. На

¹⁰ В архаических комплексах боспорских городов эта цифра могла доходить и до 35 % [Бутягин, 2005, с. 83]. Впрочем, тут следует учитывать относительное значение этих данных для количественной характеристики доли варварского населения среди жителей города [Крыжицкий, 2006, с. 234]. Во-первых, имеющаяся статистическая выборка пока еще недостаточно велика. Во-вторых, на начальном этапе развития городской жизни лепная керамика могла изготавливаться в небогатых семьях поселенцев. В пользу последнего предположения свидетельствует проведенный И.С. Каменецким анализ находок лепной керамики с Семибратнего городища, демонстрирующей «сознательный выбор форм, близких античным» [Каменецкий, 2003, с. 72].

¹¹ В этой связи интересно отметить информацию о случайной находке в районе Семибратнего городища около десяти свинцовых снарядов для пращи без изображений и надписей [Скобелев, 2003, с. 102].

¹² В свое время В.П. Толстиков, исходя из анализа деталей военно-инженерного характера, считал, что самая ранняя по времени сооружения оборонительная система Семибратнего городища была возведена не ранее первой четверти IV в. до н.э. [Толстиков, 1985, с. 356-358].

пространстве перед ними со стороны города строительные остатки отсутствовали, за исключением фундамента стены шириной 1,28 м, пристроенной к оборонительной линии вскоре после ее возведения. Назначение этой достаточно мощной стены можно видеть в том, чтобы сузить подход к воротам со стороны города¹³. Отсутствие на прилегающей к крепостной стене территории жилой застройки свидетельствует о соблюдении принятых в то время принципов фортификации, согласно которым перед оборонительной стеной следовало оставлять пустое пространство, «чтобы беспрепятственно можно было доставлять камни, чтобы был проход для военной подмоги, и была возможность в случае нужды выкопать внутренний ров» [Philo, Bel., II, 1]. Ширина такого свободного проезда или прохода в южной части городища составляет около 10 м. Именно на это расстояние отстоят от внутреннего фаса стен две солидные постройки, зафиксированные геомагнитной съемкой. В юго-западном углу Лабриса находятся остатки большого здания размерами около (30 x 40 м) с внутренними помещениями прямоугольной формы, а в юго-восточном – крупный строительный комплекс (74 x 50 м) с большим двором (около 1000 кв. м), имеющим портики по продольным сторонам, и двойным рядом помещений по периметру. По размерам и планировке он сопоставим со святилищем, возведенным на месте будущей резиденции Хрисалиска на Тамани [ср: Сокольский, 1976, с. 11, рис. 6].

В конце IV в. до н.э. оборонительная система Лабриса еще раз пострадала в ходе военных действий, скорее всего, в период междоусобной войны сыновей царя Перисада I. Судя по трехступенчатой лестнице, ведущей на уровень, до которого она была разрушена в южной части городища, с III в. до н.э., когда Лабрис превратился просто в один из городов на восточной границе государства, крепостные сооружения здесь отсутствовали, тогда как в северной части города оборонительная линия была реконструирована. Таким образом, можно предполагать определенную пульсацию фортификационной системы города в зависимости от его статуса и благосостояния.

Когда оборонительные сооружения второго строительного периода в южной части городища уже лежали в развалинах, над ними в первой половине III в. до н.э. был заложен теменос, исследованный в пределах раскопов I и Ia на площади около 250 кв. м. Здесь были обнаружены остатки внешней ограды священного участка, ориентированной по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу (рис. 11). Эта ограда вскрыта на протяжении 18 м¹⁴. Она состоит из уложенных в один ряд массивных блоков пиленого ракушечного известняка размерами от 0,6 x 0,32 x 0,28 м до 1,1 x 0,56 x 0,26 м. Наибольшая

¹³ Аналогичная ситуация была зафиксирована при раскопках оборонительной стены IV в. до н.э. в Эмпорионе (Ампуриасе) [Samarti-Grego, Trilla, 1992, S. 102, Fig. 1].

¹⁴ Судя по данным геомагнитной съемки, она продолжается в западном направлении, по крайней мере, еще на 6 м, вплоть до понижения склона на данном участке.

сохранившаяся высота стены – 0,32 м. В ней выявлен проем шириной более 3-х м, запиравшийся, если судить по наличию паза в известняковой плите, обрамляющей его с западной стороны, одностворчатыми воротами.

Верхние грани всех блоков ограды были искрошены и несли на себе следы работы плуга в виде косых параллельных борозд шириной 0,07 м. Неудивительно, что следы перестроек последней четверти III – первой половины II в. до н.э. были выявлены лишь местами. К югу от трассы стены теменоса открыты сохранившиеся участки вымостки двора 1 (2 x 1,3 м и 1,7 x 1,2 м), состоящей из уплощенных плит известняка неправильной формы. Найденные в довольно большом количестве на вымостке обломки калиптеров и керамид, главным образом боспорского производства, скорее всего, относятся к кровле соседних помещений или черепичным навесам во дворе. Из отдельных находок заслуживают упоминания фрагменты керамид с клеймами: [ΠΑΙΡΙΣΑ]ΔΟΥ времени правления Перисада II (284/83-245 гг. до н.э.) [Гайдукевич, 1934, с. 267, 311] и ГОР (середина – третья четверть III в. до н.э.) [Алексеева, 1997, с. 116, табл. 59, 17], а также пантикапейские халк 284-275 гг. с надчеканками звезда – горит [Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 130], тетрахалк 315-284 гг. до н.э. (тип: голова безбородого сатира в плющевом венке – голова льва, осетр) [Шелов, 1956, с. 216, табл. V, 61; Анохин, 1986, с. 141, табл. 4, 125] и дихалк 275-250 гг. до н.э. с двумя срубленными литниками (тип: голова сатира – лук и стрела). На участке двора к востоку от вымостки были открыты пять ям, впущенных в слой плотно утрамбованной глины серого цвета. Три из них, судя по размерам и форме, видимо, предназначались для установки пифосов.

Из двух хозяйственных ям наибольший интерес представляет яма 5, в заполнении которой найдены разбитая на пять кусков боспорская керамида размерами 0,52 x 0,44 м, четыре куса кричного железа с губчатой структурой размерами от 2,3 x 2 x 1,2 см до 5 x 3 x 2,5 см и медная пантикапейская монета типа: голова сатира – лук и стрела [Зограф, 1951, с. 245, табл. XLI, 5], относящаяся к финалу денежного кризиса на Боспоре, т.е. датирующаяся около середины III в. до н.э. Особо следует отметить такую редкую находку недалеко от устья ямы, как свинцовая торговая гиря весом 419,18 г с процарапанной буквой М (сокращение от $\mu\nu\alpha$). Она соответствует стандарту в одну мину эвбейско-аттической весовой системы и представляет собой близкую по форме к квадрату пластину с закругленными углами 5,8 x 5,4 см и толщиной 1,2 см¹⁵.

¹⁵ Отметим также случайную находку на поле к югу от городища слегка деформированной свинцовой гири квадратной формы весом 495,93 г (имеются небольшие потери веса из-за повреждений поверхности), подтверждающей наблюдение Н.Л. Грач относительно существования на Боспоре весовой системы, в основе которой лежала облегченная персидская мина весом 504,6 г [Грач, 1976, с. 195].

К западу от проема ворот в пределах теменоса выявлен небольшой двор 2, на центральной оси которого находился ориентированный по линии запад-восток двухступенчатый алтарь (рис. 12). Хорошо отесанная верхняя плита его размерами 1 x 0,88 м, с небольшим вырезом трапецевидной формы 7 x 5 см в южной части имела высоту 0,27 м. Нижняя ступень алтаря размерами 1,18 x 0,96 м и высотой 0,16 м образована шестью известняковыми плитами разных размеров, создающими небольшой бортик шириной 4-9 см. С западной стороны алтаря на уровне его основания уложена прямоугольная плита размерами 0,64 x 0,42 м, на которую вставляли совершавшие обрядовые действия. Вследствие этого высота ее несколько стершейся верхней грани понижается с 8 до 5 см. Интересно отметить, что это уже не первый алтарь, найденный на городище. В свое время В.Г. Тизенгаузен отмечал, что именно в его южной части он обнаружил огромный трехступенчатый «жертвенник» [ОАК, 1878-1879, с. IX]. К сожалению, никакой графической фиксации этого сооружения сделано не было.

Еще один алтарь был открыт после проведения в августе 2006 г. в южной части городища геомагнитной съемки¹⁶, зафиксировавшей к западу от раскопа I (2001-2005 гг.) остатки большой прямоугольной постройки шириной не менее 15 м. Ранее здесь отмечалось скопление вывернутых плугами крупных известняковых блоков, стянутых в линию по границе весенней распахивки. Это обстоятельство определило выбор места для закладки охранно-спасательного раскопа Ia площадью 50 кв. м в 10 м к западу от раскопа I, чтобы связать его с существующей сеткой квадратов.

В результате были обнаружены строительные остатки, синхронные открытым ранее на раскопе I двухступенчатому алтарю и ограде с воротами. Как и там, в качестве основного строительного материала использовался хорошо поддающийся обработке привозной ракушечный известняк. Архитектурные сооружения этой части теменоса располагаются на небольшой искусственной террасе, врезанной в склон холма, укрепленный крупными бутовыми камнями размерами от 0,22 x 0,11 x 0,08 м до 0,34 x 0,29 x 0,09 м. При их зачистке у восточного борта раскопа обнаружен медный фанагорийский дихалк 250-200 гг. до н.э. [Зограф, 1951, с. 246, табл. XLII, 13].

У восточного края террасы находился большой алтарь из массивных известняковых плит, уходящий краем в южный борт раскопа (рис. 13). Вскрытые размеры его составили 1,87 x 1,74 м (в основании) при высоте 0,27 м. В первоначальном виде, как и алтарь 2003 г., он был двухступенчатым, но верхняя плита в данном случае отсутствует, поскольку оказалась на уровне пахотного слоя (нижняя ступень на глубине 0,46 м от современной поверхности) и, видимо, была снесена плугами. Об ее размерах можно судить по сохранившимся

¹⁶ Геомагнитная съемка проводилась зав. лаб. НИИ физики им. В.А. Фока С.-Петербургского государственного университета д.и.н., к.ф.-м. наук Т.Н. Смекаловой.

подтесам, отстоящим от края нижней части этого сооружения на 0,14 м, т.е. ее ширина составляла около 1,32 м. Внутреннее пространство нижней ступени алтаря, заполненное плотно утрамбованной глиной серого цвета с включениями бутового камня, имело прямоугольную форму размерами 1,14 x 0,62 м. С западной стороны находилась служившая ступенькой растрескавшаяся и просевшая плита размерами 1,03 x 0,35 x 0,14 м. На пространстве к северу от алтаря найдены археологически целая красноглиняная миска, железный втульчатый наконечник тесла с треугольным лезвием шириной 5 см, и небольшая свинцовая гиря-разновес размерами 2,4 x 2,2 x 0,6 см и весом 36,3 г, на поверхности которой процарапаны буквы ΔΥ¹⁷. Судя по весу, гирька соответствует 1/12 эвбейско-аттической мины (425-437 г).

Там, где по данным геомагнитной разведки отмечалось наличие здания, на участке размерами 4,4 x 1,9 м был вскрыт угол постройки с вымосткой из тщательно уложенного мелкого бутового камня. Среди находок отсюда можно отметить круглое выпуклое костяное навершие (диаметр – 6,1 см) с центральным отверстием диаметром 2,2 см, а также медный пантикапейский дихалк (ок. 314-310 гг. до н.э.) с изображением головы сатира на аверсе и протомы крылатого Пегаса на реверсе [Анохин, 1986, с. 140, табл. 3, 112]. Пространство между зданием и алтарем (2,06 м) почти целиком вымощено посредством укладки керамид боспорского производства размерами 0,53 x 0,45 м (рис. 14). Вскрытая площадь этой вымостки из 7 целых, но растрескавшихся и 5 фрагментированных черепиц составила 1,73 x 1,61 м. На ней выявлены частично сохранившиеся фрагменты упавшей черепичной кровли в количестве 127 обломков (из них 23 принадлежат калиптерам и 104 – керамидам, но уже другого типа, чем использованные в вымостке). Остатки кровли зафиксированы и к северу от постройки на полосе шириной до 1,7 м, в том числе граненый калиптер размерами 0,53 x 0,125 x 0,1 м. По данным геомагнитной разведки южнее можно ожидать открытия, по крайней мере, одного храмового комплекса.

В северо-восточной части городища на раскопе Е было проведено исследование частично вскрытой Н.В. Анфимовым круглой башни позднеэллинистического времени [Анфимов, 1958, с. 53]¹⁸. Необходимость дополнительных работ здесь была обусловлена тем, что кладка башни находилась в угрожающем состоянии, частично «повиснув» над краями грабительской ямы (рис. 15). Раскопки проводились на прирезке размерами 6,5 x 6,5 м, т.е., с учетом работ Н.В. Анфимова, вскрытая площадь составила около 35 кв. м.

¹⁷ Эти буквы могут относиться к имени владельца, например, Δυ[νάτων].

¹⁸ Здесь в 2001 г. была обнаружена свежая грабительская яма размерами 2,8 x 2,04 м и глубиной 0,75 м, имевшая в плане округлые очертания. Она находилась в том месте, где кладка башни была пробита сквозной послевоенной траншеей для выборки камня, прошедшей с юго-запада на северо-восток на протяжении 15 м. Первоначальная ширина этой траншеи составляла 1,8-2 м, а глубина – около 1,2 м от современной поверхности.

Остатки оборонительных сооружений позднеэллинистического времени, трасса которых почти совпадает с более ранними, были впервые обнаружены в южной части раскопа Е в 1949 г. на очень небольшой глубине или на уровне современной поверхности [Анфимов, 1958, с. 99-100]. Как правило, сохранность их очень плохая, т.к. крепостная стена толщиной 1,9 м практически полностью выбрана. Местами от нее остались лишь отдельные квадры и часть внешнего панциря из плит ракушечного известняка и песчаника на высоту двух рядов кладки (0,4-0,5 м). Круглая башня диаметром 5,06 м, являвшаяся угловой в системе обороны, сохранилась гораздо лучше, т.к. в данном случае был использован известковый раствор с примесью мелкого неокатанного песка¹⁹. Это достаточно редкий случай для данного времени, хотя Филон Византийский, живший во второй половине III в. до н.э., рекомендовал применение известкового раствора в кладке фундаментов крепостных стен, а также для тех узлов обороны, которые могут подвергнуться сильным ударам врага [Philo, Bel., I, 1]. Таким образом можно сделать вывод об использовании местными архитекторами новейших для того времени достижений греческой фортификации.

Кладка башни иррегулярная, постелистая, из грубо обколотых, уплощенных кусков известняка, на два лица. Толщина ее – 0,6-0,8 м, наибольшая сохранившаяся высота – 0,63 м. Размеры камней по внутреннему фасу составляют от 0,1 x 0,04 м до 0,52 x 0,14 м, по внешнему – от 0,14 x 0,05 м до 0,40 x 0,21 м. Заполнение внутреннего помещения башни и вход в нее с юго-западной стороны были в значительной мере уничтожены упоминавшейся траншеей (см. прим. 18). Зафиксированный здесь разрыв в кладке имеет длину 2,06 м. Пол внутреннего помещения башни диаметром 3,8 м глинобитный, с некоторым понижением в центре и в восточной его части. Его уровень, в основном, в юго-западной части помещения, был перекрыт выбросом из грабительской ямы с мешаным керамическим материалом V–III вв. до н.э.

В южной части башни на уровне подошвы кладки выявлены остатки фундамента северной крепостной стены, на 0,46 м выступающие внутрь помещения. Почти полностью выбранная трасса стены прослежена в юго-западной части прирезки на площади 4 x 2,5 м. Остались только отдельные грубо обколотые куски известняка неправильной формы размерами от 0,14 x 0,14 x 0,07 м до 0,52 x 0,40 x 0,18 м. Стратиграфия западного борта прирезки выглядит следующим образом: под гумусным слоем (толщина 0,08-0,14 м) находится слой плотного среднегумусированного суглинка темно-серого цвета мощностью от 0,38 до 0,66 м. На уровне подошвы первого штыка (0,18 м) в юго-восточном углу прирезки с внешней стороны башни найден пантикапейский дихалк 90-80-х гг. I в. до н.э. [Анохин, 1986, с. 145, табл. 7, 203]. В отвале из

¹⁹ Анализ раствора, проведенный в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, показал высокую степень вымывания кремниевой кислоты, что вообще характерно для древних известковых растворов.

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

этого штыка найден также пантикапейский тетрахалк [Анохин, 1986, с. 148, табл. 10, 251], датирующийся концом правления Асандра (47-17 гг. до н.э.). Здесь же, на уровне основания башни, который является нижней границей слоя суглинка темно-серого цвета, найдена медная пантикапейская монета второй четверти III в. до н.э. [Зюграф, 1951, с. 245, табл. XLI, 5] со срубленным литником (тип: голова сатира влево – лук и стрела).

Таким образом, подводя итоги, можно согласиться с Н.В. Анфимовым, относившим нижнюю хронологическую границу последнего периода функционирования оборонительных сооружений северной части Лабриса ко времени около середины III в. до н.э., когда фортификационное строительство усиленно велось на всей территории Боспора [Толстиков, 1981, с. 17]. При том, что новые укрепления следовали прежней фортификационной схеме, можно отметить использование боспорскими военными инженерами достижений эллинистической фортификационной практики. В частности, это демонстрирует возведение на важном для обороны северо-восточном углу круглой башни, как вполне самостоятельного звена, и использование в ее кладке известкового раствора. Что касается прекращения существования Лабриса как крепости, то датировку Н.В. Анфимова – начало II в. до н.э., видимо, необходимо пересмотреть в сторону ее повышения. Представляется возможным связать это событие с военными действиями конца I в. до н.э., связанными с пребыванием Полемона на Боспоре. По крайней мере, об активной городской жизни в этот период свидетельствует тот факт, что из 59 монет IV–I вв. до н.э., найденных за семь последних полевых сезонов в северной и южной частях городища, 16 датируются именно I в. до н.э. После этого на территории Лабриса местами еще теплилась жизнь, но как военно-административный центр он прекратил свое существование. Возможно, определенную роль в данном отношении сыграло также смещение к северу русла Кубани, ведь процветание города во многом было обусловлено именно речной торговлей.

С изучением заключительного этапа существования Лабриса связано незавершенное пока исследование северной части раскопа А 1938-1940 гг., где Н.В. Анфимовым был открыт один из наиболее впечатляющих археологических объектов – укрепленное здание, датированное им второй половиной III в. до н.э. – I в. н.э. К настоящему времени в результате хищнической выборки камня местными жителями от внешних стен здания, толщина которых достигала 1,7 м, не осталось ничего (рис. 16). Более того, по внешнему контуру укрепленного здания выломан верхний слой фундамента и, соответственно, по периметру образовались вытянутые понижения в рельефе поверхности. Предложенная Н.В. Анфимовым датировка периода функционирования здания с учетом новых материалов, возможно, требует корректировки в отношении нижней хронологической границы, по крайней мере, на сто лет, поскольку ярко выраженный раннеэллинистический материал здесь отсутствует. Впрочем, окончательный вывод возможен только после

тщательной ревизии всех имеющихся коллекций находок из раскопок прошлых лет. Тот факт, что фундамент монументальной постройки впущен в слой разрушения первой половины IV в. до н.э., на верхней границе которого зафиксировано, при отсутствии каких-либо строительных остатков, только наличие очагов и нескольких ям, относящихся к второй половине IV – началу III вв. до н.э., скорее всего, свидетельствует о временном запустении этого района города после бурных военно-политических событий, связанных с его вхождением в состав Боспорского государства.

Полученные в последние годы результаты позволяют надеяться, что в ближайшей перспективе археологическое изучение Лабриса, прежде всего первоначальной городской застройки, может дать существенно новую информацию о ранней стадии греко-синдских взаимодействий и последующем развитии этого региона.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Данные палинологического анализа образцов из южного борта раскопа I

Для взятия палинологических образцов была проведена зачистка культурных напластований южного борта раскопа I в кв. 2, в 1,8 м от его юго-восточного угла, от материка до нижней границы пахотного слоя. Из обнаженных таким образом культурных напластований для получения непрерывного разреза на минимально возможном участке борта раскопа последовательно каждые 15 см снизу вверх брались образцы грунта, после чего он был снова законсервирован. Анализ 14 отобранных образцов производился в хронологическом порядке, охватывая почти двухсотлетний период, со второй четверти V в. до н.э. до конца IV в. до н.э. Из слоя светло-серого рыхлого суглинка первой половины III в. до н.э., нарушенного глубокой вспашкой (0,45 - 0,65 м от современной поверхности), образцы не отбирались, поскольку картина в данном случае заведомо искажена.

Техническая обработка образцов выполнялась по стандартной методике [Гричук, 1940, с. 53-58; Berglund, Ralska-Jasiewiczowa, 1986, р. 455-484] с применением тяжелой жидкости ($CdI_2 + KI$). Все образцы оказались карбонатными. При анализе пыльцы и спор использовались специальные определители [Куприянова, Алешина, 1972; Moore, Webb, Collinson, 1991; Erdtman, 1992; Reille, 1999], а также коллекция Института озероведения РАН. Спорово-пыльцевая диаграмма построена с помощью компьютерных

В этой группе продолжает доминировать пыльца сосны, однако количество ее также уменьшилось (0-10 %). Пыльца березы вновь исчезает, зато появляется пыльца ореха и единично отмеченная пыльца дуба и ольхи. На протяжении всей зоны преобладает пыльца травянистых пород. В этом отношении происходит смена доминанты с резким возрастанием количества пыльцы маревых (12-31 %), сложноцветных (12-25 %), осоковых (19-23 %). Появляется пыльца полыни. Несколько теряют ведущую роль в образовании травянистого покрова злаки, достигая 25 % в конце зоны, а в середине практически исчезая. Совершенно отсутствует пыльца культурных злаков и сопутствующих им сорных трав. Спор на протяжении всей зоны не обнаружено совсем.

Палинозона 4 (110-148 см)

Зона охватывает верхнюю часть сероглинистого слоя и нижнюю желтовато-серого плотного суглинка. Концентрация пыльцы резко увеличивается и является максимальной по разрезу. Количество пыльцы деревьев невелико, при этом абсолютно меняется состав древесных пород. Вновь появляется и становится доминирующей пыльца березы. Впервые количество пыльцы сосны сокращается до своих минимальных значений. В единичных случаях встречается пыльца ольхи и ивы. Бесспорна ведущая роль трав в формировании растительного покрова. Отмечено первое появление и постоянное присутствие пыльцы вересковых. С такой же постоянностью встречается пыльца хмеля обыкновенного. Количество пыльцы маревых немного снижается, при этом они продолжают оставаться среди доминантных видов (10-11 %). Значительную роль в составе травянистого покрова играют также злаки, осоковые, гречишные, розоцветные. Кривая процентного содержания пыльцы сложноцветных вновь снижается (до 3 %), впрочем, оставаясь непрерывной по всему разрезу. Отмечается широкое разнообразие разнотравья. В небольших количествах представлена пыльца *Ranunculaceae*, *Fabaceae*, *Apiaceae*, *Orchidaceae*, *Polemoniaceae*, *Artemisia*, *Scabiosa*. К концу зоны одновременно с пылью сорных трав вновь появляется пыльца культурных злаков. Отмечено появление небольшого количества спор, среди которых определены зеленые мхи, папоротники и хвощи. Что касается папоротников, на территории рассматриваемого региона в настоящее время встречается лишь один вид сем. *Polypodiaceae* – *Polypodium vulgare*, да и то весьма редко (Зернов. 2002; 2006). С большой долей достоверности определить до вида найденные в разрезе споры затруднительно, однако то, что это не *Polypodium vulgare* можно сказать с уверенностью.

Палинозона 5 (75-110 см)

Зона целиком соответствует слою желтовато-серого плотного суглинка. Концентрация пыльцы немного снижается, но все же остается достаточно высокой. Состав древесных пород, пыльца которых отмечается в небольших количествах (от 8 до 15 %), вновь принципиально меняется. При таком же

низком, как и в предыдущей зоне, содержании пылцы сосны, пыльца березы исчезает совсем. Отмечено присутствие пылцы ольхи и ивы. Вновь появляется пыльца дуба и ореха, а также впервые отмечена пыльца граба. Единичными являются образцы пылцы ели и пихты, отмеченные до этого только в Палинозоне 1 (235-270 см).

Как и ранее, преобладает пыльца травянистых пород с одновременным увеличением количества пыльцы вересковых. Остается неизменным по сравнению с предыдущей зоной процентное содержание пыльцы маревых, примерно в таких же количествах отмечена пыльца злаков, гречишных. Количество пыльцы сложноцветных резко увеличиваясь в начале зоны, снижается к концу. Пыльца культурных злаков встречается постоянно, образуя непрерывную кривую. Определена и пыльца сорных трав. Увеличивается количество спор. Состав остается прежним, а процент их сопоставим только с содержанием спор в Палинозоне 1. $\Delta v[vátov]$.

Если обобщить сделанные наблюдения относительно развития и изменения природной среды в районе Лабриса, то получается следующая картина:

2-я – последняя четверть V в. до н.э. (палинозона I)

В этот период на изучаемой территории растительный покров значительно отличался от современного. Например, наличие таких пород, как сосна, пихта, ель говорит о развитии хвойных лесов, тогда как в настоящее время эти породы встречаются на более высоких высотных отметках и в более влажных условиях. Это наблюдение подтверждается присутствием в образцах этого времени споровых растений. О значительной увлажненности территории вокруг городища и, соответственно, существовании влажных лугов, свидетельствует наличие прибрежно-водной растительности при некотором распространении степных растительных сообществ (ксерофиты). Эта ситуация обеспечила благоприятные условия для активного развития земледелия, о чем говорят обнаруженные в образцах культурные злаки и сопутствующие им сорные травы. Сопоставляя полученные палинологические данные с имеющимися палеоботаническими материалами по античным памятникам Северного Причерноморья [Янушевич, 1986, с. 40-70], можно предположить, что здесь выращивалась пшеница с примесью ржи в качестве сопутствующего сорняка.

В это время наступил важный переходный период в развитии растительности, прослеженный повсеместно и зафиксированный в схеме Блитта-Сернандера, как переход от суббореального к субатлантическому периоду. В этот период климат был более влажным и прохладным, чем в настоящее время, что может быть связано с развитием фанагорийской регрессии Черного моря. Как известно, регрессивные стадии связаны с похолоданиями климата, а трансгрессивные – с потеплениями. Исследования Анапской пересыпи позволили датировать имеющиеся там отложения с помощью радиоуглеродного метода и отнести начало фанагорийской регрессии ко времени около 600 г. до н.э. или 2580±80 л.н. [Измайлов, 2005], другие датировки –

3100 ±180 л.н.; 2300±60 л.н. [Каплин, Поротов, Янина, 2005, с. 172-173]. Продолжительность регрессии оценивается в 200 лет, а понижение уровня моря предполагается от 6 до 9 м ниже современного.

1-я четверть IV в до н.э. (палинозона 2)

Растительность все больше приобретает степной характер. Изменился характер лесов, где основной породой становится сосна. Распространение березы может быть связано с усилением антропогенного воздействия. Видовой состав трав говорит о постепенном исчезновении влажных лугов и прибрежно-водной растительности также как и об уменьшении луговых сообществ, что косвенно может указывать на повышение уровня и наступающую стадию нимфейской трансгрессии в акватории Черного моря, когда его уровень поднялся до современных отметок. Впрочем, внутри нимфейской стадии Балабанов (2007) выделил 2-3 трансгрессивные фазы, отделяющиеся одна от другой небольшими регрессиями. В любом случае климат стал более теплым и менее влажным.

2-я четверть IV в. до н.э. (палинозона 3)

Дальнейшее изменение растительного покрова говорит об усилении засушливости климата. На смену хвойным приходят широколиственные леса с участием дуба, как наиболее устойчивой к засухе широколиственной породы. Развитие лесных формаций с преобладанием дуба и распространением ольшаников в этот период подтверждают и исследования прибрежных отложений Азово-Черноморского побережья Таманского полуострова [Болеховская, Горлов, Поротов, 2001, с. 33-36].

Повсеместно распространяются полынно-маревые группировки. Снижается видовой состав разнотравья. Можно говорить об усилении ксерофитизации. Наличие горелой пыльцы и увеличение количества углей и золы в образцах, видимо, связаны с пожарами периода военной катастрофы, которую город и его окрестности пережили незадолго до включения в состав Боспорского государства. Косвенным подтверждением этого наблюдения может служить распространение вторичных березовых лесов на следующем этапе развития растительного покрова (палинозона 4). Исчезновение культурных злаков можно объяснить беспокойной военно-политической обстановкой и отсутствием в окрестностях Лабриса благоприятных для земледелия влажных лугов в связи с постепенной аридизацией климата в этом регионе. Во всяком случае, нельзя отрицать для него значение климата, как фактора снижения антропогенной составляющей развития природной среды. Климат в данный момент времени был теплым и сухим, так как количество осадков явно было низким и, соответственно, можно говорить о регрессивной фазе нимфейской стадии. П.М. Долуханов считает (в печати), что осцилляции Черного моря контролировались колебаниями климата, где трансгрессивные стадии соответствовали повышению уровня осадков в водосборном бассейне, а регрессии – их уменьшению. Наши результаты позволяют высказать предположение, что этот вывод далеко не так однозначен.

Середина – 3-я четверть IV в до н.э. (палинозона 4)

Растительность все больше приобретает характер современного растительного покрова. После череды пожаров в лесном поясе вновь появляется береза, а также кустарники (ольха, ива). Снова в образцах фиксируются культурные злаки, сопровождаемые сорной растительностью. Возможно при распространении ксерофитных группировок вновь появляются разнотравные мезофитные луга. На некоторое увлажнение косвенно указывает почти полное исчезновение сложноцветных.

В целом полученные по данному разрезу результаты указывают на некоторую зависимость распространения видов семейства сложноцветных от колебания влажности климата. На чрезмерно большое количество пыльцы сложноцветных в разрезах археологических поселений уже неоднократно обращали внимание многие палинологи [Кременецкий, 1991]. Сложноцветные являются сорняками, представителями нарушенных местообитаний, а также в качестве подчиненных компонентов входят в состав степных сообществ, не формируя травостоя и не являясь доминантами. Причины повышенного содержания пыльцы сложноцветных называются разные. В основном, обычно склоняются к тому, что эта пыльца наиболее устойчива к различным климатическим изменениям, а ее увеличение связано с усилением хозяйственной деятельности человека. Однако на примере данного разреза мы видим несоответствие пиков антропогенной деятельности и количества пыльцы сложноцветных, скорее наоборот. В таком случае единственное, с чем логично связать этот факт – увеличение сухости климата.

Итак, для этого периода, как и в предыдущей палинозоне, можно говорить о теплом и сухом климате, но условия для развития растительного покрова в связи с появлением на месте бывших пожаров пионерной растительности и стабилизацией военно-политической обстановки, становятся более благоприятными.

Последняя четверть IV в. до н.э. (палинозона 5)

Растительный покров этого времени немного напоминает мезофитный характер растительности, типичный для данной территории в конце V в. до н.э. В лесном поясе вновь появляются хвойные породы, причем это те же сосна, пихта, ель. Развитие споровых также начинается с появлением пыльцы хвойных пород, что подтверждает развитие хвойных лесов. Появляются и широколиственные породы деревьев, такие как дуб и граб. В настоящее время такие сосновые леса с примесью дуба и грабинника распространены по всему Черноморскому побережью, непосредственно в береговой зоне, часто выходя на приморские обрывы [Зернов, 2006].

Очередной пик пыльцы сложноцветных в начале рассматриваемого промежутка времени, указывающий согласно нашим выводам на увеличение сухости климата, затем резко сходит на нет. При этом одновременно появляются хвойные породы деревьев, что говорит о всевозрастающем увлажнении

климата. Земледелие в этот период было достаточно интенсивным, а климат более прохладным и влажным, чем сейчас. Вновь можно говорить о регрессивной фазе развития нимфейской стадии.

Расцвет Лабриса (Семибратнего городища) и его последующий упадок, помимо военно-политических причин, явно обусловлен влиянием климатических факторов и колебаний уровня Черного моря. Следует обратить особое внимание на то, что приведенное описание растительности носит узколокальный характер, а антропогенная составляющая на протяжении всего затронутого временного интервала более значима, чем природная. Однако, количества исследованных образцов явно недостаточно, чтобы делать глобальные выводы. Для того, чтобы проследить динамику развития данной городской структуры в изменяющейся природной среде, необходимо продолжить работу по отбору образцов на палинологический анализ, увязывая полученные результаты с датировкой культурных напластований.

В.А. Горончаровський

ЛАБРИС (СЕМІБРАТНЄ ГОРОДИЩЕ) ТА СІНДИ

(по матеріалах польових досліджень

Боспорської експедиції ІМК РАН у 2001-2008 рр.)

Резюме

Лабрис (Семибратнє городище) розташоване у 28 км до північно-сходу від м. Анапа. Своєю широкою овальною частиною протягом приблизно 360 м він повернутий до р. Кубань та в загальному плані займає площу біля 11 га. Уперше розкопки цієї пам'ятки археології були проведені у 1878 р. В.Г. Тизенгаузен, який раніше досліджував відомі Семибратні кургани у 3 км від городища. Наступний етап в його вивченні пов'язаний з роботами Н.В. Анфімова у період з 1938 по 1955 рр., коли були відкриті ділянки оборонних стін V-IV ст. до н.е. та пізньелліністична кам'яна споруда.

Нові дані про Лабриса отримані під час польових досліджень Боспорської експедиції ІМК РАН починаючи з 2000 р. Перш за все вони були пов'язані з південною частиною городища, яка має форму трапеції (площа біля 2,5 га). Утворення цього району міської забудови, включеного у фортифікаційну систему, створену на початку V ст. до н.е., можна розглядати як наслідок одночасного збільшення чисельності колективу громадян Лабрису. Самі ранні культурні нашарування були відкриті тут на ділянці, яка примикає до внутрішнього фасу східної фортифікаційної лінії. До неї відносяться збудована на материку прямокутна внутрішня проїзна вежа другої чверті V ст. до н.е. та прибудовані до неї східці. Можливо, з зовнішнього боку проріз воріт фланкіровала розташована праворуч від них вежа. Роблячи висновки з даних геомагнітної розвідки, саме таким чином розташовувались вежі, які захищали формаційні ворота на східному та північному боці «трапеції». На зйомках воротам відповідають «розриви» шириною біля 5 м. Причому на південній лінії оборони їх два, можливо, для забезпечення можливості несподіваних вилазок у випадку спроб ворогів прорватися до міста.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Ранні оборонні споруди на городище проіснували недовго та підлягали руйнуванню не пізніше середини 60-х рр. IV ст. до н.е. Пізніше їх залишки були використані як фундамент для возведення нової оборонної системи. Внутрішній фас її східної лінії зберігся у висоті на 1,6 м. Зв'язок між двома будівничими періодами в даному випадку підкреслений поворотом стіни другої половини IV ст. до н.е. у районі припустимих воріт, прорізів яких шириною біля 4 м прочитується на аерофотозйомці та геомагнітній карті. Наприкінці IV ст. до н.е. ця оборонна система ще раз постраждала під час воєнних дій. Судячи по триступінчатих сходах, які ведуть до рівня, по який вони були зруйновані у південній частині городища, з III ст. до н. е. кріпосні споруди тут відсутні, а на їх місці був закладений теменос, до якого відносяться залишки зовнішньої огорожі священної ділянки та два двоступенева олтаря.

З вивченням заключного етапу існування Лабрису (друга половина III ст. до н.е. – I ст. н.е.) пов'язано дослідження розкопу «А» 1938-1940 рр. При цьому встановлено, що фундамент зведеної тут укріпленої споруди впущений в шар зруйнування, на верхній межі якого зафіксовано тільки наявність вогнищ та декількох ям, які можна датувати другою половиною IV – початком III ст. до н.е., що, скоріше за все, свідчить про тимчасове занедбання цього району міста.

У додатку до статті наведені данні аналізу 14 палінологічних зразків, які охоплюють майже двохсотрічний період з другої чверті V ст. до н.е. до кінця I V ст. до н.е., що дозволяє зробити висновок про те, що розквіт Лабрису та його послідуєчий занепад крім воєнно-політичних причин також обумовлені впливом кліматичних факторів та коливань рівня Чорного моря.

В.А. Горнчаровский

ЛАБРИС (СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ) И СИНДЫ (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001-2008 гг.)

Резюме

Лабрис (Семибратнее городище) расположен в 28 км к северо-востоку от г. Анапа. Своей широкой овальной частью протяженностью приблизительно 360 м он обращен к р. Кубань и в общей сложности занимает площадь около 11 га. Впервые раскопки этого археологического памятника были проведены в 1878 г. В.Г.Тизенгаузенем, ранее исследовавшим известные Семибратние курганы в 3 км от городища. Следующий этап в его изучении связан с работами Н.В.Анфимова в период с 1938 по 1955 гг., когда были вскрыты участки оборонительных стен V-IV вв. до н.э. и позднеэллинистическое каменное здание.

Новые данные о Лабрисе получены в ходе полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН, начиная с 2001 г. Прежде всего, они были связаны с южной частью городища, которая имеет форму трапеции (площадь около 2,5 га). Создание этого района городской застройки, включенного в фортификационную систему, созданную в начале V в. до н.э., можно рассматривать следствие единовременного увеличения численности коллектива граждан Лабриса. Самые ранние культурные напластования были вскрыты здесь

на участке, примыкавшем к внутреннему фасу восточной фортификационной линии. К ней относятся возведенная на материке прямоугольная внутренняя проезжая башня второй четверти V в. до н.э. и пристроенная к ней лестница. Возможно, с внешней стороны проем ворот фланкировала расположенная справа от них башня. Судя по данным геомагнитной разведки, именно таким образом располагались башни, защищавшие крепостные ворота на западной и южной сторонах «трапеции». На съемке воротам соответствуют «разрывы» шириной около 5 м. Причем на южной линии обороны их два, видимо, для обеспечения возможности неожиданных вылазок в случае попытки врагов прорваться в город.

Ранние оборонительные сооружения на городище просуществовали недолго и подверглись разрушению не позднее середины 60-х гг. IV в. до н.э. Позднее их остатки были использованы как фундамент для возведения новой оборонительной системы. Внутренний фас ее восточной линии сохранился в высоту на 1,6 м. Связь между двумя строительными периодами в данном случае подчеркнута поворотом стены второй половины IV в. до н.э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4 м читается на аэрофотосъемке и геомагнитной карте. В конце IV в. до н.э. эта оборонительная система еще раз пострадала в ходе военных действий. Судя по трехступенчатой лестнице, ведущей на уровень, до которого она была разрушена в южной части городища, с III в. до н.э. крепостные сооружения тут отсутствовали, а на их месте был заложен теменос, к которому относятся остатки внешней ограды священного участка и два двухступенчатых алтаря.

С изучением заключительного этапа существования Лабриса (вторая половина III в. до н.э. – I в. н.э.) связано исследование раскопа «А» 1938-1940 гг. При этом установлено, что фундамент возведенного здесь укрепленного здания впущен в слой разрушения, на верхней границе которого зафиксировано только наличие очагов и нескольких ям, которые можно датировать второй половиной IV – началом III в. до н.э., что, скорее всего, свидетельствует о временном запустении этого района города.

В приложении к статье приведены данные анализа 14 палинологических образцов, охватывающих почти двухсотлетний период, со второй четверти V в. до н.э. до конца IV в. до н.э., что позволяет сделать вывод о том, что расцвет Лабриса и его последующий упадок помимо военно-политических причин, во многом обусловлены влиянием климатических факторов и колебаний уровня Черного моря.

V.A. Goroncharovskiy

LABRYS (SEMIBRATNEE CITY SITE) AND SINDOI
(on materials of field investigations of Bosporan expedition of Institute
for the History of Material Culture RAS during 2001-2008)

Summary

The Labrys (Semibratnee city site) is located in 28 km to northeast from the modern city Anapa (ancient Gorgippia) in the valley of lower reaches of the Kuban River. The settlement by wider part about 360 m is inverted to the left coast of the river and covers about 10 hectares. Archaeological exploration of the site has a long history. The first small excavation was lead here in 1878 by Vladimir Tizengauzen, who before that investigated famous so-called Semibratnie barrows, where kings of the Sindoi were buried. He was the first to describe the ancient ruins at a distance of 3 km from the barrows.

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

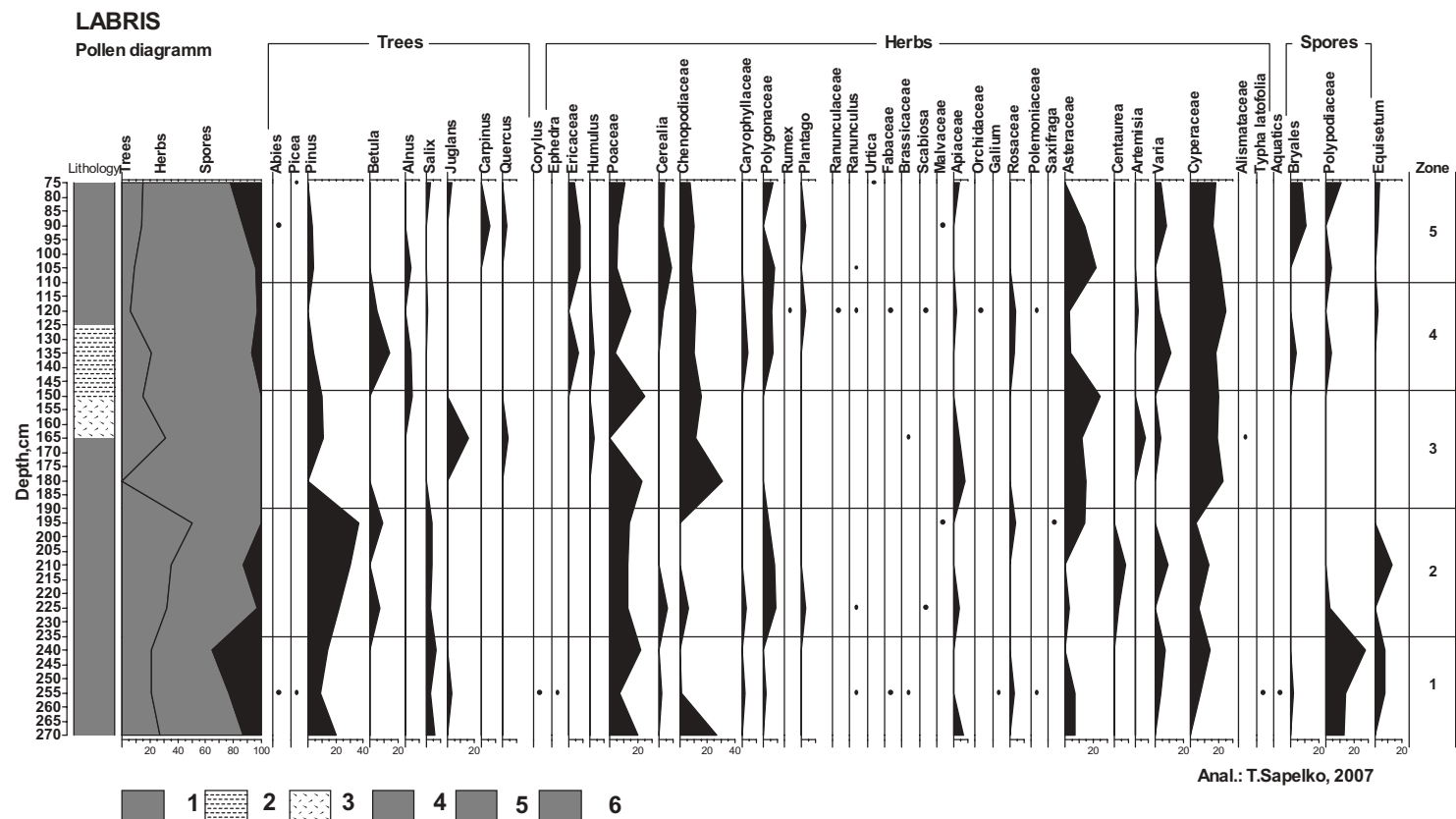
The second stage in the research of this fortified settlement is constituted by the fieldworks of Nikita Anfimov in 1938-40, 1949-52 and 1954-55 (in the north and northeastern parts of the site). He revealed defensive walls of the 5th-4th century B.C. with rectangular towers by safety up to 2 m in height and monumental stone building of the middle of the 3rd-1st century B.C. The general capacity of cultural layers of the end of the 6th century B.C.-1st century A.D. reaches to 3,4 m. Recently the real name of city – Λάβρυ[ς] - is became known from occasionally revealed find of dedicated inscription of the Bosporan king Leukonos I (389/88-349/48 B.C.), where it is spoken about the fight with Octamasades, the son of Sindoi's king Hekateios, when he has attempted to deprive of power his father.

N.Anfimov did not doubt that the city has resulted from social and economic development of Sindoi, which appeared in the close neighbourhood with Greek colonies of Cimmerian Bosporus. The purpose of the present work is the analysis of the new data received during last field researches (since 2001) and attempt to give the vision of separate problems of studying of Sindoi and Sindian kingdom. Certainly we understand, that many supervision and conclusions have preliminary character and demand an additional substantiation.

First of all the works of last years are connected with the southern part of ancient settlement. It has the form of trapeze in the sizes nearby 200 (basis)x130x100 m (lateral sides), whereas northern part turned to ancient channel of Hypanis - oval outlines. These distinctions are represented not casual. The form of a coastal part of city territory, probably, represents result of enough chaotic construction. R.Marten has allocated direct dependence of system of building of the peripheral Greek centers from their economic orientation. In this case early Labrys, corresponds with emporion - the settlement which established with the purpose of exchange with a native society. Most probably the Greeks founded Labrys as result of peaceful contacts with the Sindi in accordance with special agreement. The earliest samples of amphora's fragments and painted ceramics give the date not earlier then beginning of the 5th century BC. Hence, early defensive walls should be erected near to 480 BC. In this connection it is possible to assume: whether there was it one of the first actions of Bosporan symmahia which included the Sindoi in number of their allies? Quite probably, that the local tribe ruler has received in Labrys a constant residence. In the further It has caused a special role of this city in formation of Sindian kingdom and in events of military and political history of Syndica. The indicators of the importance of the city are rich burials in located nearby Semibratnie barrows. First of which have been constructed about middle of the 5th century BC (barrows № 2 and 4) and the tradition of erection barrows disappears with the end of independent existence of Sindian kingdom. It is not excluded that some later Labrys got the status of polis under control of Sindoi and their rulers provided protection of city territory and received gifts in the form of dear weapon, jewelry and a luxury goods from the Greeks.

In the perspective the archaeological study of Labrys can give essentially new information about early stage of the Greek-Sindian relations and following development of this region.

Таблица 1. Данные палинологического анализа образцов из южного борта раскопа I, представленные в виде диаграммы

Горнчаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Рис. 1. Общий вид Лабриса (Семибратнего городища) с севера.

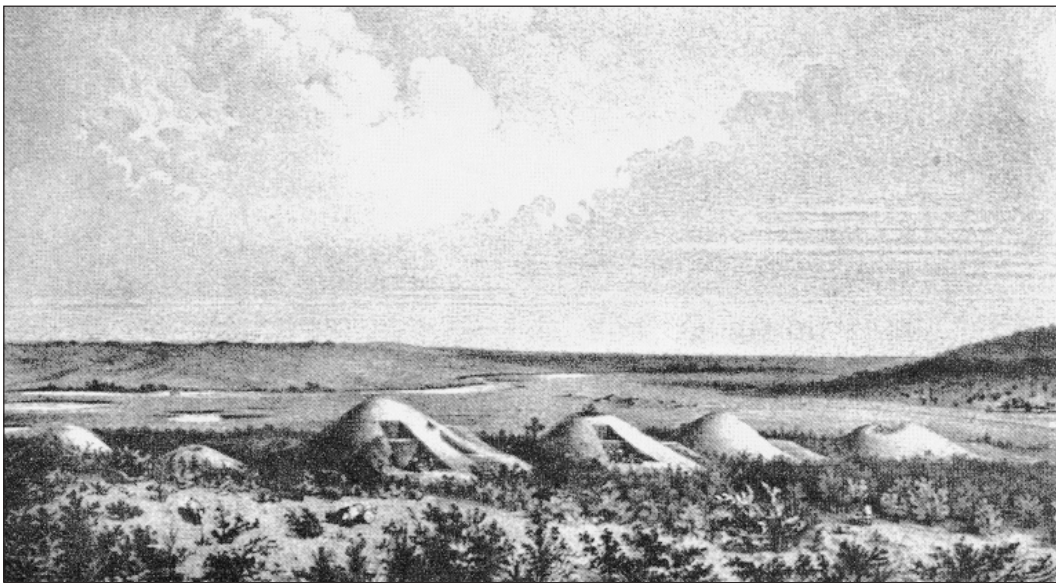

Рис. 2. Раскопки Семибратних курганов. Литография 1875 г.

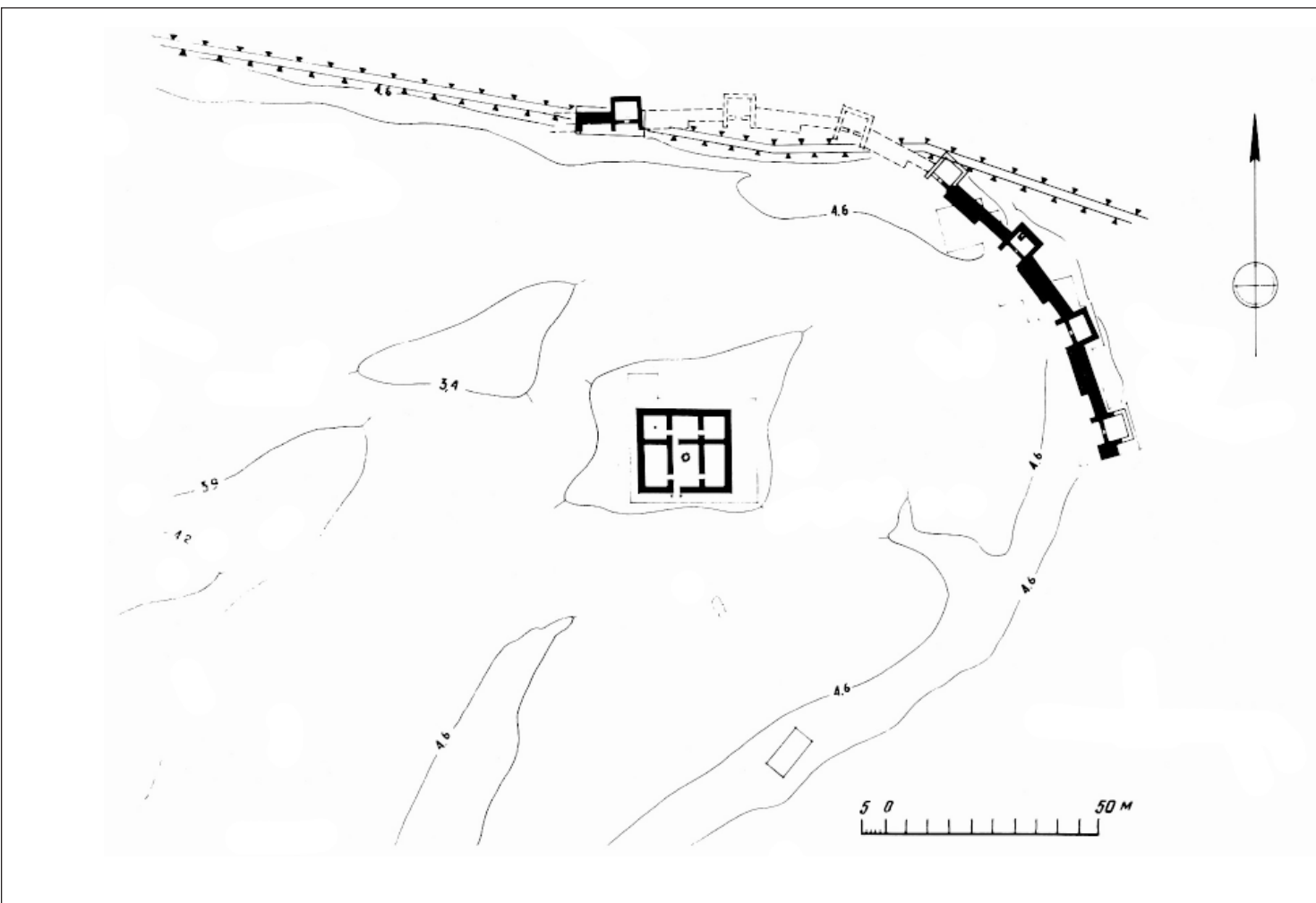

Рис. 3. План раскопок Н.В. Анфимова в северо-восточной части Семибратнего городища.

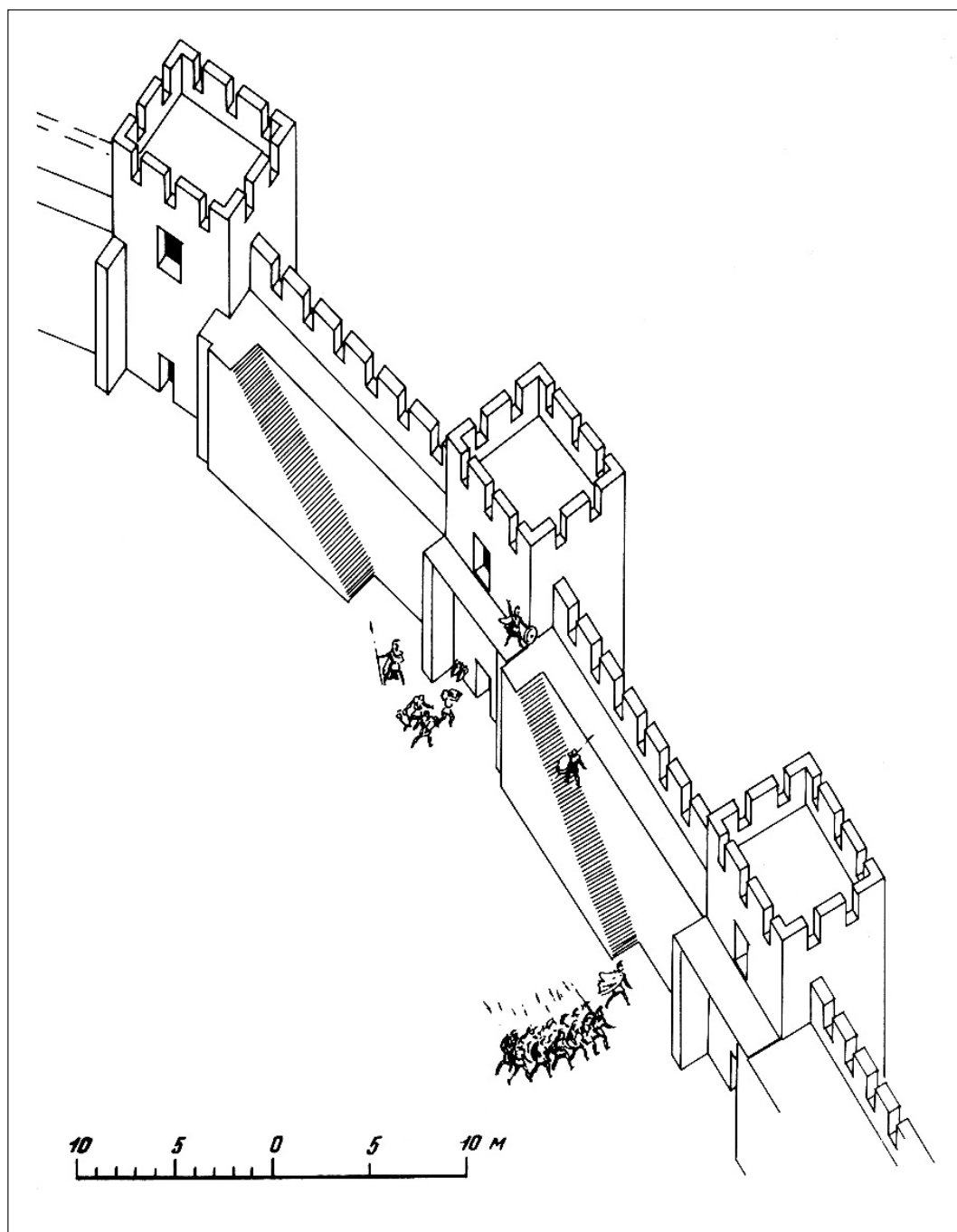

Рис. 4. Реконструкция северо-восточной оборонительной линии Семибратнего городища (по В.П. Толстикову).

Рис. 5. Аэрофотоснимок Семибратнего городища (1959 г.).

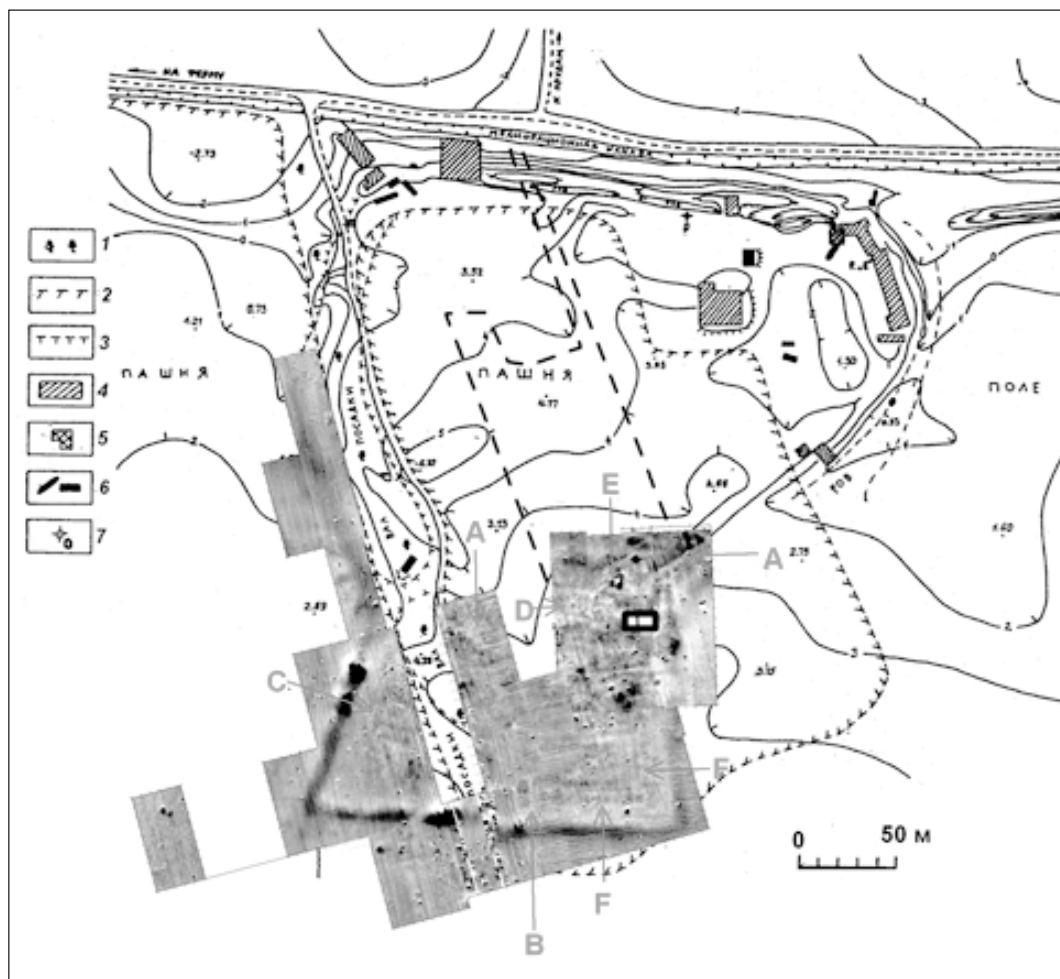

Рис. 6. Геомагнитная карта Лабриса по данным съемки 2006-2008 г. (в качестве фона использован топографический план городища 2001 г.).

Рис. 7. Основание лестницы и проездная башня V в. до н.э. (вид с юга).

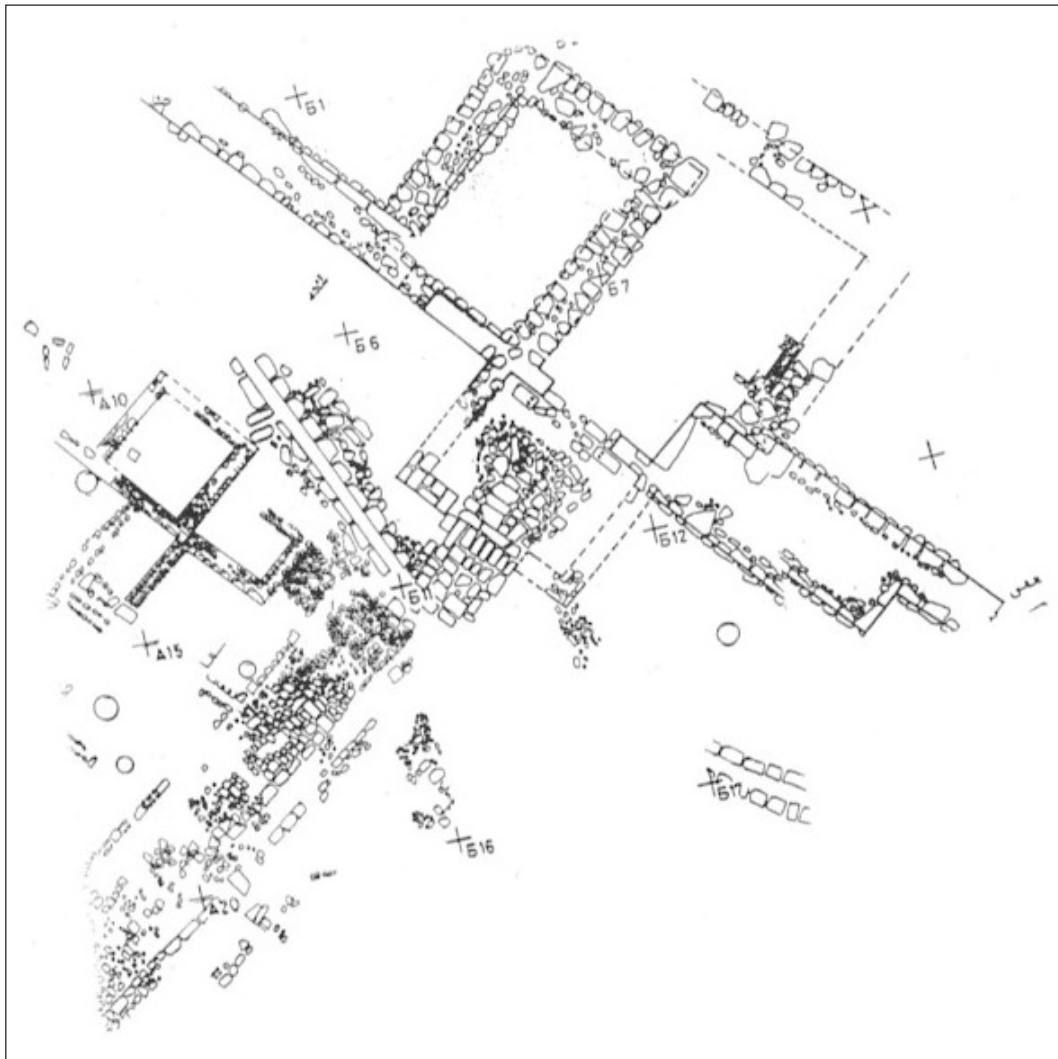

Рис. 8. План укреплений Пистироса с примыкающим участком городской застройки (по Я.Боузеку).

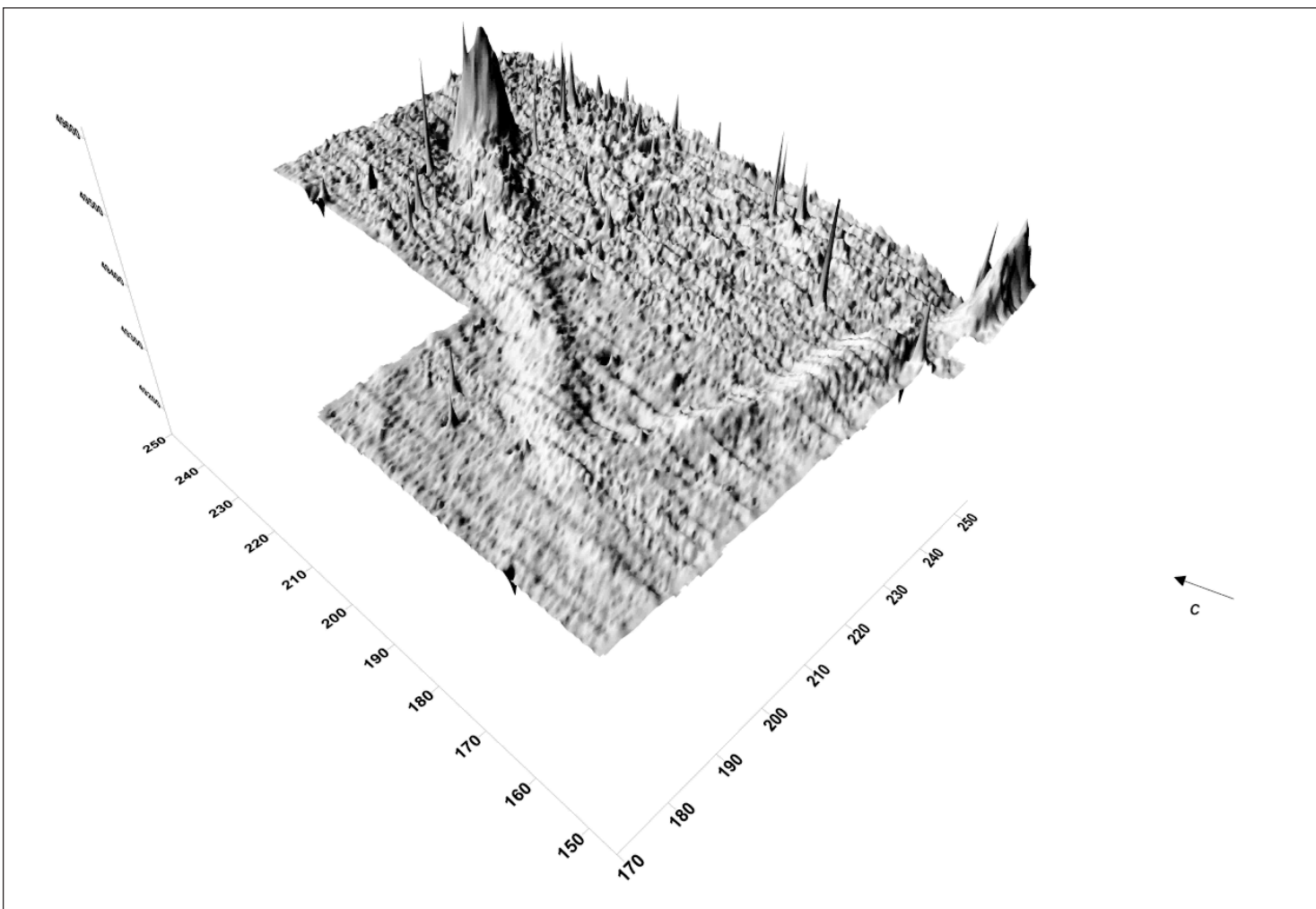

Рис. 9. Юго-западная часть оборонительных сооружений Лабриса (Семибратного городища). Трехмерная модель магнитных аномалий.

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Рис. 10. Лестница V в. до н.э. с возведенной над остатками ранних укреплений оборонительной стеной IV в. до н.э.

Рис. 11. Ограда теменоса на участке двора 1 (вид с запада).

Рис. 12. Алтарь в центре двора 2 (вид с юга).

Рис. 13. Алтарь в западной части теменоса.

Горончаровский В.А. Лабрис (Семибратнее городище)...

Рис. 14. Вымостка из черепиц боспорского производства к западу у алтаря в западной части теменоса.

Рис. 15. Круглая башня III-I вв. до н.э. (вид с запада).

Рис. 16. Зачистка северной части раскопа «А» по уровню фундамента внутренних стен (вид с запада).

С.В. КАШАЕВ

НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2

1. Местоположение памятника

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены на обрывистом берегу Черного моря между мысом Железный Рог и Бугазским озером в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от поселка Артющенко (Новотаманский сельский округ, Темрюкский район Краснодарского края).

Местность, где расположен памятник, довольно ровная, она возвышается над уровнем Черного моря на 20-25 м. В рельефе заметны плавные понижения и возвышенности. Остатки поселения расположены на немного возвышающейся гряде, вытянутой по линии «юго-запад – северо-восток». Одно из понижений к северо-востоку от поселения является руслом древнего ручья или небольшой речки, являвшейся источником пресной воды. Границы памятника определены по распространению подъемного материала. В своем плане поселение напоминает прямоугольный треугольник, вытянутый длинным катетом вдоль берега моря по линии «запад-восток». Размеры катетов соответственно 1000 и 400 м, площадь поселения – около 20 га.

Вся территория памятника подвергается многолетней распашке. Узкая полоса (шириной 20-50 м) вдоль берегового обрыва покрыта степной растительностью (разнотравьем) и в настоящее время не распахивается. От пахотной части она отделена накатанной грунтовой дорогой, которая с периодичностью в несколько лет сдвигается к северу по мере наступления обрыва. В некоторых местах можно проследить две-три колеи старых дорог, перерезанных обрывом.

После уборки зерновых на поверхности возвышенной гряды в микрорельефе поселения хорошо различимы отдельные пологие возвышения (0,3-0,5 м), достигающие 40-60 м в диаметре. Цвет грунта на них несколько светлее окружения. Количество подъемного материала на таких пятнах резко увеличивается, на них присутствует большое количество вывернутых распашкой камней, некоторые из них имеют следы подтески. По-видимому, они происходят из каменных кладок и цоколей стен, разрушенных распашкой. Скорее всего, обозначенные пятна являются местом, где находились древние усадьбы или постройки. В береговых обнажениях мощность культурного слоя дос-

тывает 1,0-1,5 м. Слой состоит из сероватого лессовидного суглинка, насыщенного фрагментами керамики, костями животных и отдельными камнями.

Южная часть поселения повреждена береговым обрывом. Высокий берег, на котором расположен памятник, постоянно разрушается в результате мощной абразии. Характер и интенсивность абразии обусловлены геологическими особенностями данной местности. Основным катализатором этого процесса являются слои серо-зеленой глины, залегающие на глубине 5-10 м и расположенные наклонно в сторону моря. Под воздействием грунтовых вод и собственной тяжести, значительные участки грунта откалываются от коренного берега и медленно сползают по пластам глины в сторону моря. В процессе сползания они постепенно разрушаются и затем размываются морем. Наибольшие разрушения наблюдаются после очень дождливых зим, при этом площадь некоторых отколовшихся кусков берега достигает 500 кв. м и более.

Ввиду столь интенсивного разрушения культурного слоя поселения и некрополя раскопки носили спасательный характер.

2. История исследования поселения и некрополя

Поселение Артюшенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е.Я. Рогова [Рогов, 2000, с. 210]. В 1998-2002 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки [Рогов, 2001, с. 164, Кашаев, 2001, с. 131]; с 2003 г. начаты раскопки некрополя.

В 1998-2002 гг. на поселении по краю берегового обрыва было заложено три раскопа (Р1, Р2, Р3), общая вскрытая площадь составила около 600 кв. м. В ходе исследования обнаружены 24 хозяйственные ямы с различным керамическим материалом датирующимся началом V – первой половиной III вв. до н.э. Какие-либо строительные остатки или конструкции не зафиксированы, за исключением фрагментов обмазки турлужной постройки (мазанки). Мощность вскрытого слоя на исследованных участках поселения достигала 1,5 м. Вещественные находки из открытых комплексов и культурного слоя поселения идентичны, в основном это фрагменты амфор Хиоса (пухлогорлых и прямогорлых), Лесбоса, Фасоса, Менды и так называемых протофасосских амфор (на сложнопрофилированной ножке). Все они датируются в пределах V в. до н.э. Также встречены фрагменты амфор Гераклеи Понтийской, Синопы и Родоса, относящиеся к IV–III вв. до н.э.

В 2002 г. к востоку от поселения был открыт его грунтовый некрополь. После дождливой зимы-весны произошли значительные обрушения береговых обрывов в районе поселения. На береговой осыпи среди осыпавшихся пластов земли были обнаружены костяки из двух погребений, полностью разрушенных абразией. Им были присвоены номера 1 и 2 [Виноградов, Кашаев, 2003, с. 234-235].

В следующем году на этом участке был заложен небольшой раскоп, с целью проверить и подтвердить наличие античного некрополя. В результате были обнаружены и исследованы 4 погребения (№№ 3-6). В площадь раскопа попали

погребения №№ 3 и 6, погребения №№ 4, 5 были обнаружены разрушенными абразией аналогично погребениям №№ 1 и 2. Наличие как минимум шести компактно расположенных погребений подтвердило предположение о существовании на данном участке неизвестного ранее грунтового некрополя античного времени. Материал из погребений №№ 3, 6 позволил датировать открытые погребальные комплексы первой половиной V в. до н.э.

В последующие годы раскоп был продолжен вдоль берегового обрыва. В 2004 г. было обнаружено 7 погребений (№№ 7-13), в 2005 г. – 12 погребений (№№ 14-25), в 2006 г. – 10 погребений (№№ 26-35), в 2007 г. – 16 погребений (№№ 36-51). Таким образом, за 2003-2007 гг. на некрополе вскрыта площадь чуть менее 1500 кв. м., при мощности вскрытого слоя до 1,7 м, а общее количество обнаруженных погребений достигло 51.

Исследованный участок могильника расположен вдоль берегового обрыва. В этом месте находится покрытая степной растительностью не распахиваемая в настоящее время полоса шириной 20-50 м. На участке заметны сильно оплывшие окопы времен Великой Отечественной войны, а также борозды современной распашки (глубиной 20-30 см). Распашка, предположительно, может быть попыткой местной агрофирмы противодействовать абразии. От пахотного поля этот участок отделяет грунтовая дорога. Следов некрополя на современной поверхности не наблюдается, насыпи не сохранились, скорее всего, они полностью расплылись со временем или уничтожены древней распашкой. По результатам раскопок можно предположить, что насыпи на некрополе присутствовали, некоторые из них могли иметь вид небольших по диаметру и высоте курганов. На данный момент расстояние между самыми удаленными друг от друга погребениями составляет около 200 м (от погребения № 26 на западе до погребения № 14 на востоке). Это говорит о значительной протяженности некрополя с запада на восток, а также его немалой площади. По линии «север-юг» пока исследована территория, имеющая в длину около 25 м. Если принять приведенные цифры за минимальные размеры некрополя, то его площадь составляет не менее 0,5 га.

Важным результатом раскопок 2006 г. стало обнаружение западной границы некрополя. Она проходит по вытянутой с севера на юг линии погребений и расположена примерно в 180 м к востоку от границы поселения Артющенко-2 (рис. 1). По результатам 2007 г. можно заключить, что могильник продолжается в северном и восточном направлениях, признаков его завершения не наблюдается. Насколько памятник распространяется к северу, сказать сложно, но есть основания предполагать, что он доходит не только до дороги, но захватывает и часть пахотного поля. Определение северной и западной границ позволит в дальнейшем более точно судить о сохранившихся размерах могильника.

Таким образом, по результатам всех исследований, проведенных в 1997-2007 гг., можно заключить, что весь памятник Артюшенко-2 состоит из сельского поселения и принадлежащего ему грунтового некрополя.

3. Общая характеристика некрополя

Материалы, полученные в ходе раскопок некрополя Артющенко-2, позволяют сделать некоторые выводы о его особенностях, погребальном обряде, датировке исследованного участка и отдельных погребений. Прежде всего, необходимо отметить специфичность грунта в районе памятника, он определяет как методику раскопок, так, в конечном счете, и полученные результаты. Это однородный суглинок, цвет которого варьируется от светло-серого у поверхности, до светло-бежевого или желтоватого на глубине 1,5-1,7 м.

Погребения впущены в материковый суглинок. В таком однородном по цвету и консистенции грунте могильные пятна практически не читаются. Зафиксировать их удается очень редко, только в отдельных случаях. Иногда контуры могилы читаются на уровне костяка. Сырцовые кирпичи, использованные в конструкции некоторых погребений, изготавливались на месте из того же самого суглинка. Это создает дополнительные сложности при выявлении и расчистке сырцовых конструкций. Достаточно четко их можно выявить лишь по наличию в тесте кирпичей различных примесей – желто-зеленой глины, толченой ракушки, и пр. Практически все погребения повреждены землероющими животными, при этом некоторые повреждены очень сильно – кости сдвинуты, на глиняных сосудах и предметах имеются следы зубов, оставленные грызунами и т.д.

В исследованных погребениях глубина от современной поверхности до дна могил находится в пределах 1,0-1,5 м (тут и далее глубины указаны от современной поверхности). Сохранность скелетов в большинстве могил можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Как уже отмечалось, в нескольких случаях удалось зафиксировать погребальные сооружения, выполненные из сырцовых кирпичей.

Костяки в могилах лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища, чаще ориентированы головой на восток, иногда с небольшим отклонением к северу. Практически во всех исследованных погребениях, захоронение совершено по обряду трупоположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне. Антропологические определения проводились С.В. Кашаевым, определение костей животных к.и.н. А.К. Каспаровым.

Погребальный инвентарь в могилах, как правило, сосредоточен вдоль левой части тела или в ногах погребенного. В могилах встречены керамические сосуды, предметы из различных металлов – железа, бронзы, серебра, золота. Состояние керамических изделий довольно хорошее, часто они сохранились совершенно целыми, иногда раздавлены грунтом на несколько крупных фрагментов и легко поддаются реставрации. В двух случаях на доньшках сосудов обнаружены граффито «и» и «XI», скорее всего, это метки хозяев.

Сохранность железных предметов, как правило, плохая, они требуют специальной консервации и закрепления сразу после обнаружения. В отличие от них, находки из бронзы сохранились хорошо, особенно, если они имеют достаточно

большую толщину. После реставрации и удаления зеленого окисла, эти предметы приобретают свой первоначальный цвет. Серебряные изделия в нескольких случаях сохранились не плохо. Может быть, это зависит от качества (пробы) серебра и конкретных условий, в которых находился данный предмет.

Редкими, необычными находками являются скелеты небольших змей, положенных в виде буквы «S», которые зафиксированы в нескольких погребениях (№№ 6, 17, 24, 25). Во всех случаях у скелетов не обнаружен череп, что затрудняет определение вида пресмыкающихся.

Большинство могил по погребальному инвентарю датируются первой половиной V в. до н.э. Несколько погребений можно отнести к рубежу V–IV вв. до н.э. или началу IV в. до н.э. Таким образом, активное время функционирования исследованного участка некрополя около ста лет. Безинвентарные погребения датировать затруднительно. Если предположить, что эти захоронения, как и большинство, относятся к первой половине V – началу IV вв. до н.э., то отсутствие инвентаря и небольшая глубина, возможно, указывают на невысокий социальный статус покойных. В пользу такой датировки безинвентарных могил свидетельствует сходная с другими погребениями ориентация на восток и их расположение вблизи захоронений V в. до н.э.

В некоторых случаях такие погребения можно датировать более поздним, возможно даже римским, временем. Об этом позволяет предполагать немного лучшая сохранность костяков в безинвентарных могилах. Вместе с тем, однозначно сказать, с чем именно это может быть связано (с особыми условиями в таких могилах или относительно поздним временем их сооружения), пока чрезвычайно затруднительно.

4. Описание погребений (комплексов)

Погребение № 1

Погребение полностью разрушено абразией, фрагменты костяка обнаружены на береговой осыпи. Среди них присутствуют несколько крупных фрагментов черепа, один зуб, позвонок, ребра, фрагменты тазовых костей и одна бедренная кость. Исходя из того, что кости черепа тонкие и зуб не стёрт, можно заключить, что погребенный был молодого возраста, примерно 15-17 лет. Сохранность костей средняя [тут и далее по: Мамонова, Романова, Харитонов, 1989, с. 52], пол не определяется. Рядом с костями найден один фрагмент стенки амфоры. Скорее всего, он происходит из заполнения могильной ямы или из слоя некрополя. Точная датировка погребения затруднительна.

Погребение № 2

Комплекс полностью разрушен абразией, фрагменты костяка обнаружены на береговой осыпи. Найдены крупные фрагменты черепа, нижняя челюсть, ключица, несколько позвонков и фрагменты ребер, множество мелких фрагментов трубчатых костей рук и ног. Сохранность костей средняя, они хрупкие, но не крошатся. Стенки черепа толстые, швы полностью заросли. Костяк

принадлежал взрослому человеку, примерно 40-50 лет, предположительно мужчине. На костях ног сохранились частички древесного тлена, возможно, остатки досок гроба. Рядом с костяком найдено несколько амфорных стенок античного времени. Точная датировка погребения затруднительна.

Погребение № 3 (рис. 1,2,3).

Погребение расположено на площади квадрата Б-1 (рис. 1). Частично оно разрушено абразией и было обнаружено при обследовании берегового обрыва. Из обрыва торчало горло протофасосской амфоры, входящей в погребальный инвентарь. Так как погребение было найдено в разрушенном состоянии, то можно предположить, что часть погребального инвентаря пропала еще до начала исследований.

Контур могильной ямы в слое не читался, её размер примерно 2,4 x 1,0 м. Над погребением на глубине 0,7 м от современной поверхности в ногах костяка находилась верхняя часть хиосской пухлогорлой амфоры – горло с плечиками. Предположительно она могла отмечать место захоронения, дополнять или заменять надгробие, либо исполнять роль алтарика.

Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток (рис. 2). Сохранность костей очень плохая: мелкие кости, фаланги пальцев, рёбра и позвонки не сохранились, длинные кости слоятся и крошатся. Зубы на обеих челюстях сильно истерты, некоторые зубы были утрачены при жизни, а альвеолы полностью заросли. Можно предположить, что захоронение принадлежало женщине 55-65 лет. Череп смещен и развернут относительно костяка. Это могло произойти только в том случае, если могила имела перекрытие, и это перекрытие простояло достаточно долго, пока тело не истлело. Таким образом, сдвинутое положение костей косвенным образом указывает на конструкцию погребального сооружения, зафиксировать которую полностью не представляется возможным. Инвентарь в могиле располагался вдоль южной стенки, т.е. у левой половины тела погребенного. В районе ступней была положена напутственная (заупокойная) пища, от нее сохранилась массивная кость животного, скорее всего коровы.

Инвентарь:

1. Амфора на сложнопрофилированной ножке (рис. 3, 4)

Высота амфоры – 41,5 см; диаметр венчика – 9,2 см; диаметр тулова – 23,0 см; диаметр ножки – 4,0 см. Объём амфоры измеренный водой составил ровно 5 л, при наполнении сосуда до венчика.

Аналогии: [Абрамов, 1999, с. 30, 82, 2.14, Зеест, 1960, с. 141. табл. V. 156]

2. Килик чернолаковый (рис. 3, 1)

Высота – 7,6 см; диаметр закраины – 15,0 см.

Килик был положен в погребение вверх дном.

Аналогии: [Скуднова, 1988, с. 99. кат. 146; 133. кат. 209, АА, XII. №№ 409, 434, 435, 437]

3. Бронзовое зеркало (рис. 3, 3)

Диаметр – 14,0 см; длина с черенком – 18,4 см.

Зеркало круглое со штифтом для крепления деревянной ручки. По краю зеркало обрамляет небольшой округлый валик.

Аналогии: [Грач, 1999, с. 99. рис. 41, 3, Древний город Нимфей, 1999, с. 94, кат. 228, Скуднова, 1988, с. 153. кат. 236]

4. Чернолаковый лекиф с росписью (рис. 3, 2)

Высота – 15,2 см; диаметр тулова – 4,8 см.

Аналогии: [Древний город Нимфей, 1999, с. 34. кат. 43, Соловьёв, 2003, с. 76. рис. 144]

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 4

Погребение полностью разрушено абразией, фрагменты костяка обнаружены не береговой осыпи. Сохранилось несколько костей: небольшие фрагменты черепа, нижней челюсти и длинных костей рук и ног. Какие-либо находки, связанные с сопроводительным инвентарем, рядом с костями не зафиксированы. Точная датировка погребения затруднительна.

Погребение № 5

Погребение полностью разрушено абразией. Все обнаруженные кости представлены небольшими по размеру фрагментами: куски черепа, нижней челюсти, тазовых костей, ключица, несколько зубов, рёбра, осколки длинных костей и коленная чашечка.

Рядом с костяком были обнаружены некоторые находки: фрагмент кости крупного животного, обломок амфорной ручки и створка раковины морского моллюска. Возможно, данные предметы относятся к погребальному инвентарю или находились в слое некрополя. Точная датировка погребения затруднительна.

Погребение № 6 (рис. 1,4,5,6)

Погребение расположено на площади квадрата Б-3 (рис. 1). Размер могильной ямы примерно 2,0 х 1,0 м. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток (рис. 4). Погребение принадлежало молодой девушке 15-18 лет. Сохранность костей средняя. Череп раздавлен просевшим грунтом, он значительно смещен к югу от костяка и стоял на основании, а не лежал, как обычно, на боку или затылке. Обращает на себя внимание полное отсутствие костей правой руки.

Погребальный инвентарь был положен вдоль южной стенки могилы, ещё несколько одиночных предметов находились среди костей скелета. Среди инвентаря лежала кость животного – коровы.

Инвентарь:

1. Килик чернофигурный (рис. 6. 3)

Высота – 7,6 см; диаметр закраины – 13,6 см.

Килик был положен в могилу вверх дном и частично располагался на бронзовом зеркале. На обеих сторонах килика одинаковый сюжет росписи – в цен-

тре изображена фигура танцующего человека с поднятыми руками, с двух сторон от которого расположены крупные пальметки. По стилю росписи килик очень близок сосудам, производство которых связывают с мастером Хаймона. Скорее всего, килик из погребения № 6 можно отнести к этому мастеру.

Аналогии: [Горбунова, 1983, с. 181. № 154, Коровина, 2002, с. 39. рис. 12, табл. 9. 9]

2. Зеркало бронзовое (рис. 5. 2)

Диаметр – 15,0 см.

Ручка была деревянной и крепилась к зеркалу с помощью двух тонких бронзовых накладных пластин и двух заклепок.

Аналогии: [Скудникова, 1988, с. 132. кат. 208]

3. Лекиф цилиндрический (Рис. 5. 3)

Высота – 15,2 м; диаметр тулова – 6,2 см.

Лекиф полностью покрыт лаком кораллового тона, на плечиках имеется роспись в виде растительного орнамента – пальметок соединенных дугами. На тулове, сразу под плечиками, нанесены две кольцевые полосы, еще одна полоска – в нижней части тулова. Роспись и полосы выполнены лаком более темного, чем фон, почти коричневого цвета. Лак на тулове лекифа сильно слоился и осыпался, в процессе реставрации он был закреплен.

Аналогии: [Ochotnikov, 2006, p.91, f.8, 3]

4. Колечко бронзовое (рис. 6. 9)

Диаметр внешний – 2,3 см.

Судя по месту находки, простое бронзовое колечко, было надето на палец левой руки. Оно очень сильно коррозировано.

5. Чаша на ножке чернолаковая (рис. 6. 2)

Высота – 9,6 см; диаметр закраины – 22,0 см; диаметр ножки – 9,0 см. Лак густой, блестящий.

Аналогии: [АА, XII. №№ 961, 962]

6. Ойнохоя красноглиняная (рис. 5. 4)

Высота с ручкой – 26,2 см; диаметр тулова – 15,2 см.

Ойнохоя украшена росписью, выполненной красной краской – три кольцевые полосы на стеках и одна волнистая линия на плечиках.

7. Две подвески спиральные, серебряные (рис. 6. 10)

Одна спиралеобразная подвеска найдена около правого коленного сустава, вторая – между позвонков в районе пояса. Обе подвески имеют хорошую сохранность.

8. Скелет змеи

Он обнаружен в районе левой голени; скелет принадлежит небольшой змее, положенной в могилу в виде буквы «S». Голова змеи отсутствует.

9. Костяные пластинки, 3 шт. (Рис. 6. 8)

Ширина – 0,12 см.

В ногах, между ступней костяка, обнаружены кусочки миниатюрных

костяных пластин, которые, вероятно, являлись накладками на деревянном предмете, возможно, шкатулке. Пластины украшены резным орнаментом в виде стилизованного меандра. Все пластинки сохранились фрагментарно, на одной из них имеется часть просверленного круглого отверстия.

Аналогии: [Грач, 1999, табл. 32, 3; 148, 8]

Под чернолаковым киликом находилось еще несколько предметов – небольшой расписной скифос, стеклянный амфориск, бронзовая иголка и деталь игольницы.

10. Амфориск стеклянный (рис. 5. 1)

Высота – 7,8 см; диаметр тулова – 5,0 см.

Стеклянный амфориск не был раздавлен грунтом благодаря укрывавшему его килику и сохранился совершенно целым. Сосудик изготовлен из стекла синего цвета, по тулову выполнен орнамент из белой и желтой пасты. Подобные «финикийские» сосуды датируются второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э.

Аналогии: [Кунина, 1997, с. 27, 57, рис. 13; 58. рис. 14, 15, Сорокина, 1957, табл. III. 1, Vickers, Kakhidze, 2004, p.368, f.133]

11. Скифос миниатюрный (котила) (рис. 6. 1)

Высота – 5,0 см; диаметр края – 7,4 см.

На скифосе по белому фону выполнена роспись черным лаком в виде пальметок. Похожие сосуды относят к кругу мастера Хаймона [Сидорова, 1987, с.113]

Аналогии: [Горбунова, 1983, с. 47. №30, Коровина, 2002, табл. 7. №1, Сидорова, 1987, с.121. рис. 10, Скуднова, 1988, с. 133. кат. 209]

12. Игла бронзовая (рис. 6. 7)

Длина – 5,1 см; диаметр – 1,5 мм.

Аналогии: [Грач, 1999, табл. 28. 10; 161. 11; 175. 11]

13. Деталь игольницы (рис. 6. 6)

Диаметр – 1,4 см; длина – 1,5 см.

Предположительно иголка была в деревянной игольнице. Сама игольница не сохранилась, но сохранилась ее бронзовая крышечка. Она представляет собой небольшую круглую пластинку с двумя плоскими усиками, с помощью которых происходило крепление крышки к игольнице. Пока аналогий такой находке не найдено.

14. Бусины (рис. 6. 4; 6. 5)

Диаметр – 5 мм.

В разных местах погребения и среди костей встречено 6 полых внутри серебряных бусин-подвесок (рис. 6. 4). Хаотическое расположение таких бусин по всему погребению, а также аналогичные находки в других погребениях позволяют высказать предположение, что такие подвески могли использоваться для украшения погребальной одежды или савана.

Среди ребер была найдена одна пастовая бусина очень плохой сохраннос-

ти (рис. 6. 5). Диаметр – 8 мм. На внешней стороне она имеет четыре небольших шишечки, расположенные в шахматном порядке.

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 7 (рис. 1,7,8)

Погребение расположено на площади квадратов А-11', А-12' (рис. 1). Могила сильно повреждена абразией, полностью разрушена южная и частично западная части погребения.

Реконструируемые размеры могильной ямы 3,0 x 2,0 м, максимальная фиксируемая глубина 0,44 м. С севера от ямы прослежен прокоп длиной 1,30 м и шириной около 0,85 м, расположенный наклонно от поверхности к дну могилы. В других погребениях такие прокопы не фиксировались, поэтому однозначно определить его предназначение затруднительно. Можно предположить, что это «технологический элемент» – остатки спуска (пандуса), сооруженного при строительстве могилы.

Стены погребальной камеры по периметру сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей, вдоль всех стен кирпичи лежат плашмя. Изготовлены они из светло-бежевого суглинка с включениями желто-зеленой глины.

Сохранность скелета очень плохая, кости голеней и ступни утрачены вследствие оползня, но можно заключить, что костяк принадлежит мужчине 25-30 лет. Он лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. Череп полностью раздавлен на множество мелких фрагментов. Сохранились крупные фрагменты нижней челюсти, трубчатые кости рук и ног, 5 позвонков, несколько ребер, кости таза.

Судя по другим аналогичным комплексам, обнаруженным в некрополе, не исключено, что изначально погребение № 7 было парным. В южной части погребения (справа от мужского костяка) мог находиться костяк женщины, а также инвентарь – керамические сосуды.

Инвентарь:

1. Наконечник стрелы(?) железный (рис. 8. 2)

Длина – 4,8 см; ширина лезвия – 2,1 см.

Фрагмент наконечника обнаружен в районе пояса, с левой стороны. Он имеет круглую в сечении втулку и плоское ромбовидное в сечении лезвие. Наконечник сломан; от него сохранилась лишь небольшая часть, примыкающая к втулке. Скорее всего, он был положен в могилу в уже сломанном виде.

Наконечник такого размера и формы слишком мал для копья, возможно, он использовался для дротика или для стрелы специального назначения.

2. Меч железный, рукоять (рис. 8. 3)

Длина – около 20-25 см, ширина – 3-5 см.

Меч типа акинак находился у пояса погребенного вдоль левого бедра. В результате коррозии меч полностью рассыпался на мелкие кусочки, поэтому определить его точные размеры затруднительно. Сохранилась только часть рукояти с антенновидным навершием.

3. Пряслице керамическое (рис. 8. 6)

Высота – 1,2 см; диаметр – 2,2 см.

Пряслице находилось в районе пояса, на его поверхности имеются следы нагара.

4. Наконечник стрелы бронзовый (рис. 8. 4)

Длина – 2,6 см.

Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с выделенной втулкой обнаружен в районе живота слева от позвоночника. Грани наконечника заканчиваются острыми шипами.

Аналогии: [Грач, 1999, с. 247. табл. 94]

5. Наконечник стрелы бронзовый (рис. 8. 5)

Длина – 1,8 см.

В районе шеи лежал бронзовый трехгранный наконечник без выделенной втулки.

Аналогии: [Грач, 1999, с. 204 табл. 30; 247. табл. 94]

6. Наконечник копья железный (рис. 8. 7)

Длина – 26,2 см; ширина лезвия – 4,4 см.

Железный, сильно коррозированный наконечник копья находился у правого плеча костяка. В заполнении могильной ямы были обнаружены также сильно коррозированные фрагменты железного втока (подтока) копья. На нем имелись следы древесного тлена.

7. Крючок железный (рис. 8. 1)

Длина – 3,0 см.

На уровне пояса слева от костяка находился железный крючок квадратного сечения. На его длинной стороне сохранились следы древесного тлена. По-видимому, крючок был закреплен в какой-то деревянной основе.

Аналогии: [Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005, с.89. рис. 11. 4]

Дата погребения: вторая-третья четверти V в. до н.э.

Погребение № 8 (рис. 1)

Погребение полностью разрушено абразией, погребальные конструкции не сохранились. На осыпи берегового обрыва обнаружены отдельные фрагменты человеческих костей: рук, ног, ребер и черепа. Точная датировка погребения затруднительна, возможно, лишь косвенное предположение на основании сопутствующих находок. Рядом с костями были найдены фрагменты красноглиняных амфор, в том числе горло хиосской пухлогорлой амфоры. Возможно, оно принадлежит амфоре происходящей из тризны или из погребального инвентаря погребения № 8. На этом основании погребение предположительно можно отнести к первой половине V в. до н.э.

Погребение № 9 (рис. 1, 9)

Погребение расположено на площади квадратов Б-11', Б-12' (рис. 1). Могильная яма имеет трапецевидную форму; ее максимальные размеры 1,80 x 0,65-0,45 м. Заполнение могилы не отличалось от культурного слоя некропо-

ля. Глубина от поверхности до дна – 0,80 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 0,15 м.

Костяк плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток с небольшим смещением к северу. Сохранились трубчатые кости рук и ног, череп повернут вправо. Зубы сильно стерты и выступают из челюсти всего на 2 мм; костяк принадлежит мужчине 60-70 лет. Какой-либо инвентарь отсутствует, вследствие чего точная датировка погребения затруднительна.

Погребение № 10 (рис. 1, 10, 11, 12, 13)

Погребение расположено на площади квадратов А-3', А-4' (рис. 1). В слое контуры могильной ямы не прослеживались, реконструируемые размеры ямы примерно 2,15 x 1,00 м. Глубина от поверхности до костяков – 1,25 м. В заполнении встречен крупный фрагмент стенки лепного горшка из черной глины с примесью толченой ракушки в тесте, а также мисочка с ручкой и керамическая пиксида.

Погребение парное: с южной стороны лежал мужской скелет, по правую руку вплотную к нему – женский. Костяки расположены вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головами на восток. Правая рука мужчины слегка согнута в локте и положена поверх левой руки женщины. Кости средней сохранности, женский сохранился лучше, череп мужчины раздавлен. Фаланги кистей рук и ступней ног у костяков отсутствуют. Возраст мужчины – 30-35 лет, женщины – 35-40 лет. Могила сильно повреждена грызунами. Весь инвентарь, представляющий собой «парный» набор, сосредоточен в ногах погребенных. Около малой ойнохой лежала кость животного.

Инвентарь:

1. Бусина гагатова (рис. 13.2)

Диаметр – 5 мм; длина – 5 мм.

Бочковидная бусина из черного камня, предположительно из гагата, обнаружена среди ребер женского костяка.

2. Колечко бронзовое (рис. 13.3)

Диаметр – 2,3 см.

У правого колена найдена фаланга пальца руки, рядом с которой лежало простое бронзовое колечко.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

3. Меч железный (рис. 12. 5)

Длина меча – 38 см, длина лезвия 26 см, максимальная ширина лезвия 4,5 см.

Меч типа акинак с сердцевидным перекрестьем был обнаружен поверх левой тазовой кости и левого бедра мужчины.

4. Наконечник стрелы(?) железный (рис. 13. 4)

Длина сохранившаяся – 10 см; сечение 7 x 12 мм.

Черешковый наконечник имеет ромбовидное сечение острия и черешка, на котором сохранились следы древесного тлена. Такой наконечник можно отнести к наконечникам специального назначения.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

5. Ойнохоя № 1, малая (рис.13. 1)

Высота с ручкой – 20,0 см; диаметр тулова – 12,8 см.

Ойнохоя лежала на боку и была раздавленная на множество мелких фрагментов. На ее тулове имеется три кольцевые полосы и волнистая линия, выполненные темно-коричневой краской.

6. Миска лепная (рис. 12. 3)

Высота 7,2 см; диаметр устья 19 см; диаметр дна 10 см.

Миска имеет плоское слегка вогнутое внутрь дно, округлые стенки и вертикальный, горизонтально подрезанный край. Она выполнена из коричневой глины, в тесте имеется примесь толченой ракушки.

Аналогии: [Анфимов, 1951б, с. 161 рис. 1. 4,5, Кастанаян, 1981, с. 34. рис. 4; 139. табл. II. 5, Марченко, Житников, Копылов, 2000, табл. 31, 3, Виноградов, 2006б, с. 74. рис. 2. 7]

7. Миска гончарная (рис.11. 4)

Высота – 9,0 см; диаметр закраины – 24,0 см.

Миска красноглиняная на кольцевом поддоне, с горизонтально отогнутой закраиной. Внутри миска покрыта светлым ангобом и украшена двумя группами концентрических полос белой краски и полосой красной краски по венчику. В погребении она была перевернута вверх дном и прикрывала небольшую лепную чашечку (№ 11).

Аналогии: [Коровина, 2002, табл. 15. 2]

8. Килик чернолаковый (рис. 12. 4)

Высота – 6,3 см; диаметр – закраины 14,2 см; диаметр ножки – 7,0 см.

У этого чернолакового аттического килика одна ручка была отбита в древности. Внутри лежала ножка от другого, тоже чернолакового килика (№ 9).

Аналогии: [АА, XII №№ 409, 434, 435, 437]

9. Ножка килика (рис. 12. 1)

Высота – 3,0 см; диаметр ножки – 7,4 см.

Данная ножка происходит от килика аналогичного килику из погребения № 3 (3. 2). Все сколы на ней заглажены.

Фрагменты сосудов были обнаружены в нескольких погребениях. В данном случае можно предположить, что ножку килика положили в погребение в качестве солонки.

Аналогии: [АА, XII №№ 409, 434, 435, 437]

10. Ойнохоя № 2, большая (рис. 11. 3)

Высота с ручкой – 22,6 см; диаметр тулова – 14,2 см.

Ойнохоя стояла у левой голени мужчины. На её венчике и ручке сохранились следы красной краски, на тулове – три широкие круговые полосы красной краски.

11. Чашечка лепная (рис. 12. 2)

Высота – 5,8 см, диаметр венчика – 7,8 см, ножки – 3,8 см.

Чашечка имеет округлый вертикальный венчик и цилиндрическую ножку с несимметричным углублением в основании. Глина сосуда светло-коричневого цвета.

Аналогии: [Грач, 1999, с. 199 табл. 24, 9,10, Кастанаян, 1981, с. 57, Лимберис, Марченко, 2001, с. 116, рис. 36, 6, Лесков и др, 2005, с. 100 рис. 19, 3; 103. рис. 25, 8; 107. рис. 32, 4; 119. рис. 57, 7; 120. рис. 59, 5; 149. рис. 130, 8]

12. Мисочка с ручкой (рис. 11. 2)

Высота – 3,0 см; диаметр закраины – 7,4 см.

Небольшая красноглиняная плоскодонная мисочка имеет горизонтальную петлевидную ручку округлого сечения.

Аналогии: [Скуднова, 1988, с.132, рис. 208, Сорокина, 1957, с. 21. рис.11]

13. Пиксида керамическая (рис. 11. 1)

Высота основания – 3,2 см; диаметр дна – 5,6 см; высота крышки – 3,8 см; диаметр дна – 5,4 см.

Пиксида состоит из двух частей – основания и крышки. Она сделана из светло-розовой глины с примесью мелкого пироксена. Обе части украшены кольцевыми горизонтальными полосками, выполненными красной краской.

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 11 (рис. 1, 14, 15)

Погребение расположено на площади квадратов Б-11', Б-12' (рис. 1). Могильная яма прямоугольной формы, размером примерно 1,95 x 0,75 м. Глубина от поверхности до дна – 0,98 м. Яма заглублена в предматериковый суглинок, заполнение по цвету и плотности аналогично окружающему его грунту.

Костяк лежал на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток (рис. 14). При погребении ноги, вероятно, были согнуты в коленях, после чего они распались таким образом, что их положение образует ромб. Сохранность костей плохая, примерный возраст погребенного – 40-50 лет, пол – мужской.

Инвентарь:

1. Кувшинчик (рис. 15)

Высота – 16,4 см; диаметр тулова – 11,6 см.

Небольшой красноглиняный кувшинчик стоял в ногах костяка. Он имеет округлое тулово на кольцевом поддоне и высокое горло.

Аналогии: [Грач, 1999, с. 237 табл. 76, 6, Коровина, 1987, с.27. рис. 23]

Дата погребения: IV-III в. до н.э.

Погребение № 12 (рис. 1, 16, 17)

Погребение расположено на площади квадрата Б-2' (рис. 1). Контуры могильной ямы в слое не прослеживались, заполнение не выделяется; ее размер – примерно 1,65 x 1,08 м. Вокруг костяка в заполнении могильной ямы обнаружены створки небольших ракушек, угольки и кусочки древесного тлена. Глубина от поверхности до дна могилы составляет 1,40 м. Костяк принадлежит ребенку 5-7 лет, он лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища,

головой ориентирован на восток. Череп, стоявший на основании, немного смещен к северу (рис. 16). Сохранность костей плохая – сохранились лишь кости одной руки, трубчатые кости ног, ключицы, несколько ребер; череп раздавлен, часть зубов – молочные. Общий реконструируемый рост погребенного – не более 90 см. Весь инвентарь располагался слева от костяка. Рядом с киликом найдена кость животного – бедренная кость задней ноги барана (овцы).

Инвентарь:

1, 2. Астрагалы

Два астрагала обнаружены в районе левого плеча. Вероятно, они положены в детскую могилу в качестве игрушек или игральных костей.

3. Килик красноглиняный (рис. 17. 2)

Высота – 6,0 см; диаметр края – 15,6 см.

Красноглиняный килик располагался около голени левой ноги. Внутри он украшен тремя кольцевыми полосами белой краски, по закраине идет полоса красной краски.

Аналогии: [Соловьев, 2003, с. 83 рис. 168]

4. Ойнохоя (рис. 17. 1)

Высота с ручкой – 20,2 см; диаметр тулова – 12,4.

Ойнохоя располагалась в юго-западном углу погребения. На венчике и ручке сохранились следы красной краски, тулово украшено тремя тонкими кольцевыми полосами белой краски.

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 13 (рис. 1, 18, 19, 20, 21)

Погребение расположено на площади квадратов Б-3', В-3' (рис. 1). Могильная яма в слое не прослеживалась, по расположению инвентаря ее размеры определены приблизительно 2 х 0,90 м. Глубина от поверхности до дна – 1,45 м.

Костяк, принадлежавший мужчине 25-30 лет, лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, головой ориентирован строго на восток (рис. 18). Сохранность костей плохая. Левая локтевая кость лежит поверх левой ключицы, кости правого предплечья – под тазовыми костями. Череп повернут влево, на его правой стороне крупное отверстие неправильной формы, скорее всего, оно образовалось при проседании грунта в заполнении могилы. Реконструируемый рост – более 160 см. На глубине 0,70 м от поверхности у западной стенки погребения обнаружен вертикально стоящий фрагмент известнякового надгробия – стелы (рис. 19). К сожалению, верхняя часть надгробия утрачена, но именно на ней могли иметься надписи или изображения. В заполнении погребения встречены небольшие угольки. Керамический инвентарь расположен у левой голени.

Инвентарь:

1. Наконечник копья (рис. 21. 4)

Длина – 19 см.

Железный наконечник копья располагался около правого плеча. Острие в

сечении четырехгранное, втулка полая, в сечении круглая.

2. Меч железный (рис. 21. 6)

Общая длина – 45 см; длина лезвия – 33 см; максимальная ширина лезвия – 4,5 см.

Рукоять меча располагалась под правой тазовой костью, острие лежало на левом бедре. Сравни [Коровина, 1987, с.8. рис. 4a].

Аналогии: [Коровина, 1987, с.9. рис. 6]

3. Вток копья (рис. 21. 5)

Длина – 6,8 см, диаметр – 1,5 см.

Вток копья лежал около правой ноги, внутри он полый, в сечении круглый. Если в могилу положили целое копьё, то его реконструируемая длина составляла около 1,55 м, а диаметр древка – не более 1,4 см.

Аналогии: [Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005, с.94. рис. 16, 2]

4. Ойнохоя (рис. 20. 1)

Высота – 20,6 см; диаметр – 13,4 см.

Ойнохоя в погребении лежала на боку. Она выполнена из красной глины со светлым ангобом, по тулову украшена кольцевыми полосами коричневой и белой красок, а также белой волнистой полосой по плечикам.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.10. рис. 7]

5. Миска (рис. 20. 2)

Высота – 8,8 см; диаметр – 23,4 см.

Крупная красноглиняная миска украшена внутри двумя кольцевыми полосами краски, в которых коричневая полоса расположена между двумя белыми полосами. По всему краю миски идет полоса коричневой краски.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.10. рис. 7, Коровина, 2002, табл. 16, 4]

6. Наконечник стрелы(?) железный (рис. 21. 2)

Длина – 5,5 см; втулка полая круглая, в сечении имеет диаметр 0,5 см.

Железный наконечник лежал на черепе в районе виска. В сечении наконечник четырехгранный, острие обломано.

7. Втулка железная

Длина – 1,7 см; диаметр – 1,4 см.

Фрагменты круглой в сечении железной втулки обнаружены среди ребер.

8. Ворворка бронзовая (рис. 21. 3)

Высота – 2,3 см; диаметр – 2,8 см.

Бронзовая ворворка обнаружена после снятия костяка под правым коленом.

Аналогии: [Бабенко, 2005, с. 240 рис. 7, 8]

9. Нож железный

Рядом с мечом, но немного глубже, обнаружены сильно коррозированные фрагменты железного предмета, предположительно обломки лезвия ножа.

10. Наконечник стрелы (рис. 21. 1)

Длина – 1,4 см.

В левой половине груди среди ребер располагался бронзовый трехлопаст-

ной наконечник стрелы с выделенной втулкой.

Аналогии: [Скуднева, 1988, с.142, кат. 224]

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 14 (рис. 1, 22, 23)

Погребение расположено на площади квадратов В36', Г36', Г37' (рис. 1), южная часть погребения разрушена абразией. В осыпи под обрывом были обнаружены отдельные кости, выпавшие из разрушенной части погребения, в основном это кости ступней и фрагменты ребер. Там же, среди упавших костей, были обнаружены фрагменты лезвия железного меча.

На глубине около 2-х м от поверхности было зафиксировано могильное пятно, его сохранившиеся размеры – 1,88 х 1,17 м. Глубина от современной дневной поверхности до дна могилы – 2,40 м, фиксируемая глубина могильной ямы – до 0,44 м. Заполнение могильной ямы – светло-серый суглинок, по цвету немного темнее материкового суглинка.

Сохранность костяка средняя, южная часть погребения, а также кости ступней частично утрачены вследствие оползня. Судя по костям и зубам, погребение принадлежит мужчине 20-25 лет, оно ориентировано головой на север. Анатомический порядок скелета нарушен. У северной стенки могилы кости располагались в хаотичном порядке: череп, крестец, нижняя челюсть, позвонки, лопатка, фаланги пальцев. В центре кости отсутствовали, южнее находилась нижняя часть скелета – кости таза и ног, сохранившиеся в анатомическом порядке. Там же было еще несколько разрозненных костей рук, ребра, фаланги пальцев.

Судя по обнаруженному расположению костей, можно сделать несколько предположений и заключений. Изначально костяк лежал на спине вытянуто головой на север, руки вдоль туловища, ступни ног скрещены. Погребение было ограблено в древности. Грабители проникли в захоронение с восточной стороны, причем на тот момент тело разложилось еще не полностью. Скорее всего, основной добычей грабителей мог стать нагрудный доспех покойного, представляющий определенную ценность. Его извлечение привело к нарушению анатомического порядка, т.е. смещению костей в восточном направлении. Грабители вытащили доспех вместе с остатками туловища, при этом были смещены череп, таз и руки, а кости ног остались почти нетронутыми.

Инвентарь:

1. Меч железный (рис. 23)

Кроме фрагментов лезвия железного меча, другого инвентаря в погребении не обнаружено. Из всех найденных фрагментов сложилась часть широкого лезвия меча; рукоять и кончик лезвия отсутствуют. С одной стороны на металле хорошо сохранились частицы древесного тлена, т.е. меч был положен в погребение в деревянных ножнах.

По косвенным признакам – северной ориентации и фрагментам меча – погребение предположительно можно отнести к IV в. н.э.

Погребение № 15 (рис. 1, 24)

Погребение расположено в квадрате А-10' (рис. 1). Могильная яма прямоугольная, размеры – 1,75 х 0,66 м. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено. Глубина от современной поверхности до дна могилы – 1,10 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 15 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток с небольшим смещением к северу (рис. 24), погребение принадлежит женщине 45-50 лет. Кости имеют плохую сохранность; сохранились трубчатые кости рук и ног, ребра и часть позвонков, череп повернут вправо.

Между костями ног находился фрагмент массивной кости животного, другой инвентарь не обнаружен. По косвенным признакам – ориентация, глубина, сохранность костей – погребение предположительно можно датировать, как и большинство погребений некрополя, V в. до н.э.

Погребение № 16 (рис. 1, 25, 26, 27)

Погребение расположено на площади квадрата А-7' (рис. 1). Оно принадлежит женщине 40-45 лет, сохранность костей плохая. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на запад (рис. 25); это редкий случай западной ориентации на данном некрополе. Кости ног расположены в форме ромба, скорее всего, при погребении ноги были подогнуты в коленях.

Могильная яма имеет прямоугольную форму, размеры – 1,60 х 1,02 м. Глубина от современной поверхности до дна – 1,35-1,40 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 20 см.

Погребение очень сильно повреждено землеройными животными; часть костей и инвентаря провалилась в большую нору, расположенную под костяком. При расчистке зафиксированы следы разрушенных сырцовых кирпичей, но проследить особенности конструкции, которую они составляли, не удалось. Основной инвентарь располагался вдоль южной стенки могилы. В юго-восточном углу могилы, около миски находился фрагмент кости животного.

Инвентарь:

1. Миска (рис. 26. 5)

Высота – 8,4 см; диаметр края – 22,2 см.

Красноглиняная миска на кольцевом поддоне имеет сложнопрофилированный отогнутый наружу край.

Аналогии: [Коровина, 2002, табл. 15, 2]

2. Кувшин (рис. 26. 4)

Высота – 22,0 см; диаметр края – 10,4 см.

Красноглиняный кувшин на кольцевом поддоне имеет широкое горло. Его тулово орнаментировано тремя кольцевыми полосками красной краски, еще одна полоса проходит по венчику. Ручка высоко поднята над краем, как у ойнохой.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.11. рис. 8]

3. Игла бронзовая (рис. 27. 9)

Длина – 6 см; диаметр – 1,5 мм.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2...

Аналогии: [Грач, 1999, табл. 28, 10; 161, 11; 175, 11, Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

4. Зеркало бронзовое (рис. 26. 2)

Диаметр – 12 см.

Зеркало совершенно плоское, без бортика или утолщения. Сохранилась его большая часть, но более половины края повреждено сколами. Отколотые фрагменты в погребении не обнаружены.

Аналогии: [Скуднова, 1988, с.154, рис. 236]

5. Шило железное (рис. 27. 10)

Длина – 10,9 см; диаметр – 8 мм.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

6. Лекиф (рис. 26. 1)

Лекиф обнаружен справа от черепа, перевернутым вверх дном. Он имеет шаровидное тулово, невысокий кольцевой поддон, узкое горло с округлым венчиком и вертикальную петлевидную ручку.

Аналогии: [Скуднова, 1988, с.162, рис. 252, Сорокина, 1957, табл. 8, 2]

7. Мисочка с ручкой (рис. 26. 3)

Небольшая красноглиняная плоскодонная мисочка с горизонтальной круглой в сечении ручкой обнаружена в ногах погребения. Аналогичный сосуд был найден в погребении № 10 (инв. 12).

Аналогии: [Сорокина, 1957, с. 21. рис.11]

8. Бусины (рис. 27. 1-8).

Среди ребер, в районе грудной клетки и под черепом найдена рассыпавшаяся нитка бус. Бусины выполнены из разного материала.

Одна бусина или пряслице(?) выполнена из свинца (рис. 27. 1), 7 – из железняка (?) (рис. 27. 3-6), 5 круглых гагатовых (рис. 27. 7), 4 вытянутых гагатовых (рис. 27. 8) и 14 – из желтого стекла-пасты (рис. 27. 2).

Кроме этого, обнаружено 11 полностью разложившихся стеклянных бусин в виде россыпи белых непрозрачных кристаллов. В грунте они сохранили свою форму и размер – круглые, до 1,5 см в диаметре. Внутри многих стеклянных бусин сохранились следы нити, окрашенной в красный цвет. Полностью рассыпались и некоторые гагатовые бусины. Всего было обнаружено целыми или распавшимися 42 бусины.

9. Камень

В районе тазовых костей обнаружен небольшой пористый камень серого цвета. По определению геологов, это вулканическая порода, явно не таманского происхождения.

По результатам исследования погребения № 16 можно отметить несколько его особенностей:

- западная ориентация костяка;
- кувшин вместо ойнохой;
- лекиф с шаровидным туловом;
- нитка бус.

Предположительно это одно из самых ранних погребений на некрополе. Его можно датировать рубежом VI–V вв. до н.э. или первой четвертью V в. до н.э.

Погребение № 17 (рис. 1,28,29)

Погребение расположено на площади квадратов А-5' и А-6' (рис. 1), на самом краю обрыва и, скорее всего, частично разрушено абразией. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток; погребение принадлежало женщине 40-50 лет. Кости плохой сохранности, зубы стерты очень сильно.

Могильная яма имела прямоугольную форму, ее максимальные размеры – 1,65 x 0,66 м, ширина не полная, т.к. она разрушена обрывом. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено. Глубина от современной поверхности до дна – 1,61 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 13 см. Основной инвентарь расположен около левой ноги.

Инвентарь:

1. Пряслице коническое (рис. 29. 2)

Высота – 1,7 см; диаметр – 1,9 см.

Керамическое пряслице конической формы находилось около голени правой ноги.

2. Пряслице биконическое (рис. 29. 3)

Высота – 2,7 см; диаметр – 2,6 см.

Керамическое пряслице биконической формы находилось со всем остальным инвентарем около голени правой ноги.

3. Гидрия миниатюрная (рис. 29. 5)

Высота – 6,2 см; диаметр тулова – 7,5 см.

Небольшой туалетный сосуд, напоминающий по форме небольшую гидрию, находился у ног погребенной. Сосуд имеет округлое тулово на кольцевом поддоне, по бокам – две симметричные петлевидные горизонтальные ручки. Скорее всего, он был поставлен в могилу в поврежденном состоянии – отсутствует часть стенки, горло и венчик.

4. Ойнохоя (рис. 29. 6)

Высота – 14,0 см; диаметр тулова – 11,4 см.

Небольшая красноглиняная ойнохоя лежала около левого коленного сустава. Часть ручки ойнохои с верхним прилепом и часть венчика сколоты в древности. Тулово украшено двумя кольцевыми полосками коричневой краски, между которыми проведена широкая полоса белой краски. Коричневая полоса идет и по сохранившейся части венчика.

5. Миска лепная (рис. 29. 4)

Высота – около 7,0 см; диаметр – около 20,0 см.

В погребении обнаружена половина лепной миски, ее вторая половина разрушена оползнем. Сохранность миски очень плохая. По форме она аналогична миске из погребения № 10, но имеет округлый вертикальный край и выполнена из черной глины с примесью толченой ракушки.

Аналогии: [Анфимов, 1951б, с. 161 рис. 1, 4,5, Кастанаян, 1981, с. 34. рис. 4; 139 табл. II, 5, Марченко, Житников, Копылов, 2000, табл. 31,3, Виноградов, 2006б, с. 74. Рис. 2, 7]

6. Колечко бронзовое (рис. 29. 1)

Диаметр – 2,3 см.

Простое бронзовое колечко найдено на правой тазовой кости, по-видимому, оно было на пальце правой руки (аналогичная ситуация наблюдалась в погребении № 10).

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

7. Доска обугленная

С правой стороны на ребрах находился небольшой фрагмент обугленного дерева очень плохой сохранности. Возможно, при сооружении перекрытия могилы были использованы доски, у одной из которых был обугленный край. Сама доска истлела, но ее обугленный фрагмент сохранился.

8. Скелет змеи

Рядом с левой рукой был зафиксирован скелет небольшой змеи положенный в виде буквы «S», череп отсутствовал.

Дата погребения: первая половина V в. до н.э.

Погребение № 18 (рис. 1, 30, 31)

Погребение расположено на площади квадратов Б-5' и Б-6' (рис. 1), удалось зафиксировать контур могильной ямы, ее размер – 2,36 x 1,40 м (рис. 30). Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором она обнаружена. Глубина от современной поверхности до дна – 1,40 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 30 см. Фрагментов костяка или следов кремации здесь нет, обнаружены лишь два керамических сосуда. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с кенотафом – символическим захоронением человека, погибшего вдали от дома.

Инвентарь:

1. Кальпида (рис. 31. 1)

Высота – 7,0 см; диаметр тулова – 9,4 см.

Сосуд имеет округлое тулово на высоком кольцевом поддоне. Обе вертикальные ручки отколоты в древности. Тулово украшено тремя кольцевыми полосками черной краски.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.14. рис. 11, Скуднова, 1988, с.146, рис. 231]

2. Ойнохоя (рис. 31. 2)

Высота – 7,0 см; диаметр тулова – 9,4 см.

Небольшая красноглиняная ойнохоя раздавлена на множество мелких фрагментов, часть венчика и стенок утрачена, стенки украшены кольцевыми полосками красной краски.

Дата погребения: первая половина V в. до н.э.

Погребение № 19 (рис. 1. 32)

Погребение расположено на площади квадратов Б-9 и Б-10 (рис. 1). Мо-

гильная яма имела трапецевидную форму, ее размеры – 1,60 х 0,35-0,54 см. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором она была обнаружена. Глубина от современной поверхности до дна могилы – 0,80 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 20 см. Скелет лежал на спине, головой на восток, вытянуто, руки вдоль туловища, череп немного повернут вправо (рис. 32). Костяк плохой сохранности принадлежит женщине 30-35 лет.

Какой-либо инвентарь отсутствует, возможно, он был выполнен из органических материалов и не сохранился. Точная датировка погребения затруднительна, предположительно его можно датировать, как и большинство погребений некрополя, V в. до н.э.

Погребение № 20 (рис. 1, 33, 34)

Погребение расположено в квадрате Б5 (рис. 1), оно частично повреждено абразией. Могильная яма имела прямоугольную форму, ее размеры – 1,00 х 0,50 м. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором она обнаружена. Глубина от современной поверхности до дна могилы – 1,40 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 11 см. Скелет лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк плохой сохранности принадлежит девочке 5-7 лет. Сохранились кости рук и ног, несколько ребер, ключица, череп раздавлен (рис. 33).

Инвентарь:

1. Бусины золотые (рис. 34. 1,2)

Диаметр – 5 мм; длина с подвеской – 17 мм.

Среди костей грудной клетки обнаружены две круглые, полые внутри, золотые бусины. К одной из них тремя припаянными колечками из витой проволоки крепилась каплевидная подвеска.

Аналогии: [Галанина, 2003, с. 93 табл. II 34, Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

2. Бусины серебряные (рис. 34. 3,4,5)

Диаметр – 5 мм.

Рядом с золотыми обнаружены три аналогичные по форме и размеру серебряных бусины.

3. Миска (рис. 34. 6)

Высота – 7,8 см; диаметр края – 19,8 см.

Красноглиняная миска на кольцевом поддоне была положена около левой ноги. Она имеет загнутый внутрь край, а внутри украшена тремя кольцевыми полосками коричневой краски.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14, Коровина, 2002, табл. 16, 4]

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение № 21 (рис. 1, 35, 36, 37)

Погребение расположено на площади квадратов Б-8, В-8 (рис. 1). Могильная яма имеет прямоугольную форму, ее максимальные размеры – 1,75 х 1,05 м. Глубина от современной поверхности до дна – 1,15 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – до 25 см. В верхней части заполнения

могилы были обнаружены разрушенные сырцовые кирпичи. Предположительно в могиле существовало деревянное перекрытие, поверх которого был выложен слой сырцовых кирпичей.

Погребение № 21 является парным, здесь обнаружены костяки молодых (25-35 лет) мужчины и женщины, ориентированные головами на восток, кости плохой сохранности. От костяка мужчины сохранились кости ног, ребра, кости рук и череп, все они значительно смещены от центра погребения к северной стенке. По-видимому, мужчина был захоронен первым, затем погребение было вскрыто для повторного захоронения. На этот момент перекрытие могилы еще существовало, и его свод не обрушился. Сначала кости мужчины были сдвинуты к северной стенке, затем на его место – по центру могилы – было помещено тело женщины. Ее костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток, сохранились кости ног и рук, таза, ребра, череп, фрагменты позвонков и фаланги пальцев. В целом, женский скелет обнаружен в анатомическом порядке.

После расчистки могилы и снятия костяков удалось выявить некоторые конструктивные особенности погребального сооружения. В центральной части дно могильной ямы было выложено сырцовыми кирпичами (их размеры – 50 x 38 x 8 см), уложенными плашмя в один ряд. Размеры вымостки – 1,10 x 0,90 м. Кирпичи выполнены с добавлением светло-зеленой и серой глины, толченой ракушки, угольков и железняка.

Инвентарь:

1. Наконечник копья (рис. 37. 2)

Длина – 34,5 см.

Наконечник железный, плоский, ромбовидного сечения.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.9. рис. 6]

2. Меч железный (рис. 37. 4)

Длина – 56 см.

Рукоять меча отломилась при обрушении могильного перекрытия и лежала отдельно от лезвия. Перекрестье не выделено; лезвие ромбовидного сечения переходит в ручку.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.9. рис. 6]

3. Тарелочка (рис. 36. 2)

Высота – 3,2 см; диаметр края – 9,8 см; диаметр поддона – 6,8 см.

Декоративная тарелочка выполнена из светлой глины. В кольцевом поддоне по сырой глине проткнуты две дырочки. Они могли использоваться для подвешивания тарелочки.

Аналогии: [Ochotnikov, 2006, p.90, f.7, 4]

4. Миска (рис. 36. 4)

Высота – 7,6 см; диаметр края – 20,6 см; диаметр поддона – 7,4 см.

Красноглиняная миска на кольцевом поддоне имеет загнутый внутрь край.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14, Коровина, 2002, табл. 16, 4]

5. Ойнохоя (рис. 36. 5)

Высота – 28,0 см; диаметр тулова – 16,4 см.

Красноглиняная ойнохоя на кольцевом поддоне имеет высоко поднятую над закраиной ручку. Тулово украшено двумя кольцевыми полосками коричневой краски.

6. Вток копья железный (рис. 37. 3)

Диаметр – 2,0 см; длина – 10,2 см.

Вток выполнен в виде втулки цилиндрической формы.

7. Килик чернолаковый (рис. 36. 3)

Высота – 7,0 см; диаметр края – 14,0 см.

Килик находился в юго-западном углу могилы и был перевернут вверх дном. Сосуд имеет глубокое тулово на кольцевом поддоне и две горизонтальные петлевидные ручки. Лак тусклый, матовый, местами с красноватым оттенком, осыпается.

Аналогии: [АА, XII № 564]

8. Пряслице керамическое (рис. 36. 1)

Высота – 1,5 см; диаметр – 2,4 см.

Пряслице находилось под киликом. Оно имеет биконическую форму, одна грань орнаментирована двумя рядами колечек, оттиснутых по сырой глине трубочкой небольшого диаметра.

9. Наконечник стрелы бронзовый

Трехгранный бронзовый наконечник стрелы был обнаружен в заполнении могилы, выше остального инвентаря.

10. Наконечник стрелы железный (рис. 37. 1)

Длина – 2,6 см.

Трехгранный железный наконечник с длинной втулкой.

11. Раковина каури

Каури обнаружена среди фрагментов мужского черепа.

Аналогии: [Коровина, 1987, с.17. рис. 14]

12. Фрагмент дерева

При расчистке женского костяка в районе грудной клетки, над костями, обнаружено пятно древесного тлена. Это могли быть остатки какого-либо плоского предмета или, скорее всего, часть деревянного перекрытия могилы.

Дата погребения: первая половина V в. до н.э.

Погребение № 22 (рис. 1, 38, 39)

Погребение расположено в квадрате А-9 (рис. 1). Могильная яма имела трапецевидную форму, ее размеры – 1,90 х 0,45-0,65 м; южный угол разрушен оползнем. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором она была выкопана. Глубина от современной поверхности до дна – 1,50 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 16 см. Скелет лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на юго-восток, череп повернут вправо. Костяк средней сохранности, принадлежит мужчине 30-

35 лет. Оба обнаруженных в могиле предмета были положены у левой руки.

Инвентарь:

1. Нож железный (рис. 39. 2)

Длина – 15 см; ширина – 2,2 см.

Судя по форме, нож имел два небольших лезвия с двух сторон от ручки. Предположительно он мог выполнять функцию специального инструмента, например, бритвы.

2. Шило железное (рис. 39. 1)

Длина – 8 см.

Шило имеет округлое сечение; предмет сильно коррозирован.

Точная хронологическая атрибуция погребения затруднительна, предположительно его можно датировать, как и большинство погребений некрополя, в пределах V в. до н.э.

Погребение № 23 (Рис. 1, 40)

Погребение расположено на площади квадратов А-9 и А-10 (рис. 1). Могильная яма имела прямоугольную форму, ее размеры – 1,54 х 0,40 м; южный угол разрушен оползнем. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором она была вырыта. Глубина от современной поверхности до дна – 1,50 м, максимальная фиксируемая глубина могильной ямы – 12 см. Скелет лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток, череп повернут вправо. Костяк, принадлежавший женщине 40-45 лет, имел плохую сохранность; частично сохранились крупные кости ног, фрагмент кости правой руки, отдельные кости черепа, нижняя челюсть (рис. 40).

Погребальный инвентарь отсутствовал, по этой причине точная датировка погребения затруднительна.

Помимо представленных погребений при раскопках 2003-2005 гг. в слое некрополя были обнаружены развалы амфоры. Так как никаких признаков детских захоронений в этих амфорах не обнаружено, все они отнесены к тризнам.

Тризна № 1 (рис. 1, 41.1,2)

В квадрате Б-7' (рис. 1) на глубине 55 см от поверхности были обнаружены фрагменты тулова двух протофасосских амфор на сложнопрофилированных поддонах. От одной амфоры сохранилась только нижняя часть тулова с ножкой (рис. 41. 1), от второй практически все тулово (рис. 41. 2). Горла и ручки амфор отсутствовали. Предположительно тризну № 1 можно связать с погребением № 16, расположенным поблизости – в квадрате А7'. Как и погребение № 16, амфоры из тризны № 1 могут датироваться второй четвертью V в. до н.э.

Тризна № 2 (Рис. 1, 41. 3)

В квадрате А-4' (рис. 1) на глубине 50 см от поверхности была обнаружена часть хиосской пухлогорлой амфоры (рис. 41. 3). Она располагалась на самом краю обрыва и была заметна в осыпи. После ее расчистки выяснилось, что сохранилась ножка и нижняя часть тулова. Верхняя часть амфоры, веро-

ятно, разрушена оползнем. Тризна № 2 может относиться к погребению № 10, расположенному в квадрате А-4'. Как и погребение № 10, амфора из тризны № 2 может датироваться первой половиной V в. до н.э.

Тризна № 3 (рис. 1, 42)

В квадрате Б-6 (рис.1) на глубине 50 см от поверхности обнаружено лежащее на боку тулово фасосской амфоры, горло и ручки отсутствовали (рис. 42). Так как в непосредственной близости от тризны № 3 захоронений не обнаружено, можно предположить, что она связана с каким-либо неизвестным погребением, находившимся в квадрате А-7 или А-6 и полностью разрушенным абразией берега. Амфору можно датировать V в. до н.э.

На основании исследований, проведенных на некрополе Артющенко-2 и полученных в результате этого данных, можно сделать предварительные выводы и дать общую характеристику погребального обряда, инвентаря и некоторых специфических особенностей памятника.

5. Погребальный обряд

В процессе раскопок некрополя Артющенко-2 и при анализе полученного материала удалось выявить и систематизировать различные составляющие погребального обряда. Большинство из них устойчиво повторяется в разных погребениях, а некоторые встречаются редко, но представляются довольно интересными.

Можно выделить семь основных элементов погребального обряда: погребальные сооружения, ориентация погребенных, сопровождающий инвентарь, тризны, надмогильные сооружения, кенотафы, повторные захоронения (подзахоронения). Почти каждый из выделенных элементов представлен несколькими вариантами. Перейдем к описанию и более подробному рассмотрению отмеченных элементов.

Погребальные сооружения

В некрополе удалось зафиксировать следующие конструкции погребальных сооружений:

- Простые грунтовые ямы (тип I/1 по Судареву). В таких могилах отсутствовало перекрытие и, следовательно, свободное пространство над телом усопшего.

У погребений наблюдаются две особенности: это не сдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое» положение черепа, например, погребения №№ 9,19,22,23. Зафиксированные факты свидетельствуют о том, что могильные ямы были относительно небольшого размера, и тело покойного по длине слегка не помещалось в нее.

- Грунтовые ямы с перекрытием (тип I/6 по Судареву). Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Ввиду сложности и однородности грунта, зафиксировать наличие заплечиков пока не удалось, но по косвенным признакам выделить такой тип сооружений возможно. Перекры-

тие, скорее всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Только изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена. В могилах такой конструкции имелось небольшое свободное пространство над телом. Это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета часто были сдвинуты. Кости могли быть сдвинуты вследствие разных причин – деятельности грызунов и землеройных животных, процессов разложения, обрушения свода или проседания грунта (погребения №№ 3, 6, 13).

- Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием (тип I/6 по Судареву, с перекрытием типа А9). Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей (погребения №№ 21, 43).

- Сырцовые склепы (тип IV/2 по Судареву). Склепы являются наиболее сложными и интересными погребальными сооружениями (погребения №№ 7, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47). Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Оно могло быть двух видов. Первый вид – сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из досок, которые должны были поддерживать выложенную поверх них сырцовую крышу склепа. Второй вид – это полуциркульный свод склепа сложенный из кирпичей. Не исключено, что и в этом случае могли присутствовать подпорные деревянные конструкции. В редких случаях удавалось зафиксировать наличие в заполнении склепов фрагментов древесного тлена.

Конструкций стен склепов также имеют несколько вариантов исполнения. В первом случае кирпичи вдоль длинных стен клали плашмя, а вдоль коротких стен ставили на ребро (погребения №№ 25, 27, 28, 34). Во втором кирпичи вдоль всех стен ставили на ребро (погребения №№ 24, 44), в третьем кирпичи вдоль всех стен клали плашмя (погребения №№ 7, 32, 40, 45, 47).

Пол склепа мог быть полностью земляным, тогда все необходимые канавки и углубления выкапывали в грунте. Иногда пол частично выкладывали сырцовыми кирпичами.

Скорее всего, вариант конструкции склепа не связан с какими-либо обрядовыми тонкостями, он зависел исключительно от количества строительных материалов (кирпичей), т.е. финансовых возможностей заказчика. При этом можно предположить, что после завершения строительства и всех отделочных работ, склепы, сложенные в разной технике, внешне выглядели практически одинаково. Одной из функций склепа является использование его в качестве семейной усыпальницы, предполагающей возможность последующего подзахоронения родственников. Это было зафиксировано в нескольких случаях (погребения №№ 21, 25, 32), причем в стене одного склепа с восточной стороны зафиксирован проем (погребение № 32), который мог быть входом.

Ориентация погребенных.

В большинстве случаев в исследованных могилах погребенные ориентированы головой на восток (погребения №№ 3, 6, 7, 17, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51). Иногда наблюдается небольшое отклонение к северу (№№ 10, 20) или к югу (№ 22). Помимо основной восточной ориентации, встречены два погребения, расположенные головой на запад (погребения №№ 16, 26). Сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н.э.

Также имеются два погребения с северной ориентацией (№№ 14, 33), оба они безинвентарные, и их точная датировка затруднительна. Предположительно можно сказать, что они относятся к гораздо более позднему периоду, чем основная масса могил, возможно, к I–V вв. н.э. Ни одного погребения с южной ориентацией в некрополе Артющенко-2 не обнаружено.

Инвентарь погребений

При общем анализе погребальный инвентарь можно разделить на семь основных групп: керамические сосуды, оружие, украшения, монеты, предметы обихода и инструменты, кости животных, необычные (редкие) предметы. Рассмотрим каждую из выделенных групп подробнее.

Керамика:

Наиболее массовой категорией находок в погребениях являются различные керамические сосуды, другие группы находок не отличаются таким количеством и разнообразием. Только в редких случаях при наличии в погребении других предметов керамика отсутствует (погребение № 22). Для керамических сосудов, как основной составляющей инвентаря, в могиле имеется определенное место. Они обычно расположены вдоль левой части тела погребенного (погребения №№ 3, 6, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 32, 34 и др.), что соответствует расположению вдоль южной стенки могилы. При этом в единственном погребении с западной ориентацией (погребение № 16) керамика и другие находки также расположены вдоль южной стенки могилы. Таким образом, смена восточной ориентации костяка на западную не влияла на традиционное место положение сосудов.

Иногда керамика была положена у левой ноги погребенного (погребения №№ 11, 17) или в ногах (№№ 10, 34). В редких случаях, и только лекифы, были обнаружены у правой ноги (№ 34) или же у правой стороны тела (№№ 16, 25, 45).

В погребениях встречены самые разнообразные керамические сосуды. Весь комплекс этих находок можно разбить на несколько подгрупп. В большинстве могил присутствует «основной набор» керамических изделий, состоящий из трех предметов: сосуд для вина, чаша для питья и миска.

Сосуды для жидкости (вина). Чаще всего таким сосудом являются ойнохои различных форм и размеров (погребения №№ 6, 10, 13, 27, 28, 32, 37, 43, 44). Именно ойнохои являются наиболее часто встречаемой находкой. Иногда в качестве сосуда для вина клали кувшин (№ 16) или амфору (№№ 3, 24, 40,

45, 47). В относительно «богатой» могиле, содержавшей останки двух тел, имеется сочетание ойнохой и амфоры (№ 32).

Сосуды для питья. К этой группе относятся чернолаковые чаши – различные виды киликов и скифосов, имеющих аттическое или малоазийское производство. Почти все килики, обнаруженные в погребениях, были положены вверх дном, именно такое их положение является устойчивым элементом погребального обряда. Иногда в могилу клали килик, у которого отломана одна или обе ручки. Это указывает на изначальное использование сосудов в быту и последующее в ритуальных целях. В детской могиле (№ 12) зафиксирован простой красноглиняный килик без лака. На дне у него имелась роспись в виде кругов, выполненная белой краской. Чернолаковые скифосы обнаружены в двух могилах (погребения № 24, 47). Как и килики, они были положены с остальным инвентарем. В двух могилах обнаружены миниатюрные расписные скифосы (№№ 6, 47).

Миски. Простые красноглиняные миски, как и ойнохой, присутствуют во многих могилах. Большинство из них может быть местного боспорского производства, но встречены образцы, которые предположительно можно считать импортными. Они отличаются хорошим качеством исполнения, составом глиняного теста и орнаментацией. Интересно, что на внутренней поверхности и краине практически всех мисок сохранились следы росписи в виде кругов. Она выполнена белой или красно-коричневой краской, а иногда и двумя красками.

Солонки или небольшие тарелочки. Чернолаковые солонки представлены в могилах качественными сосудами аттического производства (погребения №№ 25, 32). Имеется два случая, когда солонки были сделаны, т.е. выточены из частей других, уже разбившихся сосудов. В первом случае (погребение № 10) солонка была выточена из ножки чернолакового килика. Во втором солонку сделали из нижней части небольшого кувшина (погребение № 32). Таким образом, из подходящих фрагментов разбитой посуды изготавливали небольшие ёмкости наподобие солонок, которые еще могли быть использованы. К этой же подгруппе относятся несколько тарелочек небольшого диаметра (10-12 см). Имеются образцы, покрытые лаком (погребение № 28) и без него (погребение № 21).

Туалетные сосуды. К этой подгруппе, прежде всего, относятся лекифы, они имеются трех типов – цилиндрические, арибаллические и с шаровидным туловом. Цилиндрические лекифы встречены в разных погребениях (№№ 3, 6, 34, 40, 43, 47, 51) по одному экземпляру. Большинство из них являются однотипными по форме и росписи в виде пальметок. В нескольких погребениях (№№ 24, 25, 28) найдены арибаллические лекифы, причем, в каждом их было по несколько экземпляров. Большинство из них покрыты черным лаком, некоторые имеют роспись – пальметки, женская голова, животные (дельфин, заяц). Один арибаллический лекиф не имеет лакового покрытия, его тулово орнаментировано кольцевыми полосками красной краски. Крупный лекиф с шаровидным туловом представлен только одним экземпляром (погребение № 16).

Вторым типом туалетных сосудов являются амфориски, их найдено два.

Первый – аттический чернолаковый, со штампованным орнаментом (погребение № 27), второй из желто-голубого финикийского стекла (погребение № 6). К этой группе можно также отнести небольшие «косметические» мисочки с ручкой. Все они обнаружены в женских погребениях (№№ 10, 16, 43, 45) и, как представляется, использовались для приготовления каких-то косметических составов.

Редкие сосуды. В эту группу включены сосуды, представленные единичными экземплярами. К ним относятся – кальпида (погребения №№ 18, 39), гидриск (погребение № 17), гуттус (погребение № 39), миниатюрная ойнохоя (погребение № 30). Дальнейшие раскопки некрополя Артющенко-2 могут дать новые результаты и, соответственно, существенно изменить содержание этой группы сосудов.

Оружие:

В погребениях некрополя обнаружены различные виды наступательного вооружения: мечи, копья, стрелы, ножи (кинжалы). Все оружие сделано из железа, только наконечники стрел изготавливались как из железа, так и из бронзы. Необходимо признать, что оружие, подобно керамическим сосудам, является массовой категорией находок. В его составе выделяется несколько групп.

Мечи. Все обнаруженные в погребениях мечи относятся к различным видам акинаков, нет ни одного меча, который можно было бы отнести к махайрам или ксифосам. Чаще всего меч находится на поясе погребенного. Это положение имеет несколько вариантов: меч может быть расположен на самом теле или под ним (погребение № 10). Если меч был положен на тело, то он может лежать по диагонали (погребение № 34), вдоль левой ноги или на ней (погребение № 7). Иногда меч расположен не на поясе погребенного, а рядом с телом (№№ 21, 24, 25), обычно в районе головы. Например, к югу от головы (№ 24) или к северу от нее (№ 25).

Наконечники копий. В могиле наконечник копья всегда находится справа от черепа, острием к востоку (погребения №№ 7, 13, 24, 34, 40). Если имеется несколько наконечников, они также лежат справа от черепа (№№ 24, 25).

Втоки копий. Обычно вток копья располагается в районе ступни правой ноги, что вполне соотносится с положением наконечника. Иногда вток может находиться в другом месте могилы, вследствие перемещения грызунами.

В некоторых случаях внутри втулки наконечника копья и внутри втока встречается древесный тлен, на этом основании можно утверждать, что копье клали в могилу с древком. Остается непонятным, было ли древко целым, что позволяет предложить несколько вариантов реконструкции. Первый – древко копья было целым, но при этом его длина могла составлять около 1,6-1,8 м. Для боевого оружия это небольшая длина, поэтому наиболее вероятен второй вариант, при котором для погребального обряда могли изготавливать копья с укороченными древками. Еще один вариант реконструкции заключается в том, что длинное (боевое) древко копья ломали, скорее всего, на две части, и в таком виде клали в могилу.

Наконечники стрел. Они зафиксированы в разных частях погребений – в ногах, рядом с головой и пр. Наконечники являются небольшими и легкими предметами, поэтому могли быть перемещены в пределах могилы землеройными животными. Только в одном случае (погребение № 24) можно говорить, что удалось зафиксировать первоначальное расположение наконечников стрел. Меч и пять стрел были аккуратно положены вдоль южной стенки могилы на некотором расстоянии друг от друга.

Все наконечники стрел можно разделить на несколько типов. Бронзовые наконечники – трехгранные с выделенной втулкой или без нее. Железные наконечники – трехгранные с выделенной втулкой или плоские (двулопастные). Причем, в большинстве случаев в погребениях имеются и железные, и бронзовые наконечники (№№ 7, 13, 21, 24, 25, 32, 34, 43), в одном случае встречены только железные наконечники (№№ 40). Бронзовые наконечники без железных не встречены.

Помимо основных описанных боевых типов стрел, в погребения клали наконечники, которые можно назвать специальными (погребения №№ 7, 10, 13, 34). Одни из них могли использоваться для особых видов боя, например, как бронебойные, другие – для охоты. Охота на различных животных и птиц требовала особых видов наконечников стрел. Как правило, боевые наконечники стрел представлены в погребении несколькими экземплярами, а специальные наконечники – одним экземпляром каждого типа.

Ножи, кинжалы. К этой группе находок отнесены фрагменты небольших железных лезвий. Эти предметы, как и мечи, иногда располагались на поясе или были положены вместе с другим инвентарем около южной стенки могилы (погребение № 25). По имеющимся фрагментам довольно сложно провести четкую границу между боевым кинжалом и бытовым ножом. Понятно, что в бою при определенной ситуации любой нож мог стать боевым.

Украшения:

Украшения были обнаружены в индивидуальных женских или в коллективных могилах, где присутствуют женские захоронения. В эту группу входят несколько видов украшений.

Кольца. С женскими костяками иногда встречаются простые бронзовые колечки по виду очень похожие на современные узкие обручальные кольца. У молодой, предположительно незамужней или уже обрученной девушки простое бронзовое колечко найдено на пальце левой руки (погребение № 6). У взрослых замужних женщин бронзовое колечко располагалось на пальце правой руки (погребения №№ 10, 17, 25). Таким образом можно выдвинуть предположение об использовании древними жителями обручальных колец. При этом имело значение, на какой именно руке оно надето, что отражало социальное положение женщины – до замужества и после него.

Перстни. В нескольких могилах обнаружены бронзовые перстни со щитками (погребения №№ 24, 37, 45). На щитках можно различить остатки гравированного изображения, но восстановить его точно бывает затруднительно в

силу плохой сохранности металла. В одном случае представлен растительный орнамент, в другом – изображения животных. Все перстни имеют небольшой диаметр и, скорее всего, могли принадлежать женщинам. В погребении № 24 было обнаружено сразу пять перстней. Они располагались у женского скелета следующим образом – в районе кисти правой руки (2 шт.), левой руки (2 шт.), один среди инвентаря, в миске.

Спиральные подвески. Так называемые спиральные подвески обнаружены в индивидуальных женских погребениях или в коллективных погребениях на женских костяках. Имеются экземпляры из бронзы (погребение № 24), посеребренной бронзы (№ 27) и серебра (№№ 6, 45). Как и в других боспорских некрополях, они находятся в районе черепа (№№ 6, 24, 27, 45). Считается, что такие подвески носили в качестве серег, но их форма и отсутствие крючков для подвешивания позволяет усомниться в такой интерпретации. Относительно подвесок следует обратить внимание на несколько обстоятельств: они не имеют крючка для подвешивания, встречаются в женских погребениях, чаще всего их находят в районе черепа, иногда по одной штуке, иногда парой. Исходя из этого, можно предложить два варианта использования «подвесок». Первый – такие изделия спиральной формы использовали в качестве своеобразных «застежек» на женской одежде. Нам представляется, что спирали крепили или собирали в складки полотнище ткани, располагаясь в зависимости от фасона одежды на одном или обоих плечах. Этим может объясняться их количество и местоположение в могиле. Необходимо признать, что они находятся в погребении не около головы, а, скорее, в районе плеча. Второй возможный вариант интерпретации сводится к тому, что «подвески» использовались для сбора и украшения прядей волос.

Бусы и подвески. В погребениях встречены бусы из разных материалов – золото, серебро, стекло, свинец, гагат. Чаще всего в погребении находят одну-две бусины (погребения №№ 6, 24, 25), лишь в одном случае (погребение № 16) в районе шеи было обнаружено около 40 разнообразных по форме и материалу бусин – целая нитка.

К другим видам подвесок можно отнести стеклянные пирамидки (погребение № 25), раковины каури (№ 21) и морского гребешка (№ 25).

Монета:

Пока имеется только один случай обнаружения в погребении монеты (№ 33). Она находилась под правым локтевым суставом костяка, другого инвентаря в этом погребении не обнаружено. Монета бронзовая боспорская с надчеканкой в виде звезды может быть датирована серединой III в. до н.э.

Погребение № 33, скорее всего, относится к этому времени. Приведенный пример может дать основания для датировки других безинвентарных погребений или погребений с недатируемым инвентарем. Некоторые из них предположительно могут быть отнесены к III в. до н.э., что синхронно наиболее поздним комплексам, обнаруженным на поселении Артющенко-2.

Предметы обихода и инструменты:

В эту группу объединено множество предметов различного назначения, не вошедших в другие группы погребального инвентаря. К ним можно отнести шкатулки, зеркала, иглы, шилья, пряслица, колокольчики, ворворки, астрагалы, черпаки (киафы).

Шкатулки, зеркала и шилья обнаружены исключительно в женских погребениях (№№ 3, 6, 16, 17); иглы, колокольчики и ворворки – в мужских (№№ 13, 34). Пряслица зафиксированы как в женских, так и в мужских погребениях (№№ 17, 21). Астрагалы найдены в детском погребении (№ 12), а бронзовые киафы – в мужских (№№ 27, 40).

Шкатулки представлены двумя типами – керамические и деревянные. Керамические пиксиды состоят из двух частей – вместилища и крышки (погребения №№ 10, 47). У деревянной шкатулки корпус не сохранился, от нее обнаружены лишь украшавшие стенки костяные накладки с вырезанным на них меандром.

Кости животных (заупокійная пища)

Кости животных, положенные в качестве заупокойной пищи, встречаются во многих погребениях (№№ 3, 6, 10, 12, 16, 24, 25, 32, 40, 45, 47) и являются устойчивым элементом погребального обряда. По определению к.и.н. А.К. Каспарова, это кости коровы и козы. Имеется исключительный случай (погребение № 15), когда кроме кости животного в могиле не обнаружено ничего.

Необычные (редкие) предметы

В этой группе выделены два вида находок, не вошедших ни в одну из предыдущих групп: скелеты змей и небольшие камни. Их наличие в погребениях представляется явно не случайным, но окончательные выводы о предназначении этих предметов пока делать рано. На этот счет можно высказать лишь некоторые предположения.

Скелеты змей обнаружены в четырех погребениях (№№ 6, 17, 24, 25). Все они не имели голов, что затрудняет точное определение вида пресмыкающихся. Змеи обнаружены в женских погребениях или в коллективных, где имеется скелет женщины. Если удавалось зафиксировать положение скелета змеи, то он был положен в виде буквы «S». Можно предположить, что змей клали в могилы женщин в каких-то ритуальных целях. Возможно, змея считалась неким оберегом или же понималась как проводница, союзница или помощница женщин в загробном мире.

Вторым видом необычных находок являются небольшие камни диаметром 3-6 см. Они были обнаружены среди инвентаря или между костей в нескольких случаях (погребения №№ 16, 24, 27, 43). Место положения камешков в погребениях указывает на их не случайное происхождение. По определению геологов (Горный институт СПб), это пористая вулканическая порода, явно не местного происхождения, т.е. привезенная издалека.

Тризны

При раскопках в слое некрополя, как было сказано выше, встречено

несколько комплексов, которые можно идентифицировать с тризнами. Они являются развалами амфор или частями амфор без горла, залежавшими примерно на одной глубине – около 50-55 см от поверхности. Предположительно эта глубина отмечает древнюю дневную поверхность некрополя, на которой и должны располагаться остатки тризн. В слое также были найдены горла и другие фрагменты амфор, но к имеющимся туловам они не подошли. Иной керамики в тризнах некрополя Артющенко-2 не найдено, хотя по раскопкам других античных некрополей в тризнах зафиксированы находки различных сосудов, прежде всего, чернолаковой керамики.

Не исключен вариант, что амфоры могли являться остатками захоронений младенцев, но подтверждений этому пока нет. В амфорах еще ни разу не были обнаружены какие-либо костные останки, пепел или предметы сопровождающего инвентаря, к тому же глубина обнаружения амфор довольно мала для совершения захоронения.

Два комплекса, содержащие останки лошадей, получили наименование «погребение коня», далее «ПК».

ПК1 найдено немного южнее погребения № 32. Оно содержало череп лошади, рядом с которым найден набор бронзовых предметов конской упряжи – налобник и три небольшие декоративные пряжки, выполненные в зверином стиле.

ПК2 обнаружено южнее погребения № 40, оно содержало скелет жеребенка. От упряжи сохранилась одна небольшая бронзовая псалия, вершина которой выполнена в виде головы лошади.

Надгробия и другие опознавательные знаки

В некрополе Артющенко-2 зафиксировано три вида надмогильных конструкций – каменная стела, амфора и алтарик.

Каменная стела, вероятнее всего, является обломком надгробия, точнее, его нижней частью. Она была обнаружена при раскопках погребения № 13. Небольшая часть вертикальной стелы располагалась в ногах погребенного, с западной стороны могилы. Предположительно верхняя часть надгробия была отколота еще в древности, а нижняя провалилась в свободное пространство могилы во время естественного разрушения свода или проседания грунта.

Верхняя часть амфоры – горло с плечиками. Амфорное горло стояло вертикально над погребением № 3 со стороны ног, т.е. с западной стороны могилы. Такая конструкция могла отмечать расположение могилы на местности, а также исполнять роль алтарика.

Каменный алтарик или жертвенник. Над погребением № 40 лежал не обработанный камень с уплощенной вершиной, на которой было выбито округлое углубление и сток. Такие примитивные алтарики вполне обычны на античных некрополях.

Надмогильные насыпи при раскопках некрополя не обнаружены, но конструкция погребений в сырцовых склепах (погребения №№ 7, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47) и стратиграфические наблюдения заставляют

предположить, что в древности эти погребения имели насыпи. Насыпи должны были «укрывать» сырцовые конструкции, предохраняя их от быстрого разрушения. Скорее всего, они были невысокие и перекрывали всю площадь склепов (примерно 2 х 3 м).

Символические захоронения – кенотафы

Кенотафы или символические захоронения могут принадлежать людям умершим (погибшим) вдалеке от дома. Когда тело умершего по каким-либо причинам не могли доставить к месту захоронения, то считали необходимым соорудить могилу как пристанище для души умершего. Наличие кенотафов является традиционным для некрополей Северного Причерноморья. В нашем некрополе зафиксировано несколько таких погребений (№№ 18, 30, 35, 38). В них отсутствовали какие-либо костные останки, но обнаружены керамические сосуды и другие предметы. Можно отметить, что инвентарь кенотафов всегда отличается немногочисленностью.

Повторные захоронения (подзахоронения) в склепах

Повторные захоронения (подзахоронения) точно зафиксированы в двух случаях (погребения №№ 21, 32).

В погребении № 21 первоначально был захоронен мужчина, с ним был положен железный меч и другие предметы. Через некоторое время останки мужчины и его погребальный инвентарь сдвинули в сторону. Они располагались не компактно, а вдоль всей северной стены могилы. Затем по центру склепа положили тело умершей женщины. Можно предположить, что она являлась родственницей мужчины.

В погребении № 32 первоначально был похоронен мужчина 45-50 лет. Вероятно, уже после разложения тела, кости были компактно сложены у северной стенки могилы. Вместе с костями положили его меч и наконечник копья. Затем по центру склепа похоронили второго умершего – молодого мужчину примерно 25-30 лет, с которым поместили свой набор инвентаря. Предположительно в этом случае мы имеем дело с семейным захоронением отца и сына.

Были и другие погребения, в которых могло иметь место подзахоронение, например, погребение № 25, где захоронение мужчины (средний костяк) можно считать относительно поздним. Однако по причине плохой сохранности костяков и могильных конструкций с уверенностью об этом говорить невозможно.

Приведенная общая характеристика и описание погребального обряда некрополя Артющенко-2 подчеркивают его индивидуальные особенности и своеобразие. В то же время можно констатировать, что он вполне вписывается в традиционный обряд, характерный для боспорских некрополей.

Приведенная характеристика некрополя, форм и видов погребений, позволяет частично восстановить погребальный обряд, особую конкретную культовую ситуацию могильника, его индивидуальные особенности и своеобразие. В то же время, можно констатировать, что Артющенко-2 не выходит из

круга боспорских некрополей и вписывается в традиционный обряд общими и характерными для этого региона чертами.

С.В. Кашаев

НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2

Резюме

Сільське поселення античного часу Артющенко-2 знаходиться на березі Чорного моря у 15 км до південного сходу від станиці Тамань – стародавня Гермонаса (Темрюкський район Краснодарського краю). Роботи на поселенні ведуться з 1998 р., а у 2002 р. до сходу від поселення був виявлений його ґрунтовий некрополь. Зі слідуєчого сезону Таманський загін Боспорської експедиції ІІМК РАН почав його розкопки.

За вказаний період на розкопаній площі та осипі берегового обриву знайдено 66 поховань з різним похоронним інвентарем: зброєю, прикрасами, керамікою. Набір керамічних виробів, знайдених в похованнях, дуже різноманітний: від мисок та глечиків до амфор, аттичної чорнолакової та ліпної кераміки. Більшість знайдених поховань відносяться до V ст. до н. е., а в цілому хронологічні рамки дослідженої ділянки можна віднести до кінця VI – початку IV ст. до н. е.

Під час розкопок некрополя Артющенко-2 та при аналізі одержаного матеріалу вдалося виявити та систематизувати деякі елементи похоронного обряду, шість з яких є більш стійкими. Це похоронні споруди, інвентар поховань, орієнтація похованих, трізни, надмогильні споруди, кенотафи. Майже всі відзначені елементи наведені декількома варіантами.

Розкопки некрополя Артющенко дають численні та цікаві археологічні матеріали, вивчення яких допоможе дослідженню цілого ряду принципових проблем, пов'язаних з опануванням греками Азіатського Боспору, типом господарської діяльності, торговельними та культурними зв'язками поселенців. В колі цих проблем однією з самих важливих є проблема контактів між греками та місцевим населенням регіону. Традиційно надійним індикатором присутності вихідців з варварського середовища у складі мешканців античних міст та поселень вважається ліпна кераміка. Саме ця група знахідок привертає особливу увагу дослідників при розгляданні питань про наявність на поселенні варварського населення, його походження та чисельності.

Матеріали некрополя дозволяють ввести в науковий оборот нові матеріали, які свідчать про взаємопроникнення та змішення на Боспорі двох культур – грецької та варварської, кожна з яких зображена своїм набором знахідок.

С.В. Кашаев

НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2

Резюме

Сельское поселение античного времени Артющенко-2 находится на берегу Черного моря в 15 км к юго-востоку от станицы Тамань – древняя Гермонаса (Темрюкский район Краснодарского края). Работы на поселении ведутся с 1998 г., а в 2002 г. к востоку от поселения был обнаружен его грунтовый некрополь. Со следующего сезона Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН начал его раскопки.

За указанный период на раскопанной площади и в осыпи берегового обрыва обнаружено 66 захоронений с различным погребальным инвентарем – оружием, украшениями, керамикой. Набор керамических изделий, обнаруженных в погребениях, чрезвычайно разнообразен – от мисок и кувшинов до амфор, аттической чернолаковой и лепной керамики. Большинство обнаруженных захоронений относятся к V в. до н.э., а в целом хронологические рамки исследованного участка можно отнести к концу VI – началу IV вв. до н.э.

За время раскопок некрополя Артющенко-2 и при анализе полученного материала удалось выявить и систематизировать некоторые элементы погребального обряда, шесть из которых являются наиболее устойчивыми. Это – могильные сооружения, инвентарь погребений, ориентация захороненных, тризны, надмогильные сооружения, кенотафы. Почти все выделенные элементы представлены несколькими вариантами.

Раскопки некрополя Артющенко дают многочисленные и интересные археологические материалы, изучение которых поможет исследованию целого ряда принципиальных проблем, связанных с освоением греками Азиатского Боспора, типом хозяйственной деятельности, торговыми и культурными связями поселенцев. В круге этих проблем одной из самых важных является проблема контактов между греками и местным населением региона. Традиционно надежным индикатором присутствия выходцев из варварской среды в составе жителей античных городов и поселений считается лепная керамика. Именно эта группа находок привлекает особое внимание исследователей при рассмотрении вопросов о наличии на поселении варварского населения, его происхождении и численности.

Материалы некрополя позволяют ввести в научный оборот новые материалы, свидетельствующие о взаимопроникновении и смешении на Боспоре двух культур – греческой и варварской, каждая из которых представлена своим набором находок.

S.V. Kashaev

NECROPOLIS OF ARTYUSHCHENKO-2

Summary

The rural settlement of the Classical period Artyushchenko-2 is situated on the shore of the Black Sea 15km south-east of the village of Taman or the ancient Hermonassa (Temryuk district, Krasnodar Krai). Excavations of the settlement have been conducted since 1998, and in 2002 its flat-grave necropolis was revealed south of the settlement. In the next season the Taman Team of the Bosporan Expedition, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, started its excavation.

Over the period specified, 66 burials with various grave goods have been found throughout the excavated area and in the collapsed heaps of the sea shore – weapons, adornments and pottery. The assemblage of the ceramic ware unearthed from the graves is extremely diverse — from bowls and pitchers to amphorae, Attic black-glazed ware and handmade pottery. The majority of the burials revealed are dated from the 5th century BC, while the whole chronological frame of the area excavated may be defined as the late 6th to the early 4th century BC.

During excavations of the Artyushchenko-2 necropolis and in the course of analysis of the materials obtained it proved to be possible to discriminate and systematise certain elements of the burial rite, six of which are the most steadily repeated. These are funerary structures, grave goods and the position of the interred, ritual deposits, overgrave structures and cenotaphs. Almost all of the elements enumerated are represented by several variants.

Excavations of the Artyushchenko necropolis yield numerous interesting archaeological materials. Their studies will be helpful in investigations of an entire series of principal problems tied with the Greek colonization of the Asiatic Bosphoros, the type of the economic activities and trade and cultural connections of the settlers. One of the most important among the circle of these problems is that of the contacts between the Greeks and local population of the region under consideration. Handmade pottery is traditionally considered as a reliable indication of the presence of the native barbarians amongst the inhabitants of Greek-time cities and settlements. It is exactly this group of finds that attracts especial attention of the researchers discussing the problems of the presence of barbarian population at a settlement, its origins and numbers.

Materials from the necropolis under studies enable us to introduce new evidence into the scientific circulation indicating a mutual permeability and merging of two cultures in the Bosphoros – the Greek and the barbarian – each represented by its distinctive assemblage of finds.

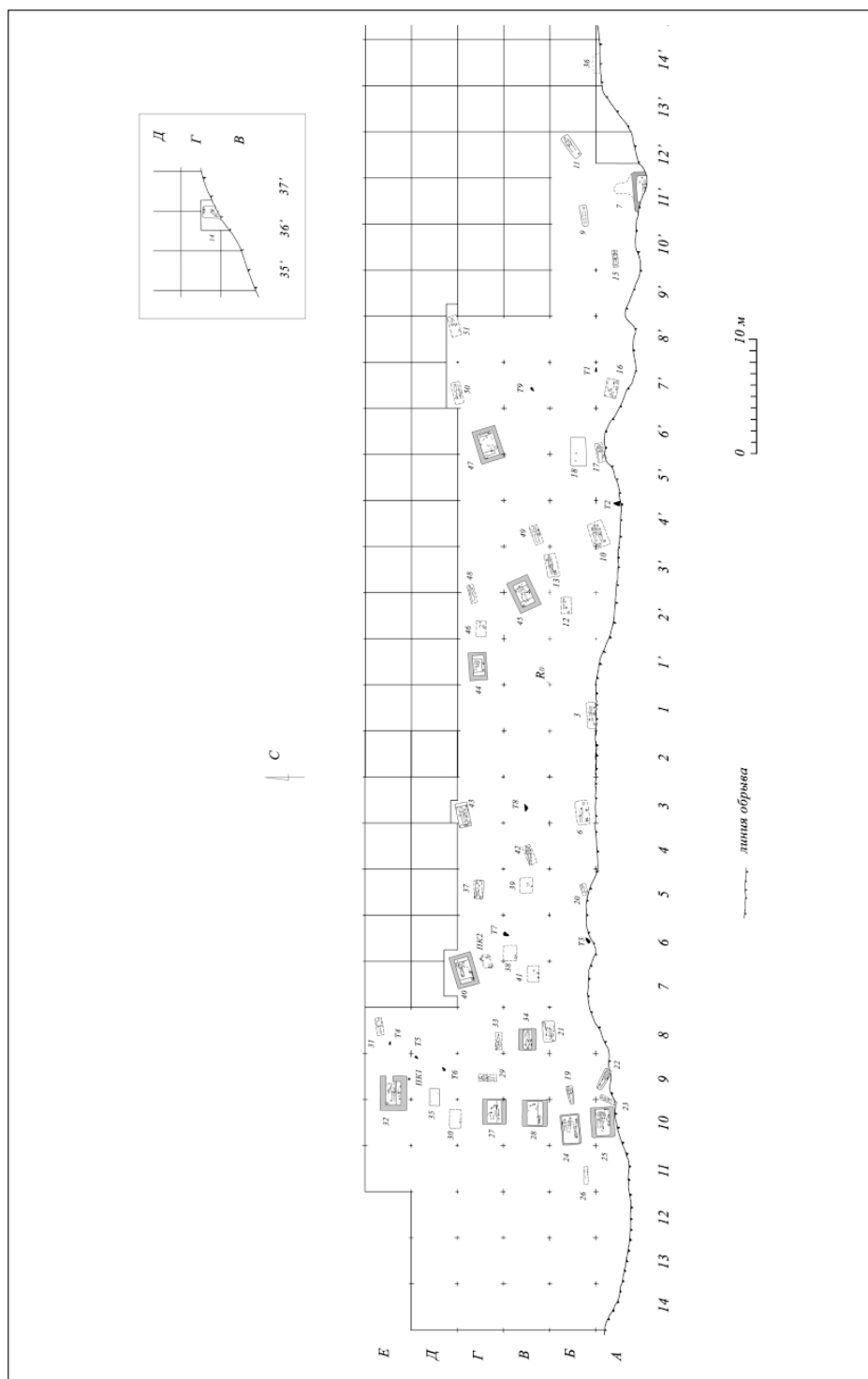

Рис.1. План некрополя Артющенко-2 (раскопки 2003-2007гг.).

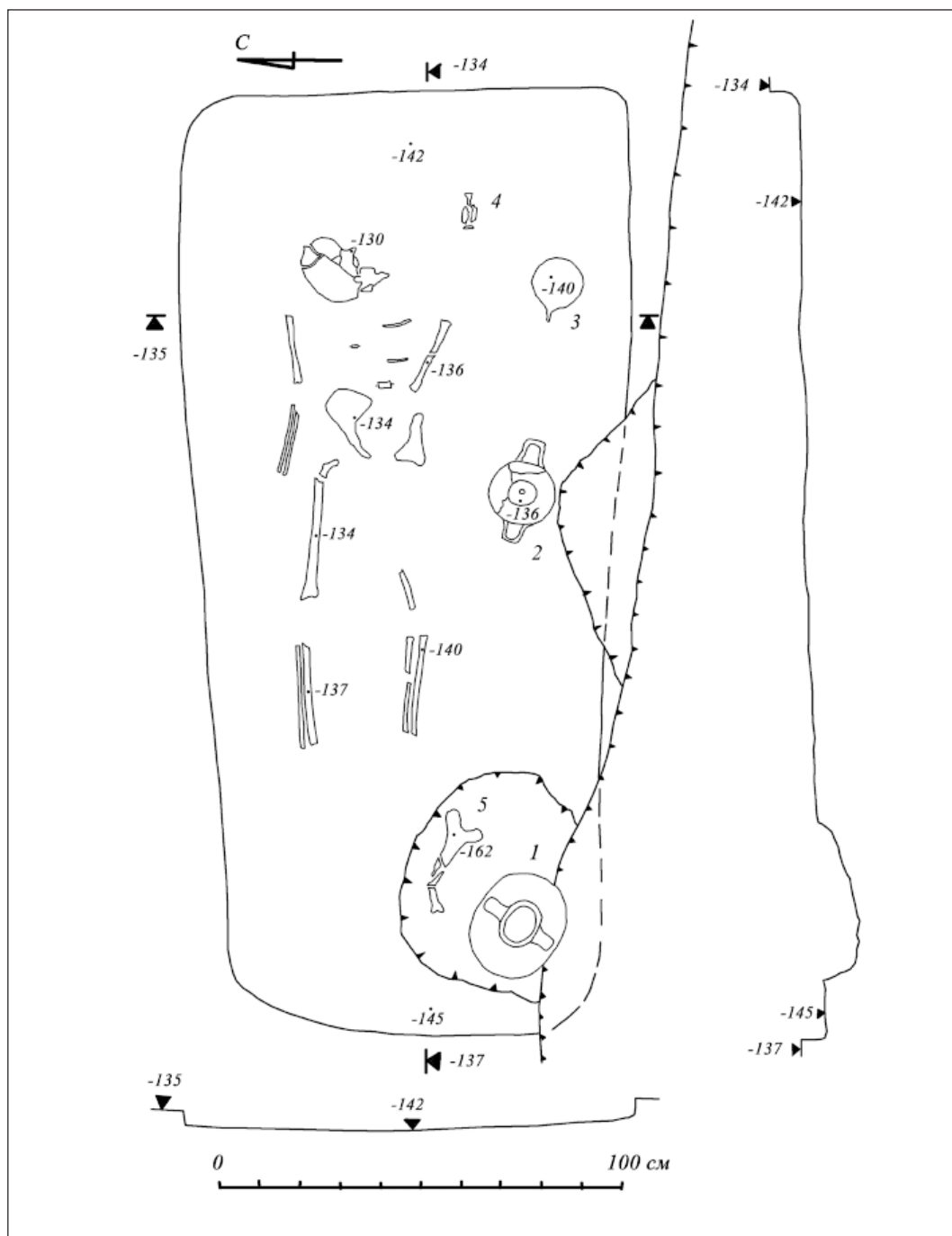

Рис.2. План погребения № 3.

1 - амфора; 2 - килик чернотерракотовый; 3 - зеркало бронзовое; 4 - лекиф чернотерракотовый; 5 - кость животного

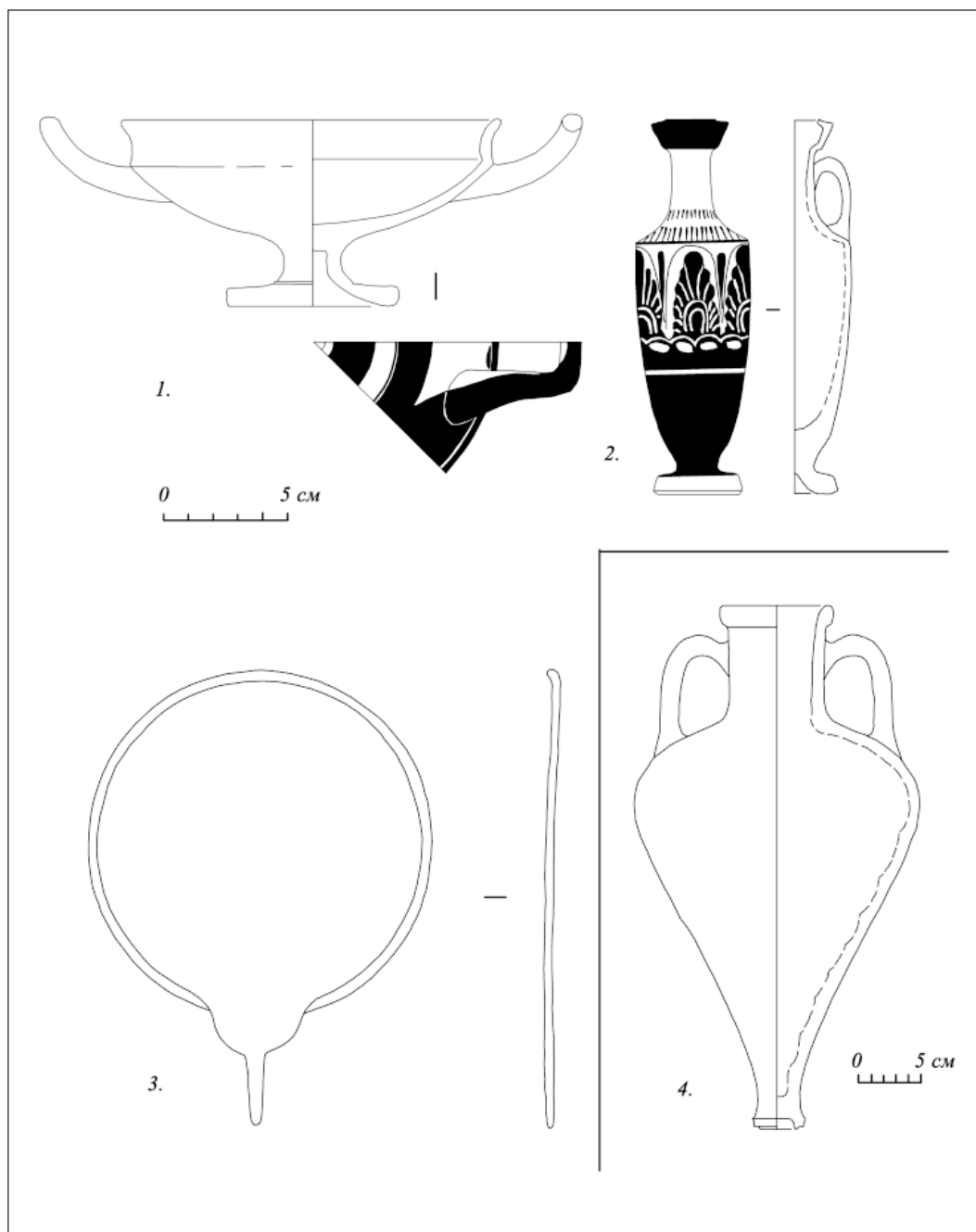

Рис.3. Находки из погребения №3.

1-килик чернолаковый; 2-лекиф чернолаковый; 3-зеркало бронзовое; 4-амфора

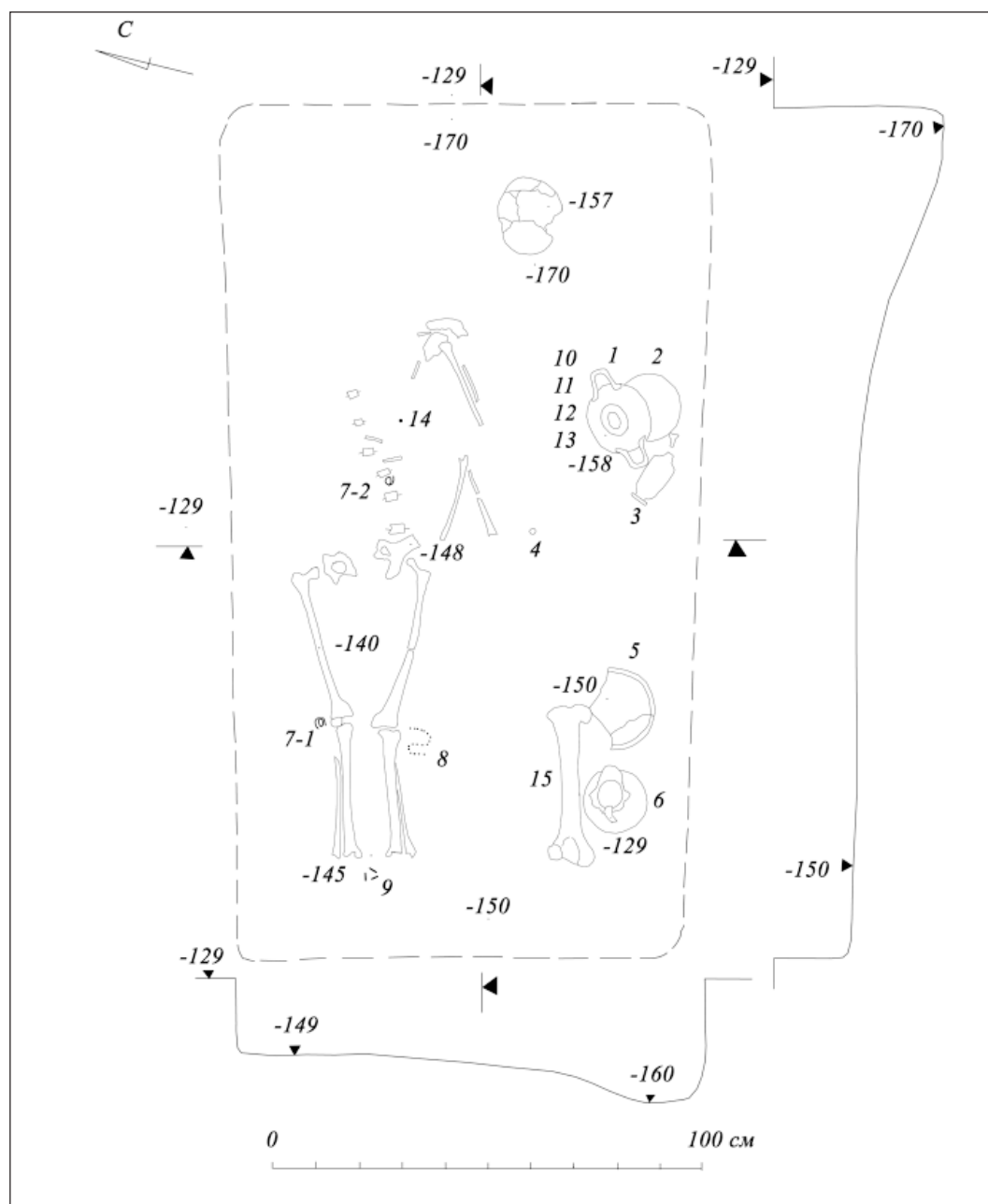

Рис.4. План погребения № 6.

1- килик чернолаковый; под ним стеклянный амфориск - 10; миниатюрный скифос -11; игла бронзовая - 12 и деталь игольницы - 13; 2 - бронзовое зеркало; 3 - лекиф; 4 - колечко бронзовое; 5 - чаша на ножке чернолаковая; 6 - ойнохоя красноглиняная; 7- спиральные подвески серебряные, 2шт.; 8 - скелет змеи; 9 - костяные пластинки; 14 - бусины; 15 - кость животного.

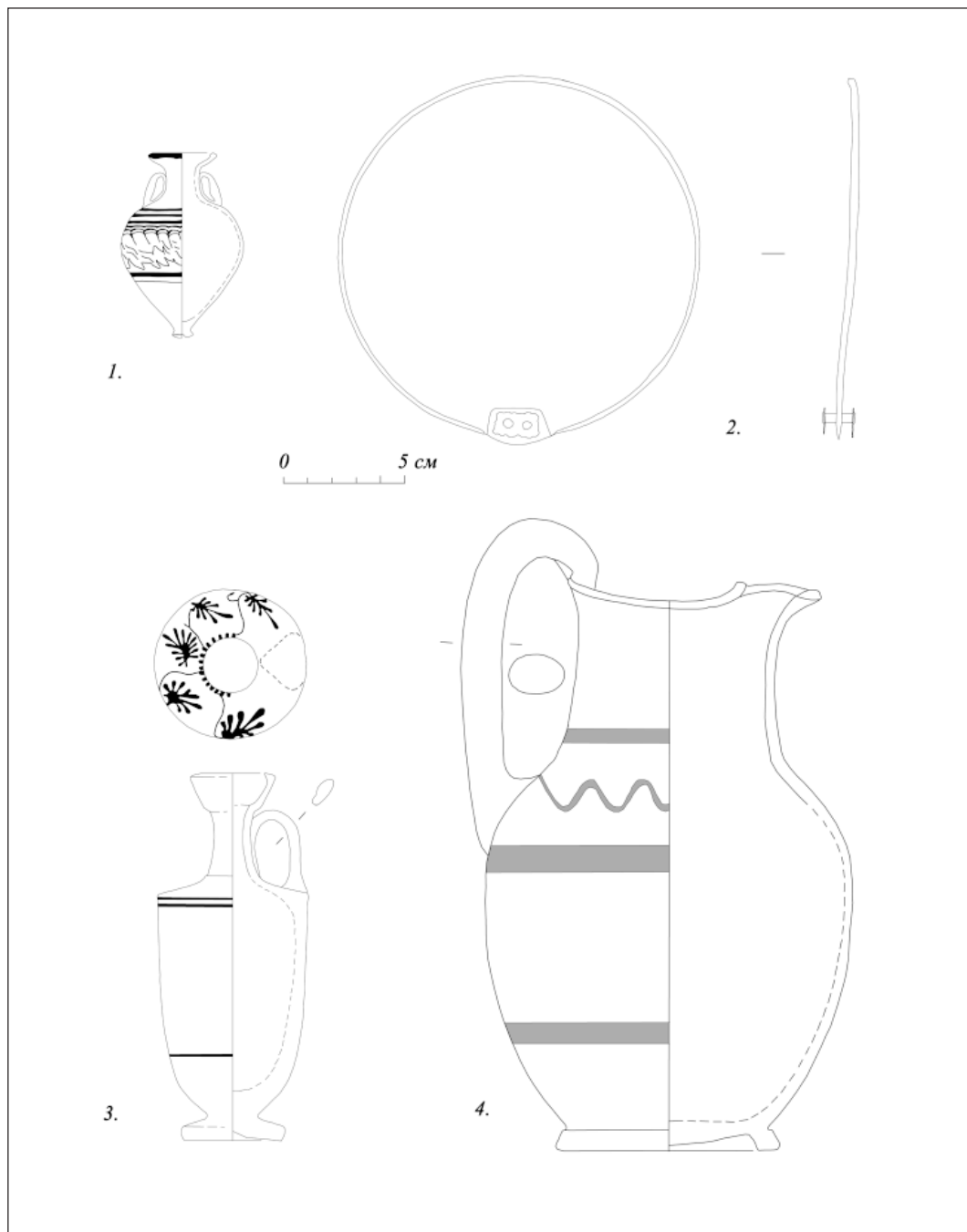

Рис.5. Находки из погребения № 6.

1 - амфориск стеклянный; 2 - зеркало бронзовое; 3 - лекиф; 4 - ойнохоя красноглиняная

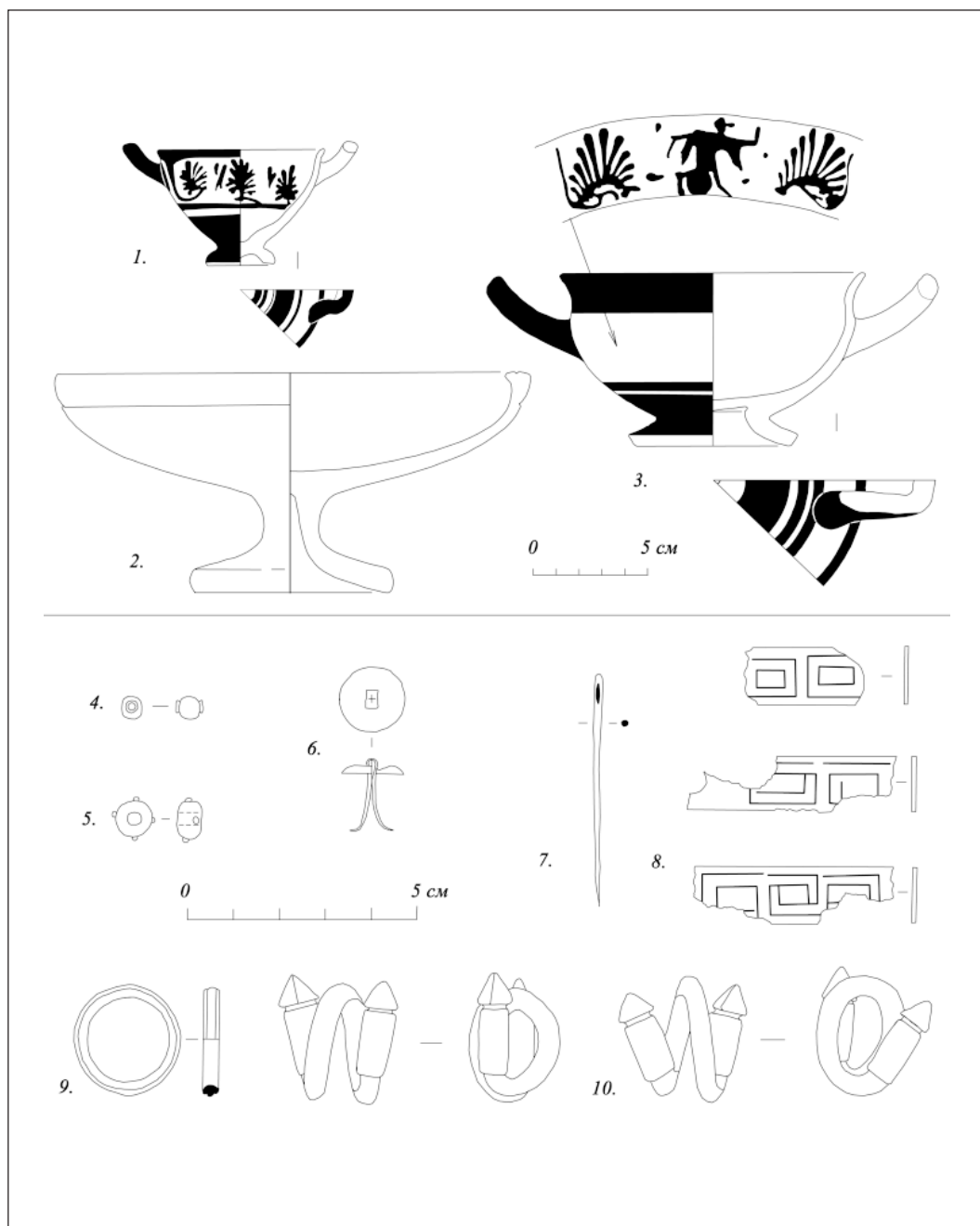

Рис.6. Находки из погребения № 6.

1 - скифос миниатюрный; 2 - чаша на ножке чернолаковая; 3 - килик чернолаковый расписной; 4 - бусина серебряная; 5 - бусина постовая; 6 - крышечка игольницы (?) бронзовая; 7 - игла бронзовая; 8 - костяные пластинки; 9 - колечко бронзовое; 10 - подвески серебряные.

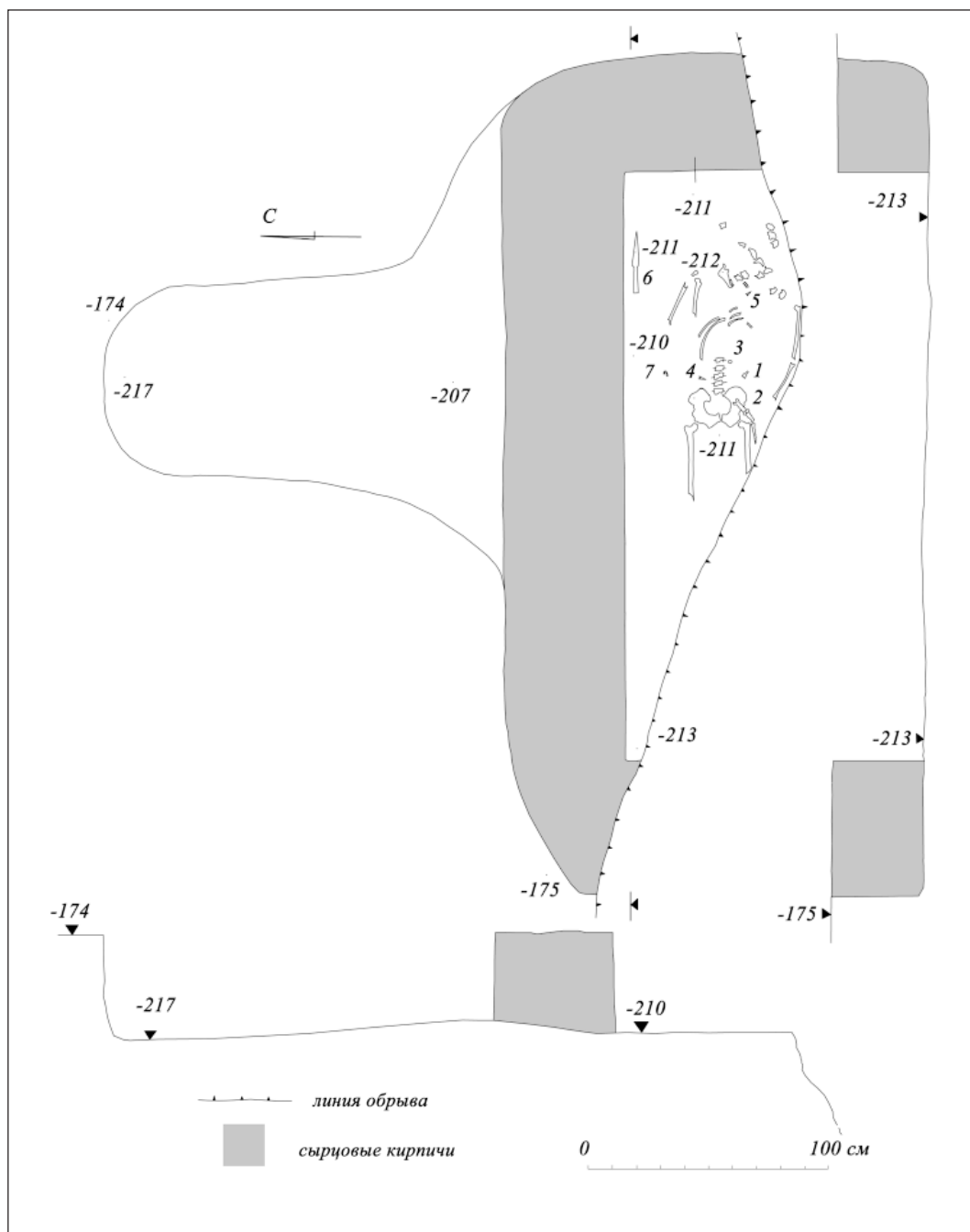

Рис. 7. План погребения №7.

1 - наконечник железный; 2 - меч железный; 3 - пряслице керамическое; 4 - наконечник стрелы; 5 - наконечник стрелы; 6 - наконечник копья; 7 - крючок железный.

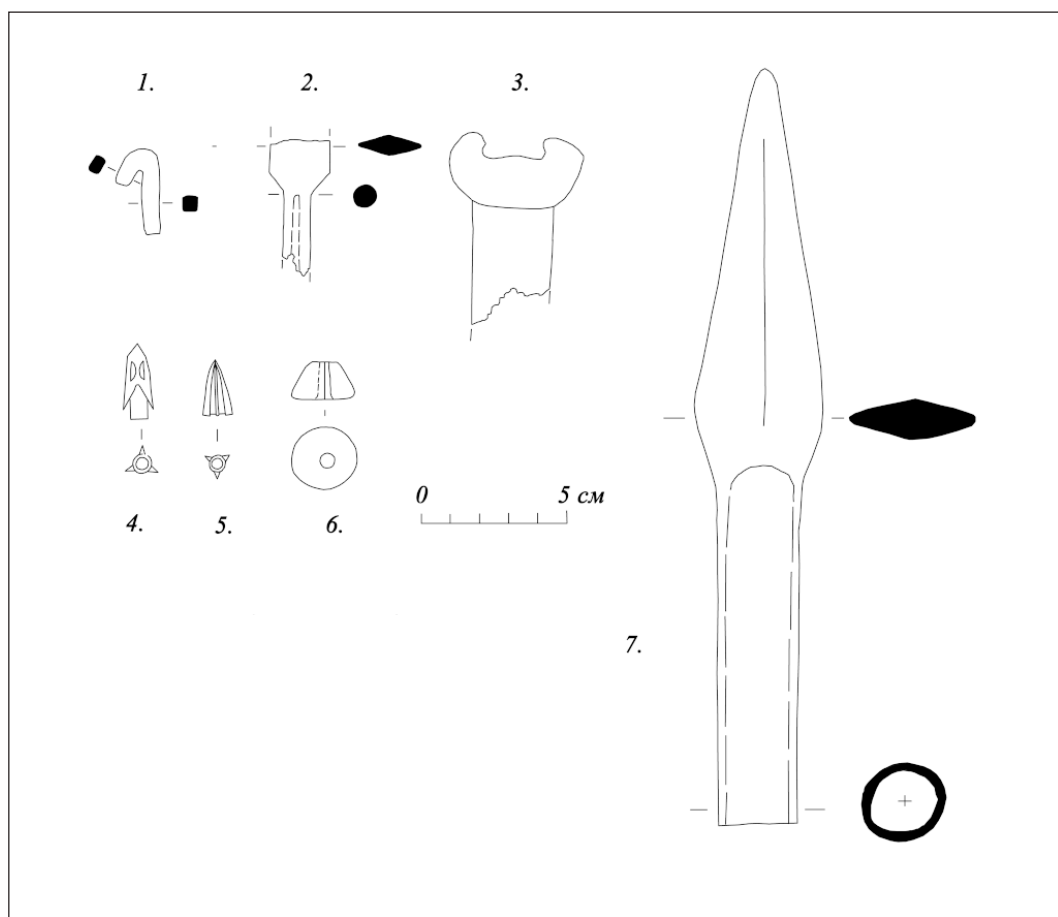

Рис.8. Находки из погребения №7.

1 - крючок железный; 2 - наконечник железный; 3 - рукоять меча железная; 4 - наконечник стрелы бронзовый; 5 - наконечник стрелы бронзовый; 6 - пряслице керамическое; 7 - наконечник копья железный.

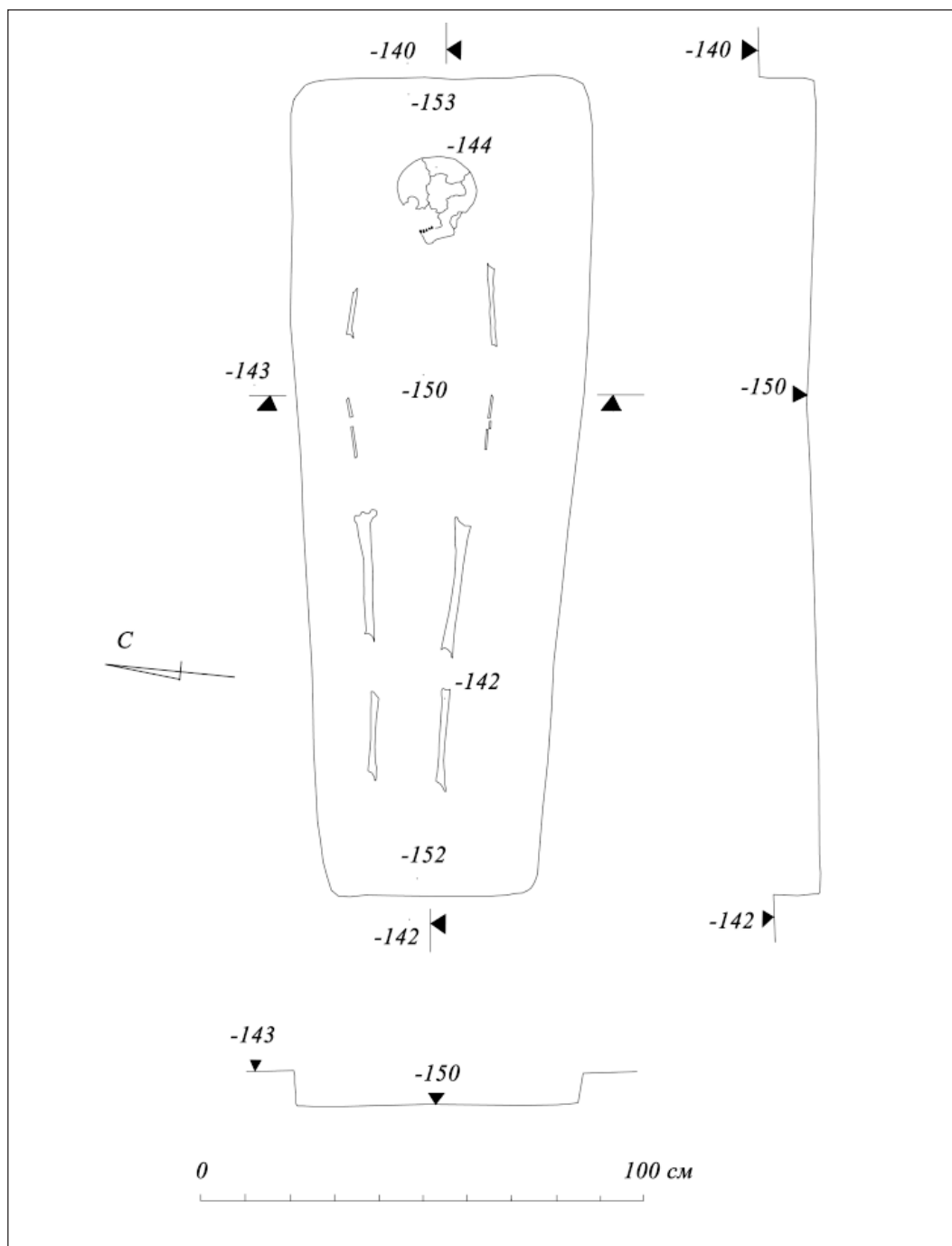

Рис.9. План погребения № 9.

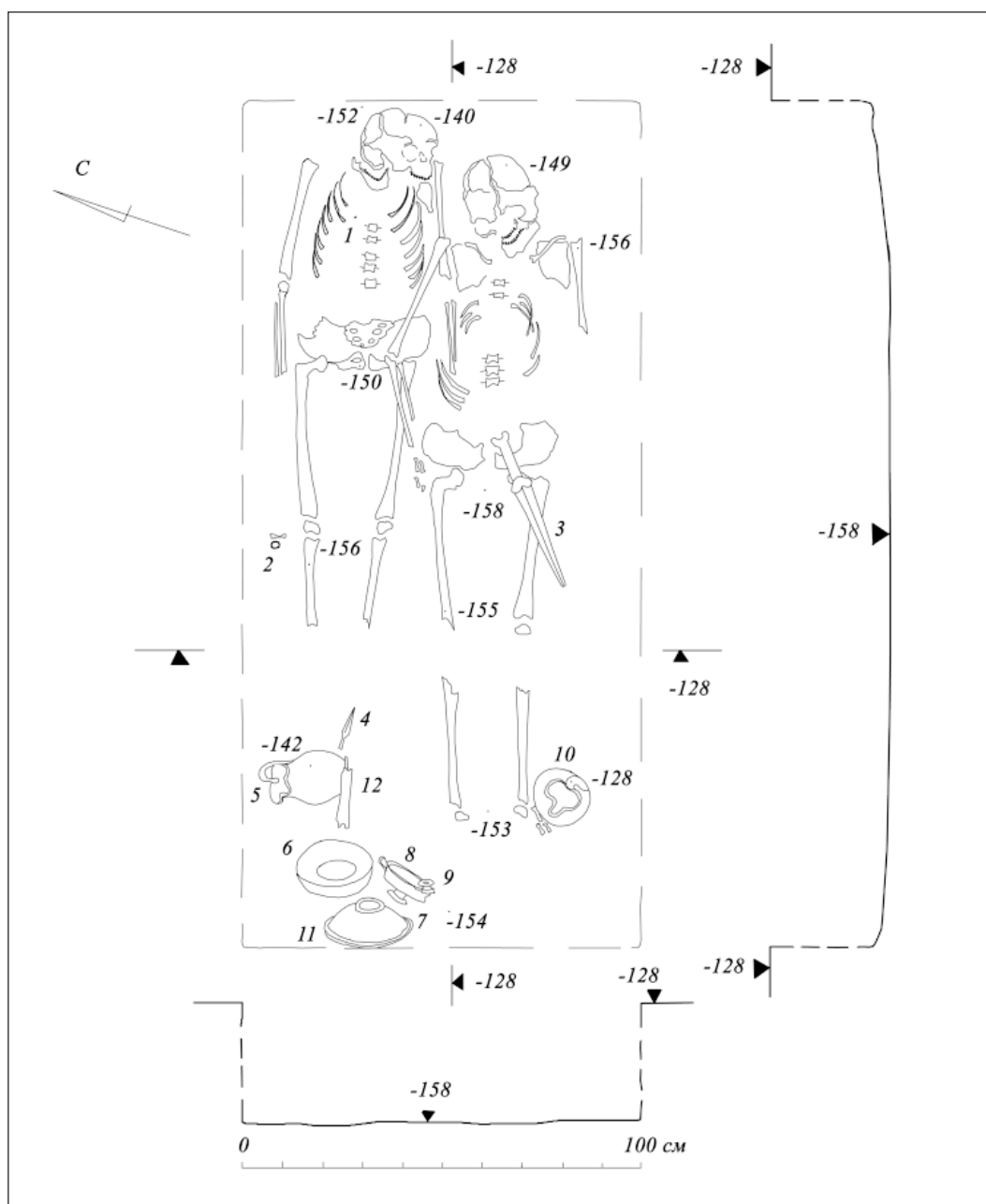

Рис.10. План погребения № 10.

1 - бусина гагатовая; 2 - колечко бронзовое; 3 - меч железный; 4 - наконечник железный; 5 - ойнохоя № 1; 6 - миска лепная; 7 - миска гончарная; 8 - килик чернолаковый; 9 - ножка килика; 10 - ойнохоя; 11 - чашечка лепная (под миской); 12 - кость животного.

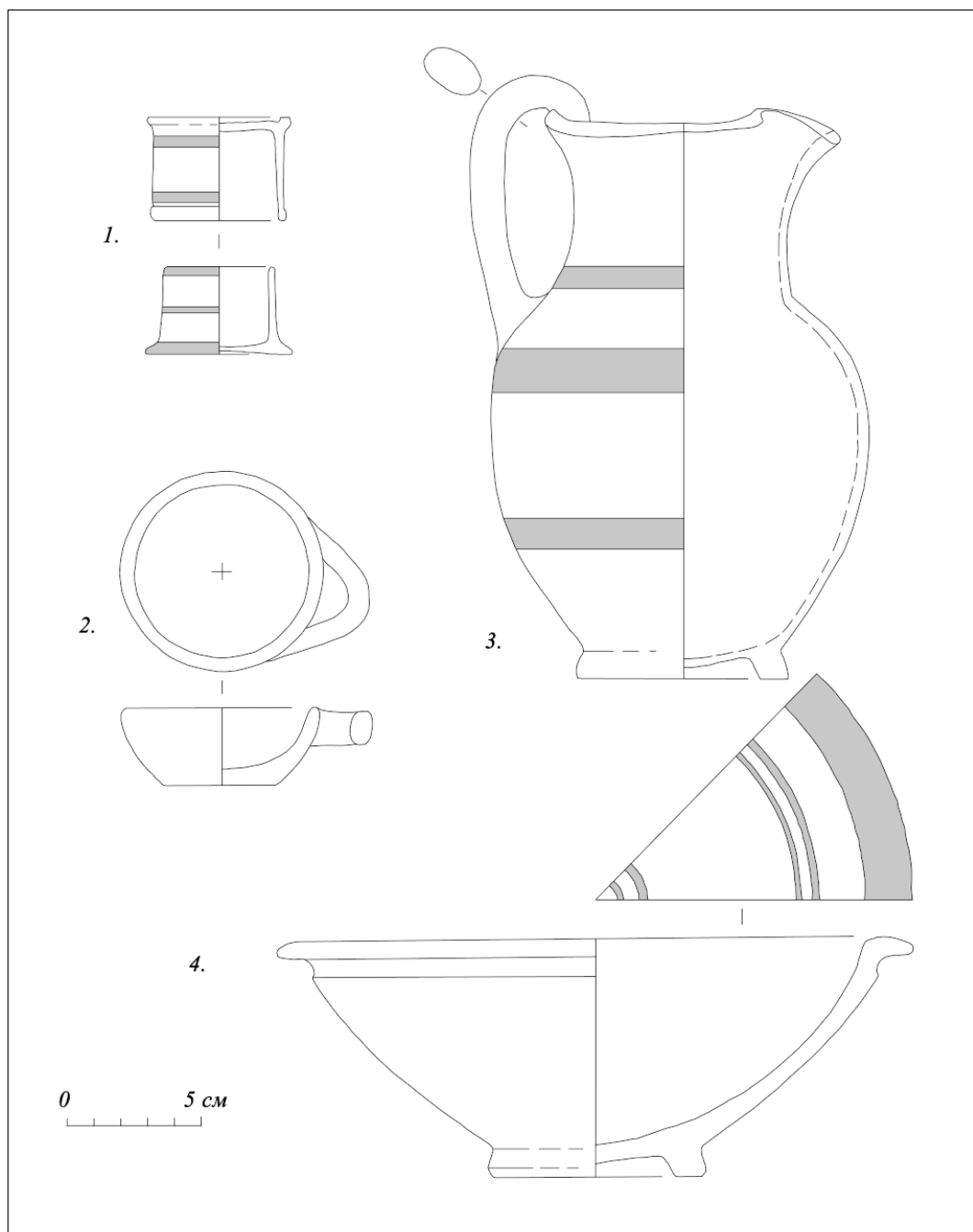

Рис.11. Находки из погребения № 10.

1 - пиксида керамическая; 2 - мисочка с ручкой; 3 - ойнохоя № 2; 4 - миска красноглиняная.

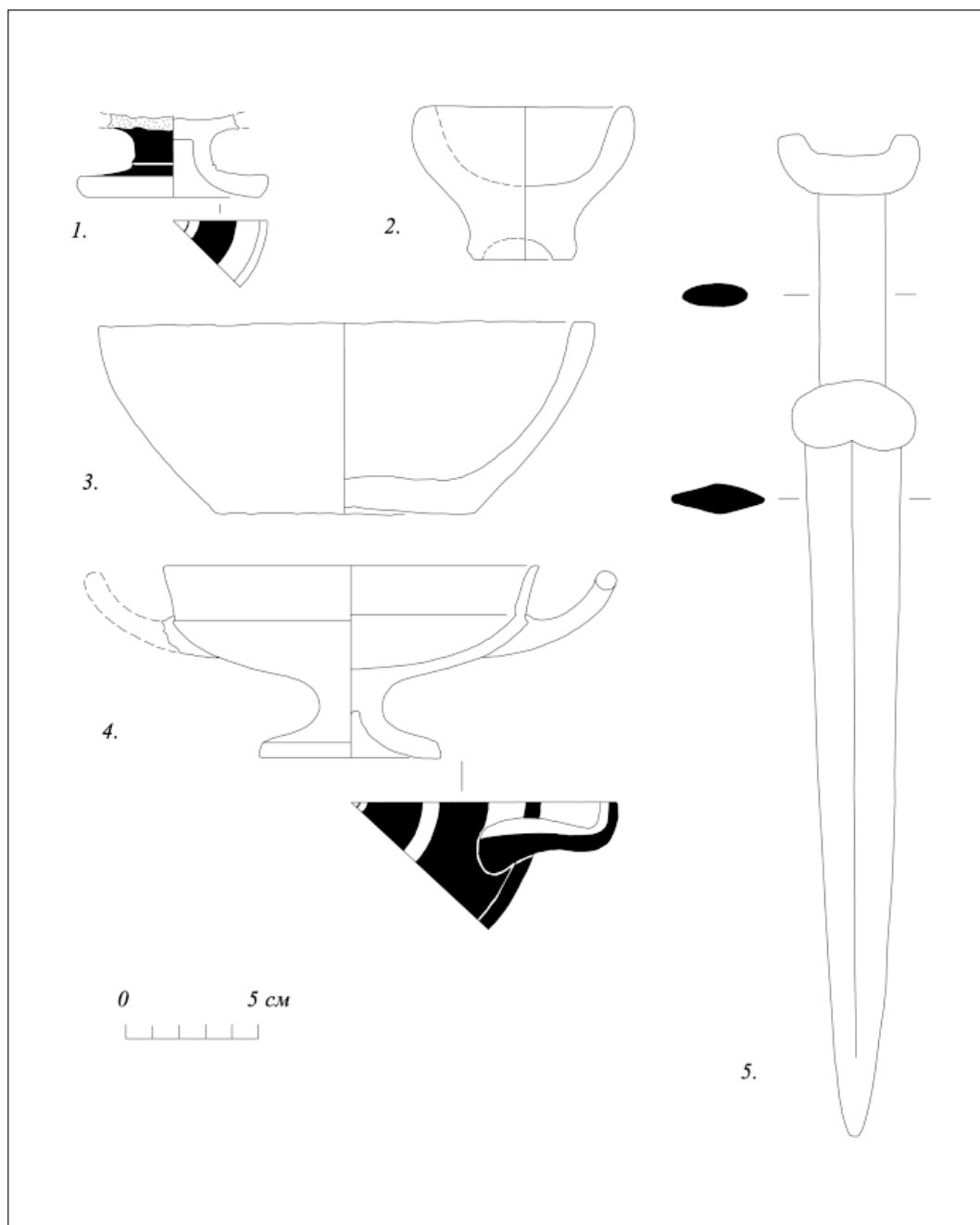

Рис.12. Находки из погребения № 10.

1 - ножка чернолакового килика; 2 - чашечка лепная; 3 - миска лепная; 4 - килик чернолаковый; 5 - меч железный.

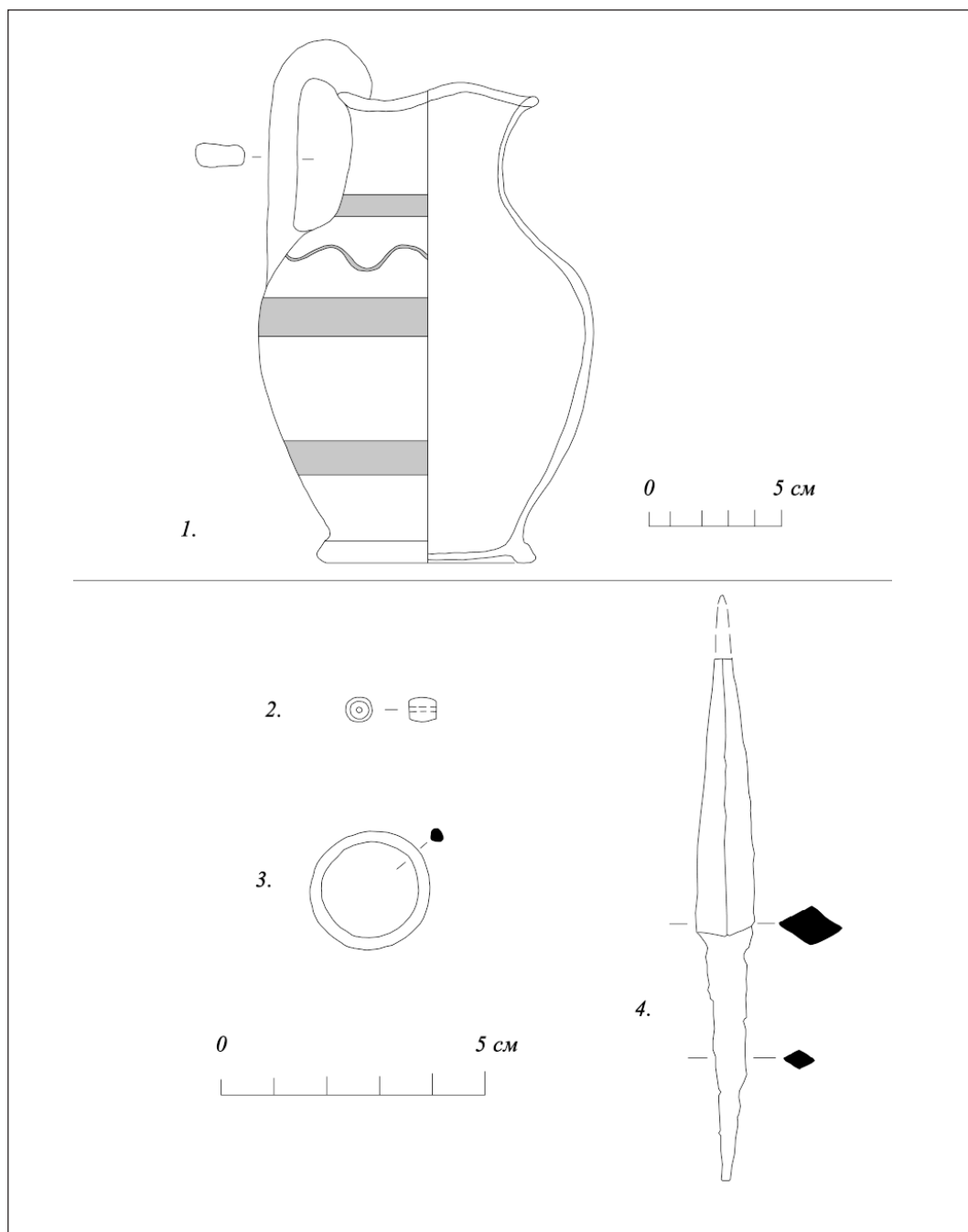

Рис.13. Находки из погребения № 10.

1 - ойнохоя № 1; 2 - бусина гагатовая; 3 - колечко бронзовое; 4 - наконечник железный.

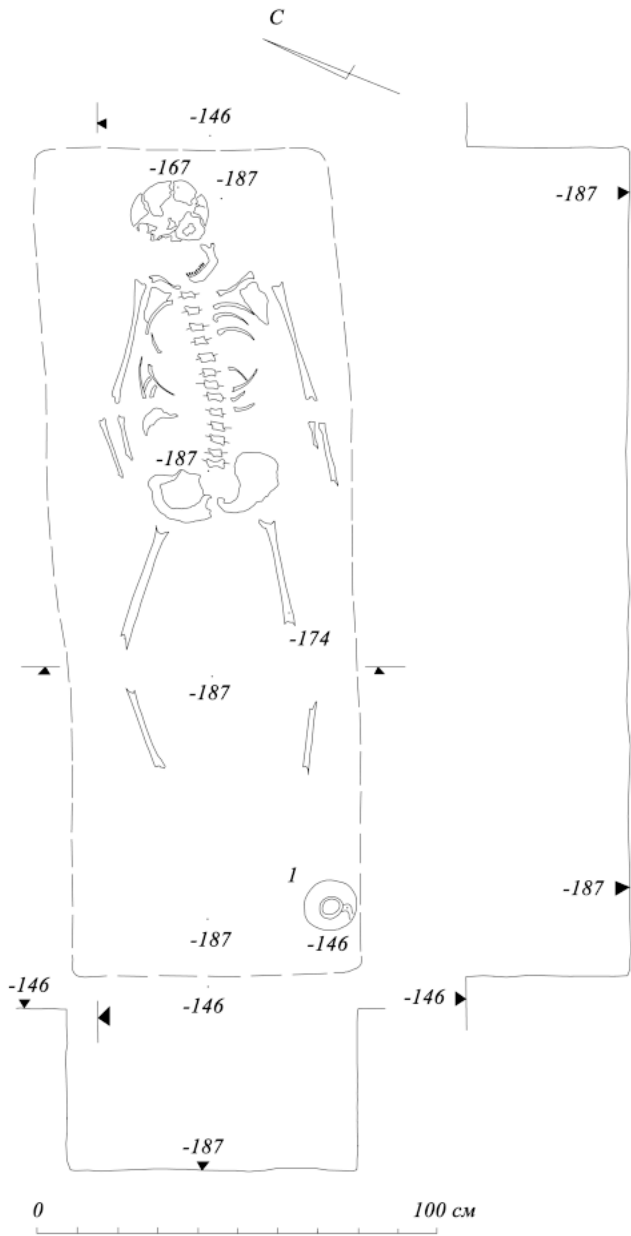

Рис.14. План погребения № 11.
1 - кувшин красноглиняный

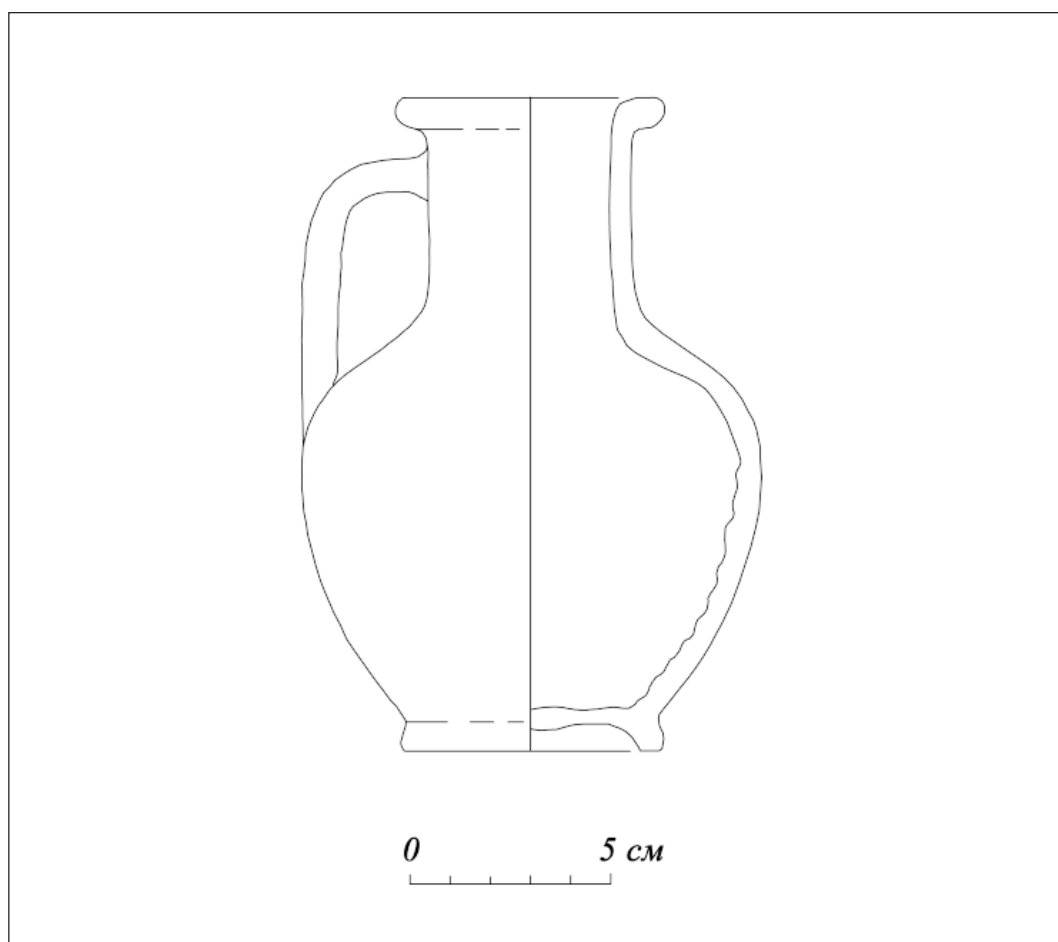

Рис.15. Кувшин из погребения № 11.

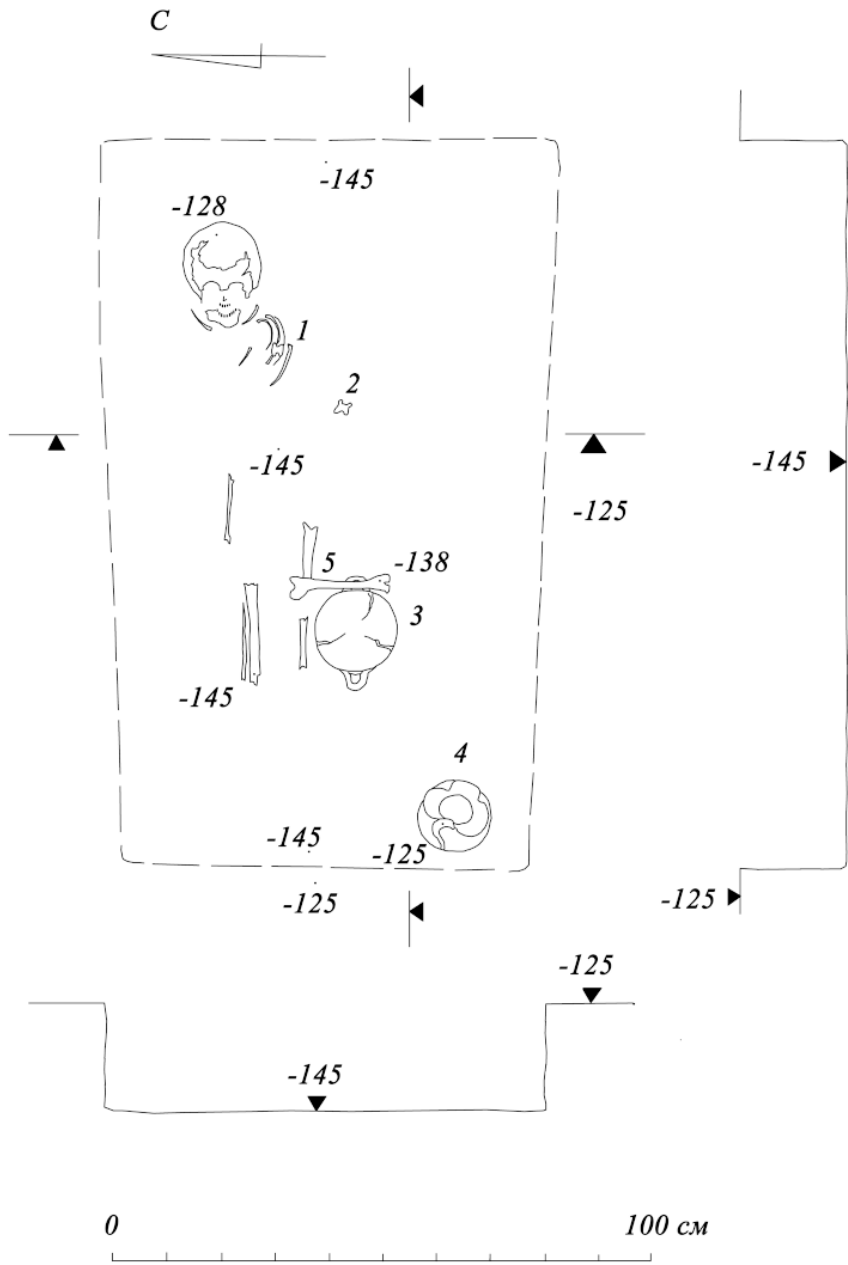

Рис. 16. План погребения № 12.

1,2 - астрагалы (2 шт.); 3 - килик красноглиняный; 4 - ойнохоя; 5 - кость животного

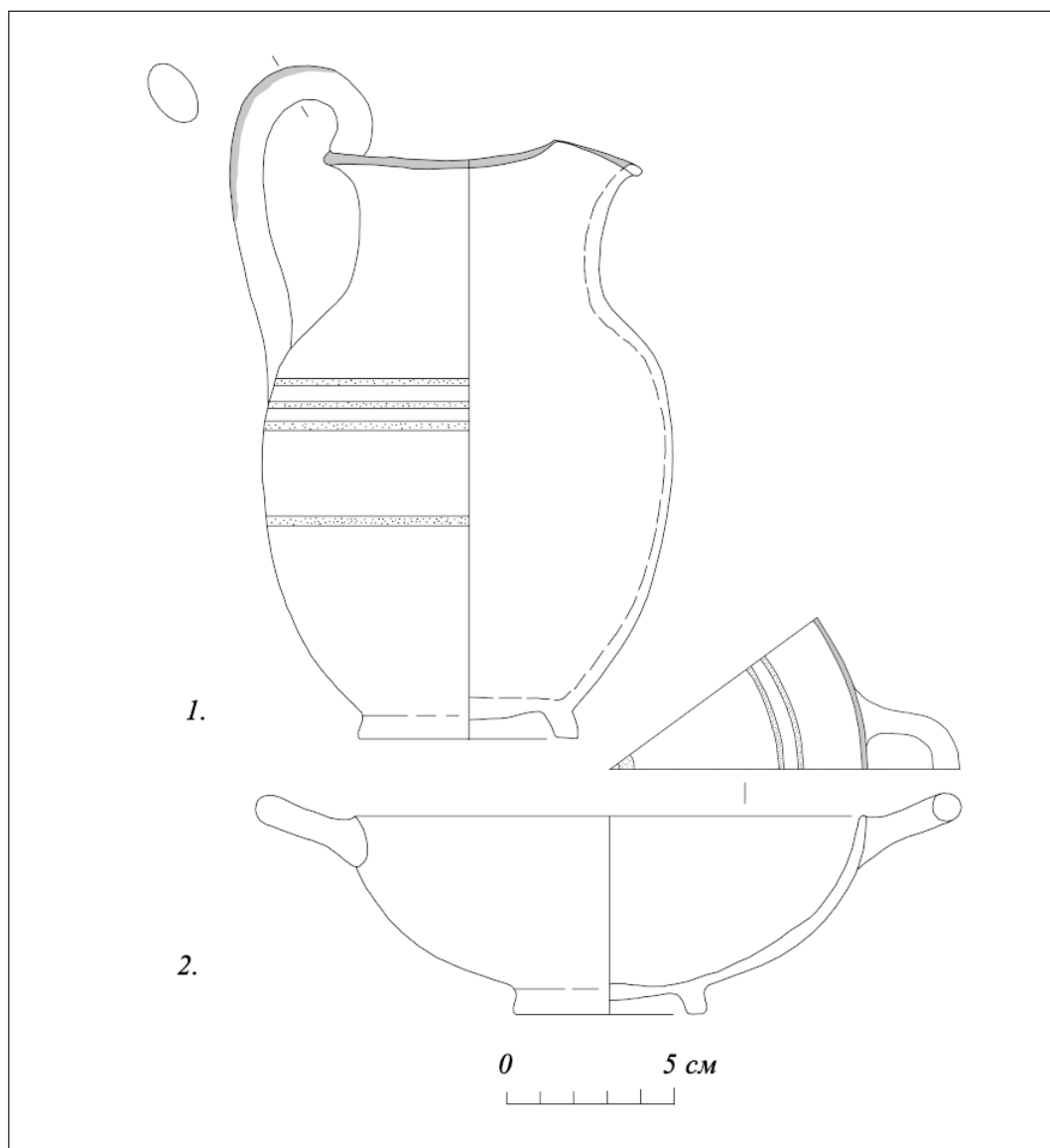

Рис.17. Находки из погребения № 12.
1 - ойнохоя; 2 - килик красноглиняный

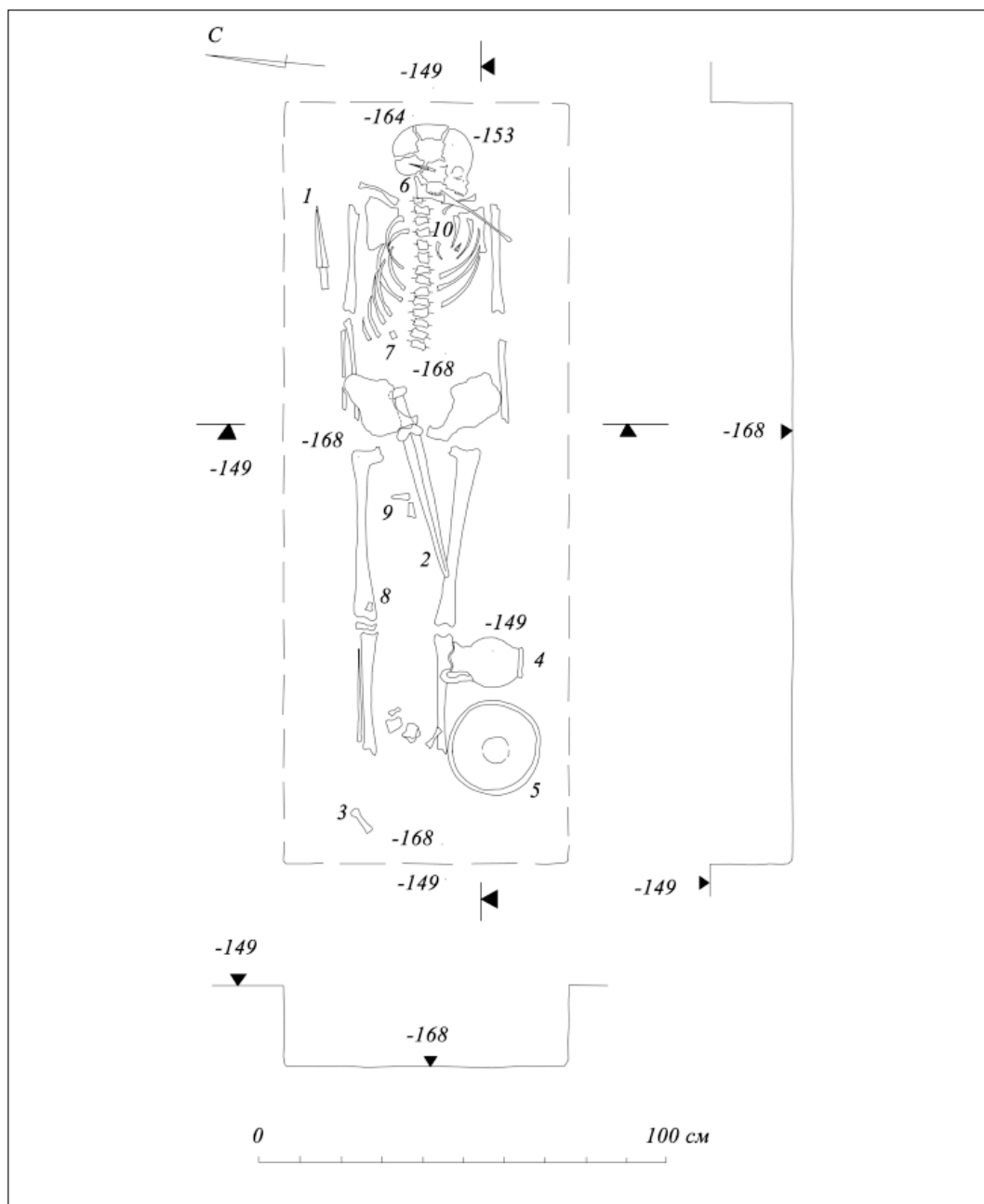

Рис.18. План погребения № 13.

1 - наконечник копья; 2 - меч железный; 3 - вток копья; 4 - ойнохоя; 5 - миска; 6 - наконечник железный; 7 - втулка железная; 8 - ворворка бронзовая; 9 - нож железный; 10 - наконечник стрелы

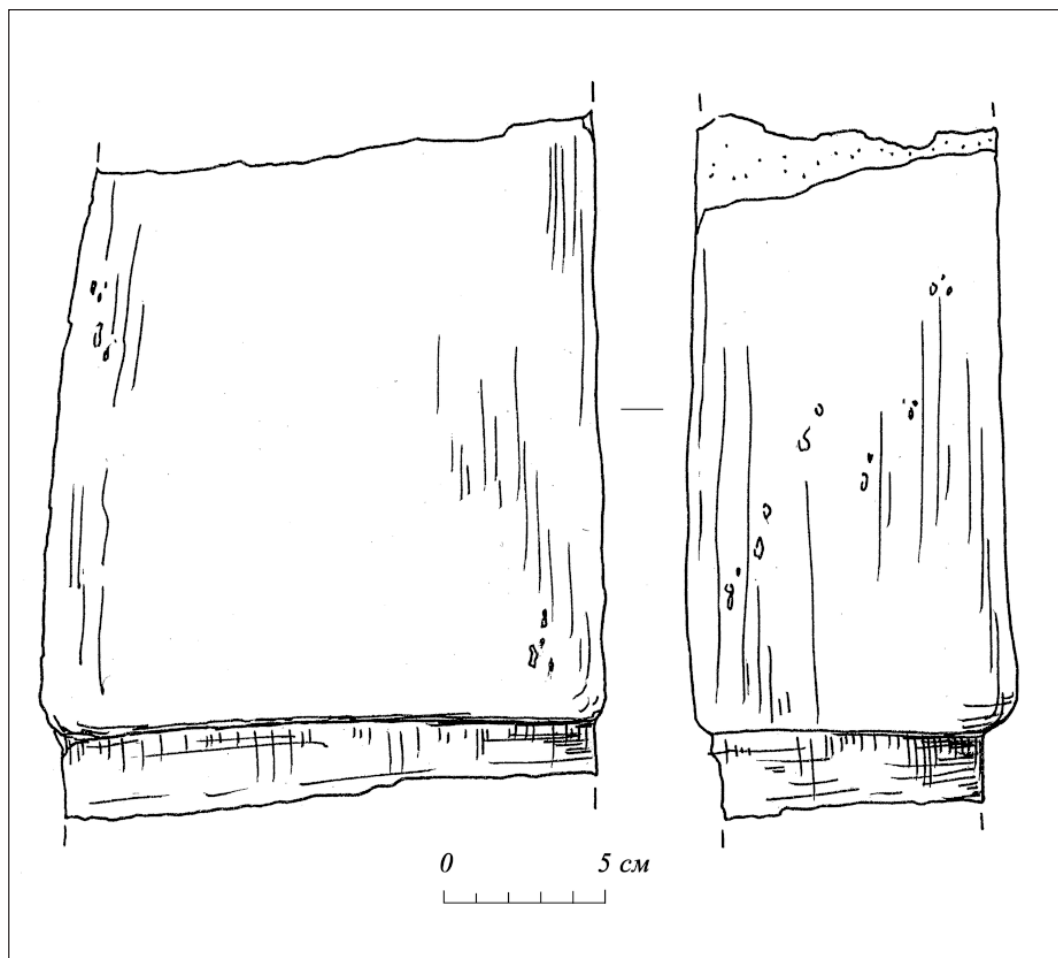

Рис.19. Фрагмент надгробия из заполнения погребения № 13.

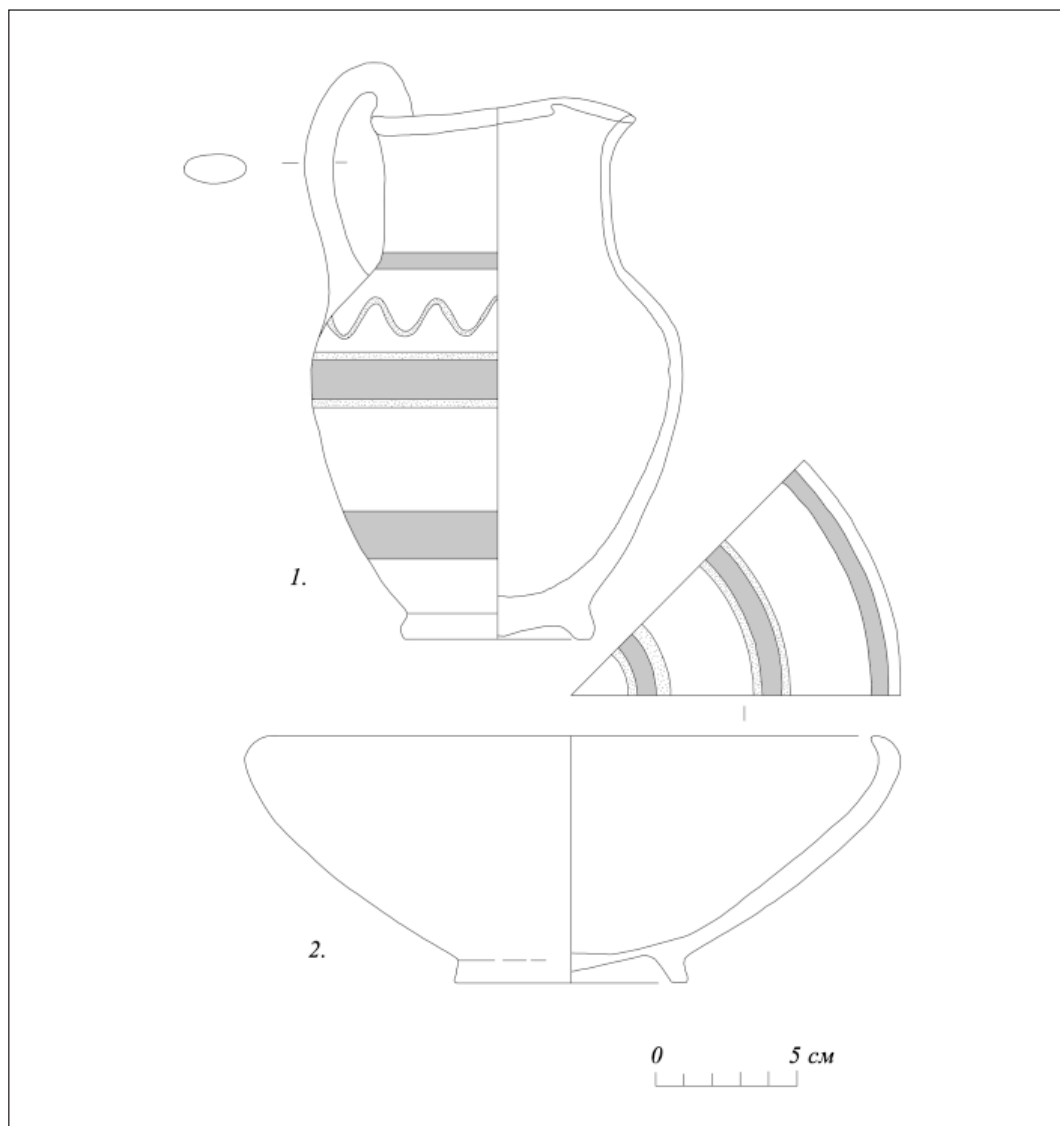

Рис.20. Находки из погребения № 13.

1 - ойнохоя; 2 - миска

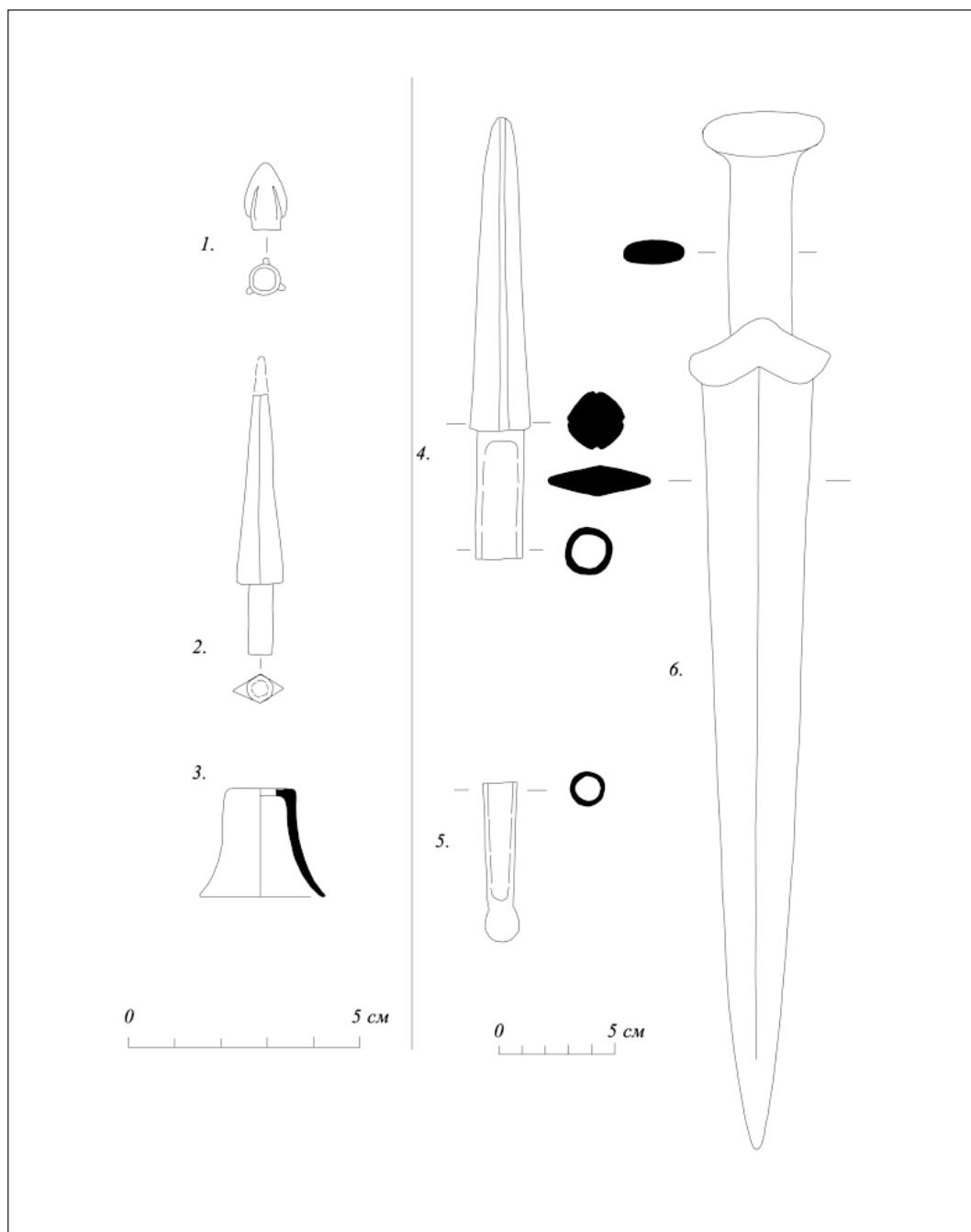

Рис.21. Находки из погребения № 13.

1 - наконечник стрелы бронзовый; 2 - наконечник железный; 3 - ворворка бронзовая; 4 - наконечник копья железный; 5 - вток копья железный; 6 - меч железный

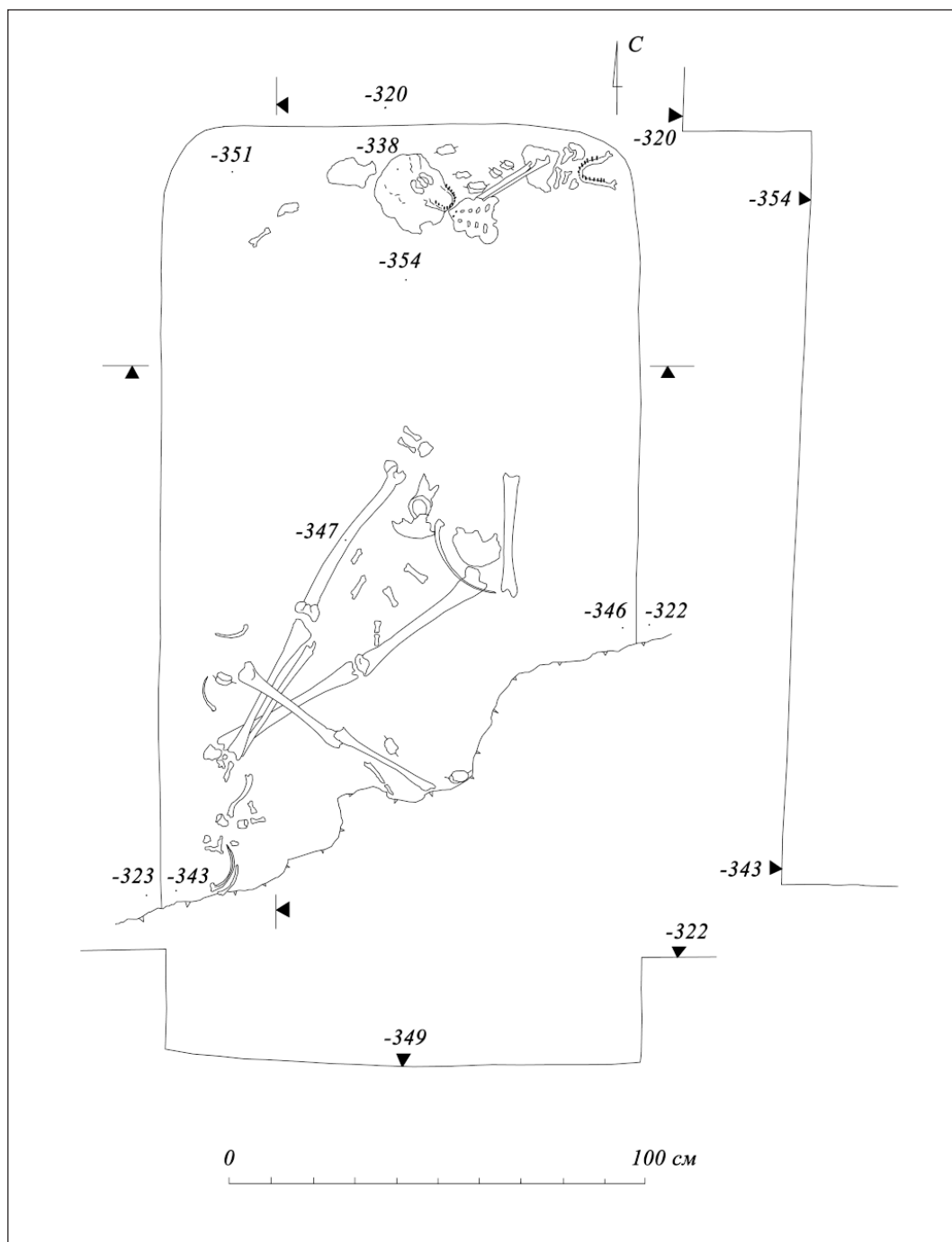

Рис.22. План погребения № 14.

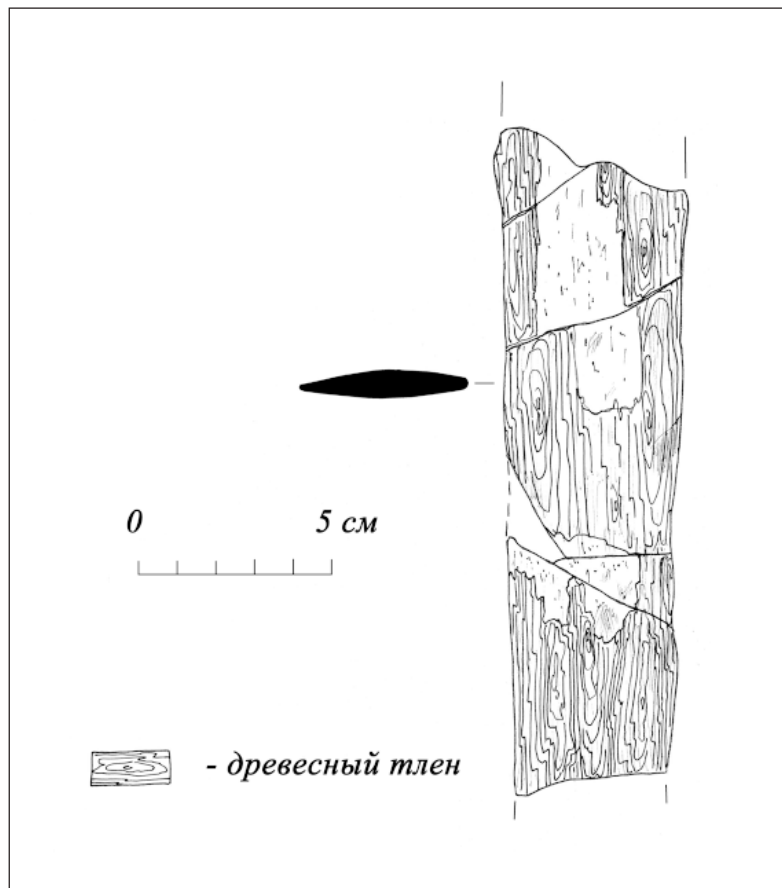

Рис.23. Фрагмент меча из погребения № 14.

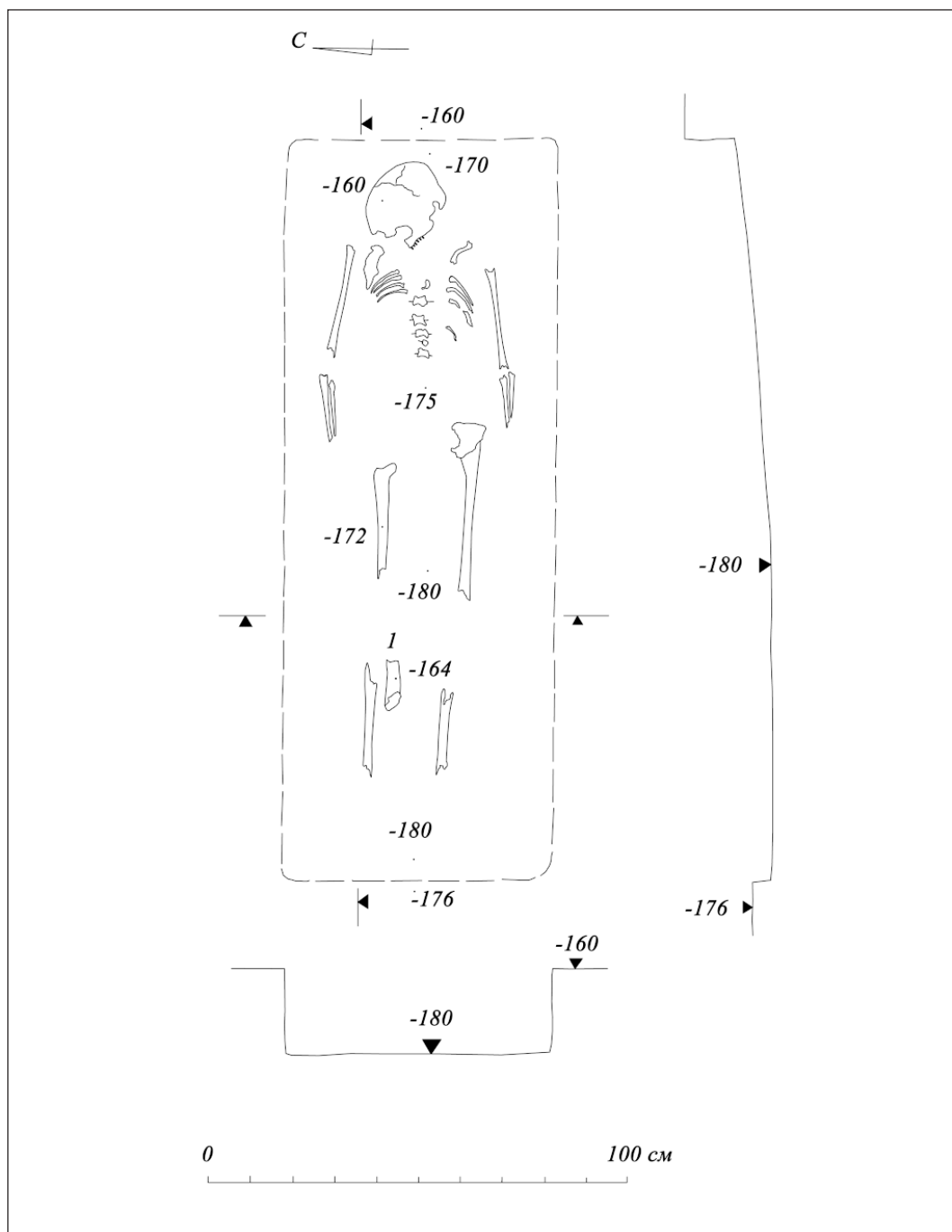

Рис.24. План погребения № 15.
1 - кость животного

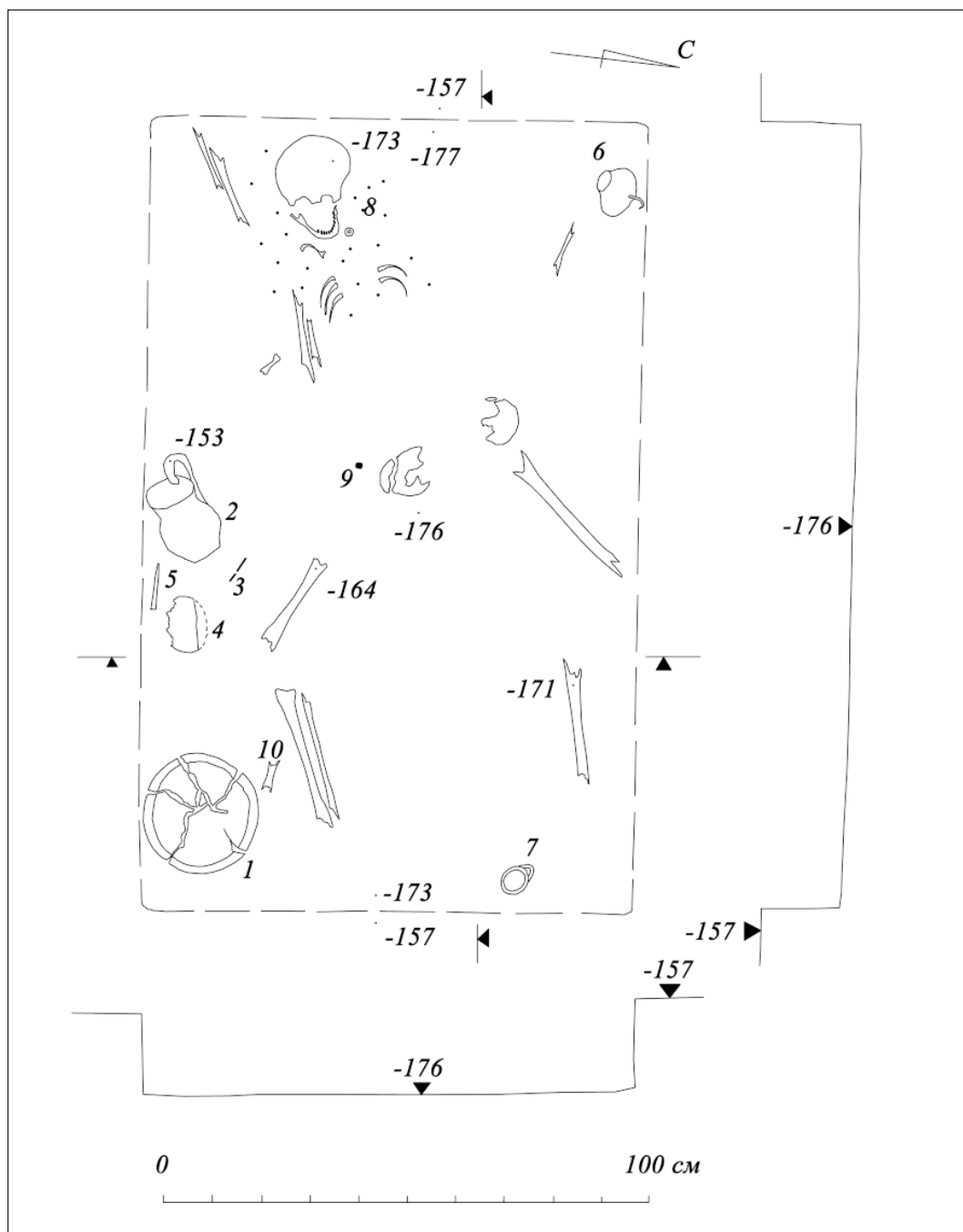

Рис.25. План погребения № 16.

1 - миска; 2 - кувшин; 3 - игла бронзовая; 4 - зеркало бронзовое; 5 - шило железное; 6 - лекиф; 7 - мисочка с ручкой; 8 - бусины; 9 - камень; 10 - кость животного

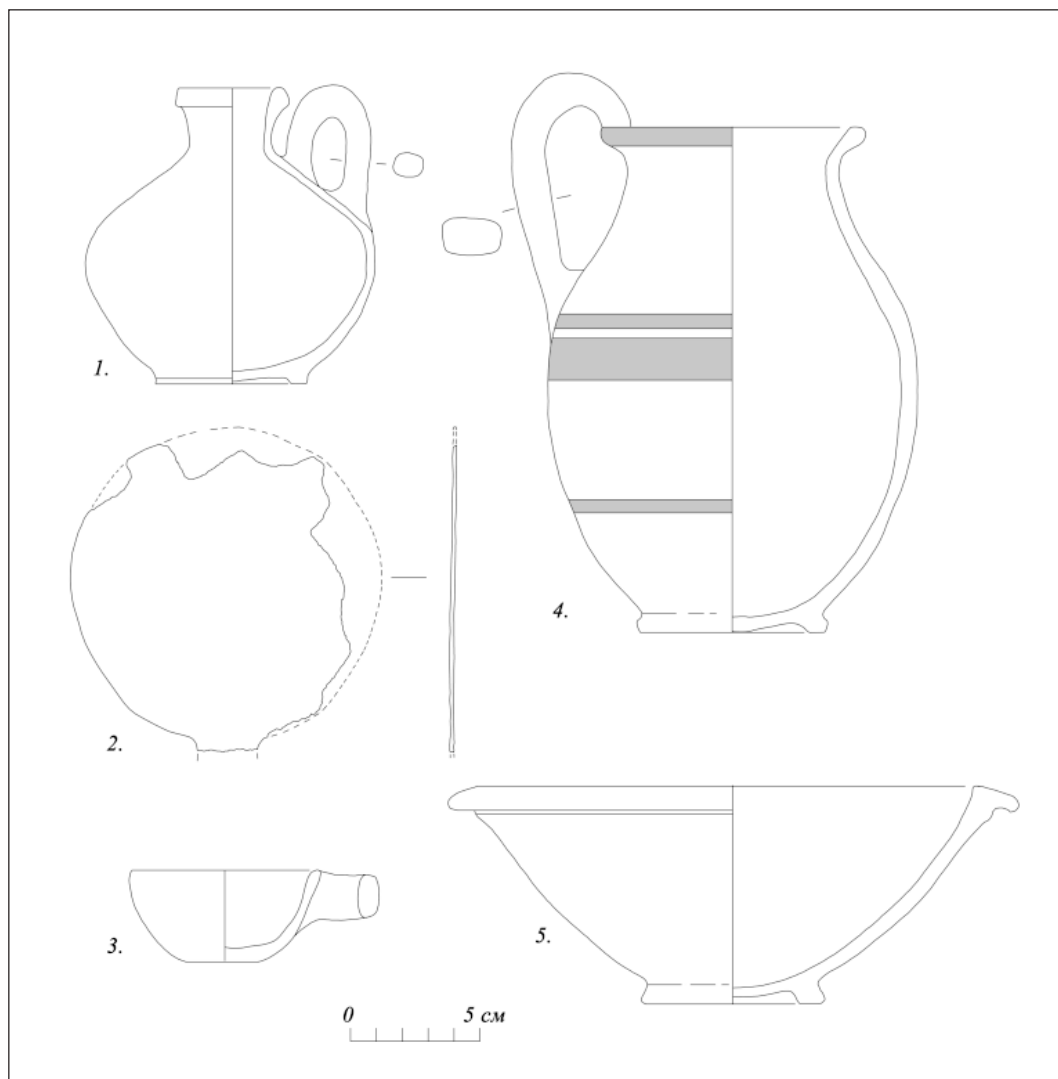

Рис.26. Находки из погребения № 16.

1 - лекиф; 2 - зеркало бронзовое; 3 - мисочка с ручкой; 4 - кувшин; 5 - миска

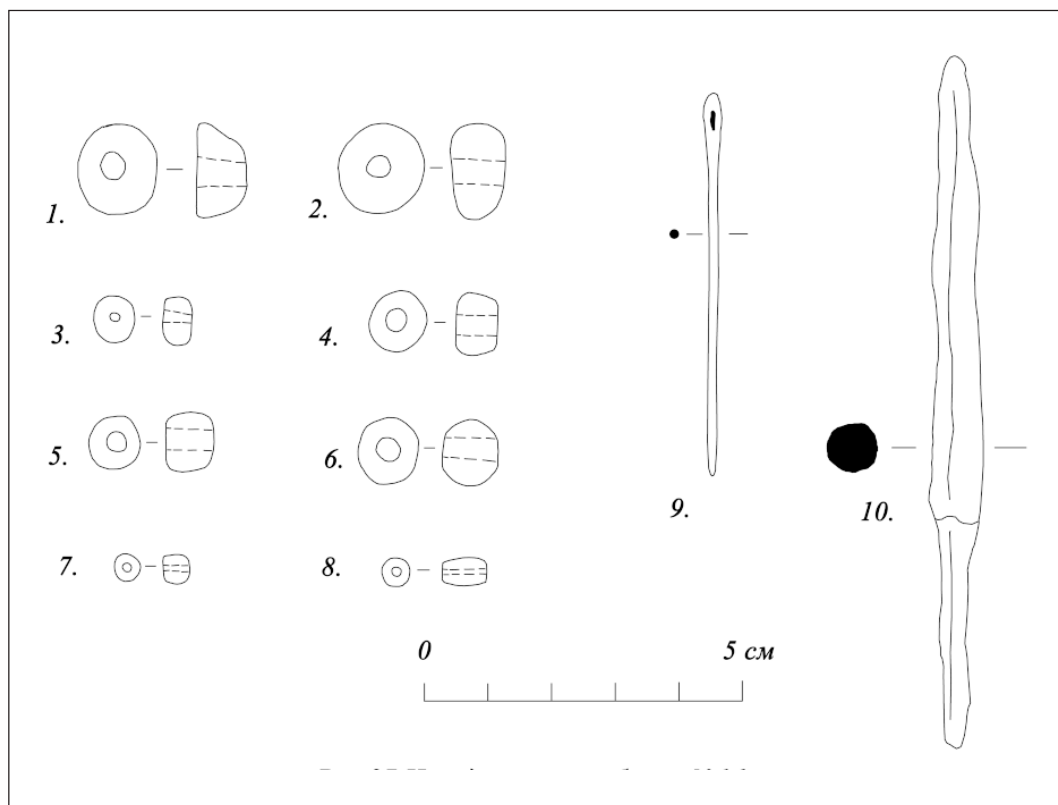

Рис.27. Находки из погребения № 16.

1 - бусина (пряслице?) свинцовая; 2 - бусина постовая; 3,4,5,6 - бусины железные; 7,8 - бусины гагатовые; 9 - игла бронзовая; 10 - шило железное

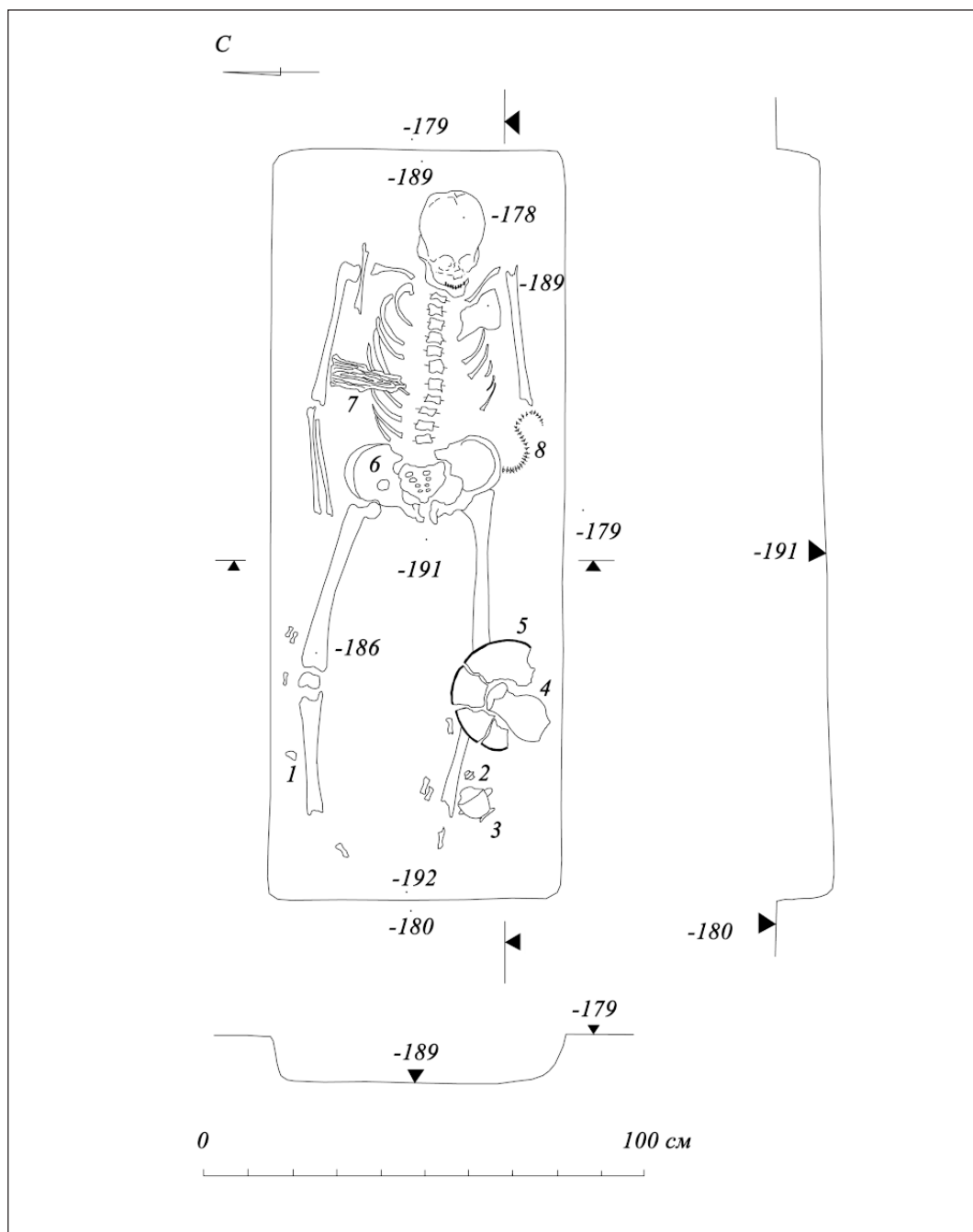

Рис.28. План погребения № 17.

1 - пряслице коническое; 2 - пряслице биконическое; 3 - гидрия миниатюрная; 4 - ойнохоя; 5-миска лепная; 6 - колечко бронзовое; 7 - доска обугленная; 8 - скелет змеи

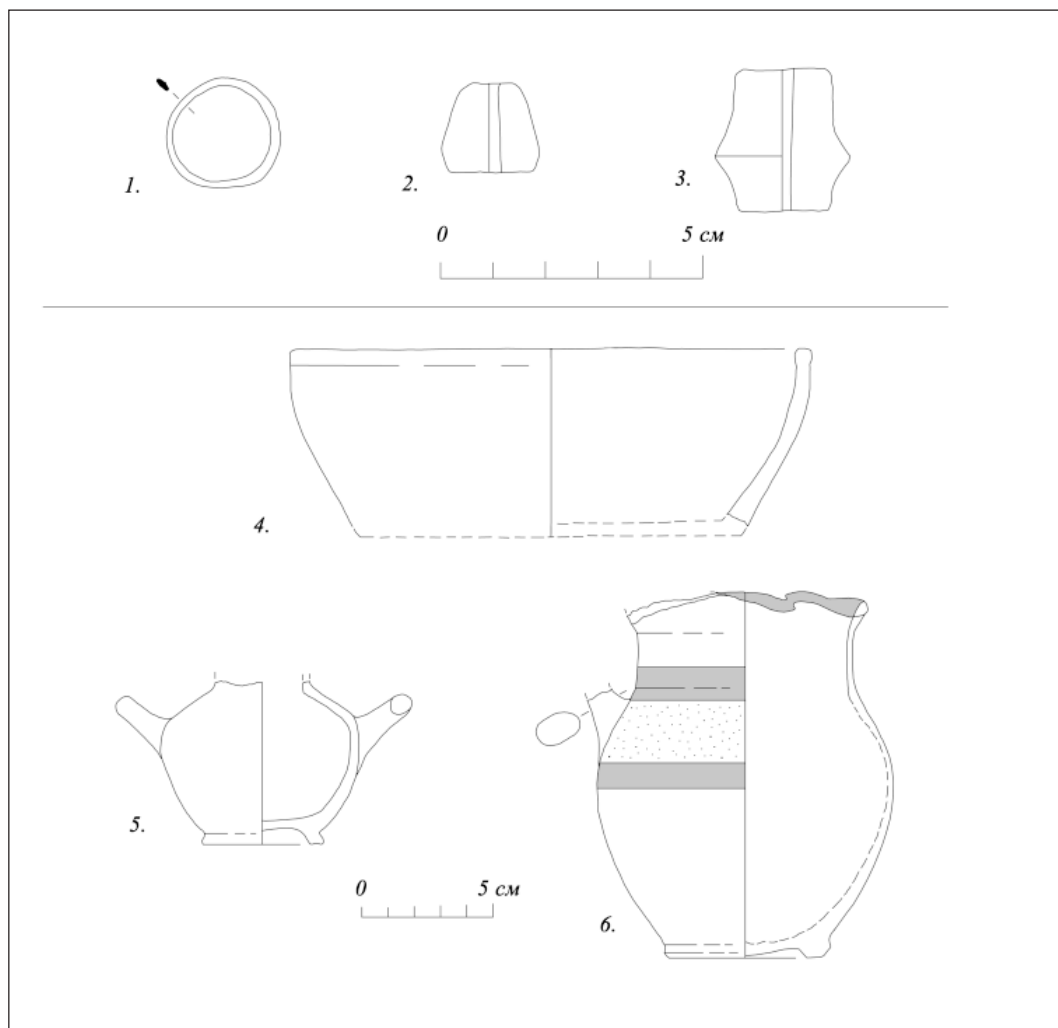

Рис.29. Находки из погребения № 17.

1 - колечко бронзовое; 2,3 - пряслица керамические; 4 - миска лепная; 5 - гидрия миниатюрная; 6 - ойнохоя

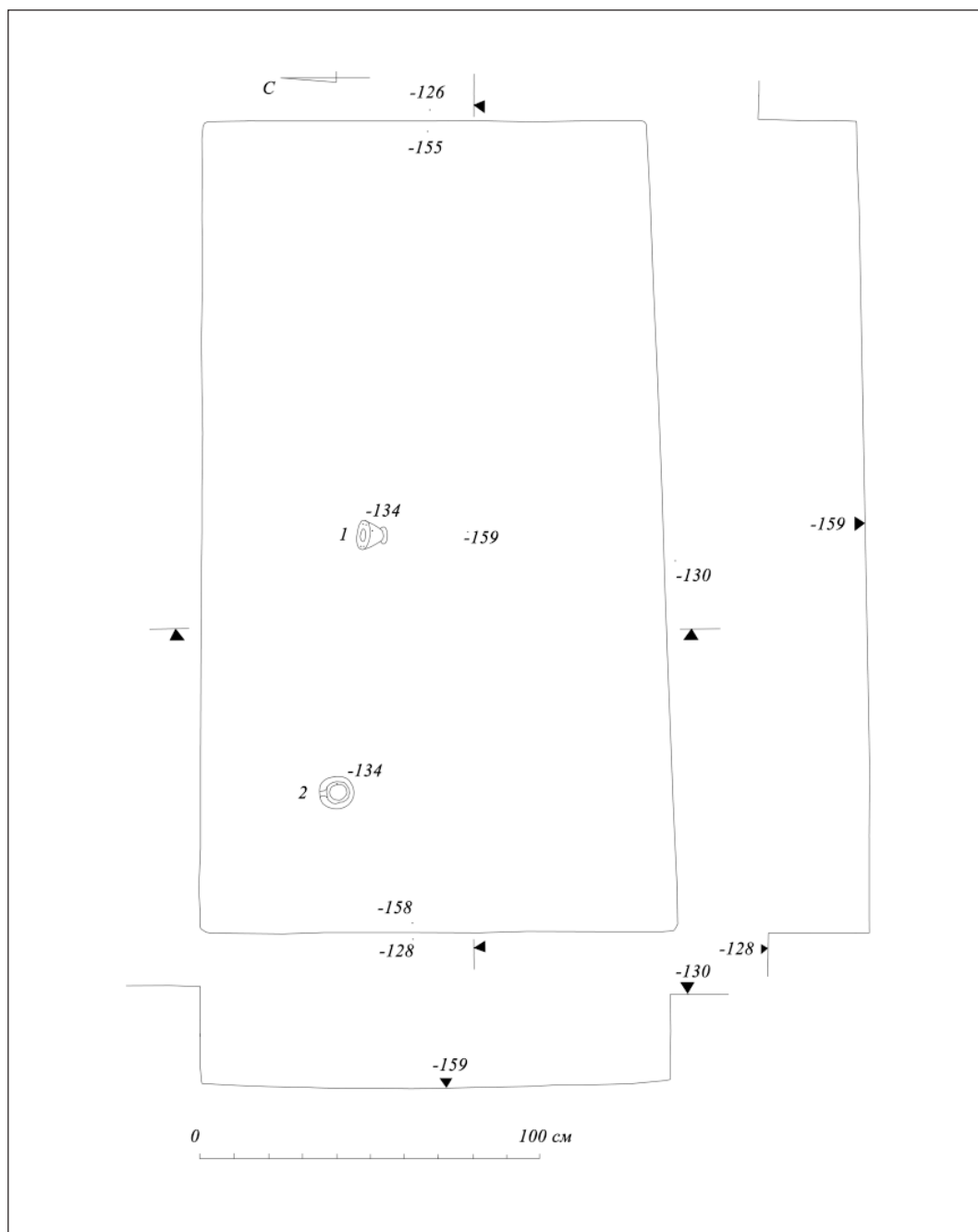

Рис.30. План погребения № 18.
1 - кальпида; 2 - ойнохоя

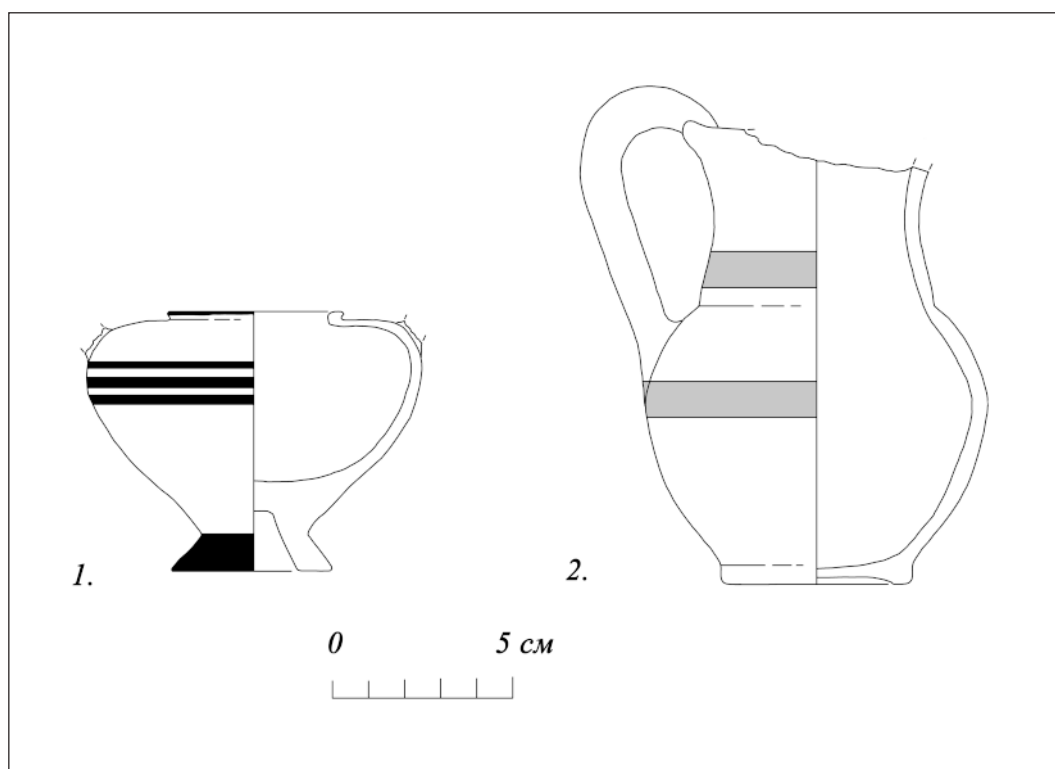

Рис.31. Находки из погребения № 18.

1 - кальпид; 2 - ойнохоя

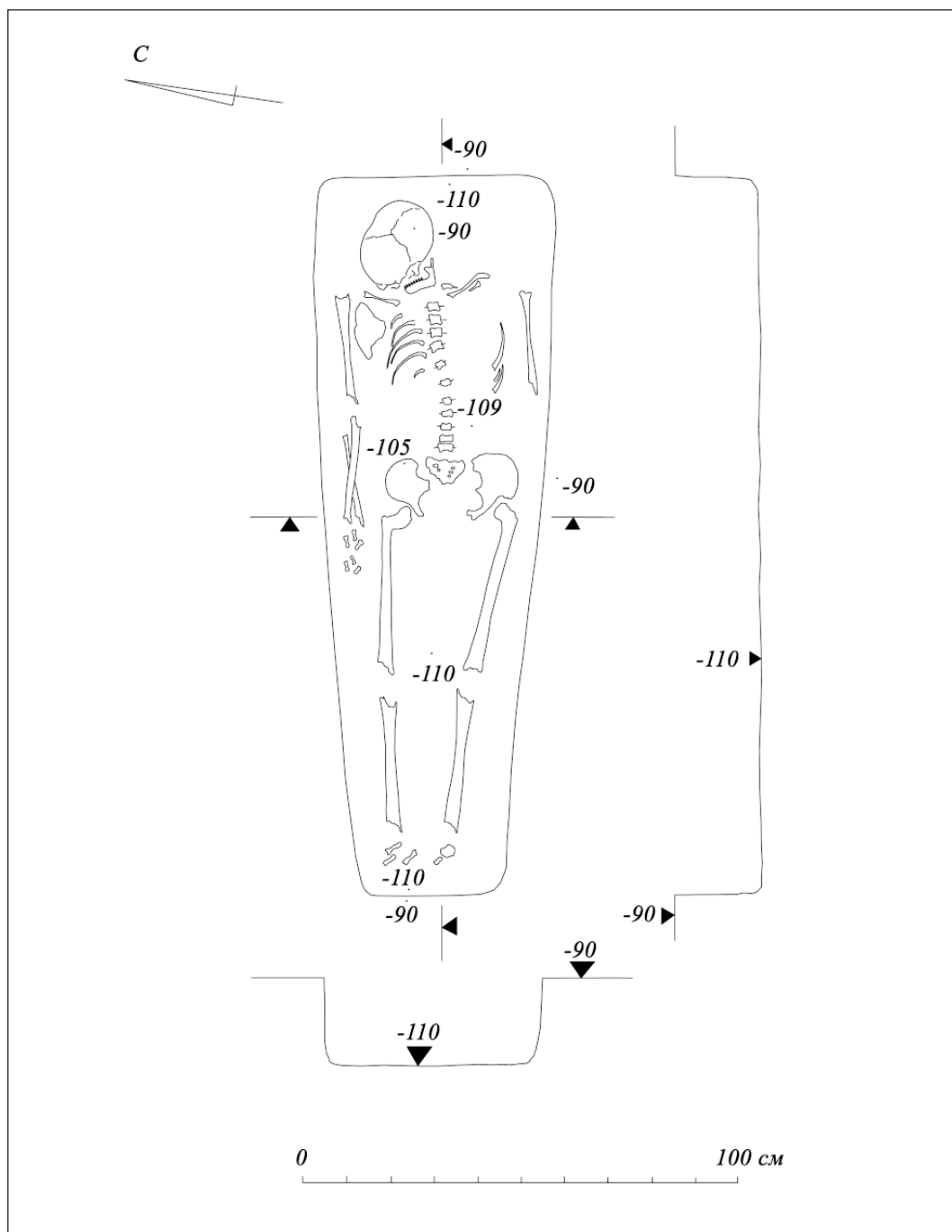

Рис.32. План погребения № 19.

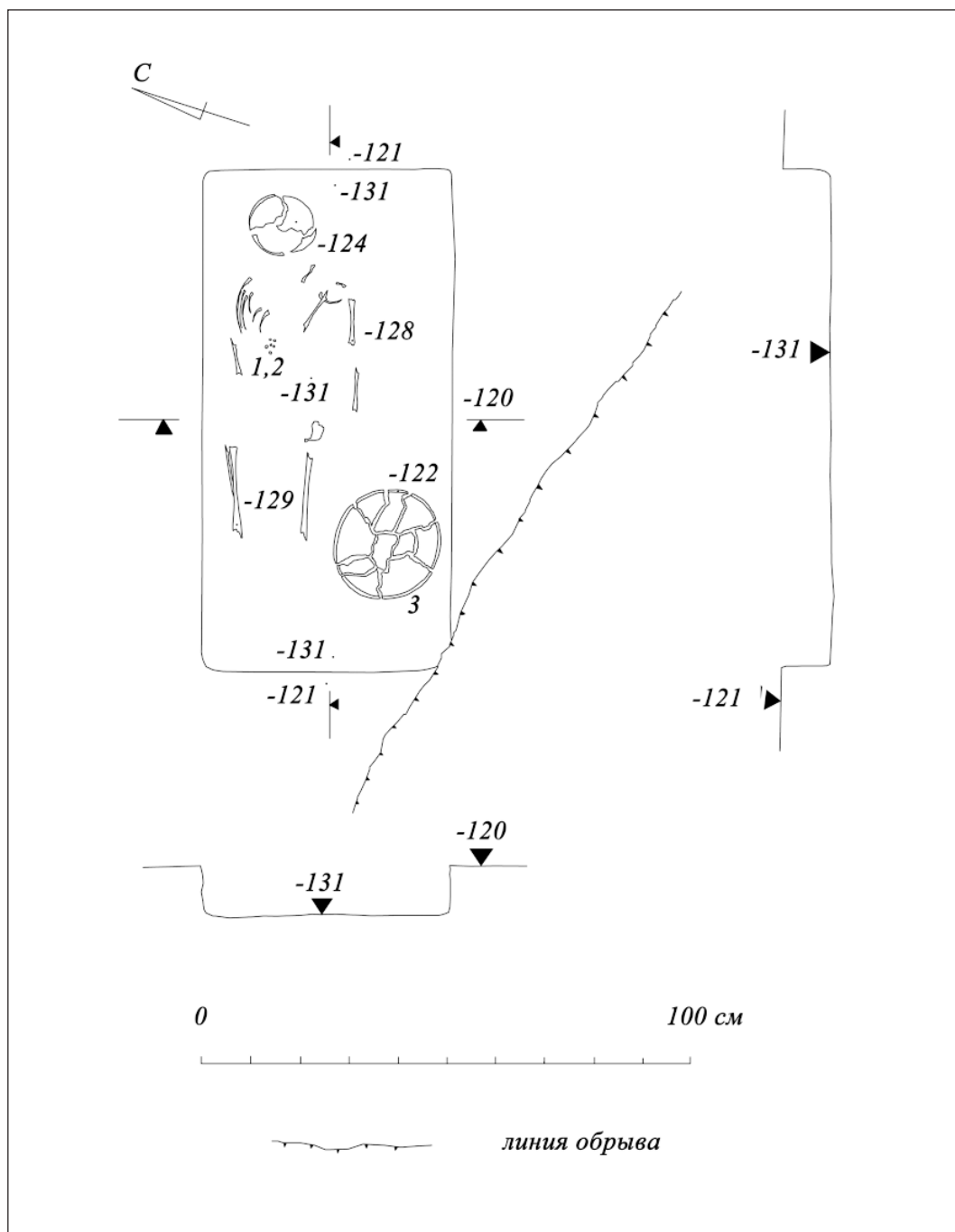

Рис.33. План погребения № 20.

1 - бусины золотые; 2 - бусины серебряные; 3 - миска

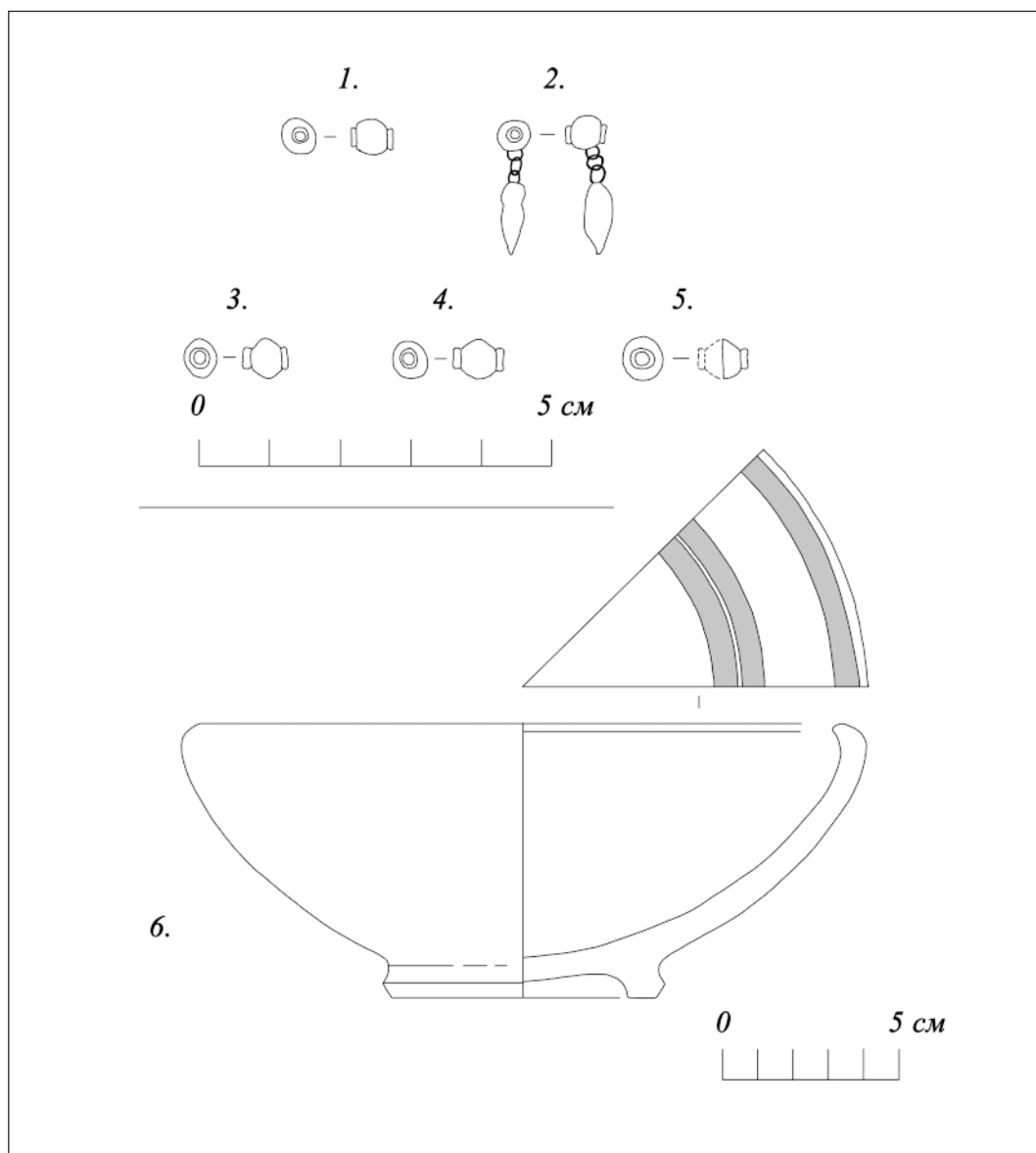

Рис.34. Находки из погребения № 20.

1,2 - бусины золотые; 3,4,5 - бусины серебряные; 6 - миска

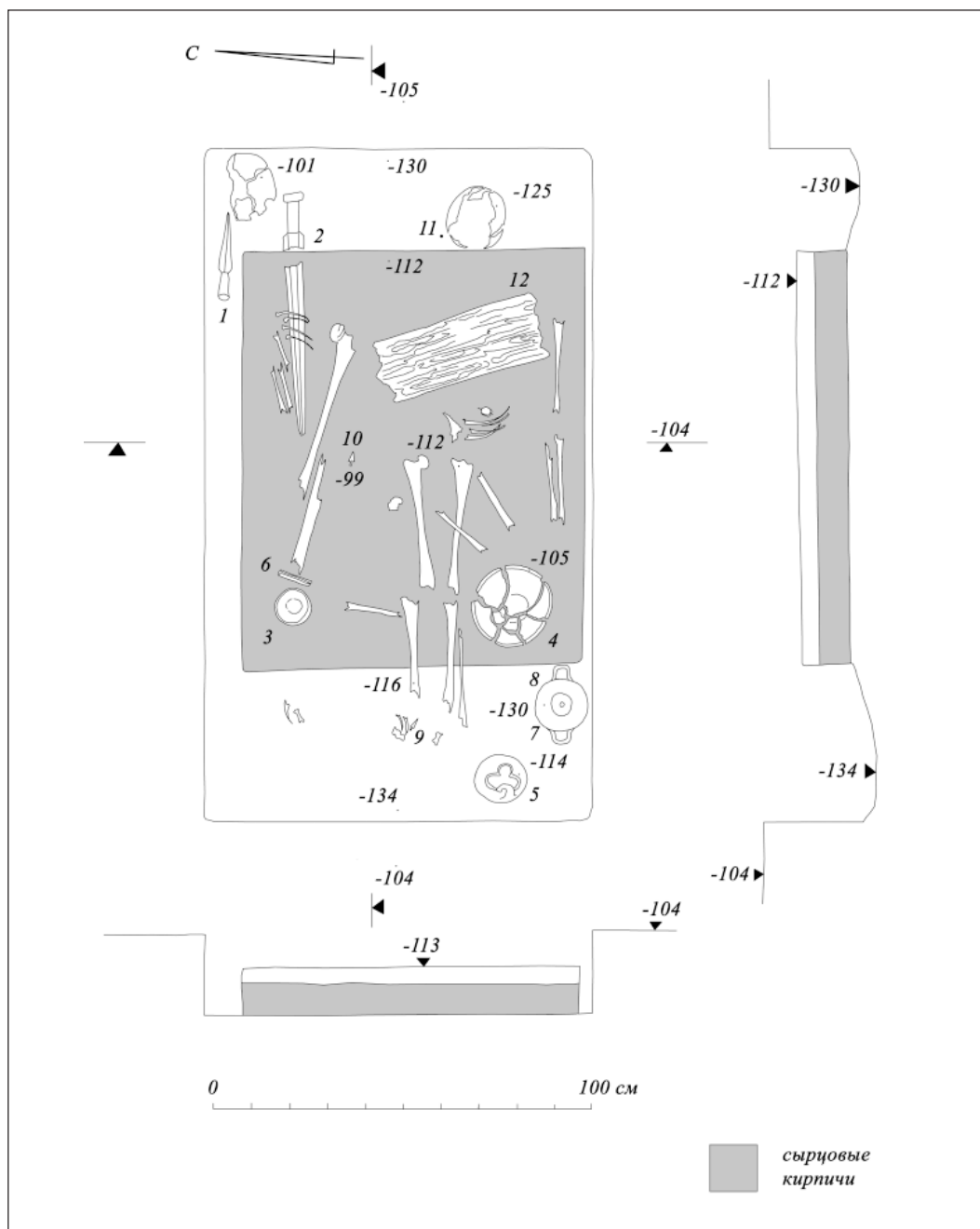

Рис.35. План погребения № 21.

1 - наконечник копья; 2 - меч железный; 3 - тарелочка; 4 - миска; 5 - ойнохоя; 6 - вток копья; 7 - килик черноточный; 8 - пряслице (под киликом); 9 - наконечник стрелы бронзовый; 10 - наконечник стрелы железный; 11 - каури; 12 - фрагмент дерева

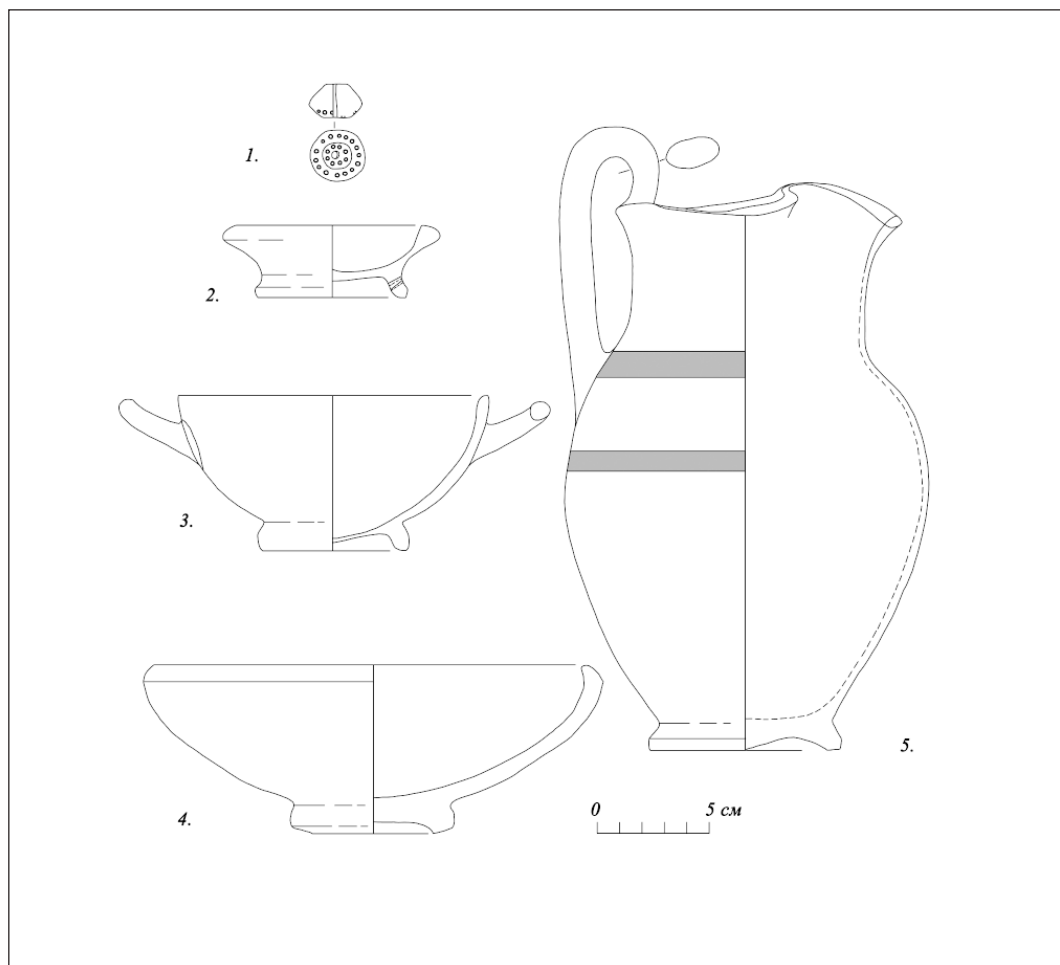

Рис.36. Находки из погребения № 21.

1 - пряслице керамическое; 2 - тарелочка; 3 - килик чернолаковый; 4 - миска; 5 - ойнохоя

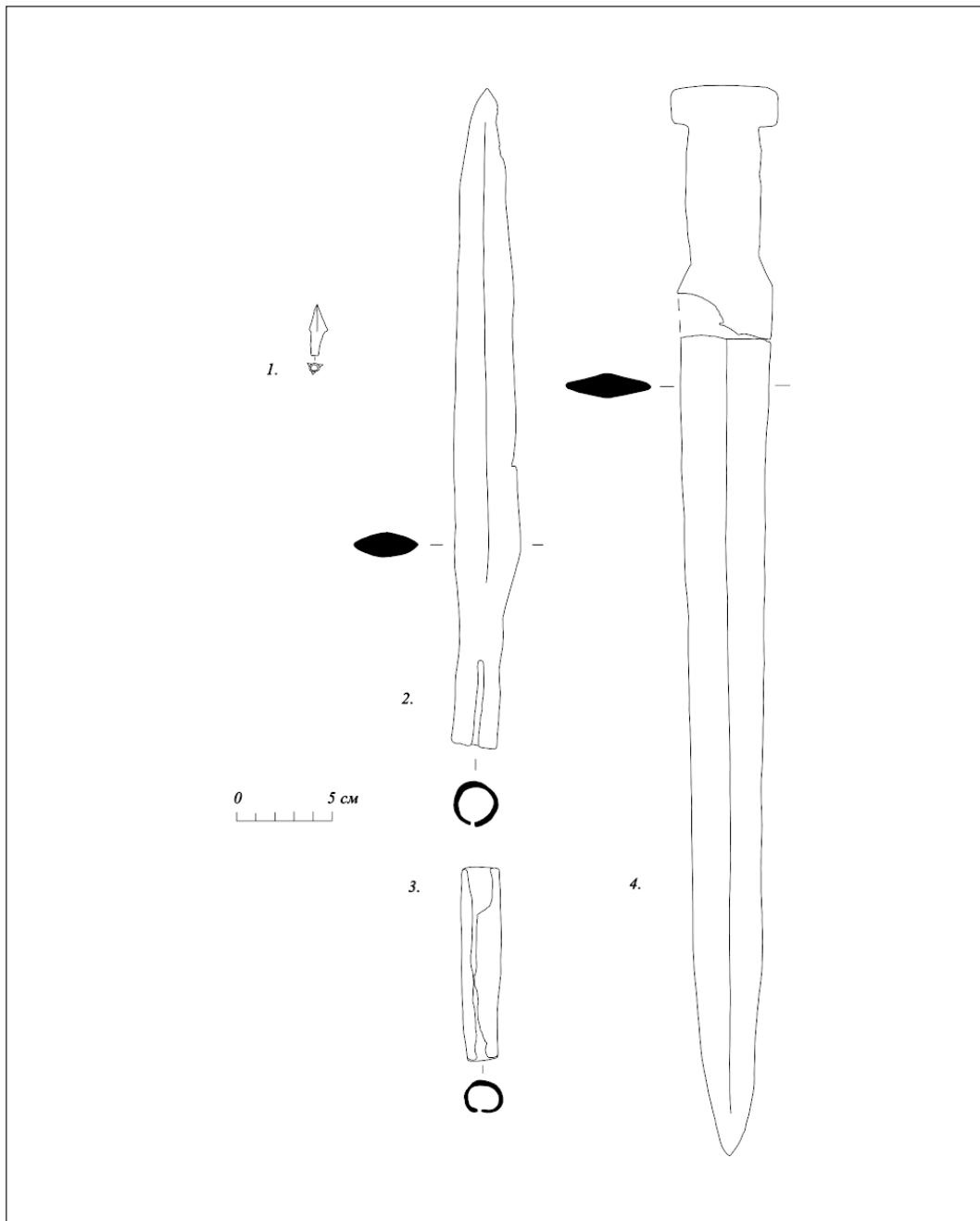

Рис.37. Находки из погребения № 21.

1 - наконечник стрелы; 2 - наконечник копья; 3 - вток копья; 4 - меч (все из железа)

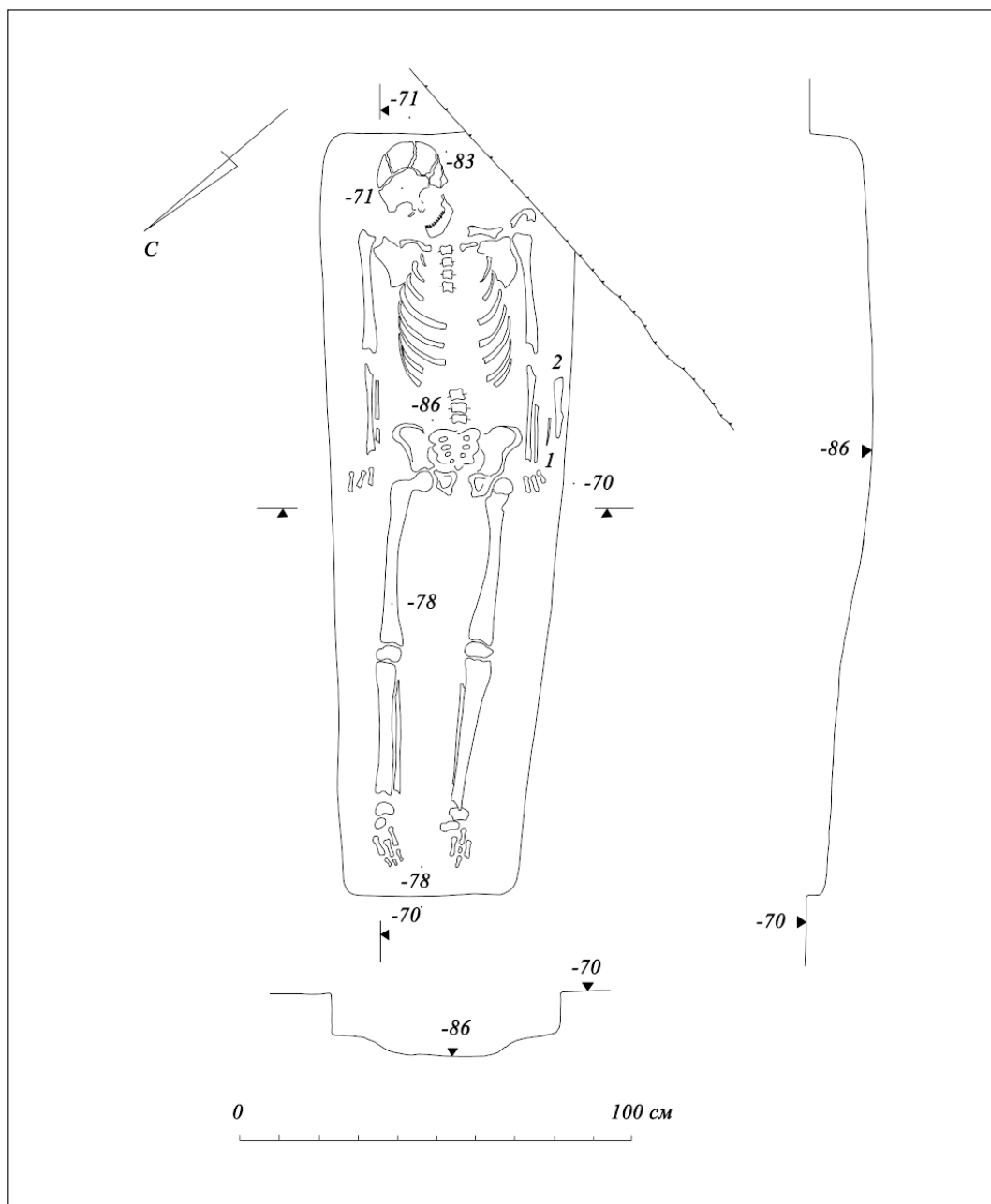

Рис.38. План погребения № 22.

1 - шило железное; 2 - нож железный

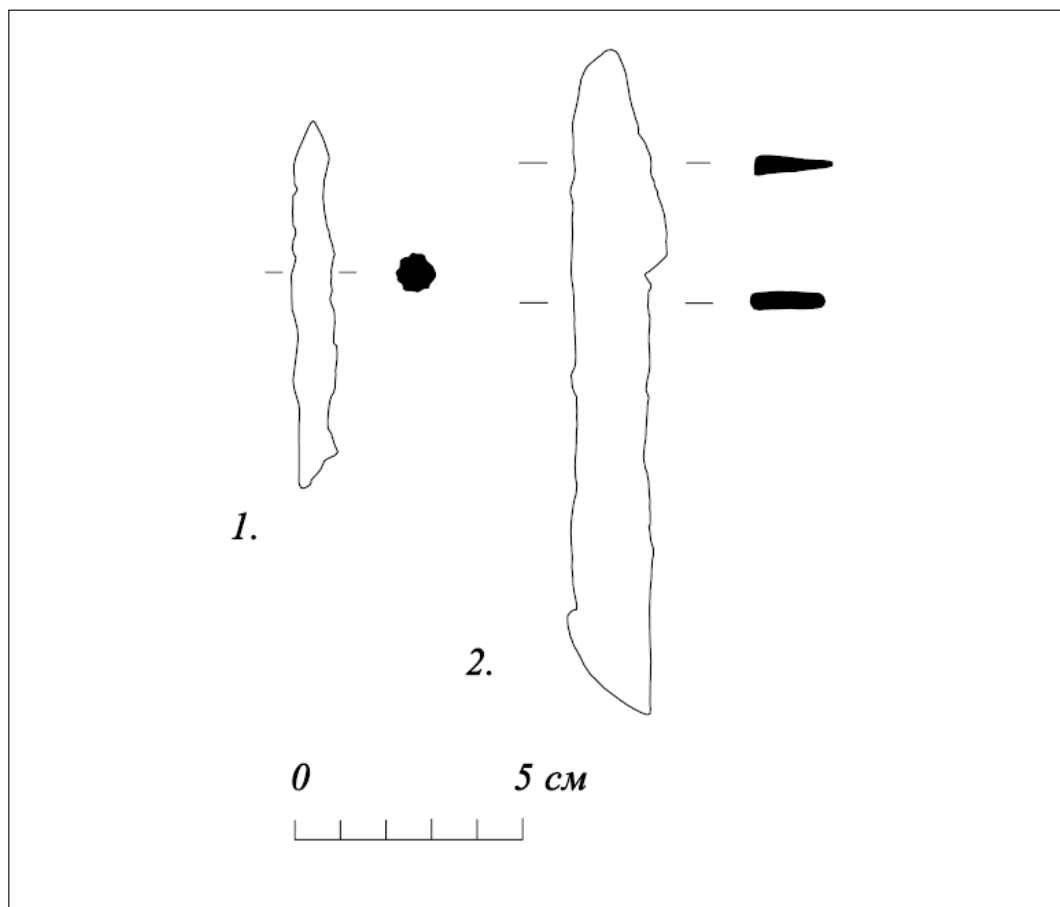

Рис.39. Находки из погребения № 22.
1 - шило железное; 2 - нож железный

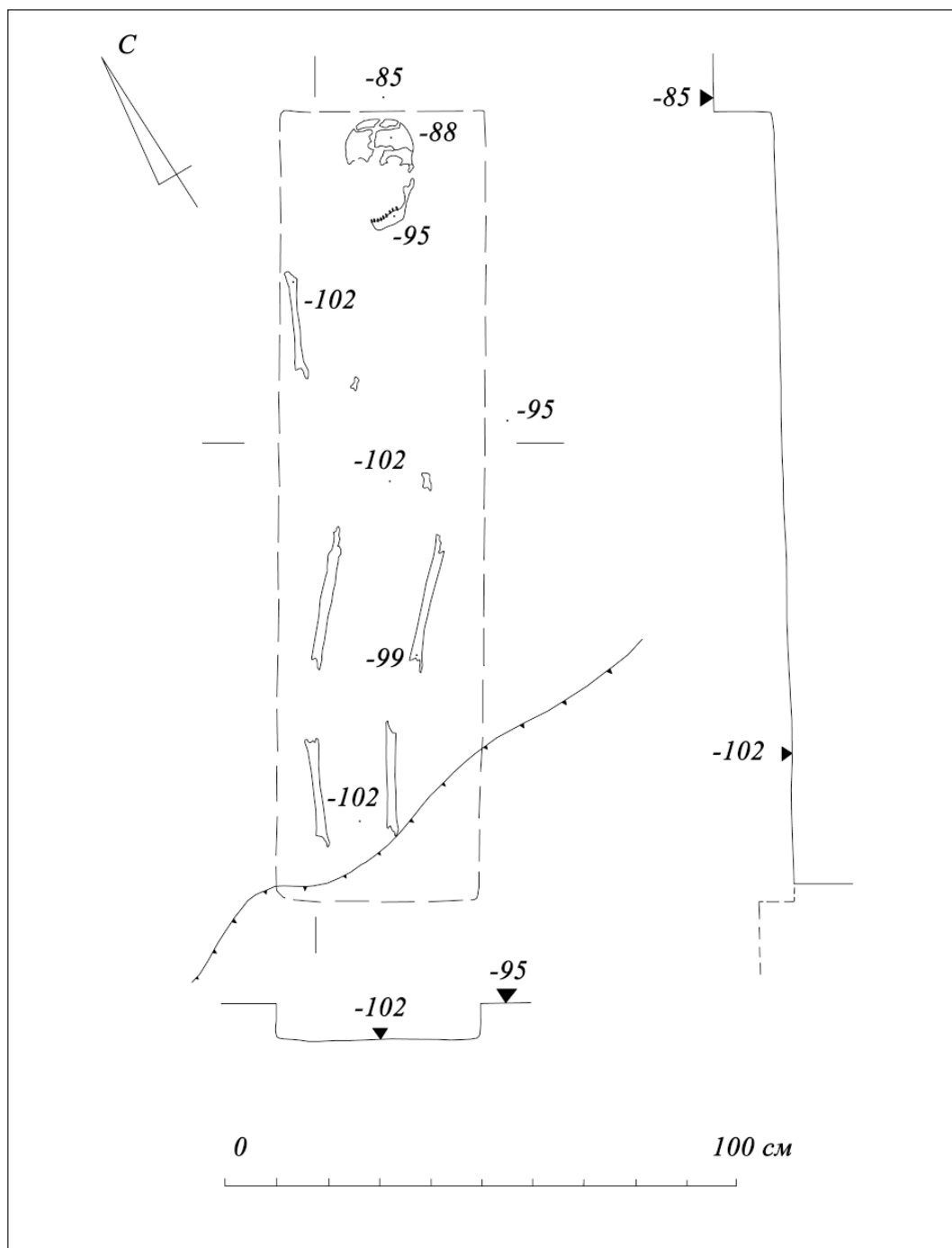

Рис.40. План погребения № 23.

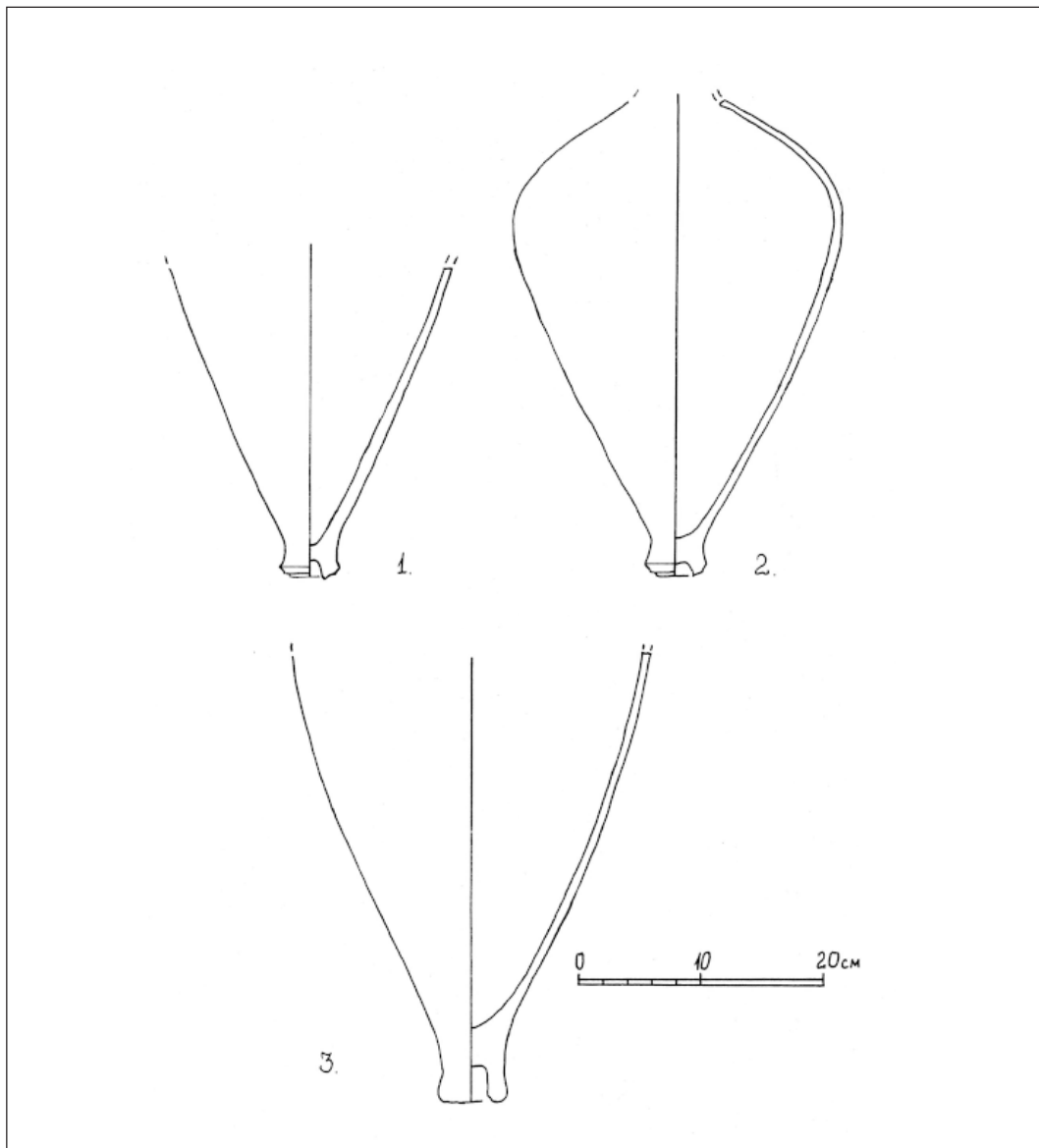

Рис.41. Амфоры из тризн №№ 1 и 2.

1 - амфора 1 из тризны 1; 2 - амфора 2 из тризны 1; 3 - амфора из тризны 2

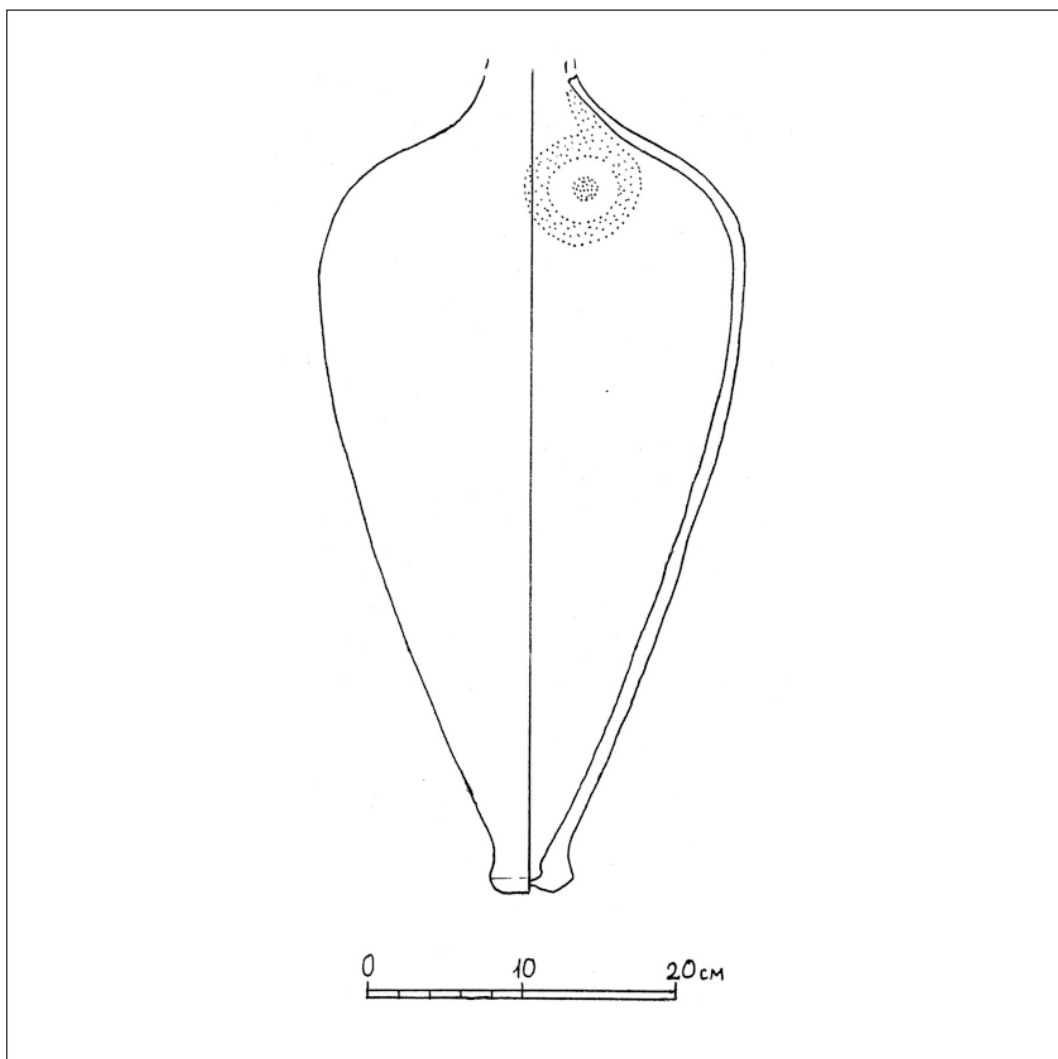

Рис.42. Амфора из тризны № 3.

Р.В. СТОЯНОВ

**ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ВВ. ДО Н.Э.
ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО 1 (1999–2006 гг.).**

Общеизвестно, что керамическая продукция является одним из основных источников, используемых при определении культурной принадлежности жителей древних поселений. Лепная керамика, как наиболее представительная категория находок, относящихся к материальной культуре варварских племен Северного Причерноморья, служит важнейшим индикатором присутствия негреческого населения на античных памятниках, расположенных в зонах греко-варварских взаимодействий. Характер этих взаимоотношений играл решающую роль в формировании своеобразия античной культуры на территории различных областей Северного Причерноморья. Поэтому разработка вопросов классификации и хронологии, а также выделение типов лепной керамики, характерных для отдельных этнических, культурно-исторических и территориальных образований, остается одним из важнейших направлений в современной археологии.

Систематические исследования лепной керамики сельских территорий античных центров Северного Причерноморья проводятся, начиная с 60-х годов прошлого века. Изыскания в этой области посвящены не только публикации новых материалов, но и рассмотрению, систематизации и культурно-исторической атрибуции лепных сосудов. Вместе с тем, наши представления об особенностях этой категории керамики в пределах отдельных регионов напрямую зависят от степени изучения поселений античной хоры в разных частях Северного Причерноморья.

Благодаря многолетним систематическим раскопкам сельских памятников, расположенных в зонах, входивших в круг влияния эллинских центров Северо-Западного Причерноморья, а также Западного и Восточного Крыма, была разработана сравнительная типологическая и этнокультурная стратификация этого материала, а также получена принципиально новая информация, проливающая свет на многие вопросы греко-варварских взаимодействий¹. Процесс изучения сельских поселений Азиатского Боспора все еще

¹ Литература по этому вопросу весьма многочисленна. Среди наиболее важных, на мой взгляд, исследований последнего десятилетия следует упомянуть работы К.К. Марченко (1998), В.Ф. Столбы (2002), С.Г. Колтухова (2004), С.Н. Сенаторова (2005).

находится на начальной стадии накопления информации. До недавнего времени археологические исследования античных памятников этого региона были направлены в основном на изучение сравнительно крупных городищ. Хотя систематические разведки многочисленных античных сельских поселений Тамани и Северного Кавказа были начаты ещё в 50-х годах прошлого века, без планомерных раскопок невозможно было получить убедительной информации о населении, структуре и системе организации этих памятников. Систематические археологические исследования нескольких сельских поселений, расположенных на Таманском полуострове, были предприняты в последнее десятилетие. Следствием этих работ стало не только расширение источниковой базы, но и получение принципиально новой информации, проливающей свет на многие вопросы, касающиеся организации, структуры, хронологии и материальной культуры жителей указанного региона в античное время. Поэтому введение в научный оборот результатов этих исследований имеет первостепенное значение.

Поселение Артющенко 1 расположено в южной части Таманского полуострова. В античное время этот район, составлявший часть древней Синдикки, вероятно, входил в хору Гермонассы. Археологические исследования поселения проводятся с 1998 г. силами Бугазского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством Ю.А. Виноградова². За годы раскопок были получены сведения о свите культурных напластований этого памятника, открыты хозяйственные комплексы и постройки, позволившие сделать общие выводы относительно структуры и предназначения поселения, а также социальном и этническом составе его жителей [Виноградов, 2001а, с. 18].

Прежде чем перейти к рассмотрению лепных сосудов, следует кратко охарактеризовать керамический комплекс поселения рассматриваемого периода³. Для сравнительной характеристики были использованы данные по тринадцати комплексам второй половины III – первой половины II вв. до н.э., открытым в 1999–2004 гг. (табл. I). Слои, открытые во время раскопок Артющенко 1, включали разновременные материалы от конца VI до первой половины II вв.⁴. Исключением являлся только нижний горизонт слоя, относившегося к открытому здесь производственному комплексу, связанному, по мнению Виноградова, с первичной переработкой железной руды. К этому комплексу также относились развалы сырца, водостоки, остатки стен, скопления камней и железной руды, вымостки, четыре хозяйственные ямы и полуземлянка⁵ [Виноградов, 2000, л. 6–10; 2003, л. 15–17; 2004, л. 18, 19–20; 2001а,

² Выражаю благодарность Ю.А. Виноградову за предоставленную возможность изучить и опубликовать представленные в статье материалы.

³ Предварительную публикацию этого материала см. Стоянов, 2007, с. 76–79.

⁴ Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, указываются до н.э.

⁵ Номера ям (в скобках указан год раскопок): 1 (1999), 16 (2000), 23 (2001), 31 (2003).

с. 19]. Кроме этого, ко второй половине III – первой половине II вв. относится комплекс т.н. «святилища», в состав которого входили яма 27, землянка VIII с двумя коридорами, один из которых соединялся с ямой 33 [Виноградов, 2002, л. 11–13; 2003, л. 9–15]. На культовый характер этого комплекса, по мнению исследователя, указывало наличие здесь целых и фрагментированных терракотовых статуэток, а также своеобразие устройства и характера заполнения этих сооружений [Виноградов, 2003, л. 9; 2005, л. 7]. Оба этих комплекса, вероятно, были связаны друг с другом. В пользу этого свидетельствовали одновременность их существования и относительная близость расположения. Хронология указанных комплексов основывалась на сравнительно хорошо разработанных датировках амфорных клейм, монет и различных типов античной гончарной керамики.

От 60 до 90% от общей численности керамики, найденной при исследовании этих объектов (за исключением землянки VIII, об этом см. ниже), была представлена обломками тарных амфор. Заметим, что подобный показатель типичен для сельских поселений рассматриваемого периода, расположенных в различных частях Северного Причерноморья [например: Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 127 сл.; Соловьев, Шепко, 2006, с. 14; Ахмадеева, 2005, с. 91; 2006, с. 74]. При определении процентных показателей, характеризующих удельный вес лепной керамики в комплексах Артющенко 1 в расчет принимались только группы столовых и кухонных сосудов, входивших в повседневный обиход жителей поселения. Подобная методика, традиционно применяющаяся в отечественной археологии, представляется вполне оправданной [Виноградов, 2006, с. 69–70, прим.]. В зависимости от показателей лепной керамики, интересующие нас материалы можно условно распределить на три группы (табл. 1). В первую группу входят комплексы более 40% от общей численности керамических находок, в которых составляли обломки лепных сосудов. Группа включает слой и яму, связанные с производственным комплексом, а также землянку VIII, относившуюся к т.н. «святилищу». Как отмечалось в отчете, обломки тарных амфор, обнаруженные при исследовании этой землянки, составили только 25,5% от общего числа керамических находок, среди которых преобладали фрагменты лепных сосудов [Виноградов, 2003, л. 13]. Вторую группу составили объекты с показателем удельного веса лепных сосудов от 10 до 20% от общего количества столовой и кухонной керамики. Развалы камня и вымостки, менее 10% керамического комплекса которых приходится на обломки лепных сосудов, были отнесены к третьей группе. Показатель численности лепных сосудов в последней группе можно считать условным, поскольку керамические находки из этих комплексов имели вторичный характер и не отражали реальной картины присутствия той или иной группы керамики на поселении.

Таким образом, следует констатировать, что удельный вес лепной посуды в керамическом комплексе Артющенко 1 второй половины III – первой

половины II вв. был довольно высоким и составлял в среднем более 20%. Сопоставление этих данных с аналогичными показателями, полученными при исследовании синхронных памятников в других районах Северного Причерноморья, весьма показательно. Удельный вес лепной посуды в слоях Ольвии второй половины III – первой половины II вв. составлял от 5 до 10% [Марченко, 1975, с. 70; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 128]. В то же время процент лепной керамики в комплексах этого времени, открытых на поселении Волна I, вероятно, как и Артюшенко 1, входившем в сельскую округу Гермонассы, составлял более 20% [Ахмадеева, 2005, табл. 1], что служит дополнительным свидетельством близости характера этих поселений, уже отмечавшейся в литературе [Виноградов, 2006а., с. 75].

Табл. 1.

**Комплексы второй половины III – первой половины II вв.,
содержавшие лепную керамику.**

Год раскопок	объект	Количество лепных сосудов в комплексе		Процентный показатель количества фрагментов лепных сосудов по отношению к другим группам керамики ⁶
		фрагменты	условно целые сосуды ⁷	
1999	слой, связанный с производственным комплексом	121	5	49,7%
1999	скопление камня с железной рудой	4	1	8,5%
1999	развал камня	1	1	3,3%
2000	яма 16	1	1	10%
2001	яма 23	7	1	46,6%
2002	яма 27	3	1	3,2%
2002/2003	Землянка VIII и коридоры	201	4	47,6%
2003	яма 33	52	5	19,69%

⁶ Без учета тарных амфор, строительной и хозяйственной керамики.

⁷ Общее количество условно целых сосудов было установлено на основании количественных показателей восстановленных по фрагментам диаметров венцов и доньев. В тех случаях, когда были найдены только стенки, количество условно целых сосудов считалось равным одному.

2004	сероглиняный слой	14	3	11,9%
	вымостка	12	1	2,3%
	полуземлянка X	5	1	15,1%
2005	вымостка	1	1	2,2%
2006	разборка комплекса по переработке железной руды	131	5	7,8%

В общей сложности при исследовании структур второй половины III – первой половины II вв. на поселении Артющенко было найдено 553 обломка лепной керамики (около 30 условно целых сосудов), большую часть из которых составили фрагменты горшков. Цвет глины у отдельных фрагментов варьировался от светло-серого и бурого до черного. В качестве отощителей были использованы песок, ракушка, дресва и шамот. Классификация лепной керамики была произведена по традиционной схеме, основывающейся на визуально фиксируемых различиях и особенностях морфологии и орнаментации отдельных сосудов. Существенным препятствием для создания полноценной классификации стала значительная фрагментированность находок.

Массив лепной посуды Артющенко I, относящейся к рассматриваемому времени, может быть разделен на две группы. Первую группу составили сосуды закрытого типа, представленные горшками, а вторую – сосуды открытого типа, к которым относились миски. Сосуды первой группы составили более 90% массива лепной посуды поселения.

Все горшки были представлены плоскодонными формами с округло-выгнутыми, выпуклыми плечами. Группа распределяется на три типа, внутри которых, в зависимости от морфологических особенностей, выделяются отдельные варианты.

К I типу (рис. 1) относятся сосуды с отогнутыми наружу или прямыми заостренными, скругленными или обточенными краями. Все сосуды этого типа имели слегка шероховатую, не лощеную поверхность. Степень отгиба краев, а следовательно, и вид кривой профиля, образованной краем и плечом отдельных горшков, существенно варьировались. В рамках этого типа можно выделить несколько вариантов. К первому относятся горшки с отогнутым в виде раструба, слегка выгнутым (рис. 1. 2) или прямым горлом с четким переходом к плечам (рис. 1. 1,4-5). Второй вариант представлен фрагментом горшка с округлым в сечении, валикообразным краем и коротким, дуговидным в сечении горлом (рис. 1. 3). К третьему варианту относятся горшки с прямым или слегка выгнутым вертикальным скругленным или срезанным краем и четким переходом к плечам (рис. 1. 7-8). Заметим, что на всех сосудах этого типа отсутствовала орнаментация. Горшки подобного типа были, пожалуй,

самыми распространенными в Северном Причерноморье на протяжении античного времени. Ближайшие аналогии сосудам из Артющенко 1 дают материалы поселений скифского времени, располагавшихся на обширном пространстве между Бугом и Доном, а также в степных и предгорных районах Крыма [Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 136 сл.; Stolba, 2002, p. 183–185, types 1–4; Колтухов, 2004, с. 89 сл.]. Горшки первого и второго вариантов этого типа сопоставимы с I типом лепной керамики Березани и Ольвии по классификации К.К. Марченко [Марченко, 1988, с. 76–77]. Подобная форма горшков обычна для материальной культуры не только скифских, но и сарматских племен IV–II вв. [ср. Шилов, 1959, тип. II, рис. 45: 1–5]. В некрополе Танаиса лепные горшки, близкие к третьему варианту первого типа, были найдены в комплексах первых веков н.э. Издатели отмечали, что подобная профилировка верхних частей сосудов была типичной для сарматской керамики [Шилов, 1959, рис. 64. 5, 13; Арсеньева, 1969, с. 196 сл., табл. XI. 8, 11].

Отличительным признаком горшков II типа стало отсутствие выделенного горла (рис. 2). Все горшки этого типа имели плоскодонные тулова боченовидной формы. Отдельные сосуды были орнаментированы прямыми или косыми поперечными желобками по верхней части тулова или краю (рис. 1, 2, 5). Подобная орнаментация была характерна для сарматской лепной керамики, относящейся к рассматриваемому периоду [ср. Шилов, 1959, с. 443, тип I]. Профилировка и изгиб краёв сосудов позволяют выделить в рамках этого типа два варианта. К первому относятся горшки с косо срезанным или скругленным краем и выгнутыми стенками (рис. 2. 1, 2, 4). Ко второму – сосуды с практически прямыми (рис. 2. 3) или имевшими небольшой изгиб (рис. 2. 5) стенками. Горшки аналогичной формы были отнесены Т.М. Арсеньевой к типу XXXIII. Они составили около 30% лепной керамики III–I вв., найденной в Танаисе [Арсеньева, с. 181–182]. Второй вариант горшков в целом сопоставим с типом IV, выделенным по материалам Елизаветовского городища [Марченко, Житников, Копылов, 2006, с. 144 сл.]. Подобные горшки обычно связываются с материальной культурой меотских племен Прикубанья и Тамани [ср. Анфимов, 1951, с. 165; Рогов, Кошаев, Фарназир, 2005, с. 196; Виноградов, 2006, с. 72]. Появление таких сосудов в Подонье связывается с вероятным расселением здесь некоторого количества выходцев из меотских племен [Марченко, 1972, с. 125; Марченко, Житников, Копылов, 2006, с. 146; Виноградов, ук. соч.]. Хронология горшков II типа охватывает интервал от периода архаики до римского времени [Лимберис, Марченко, 2001, с. 86, 88, 90, 95; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 102, кат. 102, с. 116, кат. 175, 178].

Следующий III тип горшков представлен двенадцатью фрагментами венцов и двумя доньями тонкостенных сосудов с довольно необычным профилем верхней части, образованным широким, отогнутым в виде раструба и выгнутым горлом с округлым краем и выраженным переходом к плечам (рис. 3). Все фрагменты, за исключением одного (рис. 3. 9), имели профилировку в виде

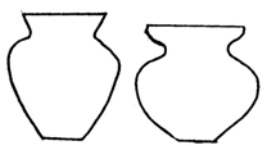
рельефного желобка по краю. В отличие от двух других типов лепных сосудов поселения, они были доработаны с использованием гончарного круга. Глина фрагментов плотная, бурого или серого цвета с песком, шамотом и ракушками. Круг аналогий подобной форме не велик. Схожую профилировку имеют верхние части культовых металлических кубков с утолщенными венчиками, которые известны по материалам скифских курганов IV в. [например: Королькова, 2003, рис. 8]. Близка к подобной форме также и профилировка верхних частей горшков III–I вв., считавшихся подражанием гончарным кастрюлям [Арсеньева, 1969, с. 202, табл. I: 8–10]. Профилировка верхних частей является основным отличием горшков этого типа от лепных кастрюль, с которыми они имеют несомненное сходство.⁸ В пользу этого свидетельствуют их размеры и наличие рельефных углублений по краю, вероятно, имитировавших упоры крышек гончарных кастрюль. Лепные кастрюли довольно хорошо известны по материалам северопричерноморских памятников античного времени [Кастанаян, 1981, с. 141–141, табл. III. 7; IV. 6; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 146; Stolba, 2002, type 8]. Производство этих сосудов, имитировавших одну из наиболее распространенных форм кухонной кружальной керамики, охватывает широкий хронологический интервал от поздней архаики до римского времени. Время наибольшего распространения таких сосудов в Нижнем Побужье приходится на III–II вв. [Марченко, 1988, с. 87, тип 4].

Вторую группу лепной керамики поселения Артюшенко 1, включавшую сосуды открытого типа, составили обломки краев мисок, изготовленные из разной по цвету и составу глины (рис. 4). Первый фрагмент принадлежал буроглиняной миске с шамотом и ракушкой (рис. 4. 1), второй – миске из глины черного цвета с добавлением песка (рис. 4. 2), а третий – из плотной серой глины с добавлением ракушки (рис. 4. 3). Подобные миски были одной из наиболее распространенных групп лепной керамики в степной зоне Северного Причерноморья. Они известны на скифских памятниках Поднепровья, в Ольвии, на греческих и варварских поселениях Северо-Западного Крыма и Подонья [Пузикова, 1969, рис. 10. 1–9, 15–19; Марченко, 1988, с. 95–97, тип. 16; Гаврилюк, 1989, с. 58, рис. 17. 7–13; Stolba, 2002, type 9]. Подобные миски относятся к Типу 16А, выделенному Марченко по материалам Березани и Ольвии [Марченко. *Ук. Соч.*, с. 97, рис. 27]. Несмотря на схожесть с греческой кружальной посудой, лепные миски, по всей видимости, являются самостоятельной формой, возникшей в варварской среде. Вместе с тем, нельзя исключать, что отдельные формы, встречающиеся на сельских поселениях контактных зон, могли копировать гончарные образцы. Подобным примером среди материалов поселения, возможно, являлся фрагмент миски с трапецевидным, резко загнутым внутрь краем (рис. 4. 2–3).

⁸ Форма горшков показалась Виноградову настолько необычной, что в археологическом отчете он именовал их «вазами» [Виноградов, 2003, л. 14].

Подводя итоги обзору лепной керамики Артющенко 1 второй половины III – первой половины II вв., следует еще раз подчеркнуть, что несмотря на то, что на поселении и не было зафиксировано следов керамического производства (которые, учитывая характер этого ремесла и особенности памятника, могли не сохраниться), сомнений в том, что подобные сосуды были местной продукцией, нет. Несмотря на сильную фрагментированность керамики и сравнительную малочисленность коллекции, она демонстрирует вариативность типов (табл. 2).

Табл. 2. Распределение типов лепной керамики по комплексам⁹.

Год раскопок	Комплекс	Типы лепных сосудов
1999	слой, связанный с производственным комплексом	
2002/2003	Землянка VIII и коридоры	
2003	яма 33	
2004	сероглиняный слой	
	вымостка	

Как указывалось выше, форма отдельных типов сосудов находит близкие аналогии среди керамики сарматов и земледельческих племен Подонья и Прикубанья. Довольно высокий процент лепной керамики в комплексах поселения позволяет считать, что во второй половине III – первой половине II вв.,

⁹ При составлении таблицы были учтены только комплексы, содержавшие профильные части лепных сосудов.

как и в предшествующее время, основное население здесь было варварским [ср. Виноградов, 2001, с. 19]. При этом наличие в коллекции сосудов, характерных для сарматских племен, позволяет сделать вывод о некотором изменении этнического состава жителей поселения, которое выразилось в присутствии среди его жителей представителей этих племен.

Нельзя не отметить и то, что удельный вес лепной керамики в комплексах второй половины III – первой половины II вв. был почти вдвое ниже, чем аналогичный показатель, относящийся к последней трети VI – первой четверти V вв. [ср. Виноградов, 2006, с. 69–70]. Вероятно, одной из причин этого стало развитие в III в. местного керамического производства на Боспоре и, как следствие, увеличение количества более дешевой кружальной керамики на сельских поселениях региона.

Существенным отличием рассмотренных в этой статье материалов от лепной керамики поселения последней трети VI – первой четверти V вв. является наличие сосудов, формы которых копируют греческую гончарную керамику. Характеризуя это поселение, Виноградов отметил, что оно, по всей вероятности, было включено в систему греческого экономического и политического влияния [Виноградов, 2006, с. 75]. Наличие лепных сосудов, имитирующих греческую гончарную керамику, убедительно указывает на сравнительно высокую степень эллинизации жителей поселения в рассматриваемый период. Об этом же свидетельствуют находки терракотовых статуэток и монет.

После потрясений первой половины III в., вторая половина столетия – первая половина II вв. были на Боспоре Киммерийском временем относительной политической стабильности, сопровождавшейся расцветом экономической жизни, обусловленным сохранением традиций союзнических отношений греческих центров с варварскими племенами Подонья и Прикубанья [Виноградов, 2006а, с. 41]. В этот период изменяется не только этнический состав жителей Артющенко 1, но и основной характер их деятельности. На смену земледелию приходит первичная переработка железной руды. Очевидно, что изменение облика поселения явилось следствием коренных перемен, произошедших на Азиатском Боспоре в связи с миграциями сарматских племен в первой половине III в. Подобная картина наглядно иллюстрирует своеобразие системы греко-варварских взаимоотношений, сложившихся в эллинистический период в этой части Северного Причерноморья.

Р.В. Стоянов

ЛІПНА КЕРАМІКА ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ III –
ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ II СТ. ДО Н. Е.
З РОЗКОПІВ ПОСЕЛЕННЯ АРТЮЩЕНКО I (1999 – 2006 рр.)

Резюме

Ця стаття присвячена класифікації та історичній інтерпретації колекції ліпної кераміки другої половини III – першої половини II ст. до н. е., яка чинилася з розкопів поселення Артющенко I, які проводились у 1999 – 2006 рр. (табл. 1 – 2). Ця класифікація засновується на різницях у формі та декорі наведених посудин.

Масив ліпного посуду Артющенко I, який відноситься до розглядаемого часу, може бути розділений на дві групи. Першу групу складають посудини закритого типу, наведених горщиками, які розподілені на три типи в залежності від форми вінців (мал. 1 – 3). Другу групу складають уламки країв мисок, вироблених з різної по кольору глини (мал. 4). Наведені посудини є місцевою керамічною продукцією, форми якої знаходять близькі аналогії серед керамічних сарматів хліборобних племен Подоння та Прикубанья.

Р.В. Стоянов

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ВВ. ДО Н.Э.
ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I (1999–2006 гг.).

Резюме

Настоящая статья посвящена классификации и исторической интерпретации коллекции лепной керамики второй половины III – первой половины II вв. до н.э., происходящей из раскопок поселения Артющенко I, проводившихся в 1999–2006 гг. (табл. 1 – 2). Данная классификация основывается на различиях в форме и декоре представленных сосудов.

Массив лепной посуды Артющенко I, относящийся к рассматриваемому времени, может быть разделен на две группы. Первую группу составили сосуды закрытого типа, представленные горшками, распределяющимися на три типа в зависимости от формы венцов (рис. 1–3). Вторую группу составили обломки краев мисок, изготовленные из разной по цвету и составу глины (рис. 4). Представленные сосуды являются местной керамической продукцией, формы которой находят близкие аналогии среди керамики сарматов и земледельческих племен Подонья и Прикубанья.

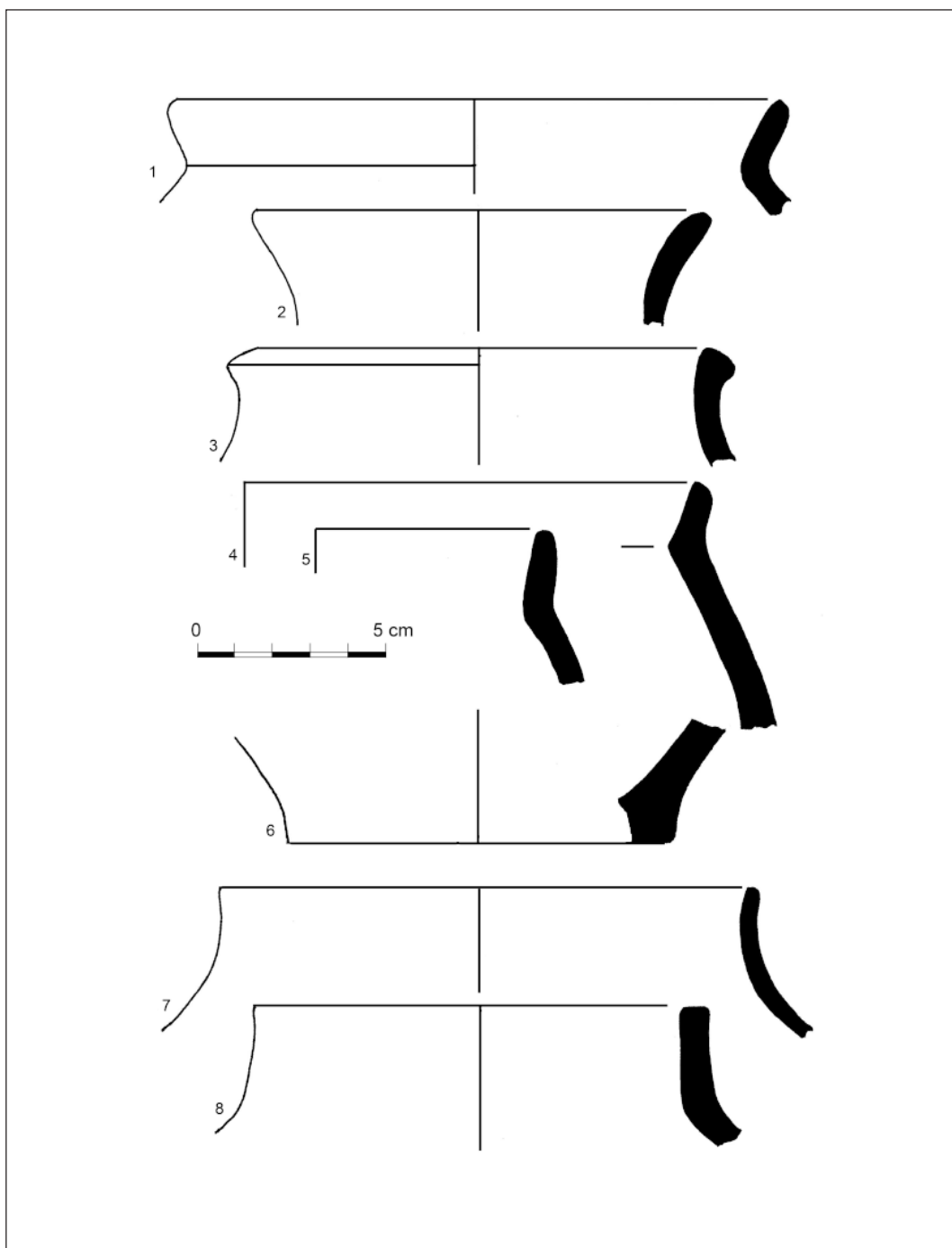

Рис. 1. 1–8: горшки I типа.

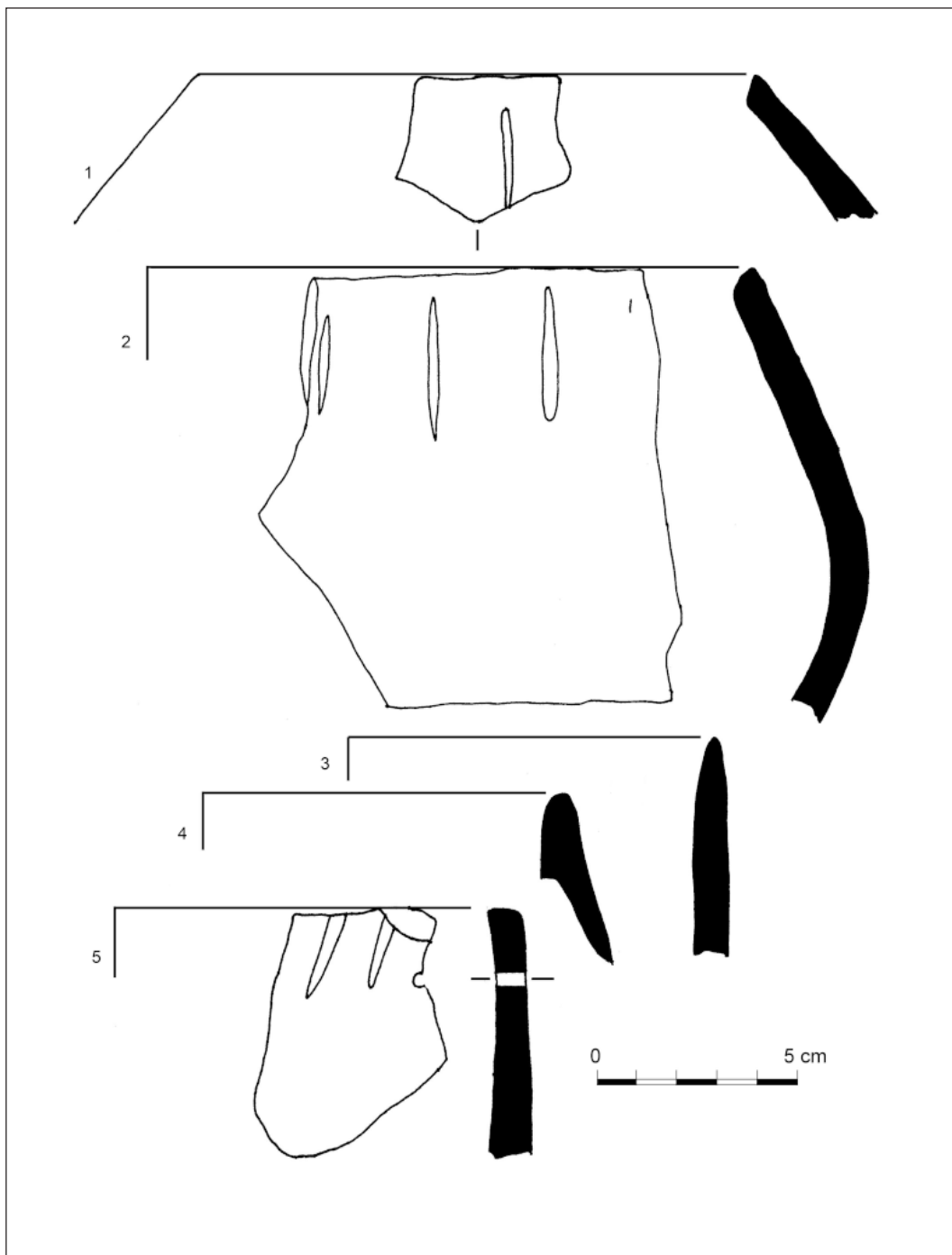

Рис. 2. 1–5: горшки II типа.

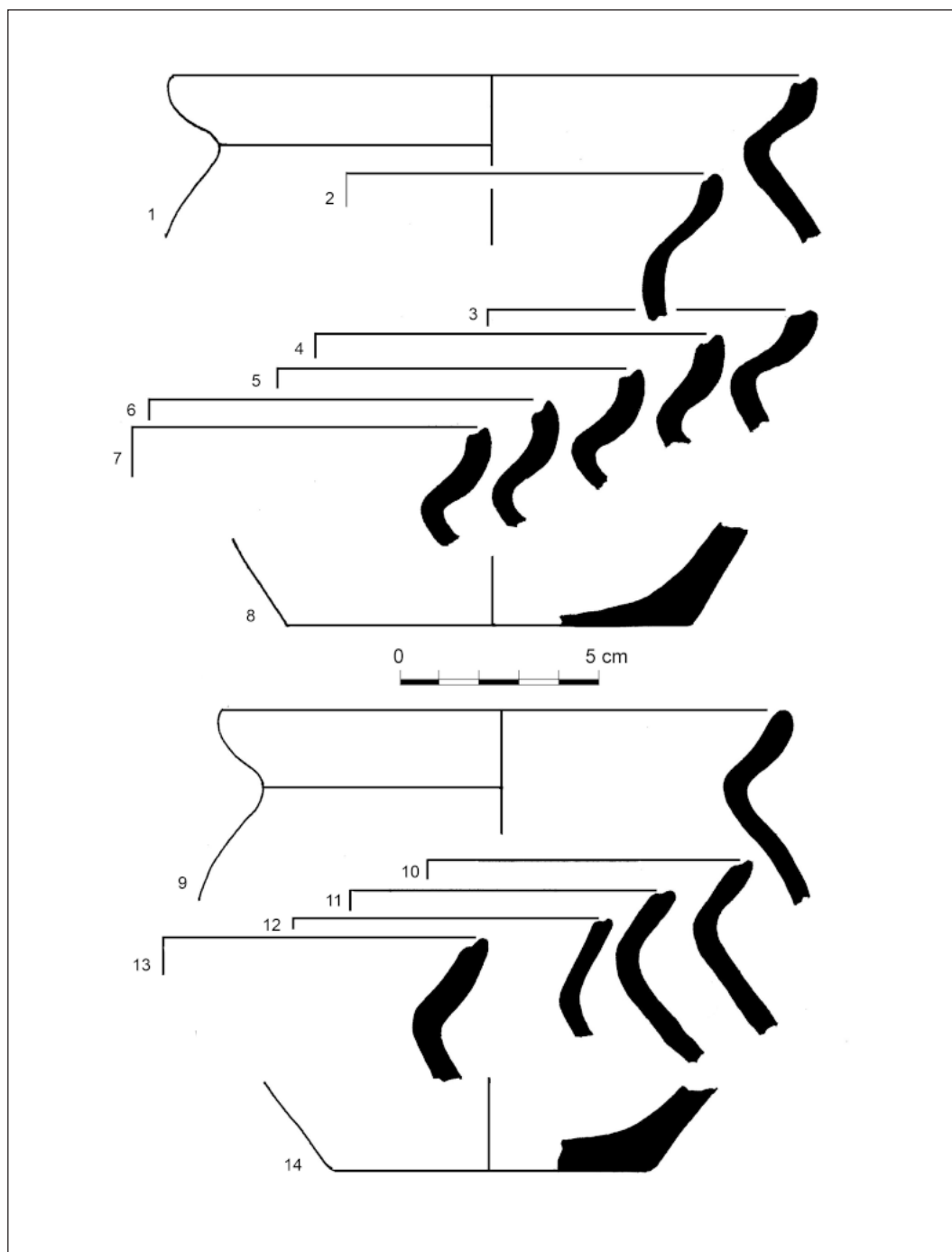

Рис. 3. 1–14: горшки III типа.

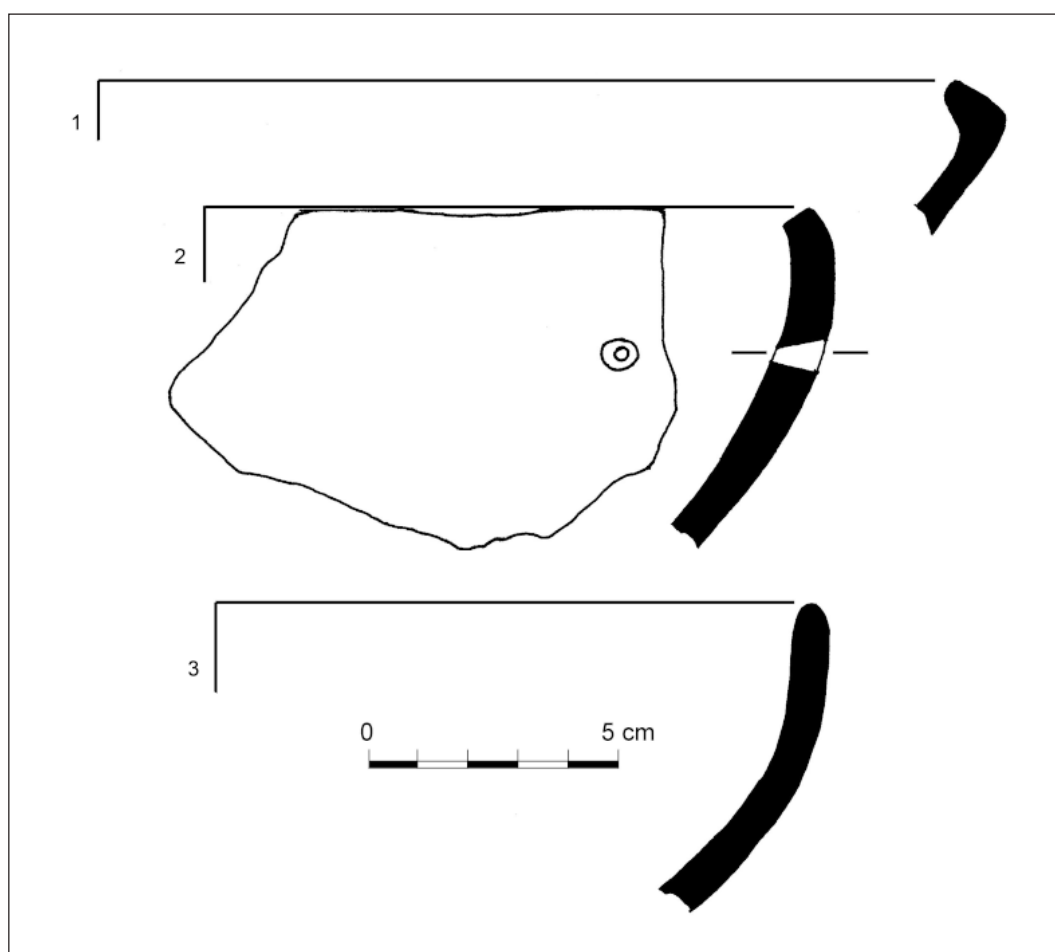

Рис. 4. 1–3: миски.

ИСТОРИЯ НАУКИ

О.В. ШАРОВ

О КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ БОЛЬШОГО КУРГАНА ВАСЮРИНСКОЙ ГОРЫ

Большой курган, которому посвящена данная статья, расположен на возвышенности, имевшей в XIX веке название «Васюринская гора». Только так называют ее в своих рапортах и отчетах член Императорской Археологической комиссии барон В. Г. Тизенгаузен и директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко, проводившие на ней раскопки в 1868-1872 гг. «Васюринская гора» находится в 15 км к юго-востоку от Тамани и в 4-х км от поселка Приморский (рис. 1), расположенного на берегу Таманского залива [Власова, 2004а, с. 158]. В книге К. К. Герца «Археологическая топография Таманского полуострова» дано еще два названия этой возвышенности: «Ас-содаг» или «Кирпина гора» [Герц, 1870, с. 64; Власова, 2004а, с. 158]. Площадь вершины и склоны горы в той части, где находятся интересующие нас памятники, раньше принадлежали к числу казацких земель, но в конце XIX в. они были проданы мещанину Черкову, и с тех пор появилось еще одно название, сохранившееся до настоящего времени – «Черкова гора».

На «Васюринской горе» было обнаружено пять курганов: на самой высокой точке в восточной части — Большой курган, западнее — два средних и два малых. В июле 1868 г. начались раскопки самого известного из Васюринских курганов — Большого кургана или кургана № 1. Высота кургана составляла 10,65 м, диаметр — 34 м [Ростовцев, 1914б, с. 32; Власова, 2004а, с. 159]. В ходе работ 1868 года был открыт каменный склеп с полуциркульным сводом. В 1869 году был обнаружен вход в погребальную камеру и интересующие нас конские захоронения. Так как эта информация в разных изданиях, посвященных описанию именно этих погребений, весьма противоречива, приведем ее максимально полно, начиная с краткой информации в Отчете Археологической Комиссии, которая была написана основным исследователем комплекса — В.Г. Тизенгаузен: «Продолжая начатое в 1868 году расследование кургана на «Васюринской горе», г. Тизенгаузен открыл в нем широкую каменную лестницу, ведущую к опущенному в материк роскошному, но уже разоренному склепу, открытому в прошлом году в этом кургане (рис. 2). На верхней площадке двух отвесных стен, возвышающихся по обе стороны этой лестницы, оказались четыре каменные гробницы, по две с каждой стороны, заключавшие в себе по одному лошадиному остову. Головы коней были

украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла, серебряными с позолотой удилами и принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами. На одном коне находился род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески, а у двух коней найдено по железному, обтянутому листовым золотом, налобнику в виде головы грифона, чрезвычайно сходному с конскими налобными украшениями, встречающимися в так называемых Скифских курганах на Днепре. У нижней ступени лестницы, т.е. у самого входа в склеп, оказались остов собаки и бронзовое кольцо с обломками бронзовой цепочки, к которой это животное, вероятно, было прикреплено» [ОАК, 1869, с. VIII].

Можно видеть, что в тексте отчета речь идет о захоронении 4-х лошадей в 4-х каменных гробницах, причем на одном коне был «род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески» (рис. 4-5), на втором и третьем было «найден по железному, обтянутому листовым золотом, налобнику в виде головы грифона» (рис. 3-4). Некоторая путаница возникает только с описанием погребения четвертого коня. В тексте отчета сказано, что головы коней были украшены: 1. «круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла»; 2. «серебряными с позолотой удилами и принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами»; т.е. здесь идет перечисление разных типов вещей у разных коней. Из данного текста следует, что на четвертом коне были круглые и овальные бронзовые позолоченные бляхи-фалары (рис. 3. 1, 2), а у другого коня или коней также были серебряные с позолотой удила с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами (рис. 3. 5). Вероятно, именно эта путаница в описаниях конских захоронений привела М. И. Ростовцева к совершенно особым выводам в отношении данных комплексов, которые нашли выражение в его фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» [Ростовцев, 1914б].

Для копирования красочной живописи на стенах погребальной камеры и снятия плана в 1908 году склеп, по просьбе М. И. Ростовцева, был вскрыт, но тогда была очищена от земли «только главная камера склепа, дромос его и коридор перед ним не были расчищены, так как при очистке склепа выяснилось, что стены коридора, а также, *вероятно, входная его стена и лестница перед ней были разрушены* (здесь и далее курсивом все выделено автором – О.Ш.) окрестными жителями, увезшими камень для своих построек (вероятно, для постройки хутора мещанина Черкова)» [Ростовцев, 1914б, с. 31]. Получается, что при вскрытии кургана в 1907 году В. В. Шкорпил [Шкорпил, 1910, с. 47] и при последующем вскрытии в 1908 году М.И. Ростовцевым, вход в камеру и соответственно каменные ящики не расчищались, так как и М. И. Ростовцев, и В. В. Шкорпил были уверены, что эта

часть склепа была полностью разрушена. В итоге, проверить слабо документированные данные раскопок 1869 года исследователям не удалось. Именно поэтому М.И. Ростовцев писал следующее: «Раскопки 1869 года, поведшие к открытию входа в склеп, описаны, к сожалению, *чрезвычайно суммарно, плана и промеров сделано не было*. Для описания его поэтому приходится довольствоваться *несколькими строками в печатном отчете* [ОАК, 1869, с. VIII], *и рисунком*, сделанным при открытии бароном М. П. Клодтом, заменявшим в этом году заболевшего Гросса» [Ростовцев, 1914б, табл. XII, 3].

Далее М. И. Ростовцев приводит *исправленное им самим* описание, взятое из текста Отчета: «К двери входного коридора склепа вела, судя по этим данным, широкая каменная лестница в семь ступеней, охваченная по обе стороны высокими каменными стенами, доходившими до пяты свода входного коридора. К верхним квадрам этих стен и к верхней части фасадной стены коридора были пристроены *два каменных ящика* из больших плит, крытые каждый тремя плитами. Ящики эти заключали в себе четыре лошадиных погребения, из которых *только одно оказалось нетронутым*» [Ростовцев, 1914б, с. 31]. Далее, при описании самих конских погребений, он вновь пишет, что «из четырех конских гробниц *одна или, лучше сказать, одна четвертая часть совместного погребения четырех лошадей* (квадрига, везшая погребальную колесницу покойника?) *оказалась не разграбленной*» [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Если с первым уточнением М.И. Ростовцева о двух каменных ящиках, а не о четырех, как в тексте ОАК, глядя на рисунок М.П. Клодта (рис. 2), можно согласиться, то со вторым уточнением, что только одно конское погребение оказалось нетронутым, возникают большие трудности. Из текста, представленного для издания в «ОАК», этого никак не следует, и В.Г. Тизенгаузен сделал описания, по моему мнению, всех четырех конских погребений. Следовательно, у М.И. Ростовцева были какие-то свои и неизвестные, увы, основания для такого утверждения.

После описания всех вещей, найденных, как полагал этот исследователь, в одном сохранившемся конском погребении, он резюмировал свои выводы следующим образом: «*Весь этот набор лошадиной утвари очень характерен и типичен*. Рядом с орнаментами и украшениями чисто греческого типа (напр., головы грифонов и орнаменты круглых бляшек) мы имеем большое изобилие стекла, что обыкновенно считается признаком римского времени, и типичную галыштатскую обивку с колокольцами и полумесяцами. Тем не менее, *я с полной уверенностью могу утверждать, что наши конские гробницы одновременны с постройкой склепа*. Прежде всего, в архитектурном отношении они – необходимая составная часть всего склепа, как такие же конские погребения при втором склепе. Затем, *весь стиль и состав набора, вся техника украшения конской сбруи совершенно одинаковы со стилем и т.д. конских погребений Александропольского, Чертомлыцкого, Серогозских и других одновременных курганов, датируемых*

с достаточной точностью временем между второй половиной III в. и началом II века до Р. Хр.» [Ростовцев, 1914б, с. 42].

Сомнения М. И. Ростовцева при описании предметов из конского захоронения очевидны, здесь присутствует «большое изобилие стекла, что обыкновенно считается *признаком римского времени, и типично галльитатская обивка с колокольцами и полумесяцами*»! Тем не менее на его хронологические выводы, несомненно, повлияли два следующих момента: 1. каменные ящики по сторонам входа были возведены одновременно с лестницей, ведущей в коридор и «в архитектурном отношении они необходимая и составная часть всего склепа»; 2. налобники с головами грифонов (в его описании: «два железных золоченых языка, верхушка которых украшена головами грифонов» и стержневидные псалии (в описании: «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах»), несомненно, указывали на достаточно раннюю дату этого комплекса, а, следовательно, при допущении, что это одно конское захоронение, и остальные вещи также должны датироваться тем же временем. Исходя из одновременности строительства склепа и каменных ящиков у входа в дромос, а также даты отдельных четко датируемых вещей из конских захоронений (налобники и псалии), М. И. Ростовцев отнес конское захоронение ко второй половине III – началу II в. до н.э. При этом автор ни разу в тексте не усомнился в том, что все вещи могут принадлежать к разным конским погребениям, и, поэтому, по логике текста, в одном погребении коня были найдены *два налобника (!) и четыре псалия (!)*, а также набор из семи круглых бронзовых блях со вставками стекла и части бронзового нагрудника. Исследователь смог частично исправить свою ошибку только в монографии «Скифия и Боспор», вышедшей в Петрограде в 1925 году, но сданной в печать еще до его отъезда за рубеж в 1918 году.

В этой монографии он писал следующее: «Отмечу, что убор лошадей I Васюринского расписного погребения относится к одному из вторичных погребений в этой богатой гробнице. С датой росписи и найденных чернолаковых сосудов совершенно не вяжутся значительно более поздние фалары, украшенные стеклом, особенно посеребренные бронзовые кольца с зажимами для ремней, типичных начиная с конца II века. Несомненно, что каменные саркофаги для лошадей перед входом в гробницу сооружены одновременно с основным склепом, но здесь оно было разграблено, может быть, вскоре после погребения, так что более поздние гости нашли их пустыми. При вторичном использовании гробницы использованы были и лошадиные саркофаги, причем одно из погребений было пропущено и инвентарь достался нам в руки. Возможно, что и вообще при вторичном погребении были использованы не все 4 каменных ящика, а только один» [Ростовцев, 1925, с. 373]. Можно видеть, что с одной стороны М.И. Ростовцев признал то, что инвентарь из погребений склепа и инвентарь из конских погребений не одновременен, и конские погребения связаны со вторичным

использованием склепа, судя по его тексту, не ранее II века н.э. Далее же в описаниях этого автора снова можно видеть путаницу. Судя по этой краткой заметке, М.И. Ростовцев полагал, что каменные ящики у входа были разграблены вскоре после погребения и при вторичном использовании склепа были совершены новые конские захоронения, причем опять же речь идет о захоронении лишь *одного коня в одном из 4-х каменных ящиков!* Можно видеть, что и в этом случае, признавая вторичность использования каменных ящиков, М.И. Ростовцев впадает в другую крайность, относя более ранние вещи (псалии и налобники) к более позднему – римскому времени. Собственно говоря, причина этого не совсем ясна, и, если бы М.И. Ростовцев не писал в своих работах лишь об одном дошедшем до нас конском погребении из этого кургана, то можно было бы все уже давно расставить на свои места.

Еще в 1949 году В.Ф. Гайдукевич в «Боспорском царстве» писал следующее: «Вход в склеп сделан в виде широкого спуска-лестницы, ведущей к входу в сени, вестибюль, за которым следует погребальная камера. По обеим сторонам входа, на площадках над стенами, обрамляющими спуск в склеп, оказались каменные гробницы в виде ящиков, покрытых сверху плитами. В этих ящиках были погребены четыре лошади вместе с их парадной богатой сбруей. Значительная часть этих конских захоронений была расхищена грабителями; *нетронутой осталась лишь одна лошадь, сбруя которой и найдена при раскопках.* Головы коней были украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами с чеканным орнаментом и накладным стеклом, серебряными с позолотой удилами, железными (обтянутыми листовым золотом) налобниками в виде грифонов» [Гайдукевич, 1949, с. 293-294].

В.Ф. Гайдукевич считал конские погребения одновременными основному захоронению в склепе и относил их к первой половине III века до н.э. (Там же). При этом можно видеть, что в данном описании, со ссылками на тексты В.Г. Тизенгаузена и М.И. Ростовцева, круглые бронзовые фалары со вставками стекла находятся в одном комплексе с налобниками с головами грифонов и стержневидными удилами.

Новые работы, в которых был проведен анализ конских погребений «Васюринской горы», появились только на рубеже тысячелетий, когда вышли работы С. В. Полина [Полин, 1992], А. В. Симоненко [Симоненко, 1999; 2007] и Е. В. Власовой [Власова, 1998; 2004а; 2004б].

С. В. Полин в отношении конских захоронений большого кургана Васюринской горы пишет следующее: «Из лошадиных могил, связанных с древнейшим первым склепом, происходят два железных, покрытых листовым золотом пластинчатых налобника с крючками, оформленных в виде голов грифонов в выразительном скифском зверином стиле (рис. 16. 21). Захоронения лошадей первого склепа М. И. Ростовцев вначале связывал с его первичным использованием, которое датировал по чернолаковой пиксиде и серии других чернолаковых сосудов началом III в. или концом IV – началом III вв. до н.э.

В настоящее время эта керамика датируется концом IV в. до н. э. Позднее, на основании наличия в уздечных наборах больших трензельных колец с зажимами для ремней, фрагментов стеклянного сосуда, М. И. Ростовцев соотнес лошадиные захоронения со вторичным использованием первого склепа в римское время. И. В. Яценко датировала вторичное использование первого склепа по родосским амфорным клеймам около 180 г. до н.э. Эту дату принял К. Ф. Смирнов. Учитывая датировку узды не ранее II в. н.э., вторичное использование первого склепа можно относить не только ко II в. до н.э., но и к более позднему времени. Однако принадлежность налобников к этому периоду крайне сомнительна. Яркий выразительный скифский звериный стиль, в котором выполнены грифоны, для сарматского времени выглядит анахронизмом. Ведь недаром М. И. Ростовцев первоначально отмечал их сходство с уздой Александрополя и Чертомлыка. По видимому, здесь *нельзя исключать какую-либо путаницу*, поскольку раскопки Васюринской горы документированы слабо» [Полин, 1992, с. 63-64].

Несомненно, в этой работе был сделан значительный шаг вперед, автор определил дату основного погребения в склепе рубежом IV–III вв. до э. и выделил два периода его вторичного использования – во II в. до н.э. и во II–III вв. н.э. Но в силу того, что был затронут вопрос о гипотетической принадлежности налобников с грифонами к римскому времени, можно утверждать, что это могло быть возможным только *в единственном случае*, если автор принял версию М.И. Ростовцева об одном сохранившемся конском погребении. С.В. Полин, исходя из этой идеи, никак не мог отнести трензельные кольца с фасетированными прямоугольными зажимами ко II веку до н. э. (ко времени второго использования склепа) и поэтому логически отнес *все опубликованные предметы* ко времени третьего использования склепа уже в позднеримское время, как в цитированной выше работе М. И. Ростовцева [Ростовцев, 1925, с. 373]. Этому, правда, сильно противоречили известные ему датировки налобников и псалий из «единого комплекса», и поэтому С. В. Полин, не обращаясь к единственному первоисточнику [ОАК, 1869, с. VIII], где описаны 4 конских погребения, написал, что ввиду плохой документации раскопок «Васюринской горы» *«нельзя исключать какую-либо путаницу»* [Полин, 1992, с. 63].

Один из крупнейших сарматологов Украины А. В. Симоненко [Симоненко, 1999, с. 91], опираясь во многом на исследования С. В. Полина, также обратился к материалам большого кургана «Васюринской горы». Он пишет: «Также сложно однозначно датировать конскую могилу *Васюриной горы*, где найдены два налобника 3 типа с крючками в виде голов грифонов. Склеп был использован вторично во II в. до н.э. [Полин, 1992, с. 64; Яценко, 1962, с. 50]. В позднесарматское время в курган также было впущено погребение, не замеченное исследователями – от него остались фрагменты кольчуги и украшения узды [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 10, 11]. С. В. Полин справедливо считает, что иконография головок грифонов типична для клас-

сического скифского звериного стиля и сомневается в том, что в сарматское время такой стиль мог сохраниться. Замечу, что *мастера этого времени могли иметь перед собой образцы такого стиля* – об этом свидетельствует серебряный сосуд этрусского происхождения VII–V вв. до н.э., украшенный, в общем, тождественными головками и найденный в погребении кургана Хохлач конца I в. н.э. [Raev, 1986, p. 15]. Возможно, со временем доказательства этого предположения станут более многочисленными (хотя я уверен, что не массовыми). Кроме того, не лишено оснований замечание С. В. Полина о том, что при обработке материалов из Васюриной горы произошла какая-то путаница [Полин, 1992, с. 64]» [Симоненко, 1999, с. 91].

Из приведенной цитаты можно видеть, что и здесь мы встречаемся с той же ошибкой, идущей от М. И. Ростовцева, когда все вещи считаются происходящими из одного комплекса конского захоронения. В этом случае, конечно, очень трудно совместить несовместимое! Тем не менее А. В. Симоненко с честью выходит из этой щекотливой ситуации и пишет, что позднесарматские мастера *«могли иметь перед собой образцы классического скифского звериного стиля»*, приведя в качестве примера сосуд с головками грифонов VII–V вв. до н.э., найденный в тайнике кургана Хохлач конца I в. н.э. Таким образом можно видеть, что, пытаясь решить проблему хронологии конских захоронений «Васюринской горы» и С. В. Полин, и А. В. Симоненко остались в плену идей М. И. Ростовцева и, к глубокому сожалению, на рубеже тысячелетий не смогли разрубить «Гордиев узел» данной проблемы.

Проблему выделения отдельных комплексов конских захоронений и их хронологии во многом смогла решить хранительница эрмитажной коллекции «Васюринской горы» Е. В. Власова, которая опиралась, прежде всего, на текст В. Г. Тизенгаузена в «ОАК» и на анализ самих вещей [Власова, 1998; 2004а; 2004б]. В первой работе автор пишет следующее: «При раскопках были открыты 4 конские гробницы. На основании найденных в кургане обломков керамики и деталей конской упряжи: *две конские гробницы* (в них найдены налобники с головой грифона) можно датировать нач. III в. до н.э., т.е. временем сооружения склепа; *одну* (из нее происходят фалары со стеклянными вставками) – рубежом 3-й – 4-й четв. III в. до н.э. (этим временем датируются найденные в склепе две ручки, принадлежавшие, по-видимому, одной родосской амфоре с именами эпонима Дамотема и фабриканта Агесила); захоронение в *4-й конской гробнице* было совершено в III в. н.э.» [Власова, 1998, с. 17]. Можно видеть, что Е. В. Власовой впервые были использованы данные о четырех конских погребениях из отчета В. Г. Тизенгаузена и многочисленные вещи из конских погребений разделены ею на 4 отдельных комплекса! Сомнение вызывает только датировка третьей конской гробницы, откуда происходят фалары со стеклянными вставками. Она атрибутируется Е. В. Власовой на основании датировки двух родосских клейм временем вторичного использования склепа на рубеже 3 – 4 четвертей III века до н.э.

Эти клейма впервые были опубликованы Л. Стефани в том же томе ОАКА [ОАК, 1869, с. 195, № 2; с. 210, № 144], а позднее были переизданы Е. М. Придиком [Придик, 1917, с. 8, № 141; с. 21, № 442]. Е. В. Власова датировала эти клейма, опираясь на работу Д. Б. Шелова [Шелов, 1975, с. 19]. Вероятно, автору тогда еще не были известны работы И. В. Яценко [Яценко, 1962, с. 50] и С. В. Полина [Полин, 1992, с. 63-64], в которых была указана иная дата родосских амфор с такими клеймами – около 180 г. до н. э. Датировку одного из этих клейм можно уточнить по работе Г. Финкильштейна, согласно которой такие эпонимы характерны для начала II века до н. э. Эпоним «Δαμόθεμς» относится автором к группе IIIa, и амфоры с таким эпонимным клеймом, по его мнению, начали выпускать не ранее 191 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, Tabl. 19].

Две последующие работы Е. В. Власовой [Власова, 2004а; 2004б] сильно изменили ее старую концепцию и расставили новые акценты в вопросе хронологии отдельных конских захоронений. Она пишет следующее: «В 1869 г. были открыты четыре конских захоронения. В двух из них найдены налобники с головой грифона (длина 10,5 см; *ил. 9*), изготовленные из железа с позолотой, а также псалии в виде дуги с двумя круглыми петлями в середине и шарами на концах (длина 10,2 и 10 см; *ил. 11*), для изготовления которых использовано железо с золотой обкладкой на концах и серебром в середине. Среди находок – три золотых обкладки бус (диаметр 2,8 см), две железные с позолотой пуговицы и фрагмент третьей (диаметр 3,0-3,3 см; *ил. 10*), бронзовые кольца с серебряными петлями (диаметр 4,8 см; *ил. 12*), четыре полуовальные серебряные бляхи с прямоугольным выступом, к которому прикреплены бронзовые пластинки (высота 4,5-5,0 см; *ил. 13*). Среди находок из конских захоронений есть также колокольчик, колпачок, крючок, две звездочки, пуговица, кольцо с выступами (*ил. 15*) и мелкие бронзовые фрагменты. Сравнение деталей конской упряжи, найденных в двух могилах, с находками из других комплексов [Полин, 1992, с. 50-66, рис. 8, 10-12; Симоненко, 1982, с. 237-245] позволяет датировать два конских захоронения, в которых найдены налобники с головой грифона и псалии, началом III в. до н. э., то есть *временем сооружения склепа* [Власова, 2004а, с. 280]. В одной из конских могил найдены более поздние по времени овальный (16,5 x 11,8 см) и шесть круглых (диаметр 6,7 см) фаларов с плоскими ободками и вставками из стекла (*ил. 14*), посеребренные бронзовые кольца с зажимами для ремней. Это связано с тем, что при *вторичном употреблении склепа* использовали и лошадиную могилу [Ростовцев, 1925, с. 375]» [Власова, 2004а, с. 165]. Практически не отличается по выводам и ее работа, опубликованная в материалах конференции «Боспорский феномен» 2004 года [Власова, 2004б, с. 279-280].

Нужно отметить, как наиболее важное, что в этих статьях Е. В. Власовой описаны лишь три конских погребения из четырех, и фалары со стеклянными вставками уже относятся ею к погребению *позднесарматского времени*. При этом остались совершенно в стороне бронзовые пластины от нагрудного укра-

шения коня (рис. 4-5). Может быть, именно они и украшали четвертого коня, тем более, что это написано в тексте отчета В. Г. Тизенгаузена. А. В. Симоненко в недавно вышедшей статье, анализируя бронзовые конские нагрудники из Тенгинского могильника и из кургана у с. Острый (рис. 13-14), пишет: «Е.А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н. э. [Беглова, 2002, с. 159], а конское погребение кургана № 1 Васюриной Горы относит к III–II вв. до н. э. [Беглова, 2002, с. 160]. Надо сказать, что традиционная датировка разграбленного склепа этого кургана основана только на находке расписной пиксиды первой половины III в. до н.э. *Одновременность конских захоронений и склепа однозначно не установлена, а в склепе найдены вещи римского времени* [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Показательны остальные находки в конской гробнице: псалии, описанные М.И. Ростовцевым под № 4 как «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах», два позолоченных налобника с крючком в виде головок грифонов, железная, плакированная серебром, перстневидная бляха узды, украшенная чернью и позолотой [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4, 5, 9]. Подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II–I веков до н. э. (рис. 17-18): бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков – в Веселой Долине [Редина, Симоненко, 2002, с. 91, рис. 3, 1, 2, 6], бронзовые и серебрянные перстневидные бляхи – в Снегиревке и Великопоском [Симоненко, 1982, с. 240; Дзис-Райко, Сунничук, 1984, с. 150]. Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III–I вв. до н. э. [Симоненко, 1982, с. 237-245]. Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы – более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов. Уникальны и бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1, 2]. Последние – по справедливому замечанию М.И. Ростовцева, характерные для римского времени [Ростовцев, 1914б, с. 42] – указывают на сравнительно *позднюю дату захоронения*. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н. э. [Schaaf, 1988, S. 318-322]. Совокупность всех перечисленных признаков и аналогов указывает, скорее, на *II век до н. э.*, как *наиболее вероятную дату* конских захоронений кургана № 1 на Васюриной Горе» [Симоненко, 2007, с. 108-109].

Собственно говоря, автор так и остался в плену старой ошибки М. И. Ростовцева об одном конском захоронении, и поэтому А. В. Симоненко вновь пришлось соединять несоединимое. На этот раз дата комплекса удревилась по сравнению с предыдущей датой на целых пять столетий! При этом типы вещей, которые по М. И. Ростовцеву [Ростовцев, 1925, с. 373], С. В. Полину [Полин, 1992, с. 63-64] и А. В. Симоненко [Симоненко, 1999, с. 91] не могли появиться ранее II в. н.э. (кольца с прямоугольными фасетированными обоями) попали по этой причине *во II в. до н.э.*

Нужно отметить еще один важный момент, что, собственно говоря, А.В. Симоненко взял на вооружение еще одну идею М. И. Ростовцева о том, что время основного погребения в склепе кургана № 1 и время совершения конских захоронений у входа не совпадает, правда, с уточнением С. В. Полина и И. В. Яценко, что вторичное использование склепа произошло во II в. до н. э., а не в III в. н. э., как считал М. И. Ростовцев. В послесловии к знаменитой работе А. М. Хазанова [Хазанов, 2008] А. В. Симоненко вновь коснулся вопроса о дате вторичного использования склепа большого кургана «Васюринской горы». Автор пишет, что «тренозное кольцо с обоймами для ремней и грибовидная подвеска – типичные детали узды второй половины II – начала III в. н. э.» [Симоненко, 2008, с. 257, рис. 2]. Но далее А. В. Симоненко делает из этого очень странные выводы: «Без сомнения, при раскопках была допущена ошибка и находившийся в насыпи позднесарматский комплекс остался незамеченным, либо он был разрушен при ограблении, и *вещи из разновременных погребений смешались в грабительском ходе*» [Симоненко, 2008, с. 257].

Можно допустить, что В. Г. Тизенгаузен или А. Е. Люценко могли не заметить позднесарматский комплекс в насыпи, которую они сняли в 1868 году лишь на 10 %, но трудно согласиться с последующими утверждениями А. В. Симоненко, так как эти детали конской упряжи были найдены в каменных ящиках в конских захоронениях в 1869 году, а не в грабительском ходе, который был зафиксирован только при открытии каменного склепа в 1868 году! На основании имеющихся у нас фактических данных представляется, что, если в кургане и было позднесарматское захоронение, то оно было совершено в самом склепе, и, вероятно, фрагменты мечей с деревянными рукоятями, фрагменты стеклянного сосуда с желобками, фрагменты железной кольчуги относятся именно к этому разрушенному грабителями позднесарматскому погребению. О поздних находках из склепа М. И. Ростовцев писал, что «либо... вещи занесены сюда грабителями, либо... *первыми грабителями были лица, использовавшие склеп для вторичного погребения в римское время*, либо... в склепе хоронили в течение, по крайней мере, двух веков» [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Косвенно об этом писал и В. В. Шкорпил, вскрывший склеп в 1907 году: «Весьма странною мне кажется находка кусков стекла с желобками (в 1907 г. найдено новых шесть обломков): нужно предположить, что склеп в течение нескольких веков служил усыпальницей какой-нибудь знатной семьи, или что стекло занесено туда древними грабителями, проникшими в камеру через пролом, сделанный в задней люнетке» [Шкорпил, 1908, прим. 36; Шкорпил, 1910, с. 47]. С этим разрушенным в склепе позднесарматским погребением и можно связать конское захоронение у входа, в котором были найдены кольца с прямоугольными фасетированными пластинами и грибовидные подвески.

Обратимся к анализу собственно вещей и попытаемся выделить на основании анализа текста отчета В. Г. Тизенгаузена отдельные комплексы конских захоронений.

Несмотря на то, что с момента открытия Большого кургана «Васюринской горы» прошло 140 лет, наиболее полное описание всех вещей из конских захоронений было сделано М. И. Ростовцевым [Ростовцев, 1914б, с. 40-42]. Е.В. Власовой были только уточнены размеры всех приведенных ниже предметов [Власова, 2004а, с. 164-165]. Привожу описание М. И. Ростовцева без изменений:

«1) Большая овальная бронзовая позолоченная бляха с овальным углублением внутри, формой своей напоминающая овальную тарелочку; в этом углублении прикреплена была овальная же довольно высокая рамка, плотно прилегавшая к краям углубления, забранная наверху довольно толстым стеклом. Это стекло, по весьма вероятному предположению Я. И. Смирнова, может быть, закрывало собой что-либо прикрепленное к дну овального углубления. Позолоченный край бляхи украшен двумя рядами ким, разделенных двумя линиями. Высота 0,155 м, ширина 0,12 м; стекло 0,1 - 0,06 м. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1] (рис. 3. 1).

2) Шесть бронзовых выпуклых блях, позолоченных по краям и украшенных в центре накладным слоем темного стекла, связанного с бронзой бронзовым же стержнем. Стекло окружено рамкой с веревочным орнаментом. Следующий за этим валик украшен орнаментом стоящих вверх листьев; плоский край – врезанной в золотую пластинку кимой. Сзади поперечная бронзовая полоса со скобой, которой бляхи прикреплялись к ремню уздечки. Диамет. 0, 07 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 2] (рис. 3. 2).

4) Четыре железных золоченых удила (0, 11 м) с зубчатыми шариками на концах. К ним, м. б., примыкала пара колец с зажимами (кольца бронзовые, зажимы серебряные); в зажимы вставлены были ремни, вероятно, поводьев или вожжей [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 5 и 10] (рис. 3. 5, 10).

5) Два железных золоченых языка, верхушка которых украшена головами грифонов. Под этими головами дырочки, за которые эти язычки были подвешены. Высота – 0,105 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4] (рис. 3. 4).

6) Три бочонкообразных, с сетчатой выпуклой резьбой на поверхности, бляшки тонкого золота, покрывавших, вероятно, какой-нибудь железный или деревянный предмет той же формы (вряд ли пронизи). Высота – 0,021 м. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 8] (рис. 3, 8).

7) Три железных, покрытых золотом, подвески со скобами, орнаментированные наподобие раковины (высота – 0,036 м), и одна золоченая железная чашечка, к которой, м. б., прикреплена была кисть (диаметр 0,027 м). И это обычные составные части уздечного набора. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 9 и 3] (рис. 3. 9, 3).

8) Несколько бронзовых пряжек от ремней, две бронзовых подвески, м. б., для кистей, серебряная подвеска в виде розетки со скобой сзади [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 7; диаметр 0,024 м] (рис. 3. 7), ряд серебряных блях с зажимами, вероятно, подвешенных к ремням (табл. XVIII, 11) (рис. 3, 11),

две золоченые звездочки (табл. XVIII, 12; диаметр 0,012 м) (рис. 3. 12), и разных типов кольца (табл. XVIII, 13; диаметр 0,013 м), 14 (диаметр 0,04 м) (рис. 3. 13, 14), все, несомненно, украшения ремней *нескольких* конских уздечек.

9) Большие куски бронзовой обивки лошадиного нашейника с орнаментами из сделанных пунктиром линий и розеток. К полосам этой обивки были привешены на бронзовой проволоке бронзовые пластинки полукруглой формы, перегнутые посредине и образующие нечто вроде колокольчиков без языков (ширина полосы 0,155 м; высота привески – 0,09 м; диаметр розеток – 0,03 м; в одном месте две полосы сшиты бронзовыми гвоздями [Ростовцев, 1914б, табл. XIX] (рис. 4). Бронзовый же налобник сверху и внизу более широкий, чем в середине, к которому были привешены вместо колокольчиков бронзовые небольшие полумесяцы (высота – 0,30 м; ширина сверху и внизу – 0,14 м, ширина посредине – 0,12 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 2] (рис. 5. 2). Бронзовый же нащечник или наглазник снизу с прямым обрезом, сверху закругленный и с полукруглым выступом посредине слева (высота 0,17 м, наибольшая ширина 0,1 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 1]» (рис. 5, 1).

Как уже отмечалось выше, бронзовые фалары со стеклянными вставками вызвали самые большие проблемы с датированием, так как, по мнению М.И. Ростовцева, они были *более характерны для римского времени*. Поскольку все описанные выше вещи рассматривались как единый комплекс, то необходимы были и дополнительные аргументы в пользу их более ранней даты. Ссылаясь на мнение Я. И. Смирнова, М. И. Ростовцев писал в примечаниях к описанию этих предметов следующее: «Овальные фалары составляют обычный предмет украшения конской сбруи, специально, уздечек, но обыкновенно они украшаются рельефом. Может быть, и здесь надо предположить золотой рельеф, закрытый застекленной рамкой» [Ростовцев, 1914б, с. 41]. Как мне известно, за 140 лет археологических раскопок, прошедших после открытия курганов «Васюринской горы», еще не было найдено ни одного предмета, в котором вставка из матового стекла или полудрагоценного камня закрывала какой-либо рельеф на основе, поэтому эта интересная гипотеза вряд ли подтвердится. Замечу еще раз, что приведенная идея была высказана М.И. Ростовцевым только для того, чтобы подтвердить более раннюю дату фаларов. Но насколько это важно, если рассматривать описанные выше предметы *не как единый погребальный комплекс, а как предметы из 4 разных конских захоронений?*

Перейдем к анализу отдельных конских захоронений. Мне представляется очень важным условием для выделения комплексов и построения их хронологии, что необходимо исходить только из текста отчета В. Г. Тизенгаузена, полностью опубликованного в ОАК за 1869 год. Другого текста отчета о раскопках «Васюринской горы» в 1869 году в архивах Императорской Археологической Комиссии (Института Истории материальной культуры РАН) мною не обнаружено. Это *единственная информация*, которая у нас имеется,

так как В. Г. Тизенгаузен в июне-июле 1869 года проводил раскопки один, без помощи А. Е. Люценко, уехавшего за границу в отпуск и, при этом, еще временно замещал больного Ф. И. Гросса на время производства работ на Тамани на посту директора Керченского музея [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 61, 61об., 70]. Из этого документа следует, что:

первый конь был украшен:

- 1) круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла;

на втором коне находился:

- 2) род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески;

на третьем коне был найден:

- 3) железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона;

на четвертом коне был также найден:

- 4) железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона;

на головах двух из четырех коней (X? и Y?) также были:

- 5) по два серебряных с позолотой удила (псалия) с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами.

Дополнением к этому документу может служить сохранившаяся в архиве Института Истории материальной культуры РАН (Императорской Археологической Комиссии) опись находок из большого кургана «Васюринской горы» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об.].

Опись вещам, найденным г. Тизенгаузенем при раскопках, произведенных в 1869 году на Таманском полуострове близ станицы Сенной

№ по порядку	№№ по каталогу Эрмитажа	Название вещей	Место находки
16	620e	Бронзовая овальная бляха со стеклом от конского головного убора	В большом кургане на Васюринской горе
17	620f	Шесть круглых бронзовых блях с выпуклыми стеклами и с ушками от конского прибора	В большом кургане на Васюринской горе
18	620g	Бронзовая круглая бляха с ушком	В большом кургане на Васюринской горе

19	6191 720к	Две пары удил с пряжками, чашечками от кистей, кольцами, колокольчиками и привесками	В большом кургане на Васюринской горе
20	702к	Два позолоченных наносника от конского головного убора	В большом кургане на Васюринской горе
21	619f	Обломок бронзовой цепочки	В большом кургане на Васюринской горе
22	619d	Обломки бронзовой чеканной пластины с привесками, находившиеся на шее лошади.	В большом кургане на Васюринской горе
23	400d	Три золотых украшения боченкообразной формы	В большом кургане на Васюринской горе

Также существуют материалы из фотоархива ИИМК РАН, на которых есть некоторые недостающие в изданиях типы вещей [ФА ИИМК РАН, № Q639.5, № 11936; № Q639.12, № 11924; № Q639.14, № 11926] (рис. 6-8). Это касается в первую очередь бронзовых пряжек (рис. 7), которые упомянуты в текстах изданий материалов раскопок [Ростовцев, 1914б, с. 41, № 8] и в описи 1869 года [РА ИИМК РАН, Ф.1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 19]. Исходя из этих имеющихся у нас документов, как мне кажется, и следует разобрать все собранные воедино М. И. Ростовцевым *вещи по отдельным комплексам конских захоронений*. Условно введем обозначение конских захоронений в порядке их описания В. Г. Тизенгаузеном.

Погребение № 1 (рис. 9)

Если исходить только из имеющихся документов, то к первому погребению нужно отнести набор из 7 бронзовых позолоченных фаларов со вставками стекла [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1-2; Власова, 2004а, рис. 14; по описи находок 1869 года – №№ 620е и 620f, совр. инв. № Вас. 15] и одной бронзовой круглой бляхи с ушком без стекла, упомянутой в описи 1869 года, но не описанной ни М. И. Ростовцевым, ни Е. В. Власовой [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 18 – № 620g; ФА ИИМК РАН, Q 639.12, № 11924].

К этому погребению также нужно отнести уздечный набор, состоящий из:

1) двух бронзовых посеребренных колец с серебряными разновеликими фасетированными пластинами – зажимами для ремней оголовья и поводьев [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 10; Власова, 2004а, рис. 12];

2) бронзового кольца без пластин-зажимов [Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 14];

3) бронзового колокольчика, бронзового колпачка и серебряной розетки [Власова, 2004, рис. 15; ФА ИИМК РАН, Q639.5, № 11936];

4) бронзовой пряжки [ФА ИИМК РАН, Q639.5, № 11936];

5) четырех секировидных серебряных подвесок [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 11; Власова, 2004а, рис. 13].

У М. И. Ростовцева мы находим под № 8 отдельное описание именно этих деталей: «Несколько бронзовых пряжек от ремней, две бронзовых подвески, м. б., для кистей, серебряная подвеска в виде розетки со скобой сзади, ряд серебряных блях с зажимами, вероятно, подвешенных к ремням» [Ростовцев, 1914б, с. 41]. Исследователь, правда, первоначально считал, что пара бронзовых колец с серебряными зажимами, в которые были вставлены ремни, вероятно, могут быть связаны с «серебряными с позолотой удилами» [Ростовцев, 1914б, с. 41].

Трудно представить единый конский убор, состоящий из железных *С-овидных псалий* с зубчатыми шариками на концах, характерными для эпохи III–I вв. до н. э., к которым также крепятся бронзовые кольца с двумя разновеликими прямоугольными серебряными *фасетированными* пластинами, появляющимися в конском снаряжении не ранее второй половины II века н.э.! Мне кажется, что отчасти виной этому хронологическому казусу является составленная В. Г. Тизенгаузенем опись находок 1869 года, на которую, вероятно, и мог опираться при публикации вещей М.И. Ростовцев. В описи 1869 года упомянуты «две пары удил с пряжками, чашечками от кистей, кольцами, колокольчиками и привесками» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 19 – № 619l и 720k]. Нужно особо отметить, что удила и остальные детали (пряжки, кольца, колокольчики и подвески) соединены вместе *только в тексте описи*, а в каталоге Эрмитажа они имеют разные инвентарные номера: удила – № 619l и остальные детали – № 720k. В тексте отчета В. Г. Тизенгаузена написано также, что «серебряные с позолотой удила» имели *только* принадлежащие к ним *железные мундштуки и кольца*, но нет ни слова о пряжках, колокольчиках и привесках. Таким образом, исходя не только из анализа типов вещей, но и из анализа документов, невозможно отнести *С-овидные псалии* к данному погребению и связывать их воедино с уздечным набором с фасетированными пластинами, пряжками с язычком и овальной обоймой и секировидными подвесками.

Погребение № 2 (рис. 4-5)

Исходя из текста В. Г. Тизенгаузена, ко второму погребению можно отнести только «род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески». По публикации М. И. Ростовцева к этому погребению относятся:

« 9) Большие куски бронзовой обивки лошадиного нашейника с орнаментами из сделанных пунктиром линий и розеток. К полосам этой обивки были привешены на бронзовой проволоке бронзовые пластинки полукруглой формы, перегнутые посредине и образующие нечто вроде колокольчиков без языков (ширина полосы 0,155 м; высота привески – 0,09 м; диаметр розеток –

0,03 м; в одном месте две полосы шиты бронзовыми гвоздями [Ростовцев, 1914б, табл. XIX]. Бронзовый же налобник вверху и внизу более широки, чем в середине, к которому были привешены вместо колокольчиков бронзовые небольшие полумесяцы (высота – 0,30 м; ширина вверху и внизу – 0,14 м, ширина посередине – 0,12 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 2]. Бронзовый же нащечник или наглазник снизу с прямым обрезом, сверху закругленный и с полукруглым выступом посередине слева (высота 0,17 м, наибольшая ширина 0,1 м)» [Ростовцев, 1914б, с. 41, табл. XIX-XX]. По описи находок 1869 года это: «Обломки бронзовой чеканной пластины с привесками, находившиеся на шее лошади» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 22 – № 619d].

Погребение № 3 (рис. 15)

Согласно основному тексту отчета В. Г. Тизенгаузена, к этому погребению можно отнести «железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона». Исходя из стилистической близости и одинаковой технологии изготовления, к этому погребению также относятся «два серебряных с позолотой удила (псалия – О. Ш.) с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами» [ОАК, 1869, с. VIII]. По описанию М. И. Ростовцева, это два «железных золоченых удила (высота 0, 11 м) с зубчатыми шариками на концах [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 5]. Железный золоченый язык, верхушка которого украшена головой грифона. Под этой головой дырочка, за которую этот язычок был подвешен; высота – 0,105 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4].

По стилю орнаментации и технологии изготовления к этому комплексу можно отнести также «три железных, покрытых золотом, подвески со скобами, орнаментированными наподобие раковины (высота – 0,036 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 9].

Погребение № 4 (рис. 15)

Этот комплекс по составу инвентаря практически идентичен погребению № 3 (второй налобник с головой грифона и два С-овидных псалия с зубчатыми шариками), за исключением трех перстневидных блях, которые можно условно отнести к погребению № 3, а три золотых обкладки бус бочонковидной формы условно отнести к погребению № 4. Их описание дано М. И. Ростовцевым следующим образом: «Три боченкообразных, с сетчатой выпуклой резьбой на поверхности, бляшки тонкого золота, покрывавших, вероятно, какой-нибудь железный или деревянный предмет той же формы. Высота – 0,021 м» [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 8; Власова, 2004а, рис. 10; ФА ИИМК РАН, Q639.14, № 11926].

Отдельные вещи [см. Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 3, 12, 13], которые не отнесены мною к какому-либо конкретному конскому погребению, имеют, прежде всего, декоративный и *вневременной характер*. Крючок не относится к составу конской упряжи [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 6], несколько крючков были вбиты в стенки каменных конских гробниц, и в одном случае к крючку крепилась бронзовая цепочка. Другая цепочка длиной около мет-

ра была найдена около скелета собаки у лестницы [Ростовцев, 1914б, с. 42]. Из описи 1869 года следует, что одна из цепочек была сдана в Императорский Эрмитаж [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 21 – № 619f].

Хронология выделенных комплексов

Погребение коня № 1

Сложнее всего обстоит дело с датировкой именно этого комплекса. Данное обстоятельство связано с тем, что бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками настолько уникальны по стилю декора, что прямые аналогии им мне до сих пор не известны. Большие стеклянные вставки и крупные вставки полудрагоценных камней (рис. 8) начинают использоваться для украшения блях конского оголовья и поперсья, прежде всего, в I в. н. э. Вероятно, этот стиль декора деталей конского убора начал формироваться ранее, в середине – второй половине I в. до н. э., если можно отнести к предметам украшения уздечного набора комплекс блях из Зубовского хутора [Мордвинцева, Трейстер, 2007, №№ В13.6; В13.7; табл. 9].

Для нас более интересен комплекс тайника № 1 кургана № 1 могильника Дачи, который датируется второй половиной I в. н. э. В составе конского убора из этого тайника есть два фалара, у которых способ крепления камней к бронзовой основе идентичен способу крепления стеклянных вставок к основе у шести фаларов погребения № 1 «Васюринской горы» Вставки агатов были просверлены и крепились к бронзовой основе сквозным штифтом [Сокровища сарматов, 2008, с. 100-101, № 22; L'Or..., 2001, No. 235]. Вероятнее всего, крупная сердоликовая вставка в золотом медальоне из погребения № 254 у с. Заветное также крепилась к основе при помощи центрального штифта [Мордвинцева, Трейстер, 2007, №№ А79.1; табл. 12]. Таким же способом в I–IV вв. н. э. при помощи сквозного штифта крепились к рукоятям мечей навершия из стекла и полудрагоценных камней [Засецкая, Гущина, 1994, № 186, табл. 20; Безуглов, 2000, рис. 2-3; Sharov, 2003, Abb. 2; Carnap-Bornheim von, 2003, Abb. 1-2]. Можно видеть, что традиция украшения крупными стеклянными вставками и специфический способ их крепления появляется в римское время, но тип декора «бегущая волна» и техника его нанесения путем золочения бронзы может свидетельствовать и о более раннем времени их изготовления. Не случайно А. В. Симоненко пишет, что «бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками, по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, *характерные для римского времени*, указывают на сравнительно позднюю дату захоронения. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н. э.» [Симоненко, 2007, с. 108-109]. Автор предложил датировать фалары II в. до н. э., исходя из общего анализа всего комплекса находок из конских погребений «Васюринской горы». Хочется при этом заметить, что золочение бронзы или нанесение на бронзовую основу золоченого орнамента

в античном искусстве было известно с давних времен, но мы не знаем для классического времени и эпохи эллинизма бронзовых ювелирных позолоченных изделий, украшенных крупными стеклянными вставками. Такого рода предметы массово появляются в Римской Империи в I в. н. э. и существуют до эпохи Северов, т. е. до начала III в. н. э. Это, прежде всего, «*dona militaria*» или награды римской армии: бронзовые позолоченные фалеры, которые крепились на перекрестных ремнях поверх панциря и которые, в ряде случаев, трудно отличить от конских фаларов, а также большие стеклянные камеи в золотой или бронзовой оправе [Колобов, 1998, с. 27-28]. Позднее, уже после реформ Септимия Севера, в первой половине III в. н.э. стали золотиться бронзовые и серебряные Т-образные шарнирные или луковичные фибулы (*Zwiebelknopffibel*), на которых при этом часто наносился гравировкой или чернью различный орнамент, причем излюбленным был именно орнамент в виде «бегущей волны» [Шаров, 1999, с. 189-205, рис. 2-3]. Исходя из этих *сугубо предварительных размышлений*, бронзовые позолоченные фалеры со стеклянными вставками следует датировать на данном этапе исследования I–II вв. н.э.

Попытаемся датировать остальные детали упряжи, происходящие из этого комплекса. Уздечному набору, состоящему из бронзовых колец удила с прямоугольными разновеликими фасетированными пластинами, бронзовой пряжки, колокольчика и четырех секировидных подвесок, имеются очень четкие аналогии среди материалов раскопок кургана могильника Высочино вблизи Азова [Безуглов, 1997, с. 133-142]. Это комплект металлических принадлежностей и украшений уздечки, происходящий из впускного погребения № 1 (рис.10-11), которые достаточно компактно концентрировались в северо-западной части могилы. Там были найдены фрагментированные железные удила с бронзовыми кольцами в свободных концах. На каждое кольцо надето по два разновеликих серебряных зажима для крепления ремней повода и оголовья [Безуглов, 1997, рис. 1, 2-3]. Кроме того, здесь были найдены пара секировидных бляшек-подвесок к уздечке (обе имеют бронзовые подкладки с оборота) [Безуглов, 1997, рис. 2, 9-10], пара серебряных овальнорамчатых пряжек с округлыми щитками [Безуглов, 1997, рис. 2, 20-21]. Можно видеть, что и бронзовые кольца удила с фасетированными разновеликими пластинами, и секировидные бляшки-подвески, и бронзовая пряжка из комплекса конского погребения № 1 «Васюринской горы» имеют полные аналогии среди инвентаря азовского погребения. Это подтверждается словами автора публикации: «Уздечный набор из высочинского погребения входит в очень монолитную стилистико-хронологическую группу. Удила с бронзовыми кольцами во внешних концах, снабженные парой разновеликих зажимов, имеют синхронные параллели в кургане I Жутовского могильника, среди остатков уздечного набора, обнаруженного в склепе на Васюринской горе; в Ульском ауле, 1909 г. ... Важнейшим диагностирующим компонентом группы уздечных наборов, к которой принадлежит и рассматриваемый, являются серебряные пластинчатые

подвески, крепившиеся к ремням оголовья с помощью одной заклепки, находящейся на прямоугольном выступе в верхней части. Они хорошо известны в Подонье (Четыре брата, 3/6; Высочино 11, к. 8; Мехзавод, к. 2; Камышевский I, 8/1; Жутово, к. I; Танаис, к. 12/1972 г.), в Южном Приуралье (Джанатан, Лебедевка и др.), единично встречены в Закубанье (Ульский аул, 1909 г.) и на Таманском полуострове (Васюринская гора)» [Безуглов, 1997, с. 136-137]. Эти параллели позволяют нам датировать комплекс уздечных украшений из «Васюринской горы» в пределах последней трети II – первой половины III вв. н.э.

Полученную дату можно скорректировать на основании анализа ременной гарнитуры позднесарматского времени, проведенного В. Ю. Малашевым [Малашев, 2000]. Для его хронологической группы IIА (200/220-250/260 гг.) главным стилистическим, а также хронологическим признаком является появление *фасетировки* практически на всех деталях ременной гарнитуры (рис. 12, В, Г). В этот период появляются практически все типы пряжек и с полукруглой, и с прямоугольной рамкой, и с круглым, и с прямоугольным щитком. Бляхи-подвески конского убора также фасетированы или загнуты по краям и представлены как овальной, так и *секировидной формами*. Следует также отметить, что уже в комплексах этой группы встречены фасетированные наконечники поводьев разной длины» [Малашев, 2000, с. 199-200, рис. 4]. Как можно видеть, все детали упряжи, представленные в нашем случае, имеют четкие параллели среди позднесарматских древностей первой половины III в. н. э. Таким образом, если принимать данный состав конских украшений как принадлежащих к одному конскому захоронению (фалары и уздечный набор), то по совокупности всех имеющихся данных можно датировать его на данном этапе исследования концом II – первой половиной III в. н.э.

Погребение коня № 2 (рис. 4-5)

На основании текста В. Г. Тизенгаузена, можно отнести к этому комплексу детали бронзового конского нагрудника и, возможно, детали оголовья: нащечники, выполненные также из тонких бронзовых пластин с циркульным орнаментом. Комплект удила и иные части конского убора для этого погребения не известны. Вероятно, они были железными и, как в случае с стержневидными псалиями с зубчатыми концами, грызла и другие части (в тексте В. Г. Тизенгаузена: «принадлежащие к ним железные мундштуки и кольца») не сохранились, либо остались в Керченском музее. Проблема датировки этих пластин была недавно затронута А.В. Симоненко [Симоненко, 2007, с. 108-109]. Он пишет: «Нагрудник из Острога – весьма интересная находка, особенно для территории Украины (рис. 14). Сейчас, после выхода работ Е. А. Бегловой [Беглова, 2002], Б. А. Раева и Г. Е. Беспалого [Раев, Беспалый, 2006], стало ясно, что в эллинистическое время варвары Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья использовали конский убор особого типа, *впервые найденный еще при раскопках кургана № 1 Васюриной Горы* [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 1, 2]. В одной из конских гробниц этого кургана были обнаружены

узкие прямоугольные пластины, подобные пластинам из Острого, с таким же орнаментом и подвешенными «полуколокольчиками» [Симоненко, 2007, рис. 9, 2] и фрагментированная фигурная пластина с пуансонным орнаментом и подвешенными к нижнему краю лунницами [Симоненко, 2007, рис. 9, 3], украшавшая нагрудник другой конструкции. Практически аналогичны ей [Симоненко, 2007, рис. 9, 4-6] пластины из ритуального комплекса № 1 Тенгинского некрополя [Беглова, 2002, с. 158, 159, рис. 2, 3] и культового комплекса в кургане на грунтовом могильнике Новолабинского IV городища [Раев, Беспалый, 2006, с. 40, 41, табл. 38, 1, 5]» [Симоненко, 2007, с. 108-109] (рис. 13, 4).

А. В. Симоненко, как уже было отмечено выше, опираясь на анализ хронологии всех предметов из конских погребений «Васюринской горы» как единого комплекса, датировал его II в. до н. э. Вполне вероятно, что он частично прав с этой датой, но только не для всех комплексов конских захоронений Васюринской горы, а именно для данного конского погребения. Е.А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н.э. [Беглова, 2002, с. 159], нагрудник из этого комплекса наиболее близок типологически и по стилю декора бронзовому нагруднику из конского погребения № 2 «Васюринской горы». На основании вышесказанного, этот комплекс можно датировать также первой четвертью II в. до н.э. Вероятно, это время вторичного вскрытия склепа и последующего захоронения в нем: разрушенное погребение в склепе, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор с клеймами первой четверти II века до н.э., и *синхронное ему захоронение коня при входе.*

Погребения коней № 3 и № 4 (рис. 15)

По поводу хронологии типов предметов, которые можно отнести к этим захоронениям, особых сомнений не возникало – по налобнику с головой грифона и С-овидным псалиям с шариками на концах эти погребения можно датировать временем сооружения склепа [Ростовцев, 1912б; Власова, 2004а, с. 165], т. е. *первой половиной III века до н. э.* Сомнения появились в последнее время у А. В. Симоненко. Он пишет, что «подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II–I веков до н. э.: бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков – в Веселой Долине, бронзовые и серебряные перстневидные бляхи – в Снигиревке и Великопоском. Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III–I вв. до н. э. Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы – более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов» [Симоненко, 2007, с. 108]. Тем не менее можно видеть, что налобники с крючком являются позднейшей модификацией более ранних налобников с головками грифонов в «скифском стиле» (рис. 16, 21, 22) типа «Васюринской горы» и типа «Карагодеуашха» [см: Полин, 1992, рис. 8, 21, 22], и относить железный позолоченный налобник ко II–I векам до

н. э. у нас пока нет никаких оснований [Симоненко, 2001, рис. 5-6]. То же самое можно сказать по поводу С-овидных псалий из «Васюринской горы», которые украшены серебром и золотом, на концах имеют зубчатые шарики и рубчатые кольца на стержнях. И псалии, и налобники, и перстневидные бляхи были изготовлены из железа, которое затем было позолочено, и вместе они составляют единый стилистический набор. Учитывая мнение А. В. Симоненко о том, что в данном случае мы исследуем «парадный и более изысканный вариант» предметов конской упряжи, характерных для II–I вв. до н. э., можно предложить более широкую дату для комплексов конских захоронений № 3 и № 4 – весь III в. до н. э. При этом очень вероятно, что эти два конских захоронения относятся ко времени совершения основного погребения в склепе, хотя нельзя исключить и других решений.

Заключение

В результате данного исследования можно сделать следующие выводы. В.Г. Тизенгаузен в 1869 году открыл и описал отдельно 4 конских погребения у входа в склеп Большого кургана «Васюринской горы». По его краткому описанию можно разделить с определенной долей условности инвентарь конских захоронений на четыре отдельных комплекса, учитывая при этом результаты работ Е. В. Власовой [Власова, 1998; 2004а; 2004б]. К погребению коня № 1 относится набор из бронзовых позолоченных фаларов со стеклянными вставками и уздечный набор с бронзовыми кольцами с прямоугольными пластинами и секировидными подвесками. На основании анализа типов вещей его можно датировать концом II – первой половиной III в. н.э. К погребению коня № 2 относится набор бронзовых нагрудных пластин; на основании аналогий его можно датировать началом II в. до н.э. К погребениям коней №№ 3 и 4 относятся железные позолоченные налобники, железные позолоченные С-овидные псалии с шариками на концах и железные позолоченные перстневидные бляхи. Имеющиеся аналогии позволяют датировать эти комплексы III в. до н.э.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что при строительстве склепа в III веке до н. э. были одновременно с ним построены у входа и каменные ящики, в которых были совершены первые конские захоронения. Вероятно, два из них (№ 3 и № 4) сохранились нетронутыми с того времени. В начале II в. до н. э. склеп был вскрыт для следующего погребения, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор, а при входе было совершено сопровождающее его погребение коня в бронзовом нагруднике. В конце II – первой половине III в. н.э. склеп был вновь вскрыт, в нем было совершено еще одно погребение, при этом были разрушены или потревожены более ранние погребения, тогда же при входе в каменный ящик было совершено захоронение коня № 1.

Были ли произведены захоронения во всех четырех ящиках изначально или только в двух, остается только гадать.

О.В. Шаров

ПРО КІНСЬКІ ПОХОВАННЯ ВЕЛИКОГО КУРГАНУ
ВАСЮРИНСЬКОЇ ГОРИ

Резюме

У цій статті проаналізовані матеріали розкопок В.Г. Тизенгаузена у 1869 році, коли були відкриті кінські поховання біля входу у склеп Великого кургану Васюринської гори. По короткому опису В.Г. Тизенгаузена можна умовно розподілити інвентар кінських поховань на чотири окремих комплексів, враховуючи при цьому результати робіт О.В. Власової (Власова. 1998; 2004а; 2004б). До поховання коня № 1 відноситься набір з бронзових позолочених фаларів зі скляними вставками і вуздечковий набір з бронзовими кільцями з прямокутними платівками та секіровідними підвісками. На основі аналізу типів речей його можна датувати кінцем II – першою половиною III ст. н.е. До поховання коня № 2 відноситься набір бронзових нагрудних платівок. На основі аналогій його можна датувати початком II ст. до н.е. До поховань коней №№ 3 та 4 відносяться залізні позолочені начільники, залізні позолочені С-подібні псалії з шарами на кінцях та залізні позолочені персневидні бляхи. На основі аналогій можна датувати ці комплекси III ст. до н.е.

Таким чином, можна сказати, що при будівництві склепу у III столітті до н.е. були одночасно з ним побудовані у вході і кам'яні скрині та були зроблені перші кінські поховання. Мабуть, два з них (№ 3 і № 4) збереглися незайманими з того часу. Чи були з самого початку поховання у всіх чотирьох скринях або тільки у двох, залишається тільки гадати. На початку II ст. до н.е. склеп був відкритий для слідкуючого поховання, від якого залишилися лише фрагменти родоських амфор, а на вході було здійснено супроводжуюче його поховання коня № 3 у бронзовому нагруднику. У кінці II – першій половині III ст. н.е. склеп був знову відкритий, в ньому було здійснено ще одне поховання, при якому були зруйновані та пошкоджені більш ранішні поховання у склепі, тоді ж при вході у кам'яній скрині було зроблено поховання коня № 1.

О. В. Шаров

«О КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ
БОЛЬШОГО КУРГАНА ВАСЮРИНСКОЙ ГОРЫ»

Резюме

В данной статье проанализированы материалы раскопок В.Г. Тизенгаузена в 1869 году, когда были открыты конские погребения у входа в склеп Большого кургана «Васюринской горы». По краткому описанию В. Г. Тизенгаузена можно условно разделить инвентарь конских захоронений на четыре отдельных комплекса, учитывая при этом результаты работ Е. В. Власовой [Власова. 1998; 2004а; 2004б]. К погребению коня № 1 относится набор из бронзовых позолоченных фаларов со стеклянными вставками и уздечный набор с бронзовыми кольцами с прямоугольными пластинами и секировидными подвесками. На основании анализа типов вещей его можно датировать концом II – первой

половиной III в. н. э. К погребению коня № 2 относится набор бронзовых нагрудных пластин. На основании аналогий его можно датировать началом II в. до н. э. К погребениям коней №№ 3 и 4 относятся железные позолоченные налобники, железные позолоченные С-овидные псалии с шариками на концах и железные позолоченные перстневидные бляхи. На основании аналогий можно датировать эти комплексы III в. до н. э.

Таким образом, можно сказать, что при строительстве склепа в III веке до н. э. были одновременно с ним построены у входа и каменные ящики и были совершены первые конские захоронения. Вероятно, два из них (№ 3 и № 4) сохранились нетронутыми с того времени. Были ли изначально захоронения во всех четырех ящиках или только в двух, остается только гадать. В начале II в. до н. э. склеп был вскрыт для следующего погребения, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор, а при входе было совершено сопровождающее его погребение коня № 3 в бронзовом нагруднике. В конце II – первой половине III в. н. э. склеп был вновь вскрыт, в нем было совершено еще одно погребение, при котором были разрушены или потревожены более ранние погребения в склепе, тогда же при входе в каменном ящике было совершено захоронение коня № 1.

O. V. Sharov

ON THE HORSE INTERMENTS OF THE BIG BARROW «VASIURINA GORA»

Summary

The article analyzes data gathered by V. G. Tiesenhausen in excavations of 1869 when the horse interments were found at the crypt's entrance of the Big Barrows «Vasiurina Gora». According to the Tiesenhausen's brief description and taking into consideration the results of the work by E. V. Vlasova [Власова. 1998; 2004a; 2004b] the whole inventory of the horse burial site can be divided into four separate complexes. The interment of the horse № 1 contains the set of gilded bronze phalerae decorated with glass inserts, poleaxe-shaped pendants and a bridle set with bronze rings and rectangular plaques. From the types of items the interment may be attributed to the late II – early III century A.D. A set of bronze breastplates belong to interment of the horse № 2. From analogies it may be dated from the early II century B.C. The interments of the horses №№ 3, 4 include gilded iron frontlets, gilded iron S-shaped cheek-pieces with small balls on the ends and gilded iron annular plates. From analogies the last two complexes may be attributed to the III century B.C.

Consequently, the crypt and the stone boxes with the first horse interments were made simultaneously. Apparently two of them – №№ 3, 4 – survived intact. It remains unclear whether all four boxes contained interments or only two of them. At the beginning of the II century B.C. the crypt was opened for the following burial. Only fragments of Rhodian amphorae remained from it. While at the entrance the horse № 3 was buried with a bronze breastplate on. In the late II – first half of the III century A.D. the crypt was uncovered again. A new burial took place in it while the earlier ones were disturbed or ruined. The interment of the horse № 1 was made on the same occasion.

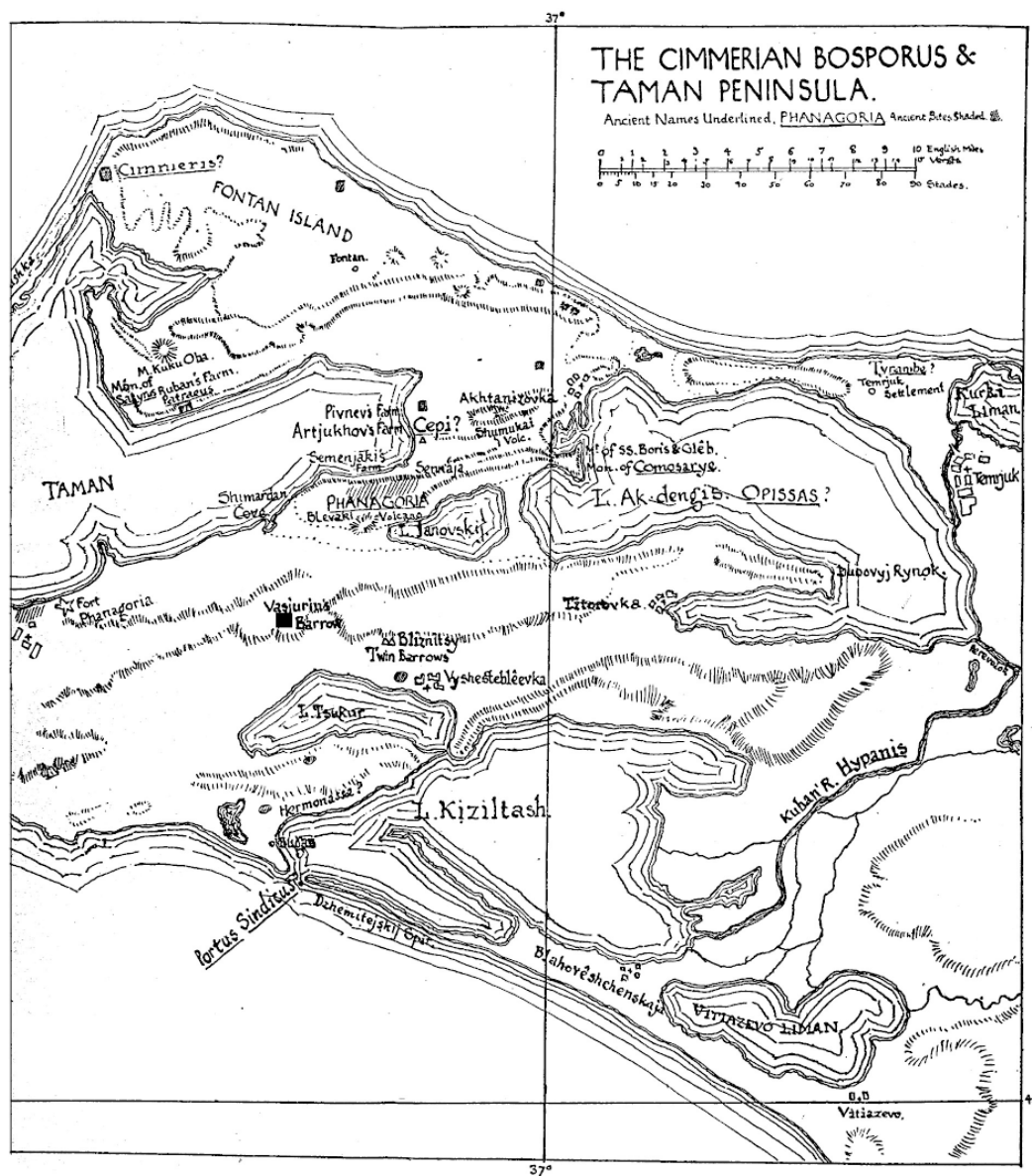

Рис. 1. Археологические памятники Таманского полуострова по Э. Миннзу (Minns 1913)

■ - местонахождение Васюринской горы.

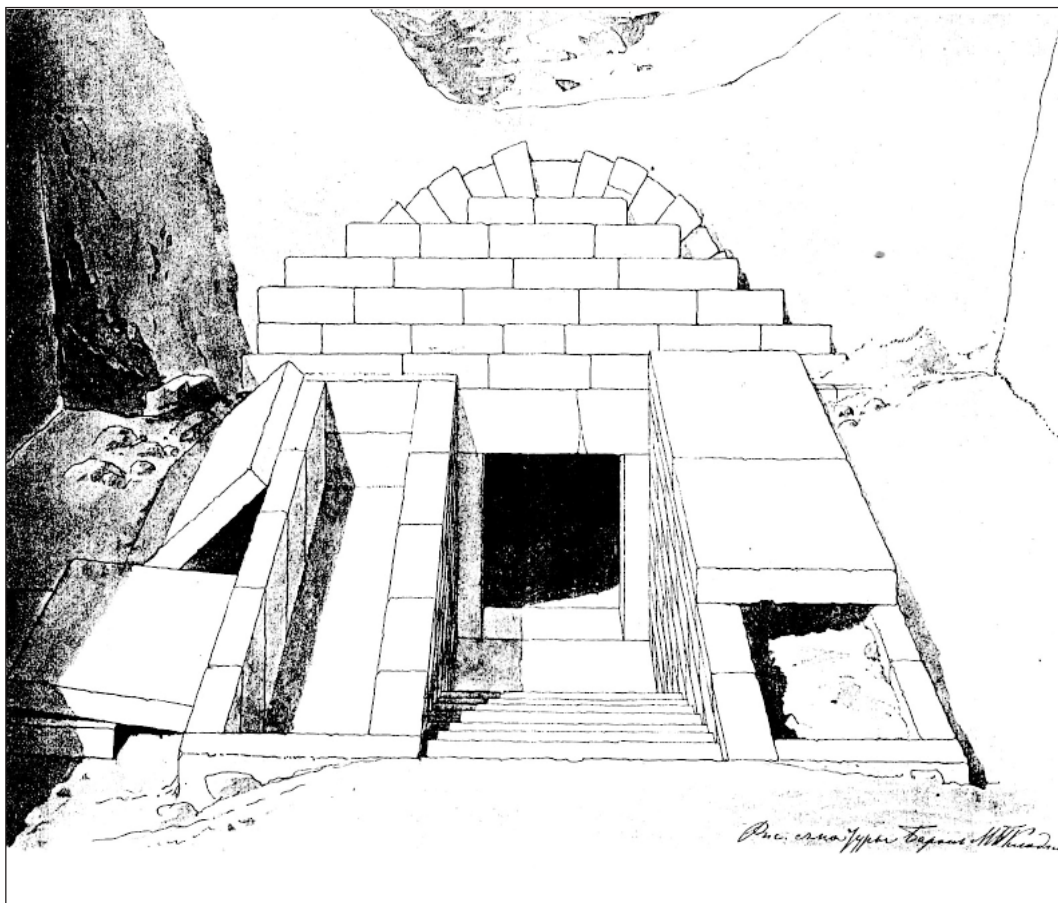

Рис. 2. Вход в склеп кургана № 1 Васюринской горы и конские погребения в каменных ящиках (Ростовцев, 1914, таб. XII).

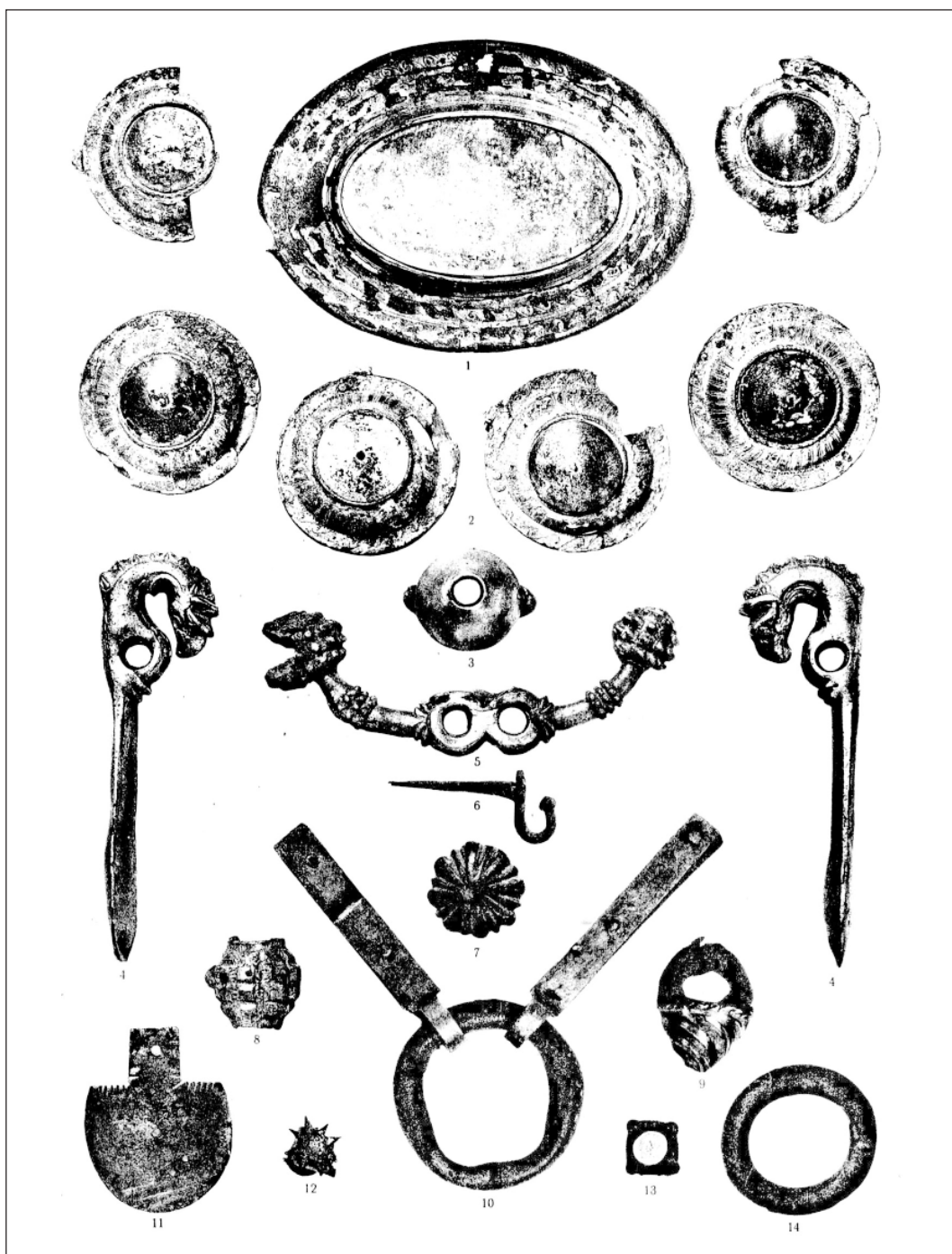

Рис. 3. Бронзовые и железные части упряжи, найденные в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XVIII).

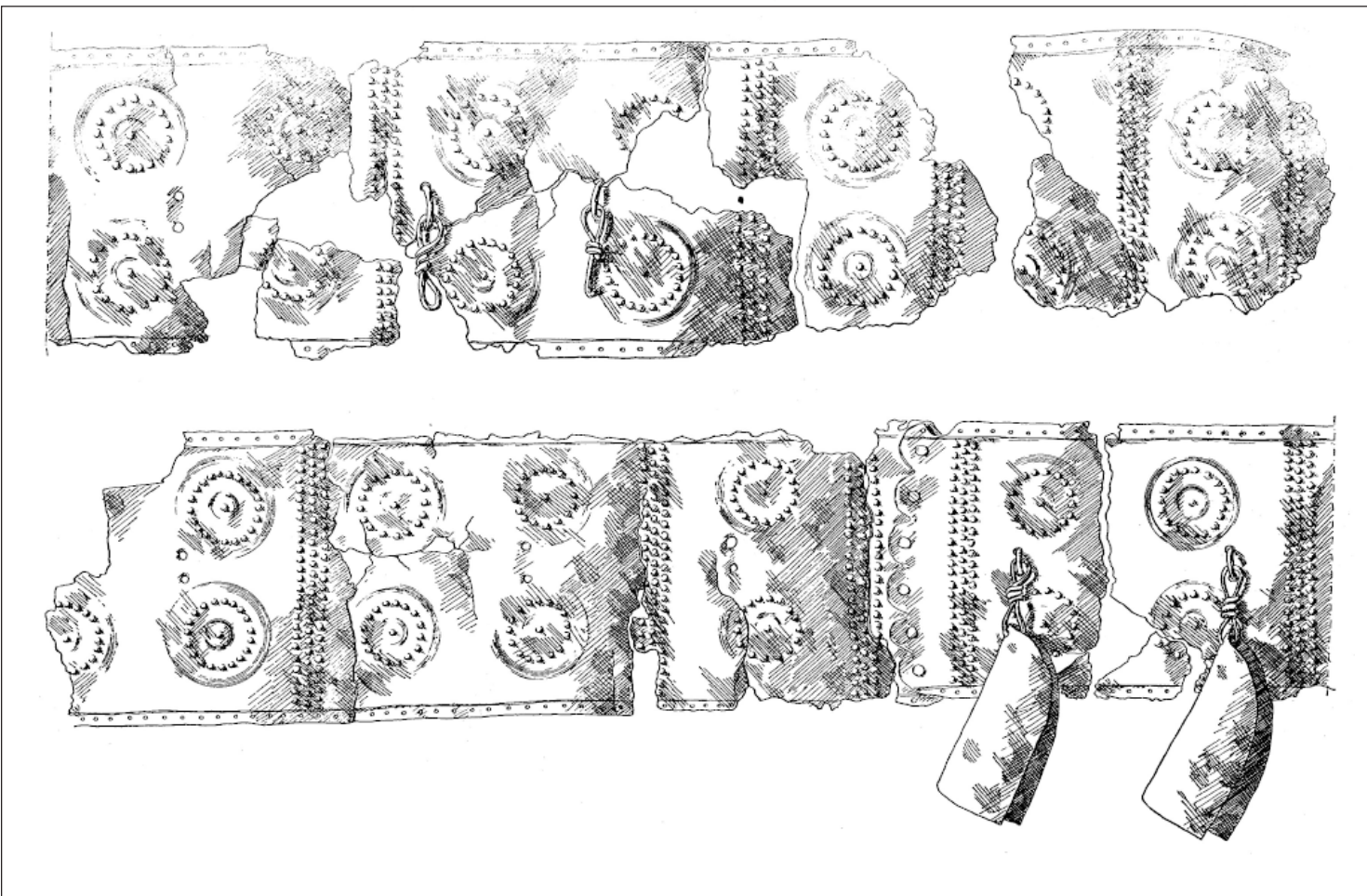

Рис. 4. Бронзовая обивка ременных частей упряжи, найденная в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XIX).

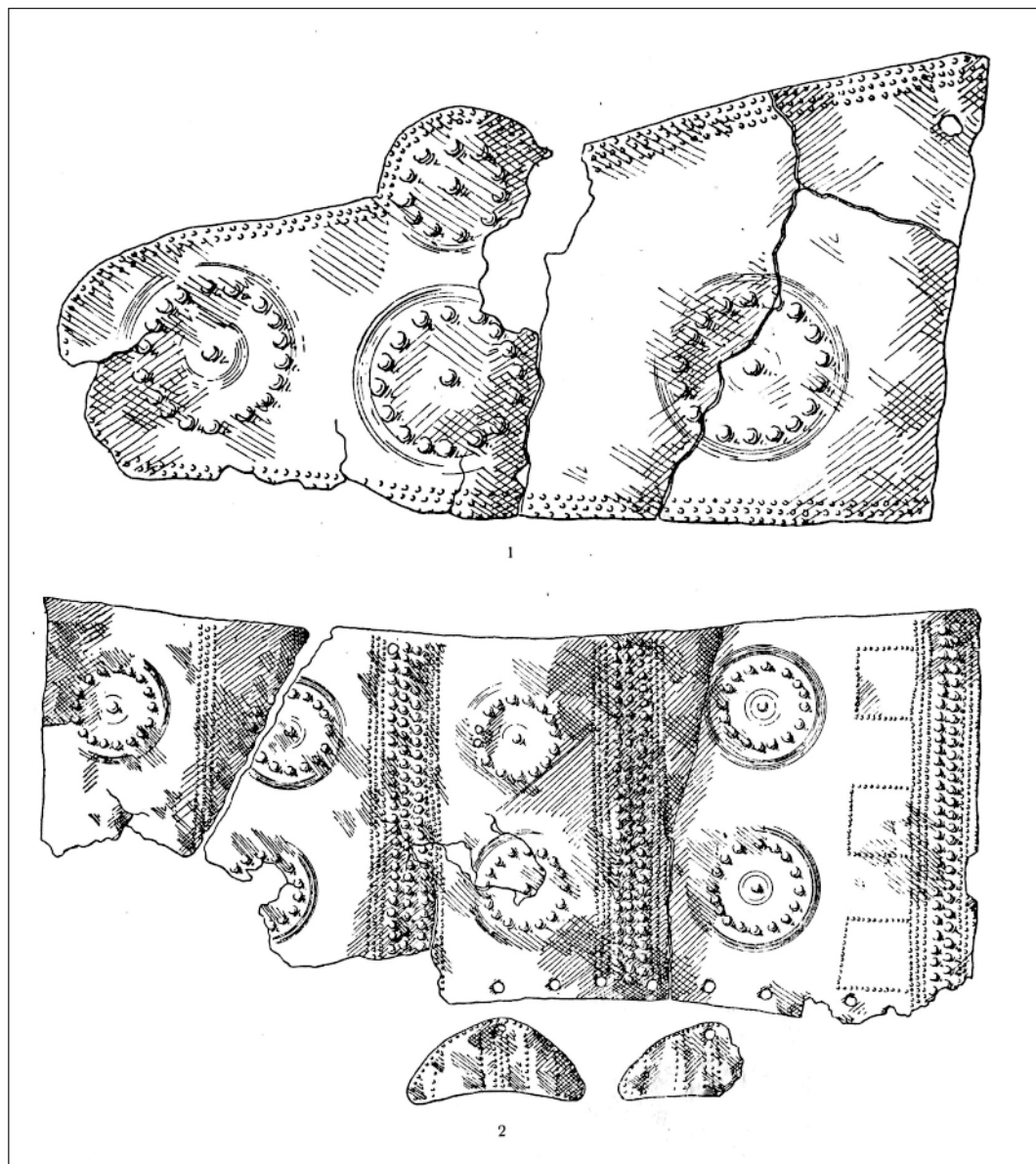

Рис. 5. Бронзовая обивка ременных частей упряжи, найденная в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XX).

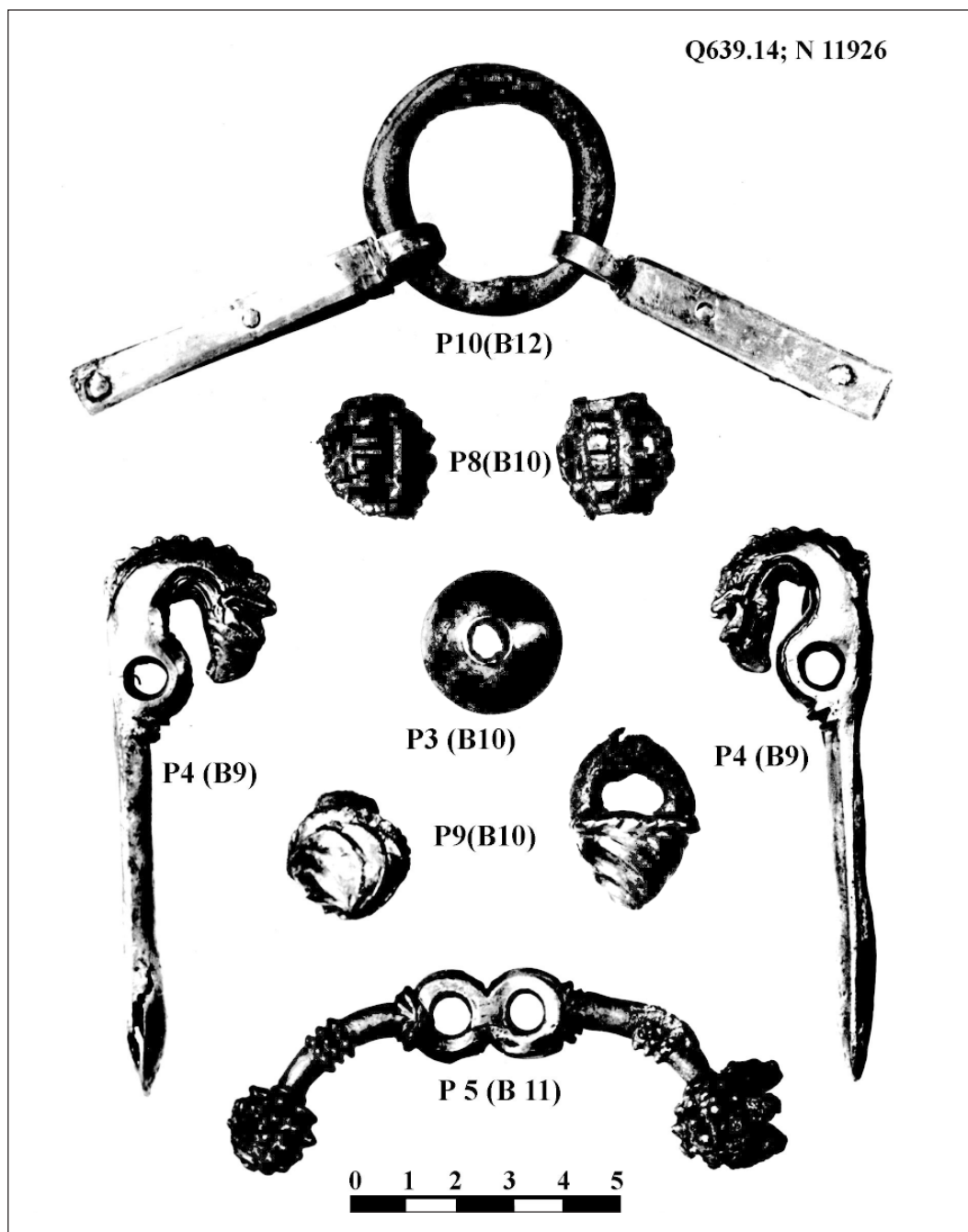

Рис. 6. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: P3, P4, P5, P8, P10 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); B9, B10, B 11, B 12 (Власова, 2004, рис. 9-12).

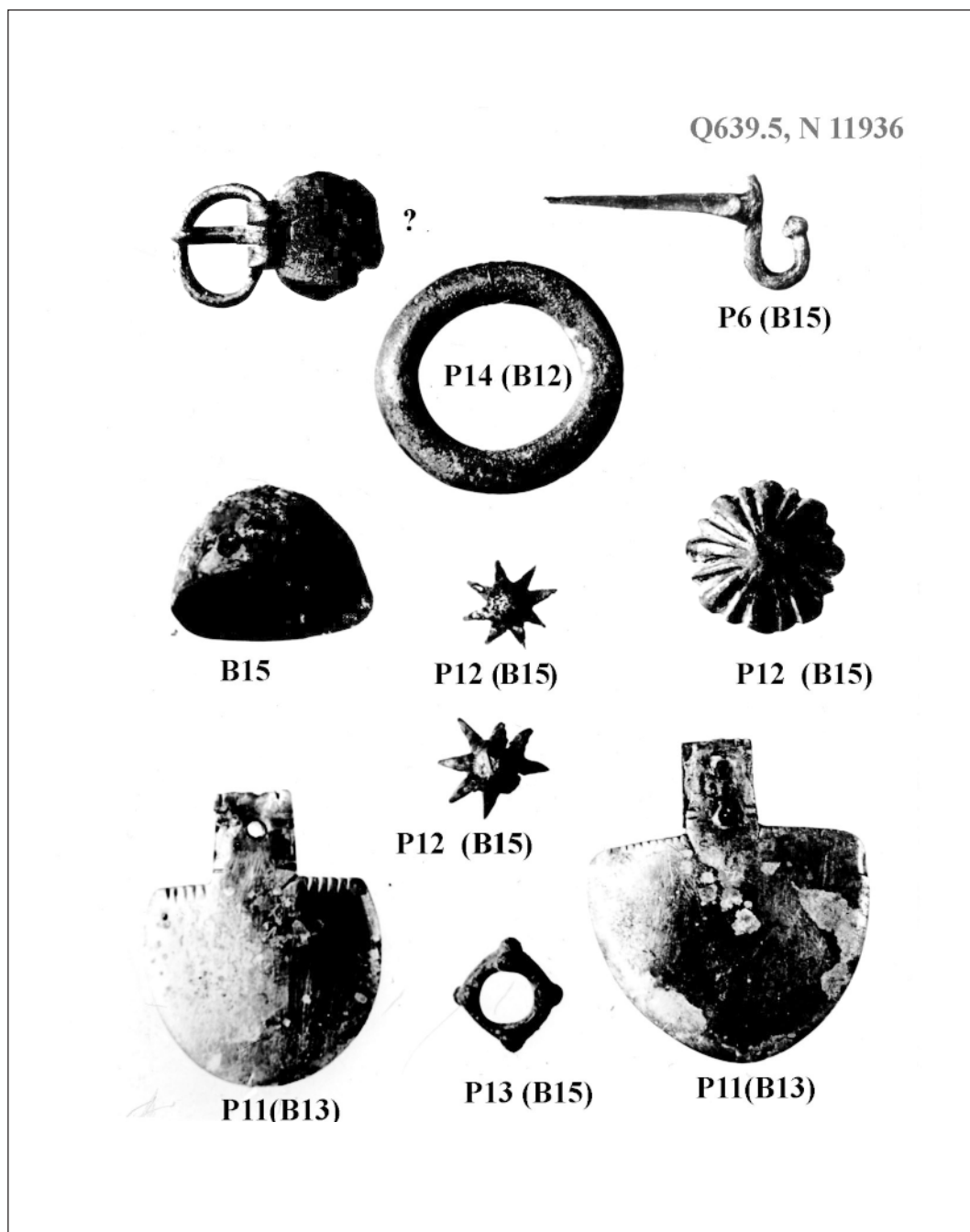

Рис. 7. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: Р 6, Р 11, Р 12, Р 13, Р 14 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); В12, В 13, В 15 (Власова, 2004, рис. 12, 13, 15).

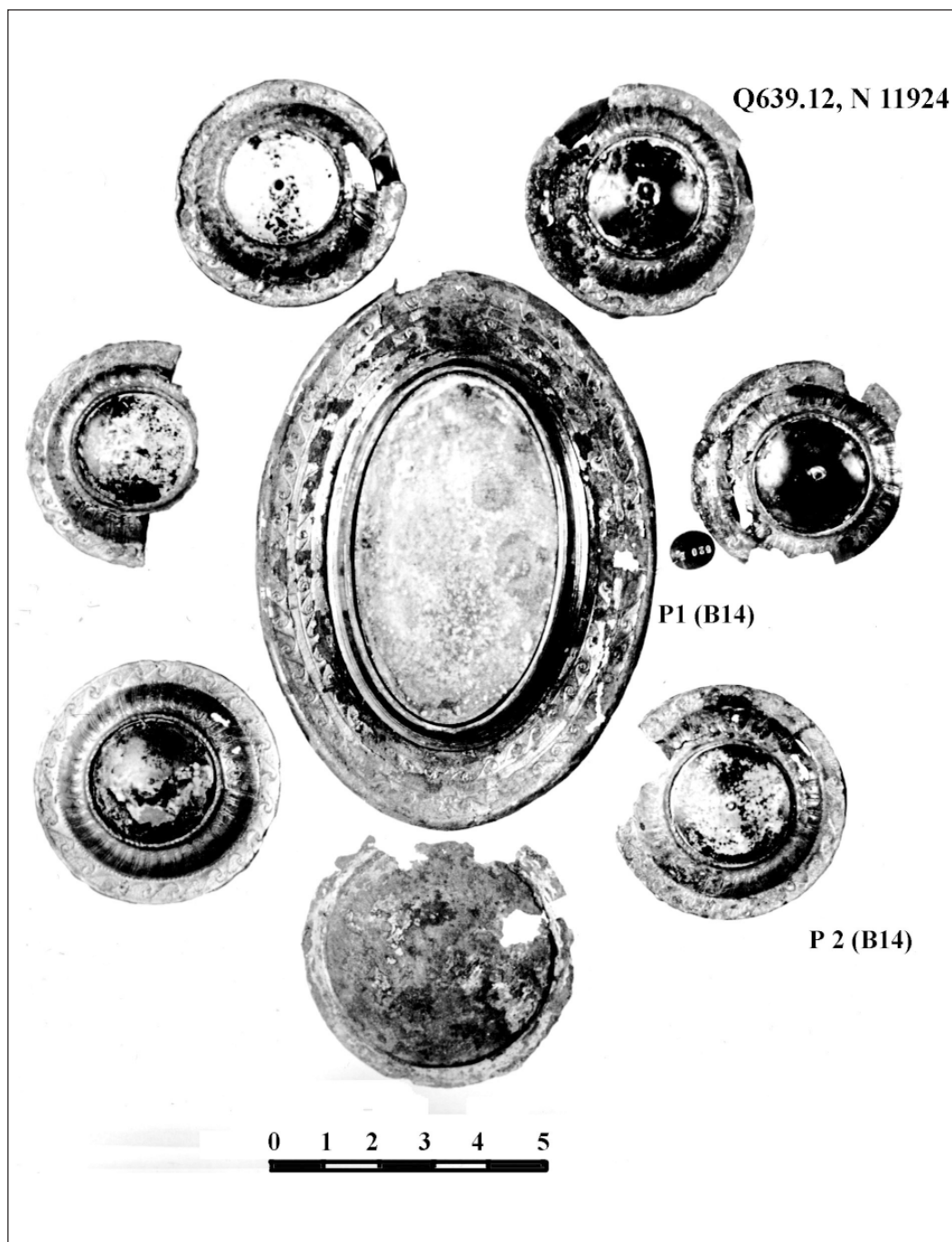

Рис. 8. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: P 1, P 2 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); B 14 (Власова, 2004, рис. 14).

Рис. 12. Кольца с зажимами (ГЭ, № Вас. 13)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

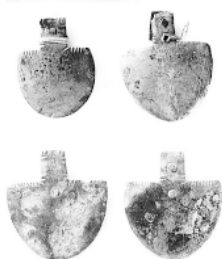

Рис. 13. Полуовальные бляхи с выступами (ГЭ, № Вас. 14)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

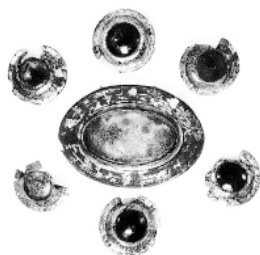

Рис. 14. Фалары со стеклянными вставками (ГЭ, № Вас. 15)

Рис. 10. Ворворка (ГЭ, № Вас. № 10)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 15. Колокольчик (ГЭ, № Вас. 18)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 15. Колпачок (ГЭ, № Вас. 19)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 9. Инвентарь конского погребения № 1 первого кургана Васюринской горы. Номера даны: (Власова, 2004, рис. 10, 12-15).

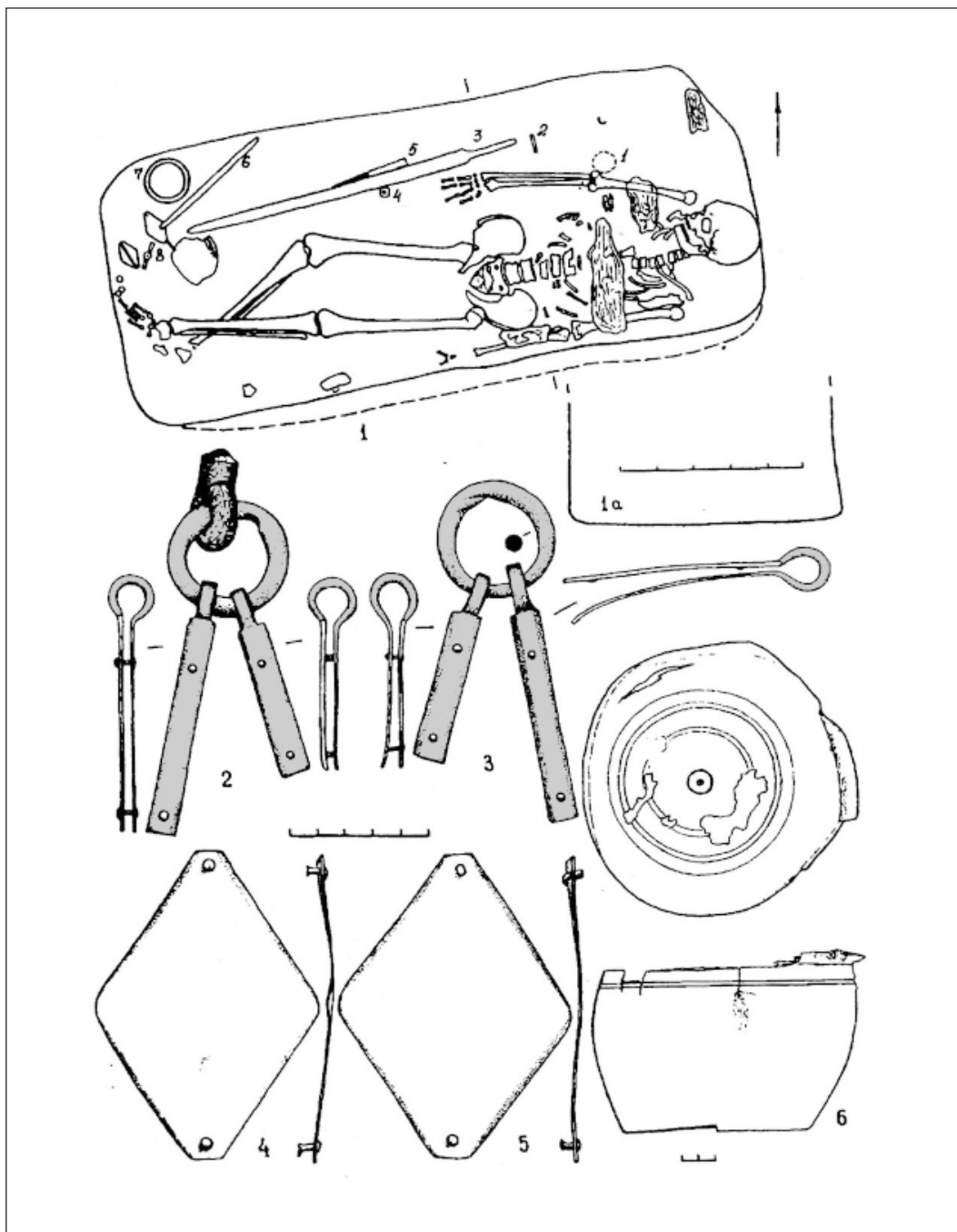

Рис. 10. Инвентарь и план погребения 1 кургана 12 Высочино VII.

1 – План погребения; 2-3 – кольца удил с зажимами; 4-5 – серебряные нащечники; 6 – бронзовый ковш; (Безуглов, 1997, рис. 1).

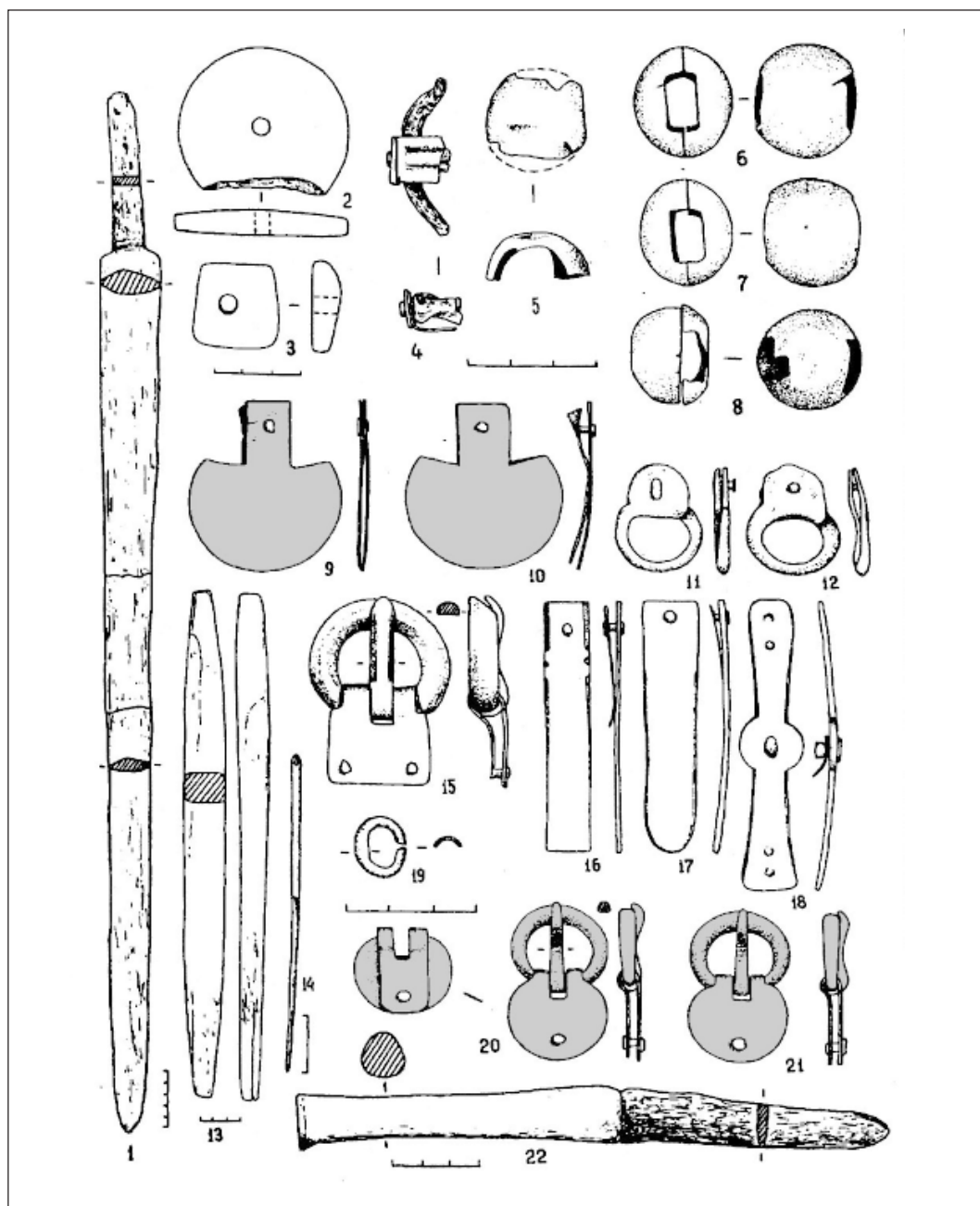

Рис. 11. Инвентарь и план погребения 1 кургана 12 Высочино VII.

1 – меч; 2 – навершие; 3 – бусина; 4 – остатки нагайки; 5-8 – уздечные бусы; 9-10 – подвески к уздечке; 11-12 – бронзовые пряжки; 13 – оселок; 14 – бронзовая игла; 15, 20-21 – серебряные пряжки; 16-17 – серебряные наконечники ремней; 18 – пропеллеровидная бляшка; 19 – серебряная обойма; 22 – нож с костяной рукоятью (Безуглов, 1997, рис. 2).

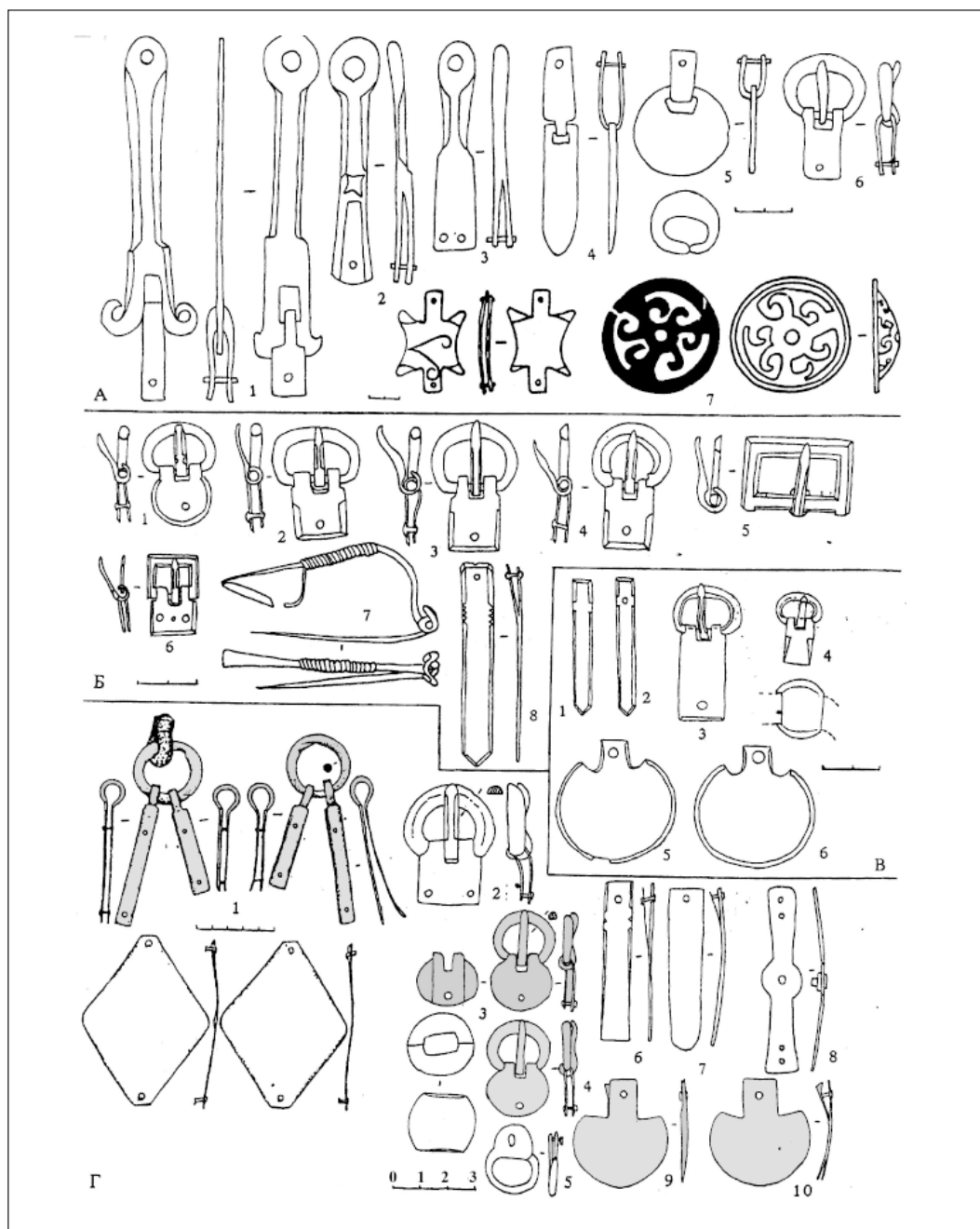

Рис. 12. Хронологическая группа IIa позднесарматской культуры по В. Ю. Малашеву (Малашев, 2000, рис. 4).

А – Котлубань, курган 2; Б – Ростов -на- Дону, курган 6; В – «Четыре брата», курган 3, погребение 6;
Г – Высочино VII, курган 12, погребение 1;

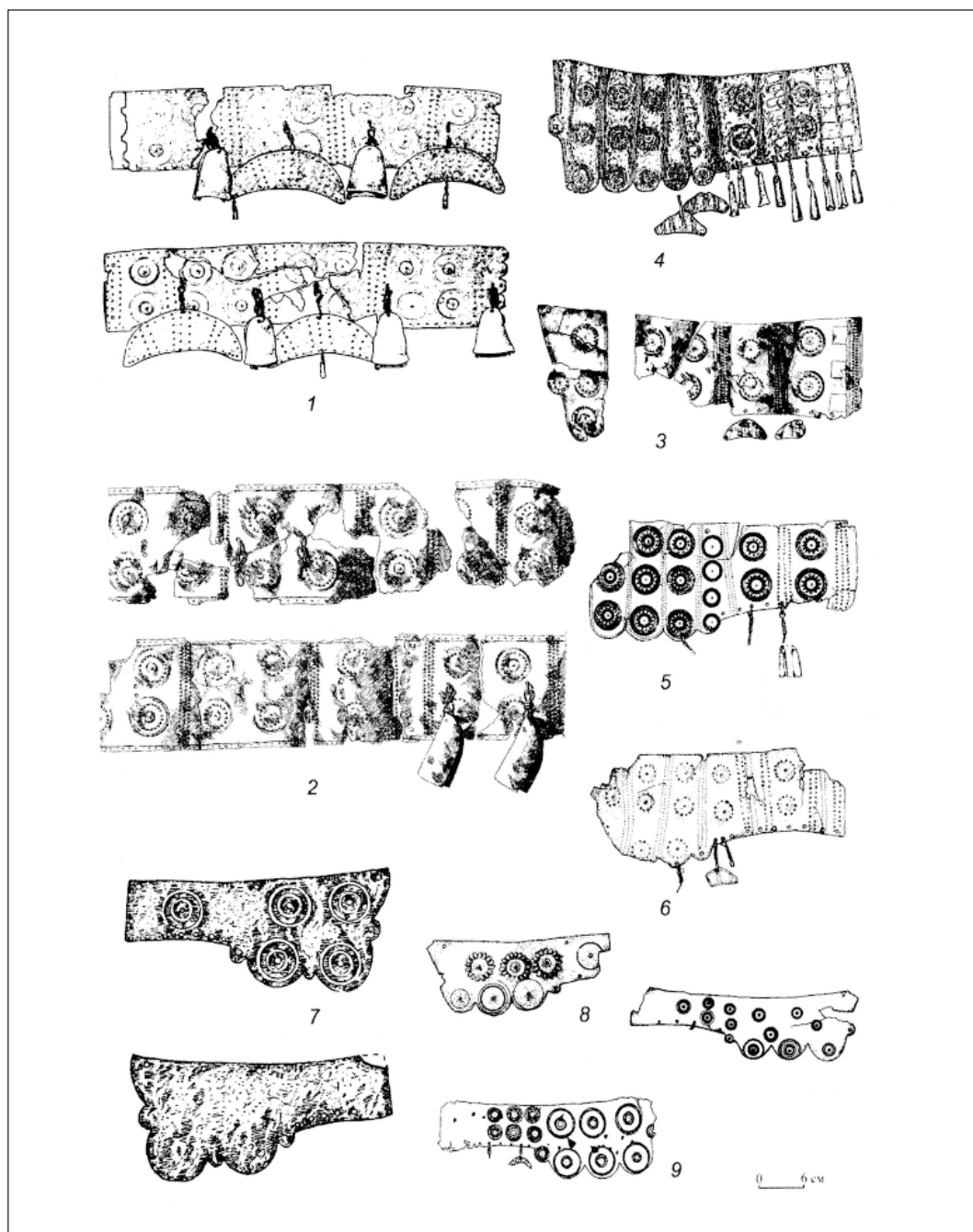

Рис. 13. Бронзовые пластины нагрудников эллинистического времени.

1 – Острый; 2, 3 – Васюринская гора; 4 – Тенгинский могильник; 5, 6, 8 – курган у станции Новолабинская; 7 – Никополь; 9 – склеп на Татарском городище (Симоненко, 2007, рис. 9).

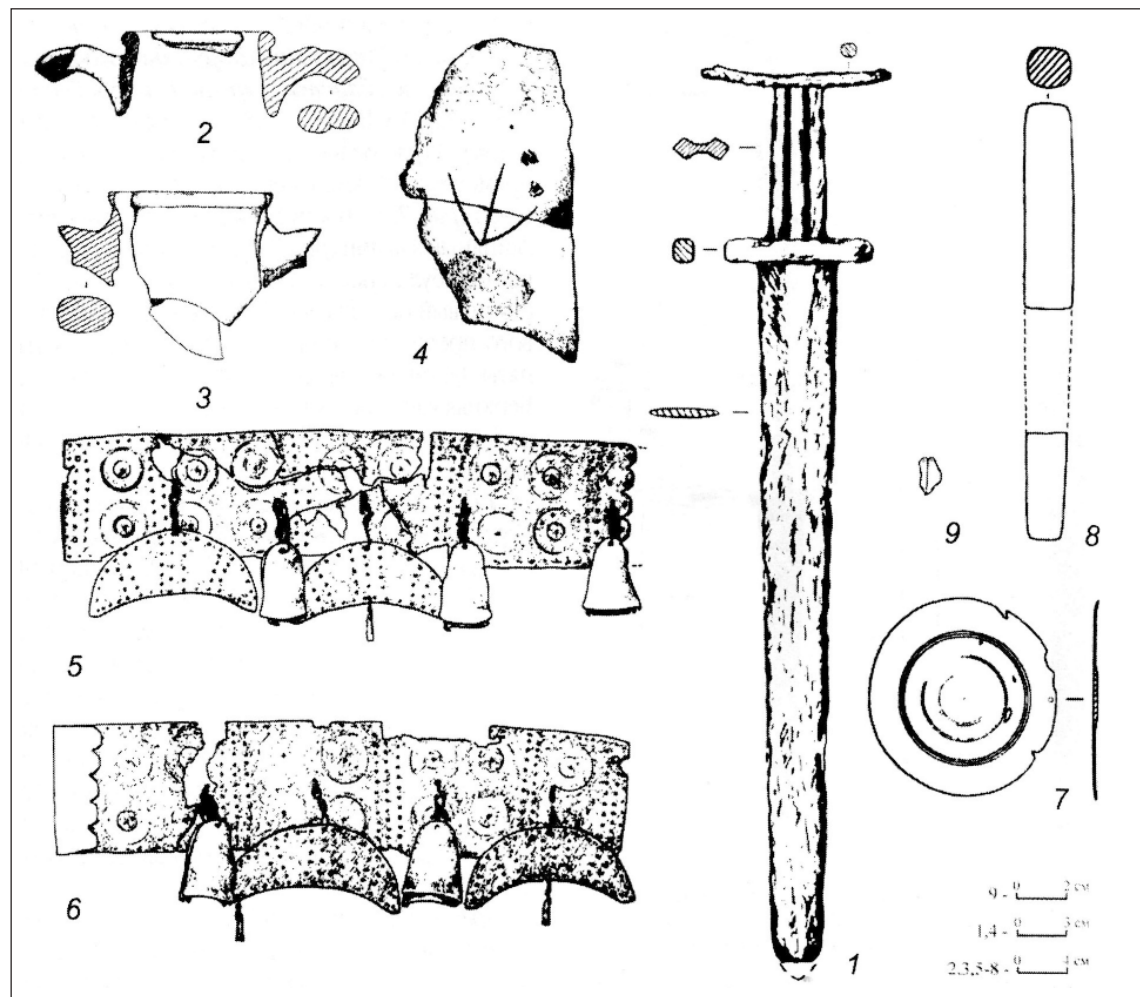

Рис. 14. Находки из насыпи кургана № 2 у пос. Острый (Симоненко, 2007, рис. 3).

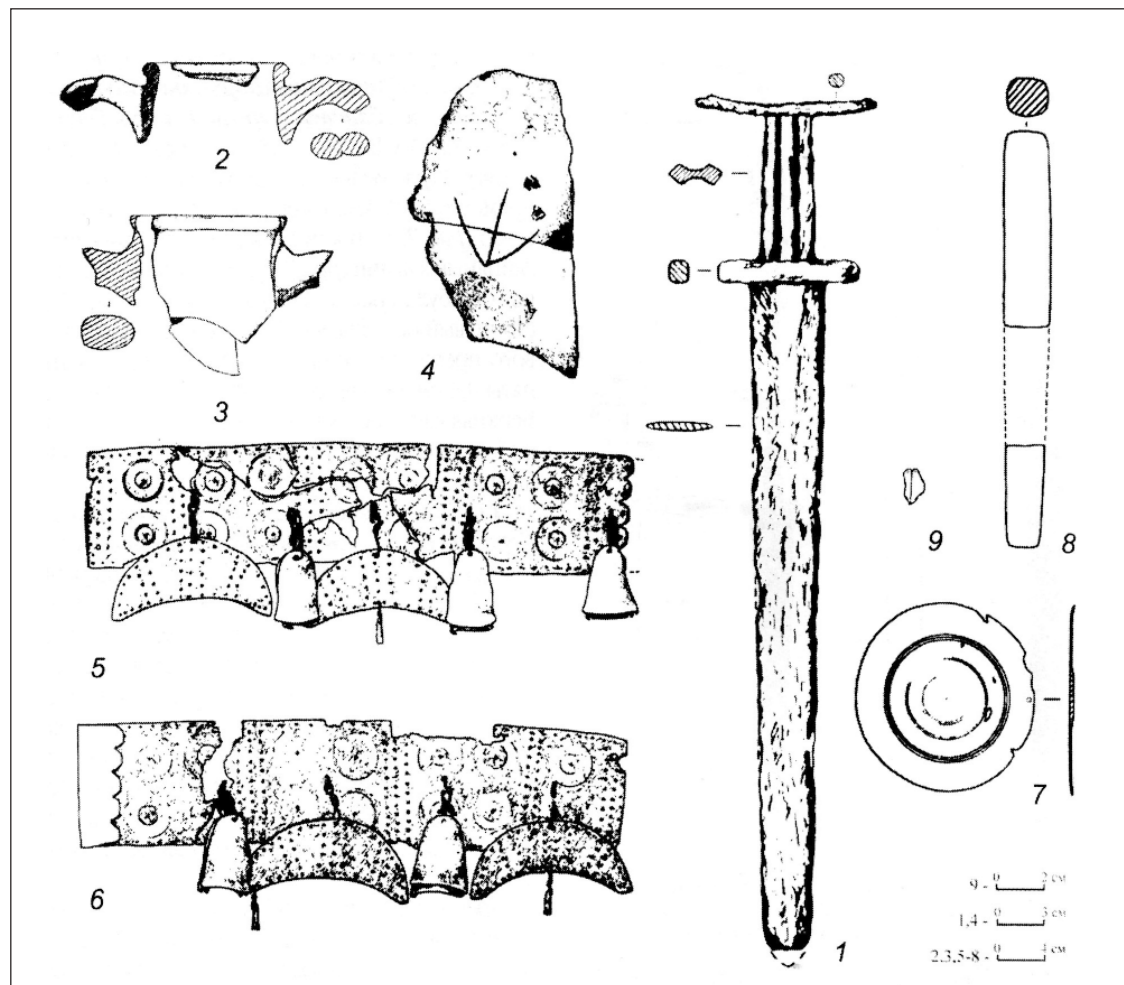

Рис. 15. Инвентарь конских погребений № 3 и № 4 первого кургана Васюринской горы. Номера даны: (Власова, 2004, рис. 9 -11).

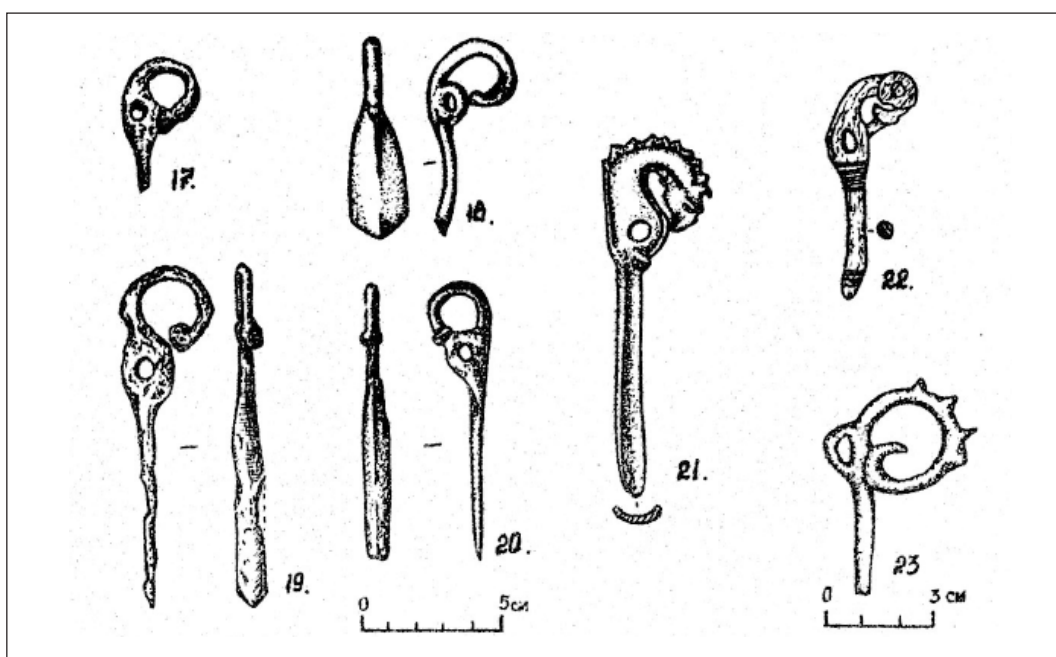

Рис. 16. Стержневидные налобники с крючком (Полин, 1992, рис. 8).

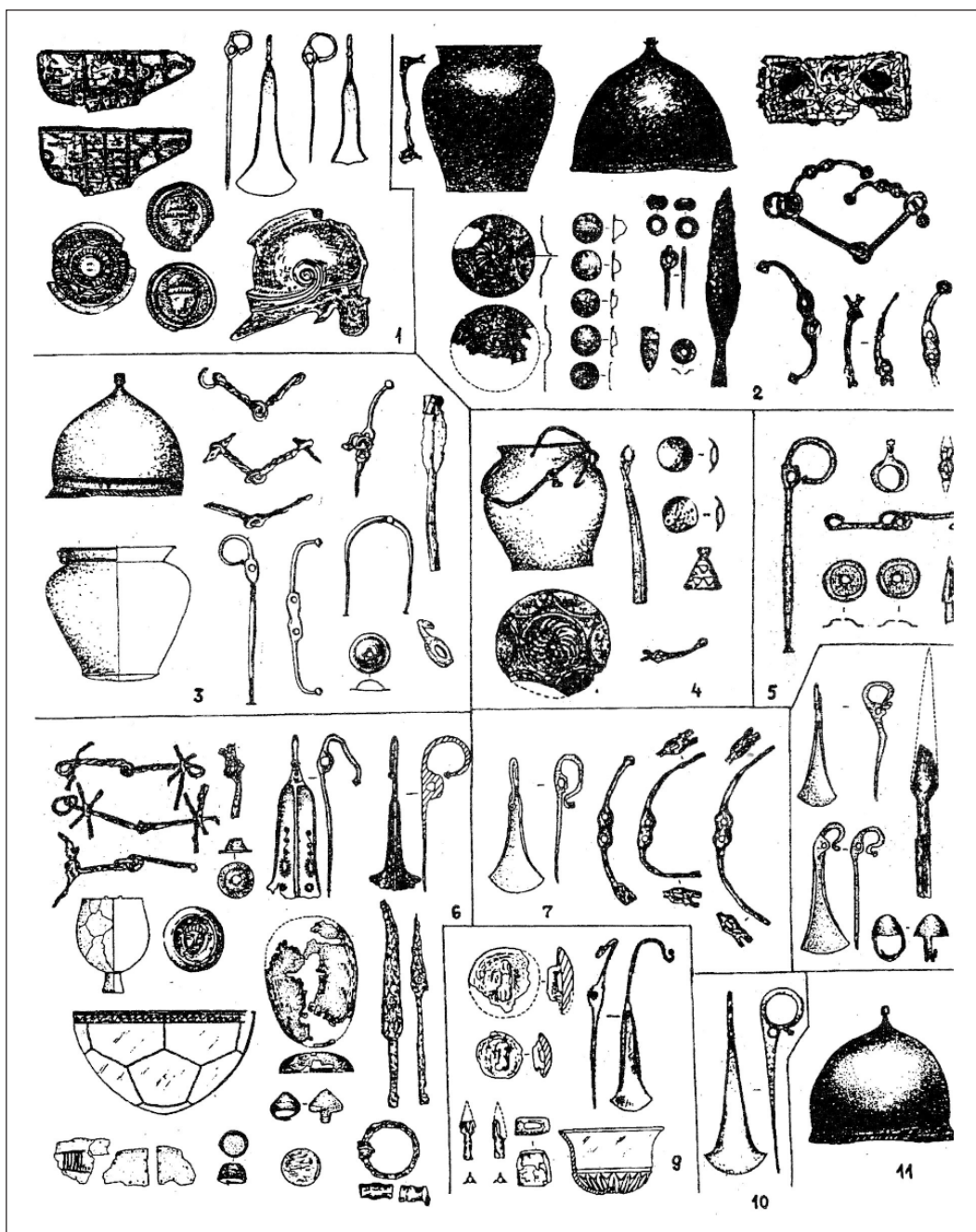

Рис. 17. «Клады» II-I вв. до н. э. (западная группа);

1 – Бобучь; 2 – Веселая Долина; 3 – Марьевка; 4 – Новые Бедражи; 5 – Бравичены; 6 – Великопоское; 7 – Нововасильевка; 8 – Снегиревка; 9 – Семеновка; 10 – Тараклия; 11 – Беленькое; (Симоненко, 2001, рис. 5).

Рис. 18. «Клады» II-I вв. до н. э. (восточная группа);

1 – Квашино; 2 – Антиповка; 3 – Клименков хутор; 4 – Новочеркасс; 5 – Сергиевская; 6 – Привольное; 7 – Мелитополь (Токмак – Могила); 8 – Новопрохоровка; 9 – Курганинск; 10 – Кисловодск; 11 – Ханкальское городище; 12 – Грушевская; 13 – Ахтанизовская; (Симоненко, 2001, рис. 6).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* 2002. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликова А.В.* 2008. Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия (2002 г.) // РА. № 1. С. 73-88.
- Абрамзон С.М.* 1951. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. XIV. С. 132-156.
- Абрамов А.П.* 1994. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. № 3. С. 4-135.
- Абрамов А.П., Паромов Я.М.* 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. № 2. С. 25-98.
- Абрамова М.П.* 1978. К вопросу об аланской культуре на Северном Кавказе // СА. № 1. С. 72-82.
- Абрамова М.П.* 1992. Ранние аланы на Северном Кавказе III–V вв. н.э. М.
- Абросов В.Н.* 1962. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 94. Вып. 4. С. 325-328.
- Айбабин А.* 1999. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуры. Киев. С. 242-251.
- Акимов В.О.* 2005. О редкой разновидности бронзовых пантикапейских монет III в до н.э. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М. С. 23-25.
- Алексеев А.Ю.* 1992. Скифская хроника. СПб.
- Алексеев А.Ю.* 1993. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти акад. М.И.Ростовцева). Новочеркасск. С. 28-38.
- Алексеев А.Ю.* 2003. Хронография Европейской Скифии. VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И. и др.* 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.
- Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* 1968. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2. С. 15-45.
- Алексеева Е.М.* 1997. Античный город Горгиппия. М.
- Амброз А.К.* 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2. С. 96-123.
- Андреев Ю.В.* 1993. Кто изобрел греческую фалангу? // ПАВ. № 7. С. 36-42..
- Андреев Ю.В.* 1996. Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ. № 1. С. 3-17.
- Андреев Ю.В., Марченко К.К.* 2005. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 400-415.
- Анохин В.А.* 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В.А.* 1999. История Боспора Киммерийского. Киев.
- Анфимов Н. В.* 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. Вып. VII. С. 258-267.
- Анфимов Н.В.* 1951а. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. Вып. 37. С. 238-244.
- Анфимов Н.В.* 1951б. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. № 23. С.155-207.
- Анфимов Н. В.* 1953. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. Вып. 51. С. 99-111.
- Анфимов Н.В.* 1958. Из прошлого Кубани. Краснодар.
- Анфимов Н.В.* 1966. Денежное обращение на Елизаветинском городище – эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157-165.

- Анфимов Н.В. 1967. Меоты и их взаимодействия с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М. С. 127-131.
- Анфимов Н. В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса П. Горшки // Античные древности Подонья-Приазовья. МИА. № 154. С. 173-220.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М.
- Артамонов М.И. 1972. Скифское царство // СА. № 3. С. 56-57.
- Артамонов М.И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л.
- Артамонов М.И. 1977. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л. С. 4-13.
- Артамонов М.И. 2002². История хазар. СПб.
- Археология Венгрии. 1986. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. М.
- Ахмадеева М.М. 2005. Динамика состава керамического комплекса поселения Волна I // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. МНК. СПб. С. 88-95.
- Ахмадеева М.М. 2006. Количественная характеристика состава керамического комплекса поселения Заветное-5 // [Соловьев, Шепко, 2006, с. 73-86].
- Бабенко Л.И. 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков.
- Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л. С. 136-187.
- Бартольд В.В. 1963. Таджики. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М. С. 451-468.
- Барфилд Т. 2002. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное изменение. Т. 5. М. С. 59-85.
- Бациева С.М. 1982. Бедуины и горожане в Мукаддуме Ибн Халдуна // С. Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М. 311-356.
- Башикиров А.С. 1928. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции РАНИОН. Т. III. С. 71-86.
- Беглова Е.А. 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. М. С. 157-168.
- Безрученко И.М. 1999. Древнегреческая Киренаика в VII-IV вв. до н.э. // ПИФК. Вып. VII. С. 61-166.
- Безуглов С.И. 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азов и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов. С. 80-87.
- Безуглов С.И. 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов. С. 133-142.
- Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи. МИАД. Вып. I. Ростов-на-Дону. С. 169-193.
- Бернштам А. 1946. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.-Л.
- Бернштам А.М. 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Бичурин (Иакинф) Н.Я. 1950а. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.
- Бичурин (Иакинф) Н.Я. 1950б. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л.
- Блаватская Т.В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М.
- Блаватская Т.В. 1993. Посвящение Левкона I // РА. № 2. С. 34-48.
- Блаватский В.Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В.Д. 1959. Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // ПИСП. С. 7-39.
- Блаватский В.Д. 1960. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ВИ. № 10. С. 76-88.
- Блаватский В.Д. 1964. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М.

Список литературы

- Блаватский В.Д. 1985. Античная археология и история. М.
- Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Поротов А.В. 2001. Эколого-палеогеографические условия Таманского полуострова в античную эпоху и предшествующие периоды голоцена // Пыльца как индикатор состояния окружающей среды и палеоэкологические реконструкции. Материалы I Международного семинара. М. С. 33-36.
- Болгов Н.Н. 1996. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени. Белгород.
- Болгов Н.Н. 2002. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Белгород.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. 2002. Введение: Социальная эволюция, альтернатива и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М. С. 9-36.
- Боплан (Г.) 1832. Описание Украины. СПб.
- Борухович В.Г. 1972. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах (перевод Г.А. Стратановского). Л. С. 457-499.
- Ботяков Ю.М. 2002. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб.
- Боузек Я.Г. 2006. Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений, и их параллели в других странах периферии греческого мира // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону. С. 34-37.
- Брашинский И.Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.
- Брашинский И.Б. 1985. Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 199-206.
- Бромлей Ю.В. 1981. Современные проблемы этнографии. М.
- Бруяко И.В. 1999. О событиях III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. № 3. С. 76-91.
- Бруяко И.В. Феномен «всадничества» евразийских степей (рубеж II–I тыс. до Р.Х.) // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной конференции. Ашхабад. С. 12-15.
- Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. Кишинев.
- Бубенок О.Б. 2003. Относительно монгольского присутствия на Боспоре в 1222–1223 гг. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения. ТДК. Керчь. С. 26-31.
- Бурачков П.О. 1884. Общий каталог монет принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. Одесса.
- Буровский А.М. 1995. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. Вып. 3. М. С. 151-164.
- Бутягин А.М. 1996. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. ТД тематической науч. конф. СПб. С. 45
- Бутягин А.М. 2005. Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. СПб. С. 80-84.
- Быков Н.И., Быкова В.А. 2007. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул. С. 6-7.
- Вайнштейн С.И. 1972. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.
- Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму // ИРАИМК. Т. I. С. 265-344.
- Васильев А.Н. 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб. С. 111-128.
- Васильевский В. 1872. Византия и печенеги // ЖМНП. Ч. 11. С. 116-165.
- Васютин С.А. 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М. С. 86-98.
- Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. 2005. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Изд-во Иркутского гос. технического университета. С. 10-38.
- Вахтина М.Ю. 1984. Греко-варварские контакты VII–V вв. до н.э. по материалам степной и

- лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма. Автореф. диссерт. ... канд. историч. наук. Л.
- Вахтина М.Ю. 1989. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск. С. 74-88.
- Вахтина М.Ю. 1995. О древнейших оборонительных сооружениях древнего Порфмия // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК) СПб. С. 31-33.
- Вахтина М.Ю. 1997. Фрагменты жаровни из Порфмия // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Псков. Т. 1. С. 131-132.
- Вахтина М.Ю. 2002. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмия // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. ММНК. СПб. Ч. 1. С. 94-98.
- Вахтина М.Ю. 2003. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения. ТДК. Керчь. С. 31-35.
- Вахтина М.Ю. 2005а. Античный Порфмий. Основные этапы существования // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. VI Боспорские чтения. ТДК. Керчь. С. 44-49.
- Вахтина М.Ю. 2005б. Раскопки Порфмия в Восточном Крыму // Археологические исследования в Украине. Киев. С. 98-99.
- Вахтина М.Ю. 2006. Об архаическом Порфмий // БИ. Т. XIII. С. 31-46.
- Вахтина М.Ю. 2007. Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества. Вып. 9-10. Нижний Новгород. С. 55-67.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. № 4. С. 155-161.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. 2001. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. Ч. I. СПб. С. 41-45.
- Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В. Новые данные о некрополе Порфмия // Археологические вести. 2006. СПб. Вып. 13. С. 182-194.
- Вдовиченко И.И. 2006. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб. С. 32-35.
- Вернадский Г.В. 1997. Монголы и Русь. Тверь.
- Веселов В.В. 1952. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ. Т. 1. С. 227-237.
- Веселов В.В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. Supplementum II. М.
- Виноградов Ю.А. 1991. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород. С. 12-19.
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора, М. С. 99-120.
- Виноградов Ю.А. 1993а. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. Вып. 9. С. 79-96.
- Виноградов Ю.А. 1993б. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск. С. 38-51.
- Виноградов Ю.А. 1995. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. № 3. С. 152-160.
- Виноградов Ю.А. 1998. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. Вып. 1. СПб. С. 62-68.
- Виноградов Ю.А. 1999а. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus. Vol. 5. 1. С. 56-82.
- Виноградов Ю.А. 1999б. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. С. 101-115.

Список литературы

- Виноградов Ю.А. 2000а. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. № 3. С. 98-128.
- Виноградов Ю.А. 2000б. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // *ΣΥΣΤΙΓΙΑ*. Памяти Ю.В. Андреева. СПб. С. 227-232.
- Виноградов Ю.А. 2001а. Две Скифии и скифы царские // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. Ч. II. СПб. С. 124-127.
- Виноградов Ю.А. 2001б. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // *ВДИ*. № 4. С. 77-87.
- Виноградов Ю.А. 2001в. О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // *ANAXAPΣIΣ*. Памяти Ю.Г. Виноградова. Херсонесский сборник. Вып. 11. С. 65-69.
- Виноградов Ю.А. 2001г. Итоги археологического изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Третья кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, Анапа. С. 17-20.
- Виноградов Ю.А. 2002. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире*. СПб. С. 183-196.
- Виноградов Ю.А. 2003. Уособица сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 3. Краснодар. С. 77-92.
- Виноградов Ю.А. 2004а. О двух волнах сарматских миграций в Причерноморских степях доримской эпохи // *Херсонесский сборник*. Вып. 13. С. 20-28.
- Виноградов Ю.А. 2004б. Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // *БИ*. Вып. 7. С. 89-111.
- Виноградов Ю.А. 2005а. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 211-296.
- Виноградов Ю.А. 2005б. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // *Stratum plus*. 2003-2004. № 3. С. 198-207.
- Виноградов Ю.А. 2006а. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. ММНК. СПб. С. 36-43.
- Виноградов Ю.А. 2006б. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // *Записки ИИМК РАН*. № 1. С. 69-77.
- Виноградов Ю.А. 2006в. Еще раз о дате Федюловского клада // *In situ*. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб. С. 207-227.
- Виноградов Ю.А. 2007а. Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н.э. // *Из истории античного общества*. Вып. 9-10. Н.Новгород. С. 118-139.
- Виноградов Ю.А. 2007б. Культурные комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Боспорские чтения. VIII. Керчь. С. 62-65.
- Виноградов Ю.А. 2008. Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия (По материалам раскопок 1992-1994 гг.) // *ВДИ*. № 1. С. 42-54.
- Виноградов Ю.А., Кашаев С.В. 2003. Боспорская экспедиция ИИМК РАН // *АО* 2002 г. С. 233-235.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА*. № 1. С. 145-155.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье // *ВДИ*. № 1. С. 80-84.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 2005. Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 27-41.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Rogov E.Ya. 1997. Сарматы и гибель Великой Скифии // *ВДИ*. № 3. С. 92-103.
- Виноградов Ю.А., Rogov E.Ya. 1997. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // *Stratum + ПАВ*. СПб-Кишинев. 1997. С. 66-72.
- Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. 1994. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // *ВДИ*. № 1. С. 54-63.
- Виноградов Ю.Г. 1980. Перстень царя Скила. Политическая и дипломатическая история скифов в первой половине V в. до н.э. // *СА*. № 3. С. 92-108.
- Виноградов Ю.Г. 1983. Полис в Северном Причерноморье // *Древняя Греция*. Т. 1. Становление и развитие полиса. М. С. 366-420.

Боспорские исследования, вып. XXII

- Виноградов Ю.Г.* 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. № 1. С. 55-86.
- Виноградов Ю.Г.* 1989. Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М.
- Виноградов Ю.Г.* 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 2. С. 151-170.
- Виноградов Ю.Г.* 1997. Херсонесский декрет «О несении Диониса» IOSPE. I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3. С. 104-124.
- Виноградов Ю.Г.* 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V в. до н.э.) // ВДИ. № 1. С. 233-247.
- Виноградов Ю.Г.* 1999. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье. С. 59-62.
- Виноградов Ю.Г.* 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. № 3. С. 3-22.
- Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П.* 2003. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археология. № 1. С. 44-53.
- Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П.* 1985. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 589-600.
- Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М. С. 310-371.
- Винокуров Н.П.* 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.
- Витрувий.* 1936. Десять книг об архитектуре. М.
- Владимирцов Б.Я.* 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
- Власова Е.В.* 1998. О склепе Большого Васюринского кургана // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6-го археологического семинара. Ч. 1. Краснодар. С. 15-18.
- Власова Е.В.* 2004а. Курганы Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб. С. 158-174.
- Власова Е.В.* 2004б. Курганы Васюринской горы // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК. Ч. 1. СПб. С. 275-287.
- Власова Е.В.* 2005. Семибратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб. С. 70-74.
- Высокий М.Ф.* 2003. Эллыны в Одрисском царстве в V-IV вв. до н.э. // Studia historica. Vol. III. С. 53-62.
- Габуев Т.А.* 1996. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.
- Гаврилов А.В.* 2001. Новые находки античных монет в юго-восточном Крыму // БИ. Вып. 1. С. 185-206.
- Гаврилов А.В.* 2004. Округа античной Феодосии. Симферополь.
- Гаврилов А.В., Шонов И.В.* 2007. Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса (по нумизматическим материалам одной усадьбы) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. ММНК. Ч. 2. С. 346-357.
- Гаврилюк Н.А.* 1989. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев.
- Гаврилюк Н.А.* 1999. История экономики степной Скифии VII–III вв. до н.э. Киев.
- Гаврилюк Н.А., Черненко Е.В.* 1991. «Скифский» поход Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон. С. 65-69.
- Гадло А.В.* 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гайдукевич В.Ф.* 1934. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // ИГАИМК. Вып. 104. С. 211-315.
- Гайдукевич В.Ф.* 1949. Боспорское царство. М.–Л.
- Гайдукевич В.Ф.* 1955. История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк) // АГСП. I. С. 23-147.
- Гайдукевич В.Ф.* 1958. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. № 58. С. 9-148.
- Гайдукевич В.Ф.* 1959. Боспор и скифы (тезисы доклада) // ПИСП. С. 276-278.
- Гайдукевич В.Ф.* 1966. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. № 1. С. 47-67.
- Галанина Л.К.* 2003. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. Вып. 36. С. 89-99.

Список литературы

- Гарбузов Г.П. 2003. Анализ пространственного размещения крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. 6. С. 77-94.
- Геннинг В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии. Киев.
- Герц К. 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. (М.).
- Гилевич А.М. 1994. Монеты из раскопок Порфмия // Всероссийская нумизматическая конференция. ТДК. СПб. С. 24-25.
- Гилевич А.М. 1999. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV–II вв. до н.э. // Археологические вести. 6. С. 346-373.
- Гильом де Рубрук. 1993. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы. С. 75-173.
- Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. 2005. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // ДБ. Т. 8. С. 52-97.
- Голенко К.В. 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. Вып. XI. С. 61-93.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. 1980. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье. XIV Международный конгресс исторических наук. М.
- Горбунова К.С. 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
- Горлов Ю.В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. Т. 11. С. 86-105.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. 1999. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища // ПИФК. Т. VIII. С. 172-174.
- Горончаровский В.А. 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. № 6. С. 79-83.
- Горончаровский В.А. 2001. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова. Херсонесский сборник. Вып. 11. С. 72-85.
- Горончаровский В.А. 2003. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. до н.э. // ВДИ. № 3. С. 161-170.
- Горончаровский В.А. 2004. Проблемы хронологии Семибратнего городища // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК. Ч. 2. СПб. С. 56-60.
- Горончаровский В.А. 2005. Семибратнее городище (Лабрит): итоги и перспективы исследования // Stratum plus. 2003-2004. № 3. Кишинев. С. 208-219.
- Горончаровский В.А. 2006а. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. ММНК. СПб. С. 43-53.
- Горончаровский В.А. 2006б. Оборонительная система Илурата // РА. № 4. С. 119-130.
- Горончаровский В.А. 2007. К вопросу о конструкции боспорских седел I–III вв. н.э. // Antiquitas aeterna. Приволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Саратов. С. 324-334.
- Готье Ю.В. 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л.
- Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре. МИА. № 36.
- Граков Б.Н. 1971. Скифы. Научно-популярный очерк. М.
- Грач Н.Л. 1999. Некрополь Нимфея. СПб.
- Греков Б., Якубовский А. 1937. Золотая Орда. Л.
- Григорьев В.В. 1875. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 178. С. 1-27.
- Григорьев Д.В. 2006. Об отдельных проблемах в изучении денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ДБ. Т. 10. С. 156-167.
- Грицик Е.В. 2004. О датировке жаровен из Порфмия // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК. СПб. Ч. I. С. 152-156.
- Гричук В.П. 1940. Методика обработки осадочных пород, бедных органическими остатками, для целей пыльцевого анализа // Проблемы физической географии. Вып. 8. С. 53-58.
- Грязнов М.П. 1955. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и южной Сибири // КСИЭ. Вып. 24. С. 19-27.
- Гумилев Л.Н. 1966. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии (опыт историко-географического синтеза) // НАА. 4. С. 85-94.
- Гумилев Л.Н. 1967. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. № 1. С. 53-66.
- Гумилев Л.Н. 1968. Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest. S. 262-269.
- Гумилев Л.Н. 1972. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 4. С. 44-52.

- Гумилев Л.Н. 1987. Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // ВИ. № 11. С. 64-77.
- Гумилев Л.Н. 1992. Древняя Русь и Великая степь. М.
- Гумилев Л.Н. 1993. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.
- Гуцина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. М.
- Дандамаев М.А. 1985. Политическая история Ахеменидской державы. М.
- Дашевская О.Д. 1981. О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси. С. 218-227.
- Д'Асколи Э.Д. 1902. Описание Черного моря и Татари, составленное Эмиддио Дортелли д'Асколи, префекта Каффы, Татари и проч. // ЗООИД. Т. XXIV. С. 95-180.
- Де-Люк Ж. 1879. Описание перекопских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана Де-Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. Т. XI. С. 473-493.
- Демьянчук С.Г., Туровский Е.Я. 1999. Греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье III в. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье. С. 91-94.
- Десятчиков Ю.М. 1973. Сатархи // ВДИ. № 1. С. 131-144.
- Десятчиков Ю.М. 1974. Процесс сарматизация Боспора. Автореф. диссерт. ... канд. историч. наук. М.
- Десятчиков Ю.М. 1977. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М. С. 45-48.
- Джоунс У.Р. 1982. «Варвары» в мировой истории: миф и реальность // Культуры. № 3. С. 156-175.
- Дзис-Райко Г.А., Сунчук Е.Ф. 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 148-161.
- Дигар Ж.-П. 1970. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. С. 33-54.
- Доватур А.И. 1957. Повествовательный и научный стиль Геродота. Изд-во Ленинградского университета.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, переводы, комментарии. М.
- Доманский Я.В. 1985. Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 233-242.
- Домарадска Л. 1991. Котис I и емпорион Пистирос в Трахии // Балкански древности. № 1. София. С. 7-8.
- Домарадски М. 1991. Емпорион Пистирос в Тракия // Балкански древности. № 1. София. С. 9-10.
- Древний город Нимфей. 1999. Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб.
- Дробинский А.И. 1948. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. 26. С. 95-127.
- Дюби Ж. 1994. Европа в средние века. М.
- Ельницкий Л.А. 1977. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск.
- Жебелев С.А. 1933. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК. Вып. 70.
- Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье. М.-Л.
- Жданко Т.А. 1968. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. М. С. 274-281.
- Жуковская Н.Л. 1990. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.
- Завойкин А.А. 2001а. Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. Ч. I. СПб. С. 22-29.
- Завойкин А.А. 2001б. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. Вып. 4. С. 150-181.
- Завойкин А.А. 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города» // Древности Боспора. Suppl. 1. М.
- Завойкин А.А. 2005. Кризис «первой половины» V в. до н.э. на Боспоре (состояние проблемы двадцать лет спустя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Боспорские чтения. VI. Керчь. С. 92-101.

Список литературы

- Завойкин А.А. 2006. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства // РА. № 4. С. 103-111.
- Завойкин А.А. 2007. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье. С. 219-243.
- Завойкин А.А., Масленников А.А. 2006. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. ОΙΚΟΣ. Боспорские чтения. VII, Керчь. С. 110-128.
- Завьялов С.Л. 2005. Клад пантикапейских монет III–II вв. до н.э. из Анапского района Краснодарского края // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М. С. 25-26.
- Зайцев Ю.П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь.
- Закиров С. 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.
- Заметки XII–XV вв. 1863. Заметки XII–XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. Т. V. С. 595-628.
- Засецкая И.П. 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158. С. 5-17.
- Засецкая И.П. 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. С. 97-106.
- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая Тара Боспора. МИА. № 83.
- Зернов А.С. 2002. Определитель сосудистых растений севера Российского Причерноморья. М.
- Зернов А.С. 2006. Флора Северо-Западного Кавказа. М.
- Златковская Т.Д. 1971. Возникновение государства у фракийцев. М.
- Зинько А.В. 2008. «Готы» в Восточном Крыму // БИ. Вып. XIX. С. 129-138.
- Зинько В.Н. 1996. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. Вып. 5. С. 12-20.
- Зинько В.Н. 2003. Хора боспорского города Нимфея // БИ - Вып. IV. - Симферополь-Керчь, 2003
- Зинько В.Н. 2005а. Кризис хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в последней трети IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Боспорские чтения. VI. Керчь. С. 111-116.
- Зинько В.Н. 2005б. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского в III–II вв. до н.э. // БИ. Вып. X. С. 61-78.
- Зинько В.Н. 2007. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XV.
- Златкин И.Я. 1955. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов // ВИ. № 4. С. 72-80.
- Златкин И.Я. 1971. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ. № 2. С. 88-102.
- Златкин И.Я. 1973. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА. № 1. С. 61-71.
- Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. МИА. № 16.
- Зограф А.Н. 1982. Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев. С. 5-14.
- Зубарь В.М. 1999. Боспорское царство и варвары в конце IV – первой половине III вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье. С. 107-111.
- Зубарь В.М. Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономического развития. БИ. Вып. XII.
- Иванов В.М. 2005. Греческая фортификация Северного Причерноморья VI – первой половины I вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М.
- Игнатенко А.А. 1980. Ибн-Хальдун. М.

Боспорские исследования, вып. XXII

- Иессен А.А., Миллер А.А. 1932. Таманская экспедиция в 1931 г. // СГАИМК. Вып. 11-12. С. 58-61.
- Измайлов Я.А. 2005. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Кн. 1. Анапская пересыпь. Сочи.
- Исмагилов Р.Б. 1993. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему судьбы «классической» Скифии) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 6. С. 62-65.
- История Древнего Востока. 2004. От ранних государственных образований до древних империй. М.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. 2007. Этническая история татар (III – середина XVI вв.). Казань.
- Казанский М.М. 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. С. 238-256.
- Казанский М. 1999. Готы на Боспоре // Сто лет черняховской культуре. Киев. С. 277-297.
- Каллистов Д.П. 1938а. Этюды по истории Боспора в римский период. I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим // ВДИ. № 2(3). С. 276-286.
- Каллистов Д.П. 1938б. Этюды из истории Боспора римского времени // ВДИ. № 4(5). С. 174-183.
- Каменецкий И.С. 2003. К датировке Семибратнего городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар. С. 67-76.
- Каплин П.А., Поротов А.В., Янина Т.А. 2005. Колебания уровня Черного моря в позднем голоцене // Квартер-2005. Материалы конференции по изучению четвертичного периода. Сыктывкар. С. 172-173.
- Каргалов В.В. 1967. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.
- Кастанаян Е.Г. 1970. Терракоты из Порфмия // САИ. Вып. Г-1-11. С. 118-119.
- Кастанаян Е.Г. 1971. Раскопки Порфмия // АИУ. Вып. 3. Киев. С. 187-191.
- Кастанаян Е.Г. 1972. Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. Вып. 130. С. 77-82.
- Кастанаян Е.Г. 1975. Итоги раскопок Порфмия эллинистической эпохи // Новейшие открытия советских археологов. 2. Киев. С. 103-104.
- Кастанаян Е.Г. 1983. Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 13. С. 162-181.
- Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.
- Кашиев С.В. 2001. Раскопки поселения Артющенко-2 // АО 2000 г. С. 131-132.
- Киричников А.Н. 1989. К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев. С. 141-147.
- Клейн Л.С. 1973. Археологические признаки миграций. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). М.: Наука.
- Клейн Л.С. 1974. Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. С. 126-134.
- Клейн Л.С. 1980. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово. С. 30-36.
- Клейн Л. 1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Клейн Л.С. 1999. Миграции: археологические признаки // Stratum plus. № 1. Кишинев. С. 52-71.
- Клейн Л.С. 2004. Введение в теоретическую археологию. СПб.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. Степные империи Евразии. СПб.
- Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев.
- Козловская В.И. 1984. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М.
- Колобов А.В. 1998. Боевые награды римских легионеров эпохи принципата // Вестник Пермского университета. Вып. 2. Сер. «История». Пермь. С. 27-33.
- Колтухов С.Г. 2004. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // Херсонесский Сборник. Вып. XIII. С. 68-120.
- Контарини А. 1971. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л. С. 210-247.
- Копылов В.П. 1999. Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. № 4. С. 170-176.

Список литературы

- Копылов В.П. 2006. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. ММНК. СПб. С. 80–88.
- Копылов В.П., Ларенок П.А. 1994. Таганрогское поселение. Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону.
- Коровина А.К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 8. С. 3–70.
- Коровина А.К. 2002. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.
- Королькова Е.Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. Вып. 36. С. 28–60.
- Крадин Н.Н. 1991. Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловыe проблемы социологии развития. II. М. С. 301–324.
- Крадин Н.Н. 1992. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток.
- Крадин Н.Н. 1993. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М. С. 192–210.
- Крадин Н.Н. 1995а. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М. С. 164–179.
- Крадин Н.Н. 1995б. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII – начале XIII века // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. М. С. 48–66.
- Крадин Н.Н. 2001. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. № 5. С. 21–32.
- Крадин Н.Н. 2002. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М. С. 109–125.
- Крадин Н.Н., Тишкин А.А., Харинский А.В. 2005. Введение // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Изд-во Иркутского гос. технического университета. С. 6–9.
- Кративина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев.
- Красножон А.В. 2006. Путь Дария // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XIII. Запоріжжя. С. 75–82.
- Кривошеев Ю.В. 2003. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. СПб.
- Кривошеев Ю.В. 2006. Русь и Золотая Орда // Россия и степной мир Евразии. СПб. С. 129–193.
- Кругликова И.Т. 1957. Исследования сельских территорий европейского Боспора // СА. № 1. С. 217–231.
- Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической жизни). М.
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крыжицкий С.Д. 2002. Ольвия и скифы в V в. до н.э. К вопросу о скифском «протекторате» // Археологические вести. № 9. С. 208–221.
- Крыжицкий С.Д. 2006. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М. С. 231–235.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кузнецов В.Д. 1991. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 204. С. 31–37.
- Кузнецов В.Д. 1992. Раскопки в Кепах 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М. С. 28–45.
- Кузнецов В.Д. 2000. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ. № 1. С. 16–40.
- Кузнецова Т.М. 1984. Анахарсис и Скил // КСИА. Вып. 178. С. 11–17.
- Кулаковский Ю. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Куликов А.В. 2001. К вопросу о кризисе монетного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // БИ. Вып. 1. С. 219–232.
- Кунина. Н.З. 1997. Античное стекло. СПб.
- Куприянова Л.А., Алешина Л.А. 1972. Пыльца и споры растений флоры Европейской части СССР. Л.
- Кутайсов В.А. 2002. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. XII. С. 291–307.
- Кучера М.П. 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев.
- Кишибеков Д. 1984. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата.
- Кычанов Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Кычанов Е.И. 1999. Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVIII. СПб. С. 160–169.

Боспорские исследования, вып. XXII

- Кычанов Е.И. 2002. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань-ши») // Тюркологический сборник, 2001. М. С. 75-83.
- Лазаревский Я. 1895. Александропольский курган // Записки Императорского русского археологического общества. НС. Т. VII. С. 24-46.
- Латин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб.
- Лащук Л.П. 1967а. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. № 4. С. 105-121.
- Лащук Л.П. 1967б. О характере классообразования в обществах ранних кочевников // ВИ. № 7. С. 25-39.
- Лащук Л.П. 1973. Кочевники и общие закономерности истории // СЭ. № 2. С. 83-95.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4. С. 3-17.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. 2005. Меоты Закубанья в середине VI-начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2001. Погребения VI-V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. № 1. Краснодар. С. 32-123.
- Литвин М. 1994. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.
- Люценко А. Е. 1908. Склеп на Васюринской горе. Рапорт // ИТУАК. № 42. Симферополь. С. 68-71.
- Мавродина М.И. 1983. Киевская Русь и кочевники (печенег, торки, половцы). Л.: Наука.
- Мазетти К. 1982. Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература // ВДИ. № 2. С. 106-110.
- Малашев В. Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону. С. 194-232.
- Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л. С. 50-83.
- Маринович Л.П. 2006. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М. С. 5-29.
- Марко Поло. 1955. Книга Марко Поло. М.
- Марков Г.Е. 1973. Некоторые вопросы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. № 1. С. 102-112.
- Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. Изд-во МГУ.
- Марков Г.Е. 1980. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово. С. 21-29.
- Марков Г.Е. 1981. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. № 4. С. 83-94.
- Марков Г.Е. 1982. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества // СЭ. № 4. С. 80-87.
- Марченко И.Д. 1962. Литейная форма конца VI в. до н.э. из Пантикапея // КСИА. Вып. 89. С. 51-53.
- Марченко И.Д. 1971. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. № 2. С. 146-156.
- Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар.
- Марченко К.К. 1975. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I вв. до н.э. // КСИА. Вып. 143. С. 70-76.
- Марченко К.К. 1980. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. № 1. С. 131-143.
- Марченко К.К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии в VII-I вв. до н.э. Л.
- Марченко К.К. 1996. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. № 2. С. 70-80.
- Марченко К.К. 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V-IV вв. до н.э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. № 3. Кишинев. С. 145-172.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. 2000. Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. II. Moskau.

Список литературы

- Масанов Н.Э. 1985. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск. С. 20-26.
- Масанов Н.Э. 1989. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. С. 55-81.
- Масленников А.А. 1981. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М.
- Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Масленников А.А. 1996. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. № 3. С. 61-71.
- Масленников А.А. 1997. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы в конце века // РА. № 3. С. 60-70.
- Масленников А.А. 1998а. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Масленников А.А. 1998б. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1. С. 202-215.
- Масленников А.А. 2001а. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 4. С. 291-323.
- Масленников А.А. 2001б. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. Вып. 1. С. 75-100.
- Масленников А.А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.
- Масленников А.А. 2007а. Крымское Приазовье в античную эпоху (опыт региональной истории) // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье. С. 181-218.
- Масленников А.А. 2007б. Сельские святилища Европейского Боспора. М.
- Масленников А.А., Миляева Ю.В. 2005. Кризисы и катастрофы в истории Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Боспорские чтения. VI. Керчь. С. 191-203.
- Массон В.М. 1989. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата. С. 81-89.
- Массон В.М. 2001. Древние всадники Азии в контексте всемирной истории // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной конференции. Ашхабад. С. 34-36.
- Массон В.М. 2003. Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек.
- Материалы по истории. 1984. Материалы по истории древних кочевников группы дунху. М.
- Махмуд Кашигари. 1963. Девон лугат ат-турк. Ташкент.
- Мачинский Д.А. 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. № 13. С. 30-54.
- Мачинский Д.А. 1974. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. № 16. С. 122-132.
- Мачинский Д.А. 1989а. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск. С. 7-30.
- Мачинский Д.А. 1989б. Скифия и Боспор // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск. С. 5-10.
- Мачинский Д.А. 1993. Скифия и Боспор. От Аристеев до Волошина // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск. С. 6-27.
- Медведев А.П. 1996. К истолкованию феномена Воронежских курганов скифского времени // Исторические записки. Вып. 1. Изд-во Воронежского гос. университета. С. 174-182.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4.
- Мелюкова А.И. 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, намершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. С. 92-100, 297-298, 336-342.
- Мелюкова А.И. 2006. По поводу скифских походов на территории Средней Европы // Древности скифской эпохи. М. С. 25-40.

- Михайлова И.Б. 2006. Древняя Русь и степь // Россия и степной мир Евразии. СПб. С. 7-128.
- Мищенко Ф.Г. 1888. Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История в девяти книгах (перев. Ф.Г. Мищенко). Т. II. М. С. I-LXX.
- Могильников В.А. 1992а. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. С. 254-273.
- Могильников В.А. 1992б. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. С. 292-311.
- Мозолевський Б.М. 1979. Товста Могила. Київ.
- Молев Е.А. 1976. Митридат Евпатор. Саратов.
- Молев Е.А. 1994. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород.
- Молев Е.А. 1995. Властитель Понта. Н. Новгород.
- Молев Е.А. 1997. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н. Новгород.
- Молев Е.А. 2006. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII – I вв. до н.э. СПб. ММНК. С. 118-124.
- Момзен Т. 1994. История Рима. Т. II. От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб.
- Монахов С.Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.
- Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов.
- Мордвинцева В. Трейстер М. 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь-Бонн. Т. I-III.
- Мосс М. 1996. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.
- Мошкова М.Г. 1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. С. 177-191.
- Мункуев Н.Ц. 1965. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елой Чу-цая. М.
- Мысков Е.П. 2003. Политическая история Золотой Орды (1236 – 1313 гг.). Волгоград.
- Назаренко А.В. 1989. К этимологии этнонима Σκόλοτοι (Геродот. IV. 6) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М. С. 233-237.
- Народы Средней Азии и Казахстана. 1963. Народы Средней Азии и Казахстана. М.
- Насонов А.Н. 1940. Монголы и Русь. М.–Л.
- Нефёдкин А.К. 2004. Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон. Вып. 3. С. 453-464.
- Никонов В.П. 2002а. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВРАО. Т. I (XXVI). С. 223-323.
- Никонов В.П. 2002б. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 21-27.
- Никонов В.П. 2005. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). СПб. С. 141-179.
- Ольховский В.С. 1981. Население Крыма по данным античных авторов // СА. № 3. С. 52-65.
- Онайко Н.А. 1966. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднестровье // Культура античного мира. М. С. 159-176.
- Онайко Н.А. 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. № 2. С. 155-168.
- Онайко Н.А. 1970. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Вып. Д 1-27.
- Оразов А. 1985. Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX – начале XX в. Ашхабад.
- Паромов Я.М. 1990. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар. С. 56-69.
- Паромов Я.М. 2003. К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова (в связи со статьей Г.П. Гарбузова) // ДБ, 6. С. 95-103.
- Паромов Я.М. 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 10. С. 365-383.

Список литературы

- Парцингер Г. 1998. Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. № 2. С. 104-115.
- Пацуто В.Т. 1956. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.
- Пацуто В.Т. 1977. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 210-227.
- Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. 2005. К реконструкции убора коней из кургана Козёл // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М. С. 394-406.
- Перици А.И. 1973. Данничество. М.
- Перици А.И. 1994. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. Т. II. М. С. 129-244.
- Пигулевская Н.В. 1964. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.–Л.
- Пиоро И. 1999. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. Киев. С. 231-141.
- Плано Крапини. 1993. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Крапини и Гильома де Рубрука. Алматы. С. 19-71.
- Плетнева С.А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. С. 151-226.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. МИА. № 142.
- Плетнева С.А. 1973. Древности черных клобуков. САИ. Вып. Е1-19.
- Плетнева С.А. 1981. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. № 6. С. 50-63.
- Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А. 1990. Половцы. М.
- Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Полин С.В. 1994. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов. Киев. С. 86-102.
- Полин С.В., Симоненко А.В. 1997. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов. С. 87-98.
- Потапов Л.П. 1954. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. № 6. С. 73-89.
- Придик Е. М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Петроград.
- Прушевская Е.О. 1955. Художественная обработка металла // АГСП. I. С. 325-355.
- Пузикова А.И. 1969. Поселения Среднего Дона // Население среднего Дона в скифское время. МИА. № 151.
- Пьянков И.В. 1964. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. № 3. С. 16-37.
- Радлов В.В. 1989. Из Сибири. Страницы дневника. М.
- Раев Б.А., Беспалый Г.Е. 2006. Курганы скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Краснодар.
- Рашид ад-Дин. 1946. Сборник летописей. Т. III. М.–Л.
- Рашид ад-Дин. 1952. Сборник летописей. Т. I, кн. 1-2. М.–Л.
- Рашид ад-Дин. 1960. Сборник летописей. Т. II. М.–Л.
- Редина Е.Ф., Симоненко А.В. 2002. «Клад» конца II–I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар. С. 78-96.
- Рогов Е.Я. 1999. Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира. ММНК. СПб. С.153-157.
- Рогов Е.Я. 2000. Разведки на юге Таманского полуострова // АО 1998 г. С. 210.
- Рогов Е.Я. 2001. Раскопки поселения Артющенко-2 // АО 1999 г. С. 163-165.
- Рогов Е.Я. 2005. Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 137-210.
- Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й. 2005. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. Вып. VIII. С. 177–196.
- Романов В.К. 1981. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники, 1980. М. С. 79-103.
- Рона-Таи А. 1964. По следам кочевников. М.
- Ростовцев М.И. 1912а. Боспорское царство и южнорусские курганы // Вестник Европы. 1912, июнь. С. 101-120.

Боспорские исследования, вып. XXII

- Ростовцев М. И.* 1912б. Пиксида расписного склепа кургана Васюриной горы. Одесса.
- Ростовцев М.И.* 1914а. Научное значение истории Боспорского царства // Сборник к 40-летию профессорской деятельности Н.И. Кареева. СПб. С. 195-210.
- Ростовцев М. И.* 1914б. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.
- Ростовцев М.И.* 1918. Эллинизм и иранство на Юге России. Петроград.
- Ростовцев М.И.* 1925. Скифия и Боспор. (Л.).
- Ростовцев М.И.* 2002². Эллинизм и иранство на юге России. М.
- Руденко С.И.* 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Вып. 1. С. 2-15.
- Русяева А. С.* 2003. Феб Аполлон на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Боспорские чтения. IV. Керчь. С. 225-228.
- Самойлова Т.Л.* 1993. Поход Зопириона в Северо-Западное Причерноморье // Древности причерноморских степей. Киев. С. 46-51.
- Сандаг III.* 1977. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С. 23-45.
- Сапрыкин С.Ю.* 1985. Аспургиане // СА. № 2. С. 65-78.
- Сапрыкин С.Ю.* 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 2002. Боспорское царство на рубеже эпох. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 2003. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. № 1. С. 11-35.
- Сапрыкин С.Ю.* 2006. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М. С. 236-244.
- Сенаторов С.Н.* 2005. Лепная керамика поселения на острове Березань: из раскопок Государственного Эрмитажа 1963–1991 гг. // Борисфен–Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. I. СПб. С. 174–350.
- Сидорова Н.А.* 1987. Архаическая керамика Гермонассы // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 8. С. 110-125.
- Симоненко А.В.* 1982. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев. С. 237-245.
- Симоненко О.В.* 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1. С. 32-48.
- Симоненко А.В.* 1999. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этно-политическая история. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Киев.
- Симоненко А.В.* 2001а. Европейские аланы и аланы-танаиты // РА. № 1. С. 77-91.
- Симоненко А. В.* 2001б. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // Нижневолжский археологический сборник. Вып. 4. Волгоград. С. 92-103.
- Симоненко А.В.* 2004. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция (г. Волгоград, 1-5 ноября 2004 г.). ТДК. Волгоград. С. 222-226.
- Симоненко А. В.* 2007. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Челябинск. С. 99-113.
- Симоненко А. В.* 2008. Тридцать лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Военное дело сарматов. СПб, 2008. С. 238-286.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И.* 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев.
- Скобелев Д.А.* 2003. К вопросу о находках снарядов пращи на юго-западе Краснодарского края // Parabellum. № 4. С. 99-106.
- Скорый С.А.* 1990а. Кургan Переп'ятиха. Київ.
- Скорый С.А.* 1990б. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. № 1. С. 34-41.
- Скорый С.А.* 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев.
- Скудниова В.М.* 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.
- Смекалова Т.Н.* 2000. Значение изучения монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. Т. 3. С. 260-301.
- Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Дюков Ю.Л.* 2007. Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. С. 34-36.

Список литературы

- Сокольский Н.И. 1968. Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest. S. 251-261.
- Сокольский Н.И. 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
- Сокровища сарматов. 2008. Сокровища сарматов. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб.
- Соловьев С.Л. 2003. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.
- Соловьев С.Л., Бутягин А.М. 2002. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. С. 67-80.
- Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. 2006. Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2003-2004 гг. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. СПб.
- Сорокина Н.П. 1957. Тузлинский некрополь. М.
- Сорокина Н.П. 1985. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 374-382.
- Степанова Е.В. 2003. Скифские мягкие седла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. С. 151-154.
- Степанова Е.В. 2004. Боспорские седла // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК. Ч. 1. СПб. С. 231-245.
- Столба В.Ф. 1993. Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (по данным письменных источников) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. № 6. С. 56-61.
- Стоянов Р.В. 2007. Классификация лепной керамики второй половины III – первой половины II вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко 1 в южной части Таманского полуострова (предварительная публикация) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ММНК. Ростов-на-Дону. С. 76–79.
- Суханов В.И. 2005. Денежный кризис на Боспоре в III в. до н.э. (новые материалы к дискуссии) // Тринадцатая Всероссийская научная нумизматическая конференция. ТДК. М. С. 22-23.
- Таиров А.Д. 1993. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тыс. до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург. С. 3-23.
- Таскин В.С. 1984. Значение китайских источников в изучении истории монголов // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. С. 3-62.
- Терентьев М.А. 1875. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.
- Терещенко А.Е. 1999. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Stratum plus. № 6. Кишинев. С. 84-89.
- Терещенко А.Е. 2004. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI-V вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Тизенгаузен В.Г. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л.
- Титов В.С. 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М. С. 89-145.
- Ткачук М.Е. 1997. Nerusskaja идея. Опыт патриотической герменевтики // Стратум: структуры и катастрофы. СПб. С. 240-266.
- Толочко П.П. 1987. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев.
- Толочко П.П. 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.
- Толстиков В.П. 1981. Фортификация античного Боспора. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Толстиков В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. № 3. С. 24-48.
- Толстиков В.П. 1985. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси. С. 352-365.
- Толстиков В.П. 1987. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 88-112.

Боспорские исследования, вып. XXII

- Толстиков В.П. 1992а. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М. С. 45-99.
- Толстиков В.П. 1992б. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. Вып. 10. С. 46-65.
- Толстиков В.П. 2001а. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI-V вв. до н.э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК. СПб. Ч. I. С. 45-57.
- Толстиков В.П. 2001б. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4. С. 385-426.
- Толыбеков С.Е. 1955. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // ВИ. № 1. С. 75-83.
- Тортика А.А. 2003. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский // БИ. Вып. 3. С. 62-72.
- Тохтасьев С.Р. 1984. Scythica в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья» (Цхалтубо, 1979) // ВДИ. № 3. С. 133-143.
- Тохтасьев С.Р. 1993. Посвятительное граффито из Порфмия // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического общества. Одесса. С. 74-75.
- Тохтасьев С.Р. 1998. К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // Hyperboreus. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286-302.
- Тохтасьев С.Р. 2001. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. ММНК. Ч. I. СПб. С. 63-79.
- Тохтасьев С.Р. 2005. Проблемы скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași. P. 59-108.
- Трейстер М.Ю. 1988. Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н.э. // Eirene. XXV. С. 63-79.
- Трейстер М.Ю. 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. Вып. 10. С. 66-110.
- Трейстер М.Ю. 1998. Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. № 4. С. 130-141.
- Трофимова М.К. 1961. Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта) // ВДИ. № 2. С. 46-68.
- Туровский Е.Я. 1997. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Симферополь.
- Туровский Е.Я. 2005. Еще раз о причинах и начальной дате денежного кризиса на Боспоре // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб. С. 378-381.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Изд-во МГУ.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. Изд-во МГУ.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. № 8. С. 39-48.
- Филипсон Г.И. 2000. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб. С. 76-197.
- Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.
- Фролова Н.А. 1996. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. – 238 г.н.э. из древней Горгииппии (Анапа, 1987) // ВДИ. № 2. С. 44-71.
- Фролова Н.А. 2002. Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. № 3. С. 71-84.
- Хабдулина М.К. 1993. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Кавказа // Кочевники уральско-казахстанских степей. Екатеринбург. С. 24-43.
- Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А.М. 1973а. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М. С. 5-10.
- Хазанов А.М. 1973б. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М.
- Хазанов А.М. 1975. Социальная история скифов. М.: Наука.
- Хазанов А.М. 2002. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М. С. 37-58.

Список литературы

- Хазанов А. М. 2008. Очерки военного дела сарматов. Изд. 2 испр. СПб.
- Хайнен Х. 1999. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (SIG. II. 653) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М. С. 158-169.
- Хайрединова Э.А. 1994. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. Вып. IV. С. 517-529.
- Хохоровски Я. 1994. Скифские набеги на территорию Средней Европы // РА. № 3. С. 49-64.
- Храпачевский Р.П. 2004. Военная держава Чингисхана. М.
- Хрусталева Д.Г. 2004. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в). СПб: Евразия.
- Худяков Ю.С. 1985. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск. С. 105-111.
- Чайлд Г. 1949. Прогресс и археология. М.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.И. 1985. Народы, расы, культуры. М.
- Черепнин Л.В. 1977. Монголо-татары на Руси (XIII век) // Монголо-татары в Азии и Европе. М. С. 186-209.
- Черненко Е.В. 1979. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 185-186.
- Черненко Е.В. 1981. Скифские лучники. Киев.
- Черненко Е.В. 1984а. Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка.
- Черненко Е.В. 1984б. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 231-235.
- Шаров О. В. 1999. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 3. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса. С.189-206.
- Шахматов В.Ф. 1964. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата.
- Шелов Д.Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.: Наука.
- Шелов Д.Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.
- Шелов Д.Б. 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М.
- Шелов Д.Б. 1978. Махар, правитель Боспора // ВДИ. № 1. С. 55-72.
- Шелов Д.Б. 1981. Ещё о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. // СА. № 2. С. 31-42.
- Шелов Д.Б. 1983. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. № 2. С. 40-58.
- Шелов Д.Б. 1989. Танаис – эллинистический город // ВДИ. № 3. С. 47-54.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985а. Из истории Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М. С. 5-187.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985б. О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 320-333.
- Шилов В.П. 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. МИА. № 60. С.323–523.
- Широкова Н.С. 1979. Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. Л. С. 124-138.
- Шихаб ад-Дин. 1996. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. М.
- Шкорпил В. В. 1908. Склеп на Васюринской горе. Из архива Керченского музея древностей. Рапорт директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко в деле Керченского музея за 1868 год // ИТУАК. № 42. С. 68-71.
- Шкорпил В. В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. № 35. С. 12-47.
- Шонов И.В. 2003. Боспорские монетные выпуски с 280 по 253 гг. до Р.Х. (по материалам находок монет на хоре Феодосии) // БИ. Вып. III. С. 351-365.
- Шургая И.Г. 1984. Порфмий // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М. С. 69-70.
- Щеглов А.Н. 1985. О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. С. 185-198.
- Щеглов А.Н. 1989. Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье (чтения памяти проф. П.О. Карышковского). ТДК. Одесса. С. 56-58.

- Щеглов А.Н. 1990. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII – V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси. С. 99-121.
- Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Шукин М.Б. 2005. Готский путь. СПб.
- Эвлия Челеби. 1996. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь.
- Эдаков А.В. 1986. Поход Дария I в Северное Причерноморье в свете египетской исторической традиции // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону. С. 14-22.
- Эфендиев М.М., Перишц А.И. 1955. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 11. С. 65-75.
- Яйленко В.П. 1983. Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М. С. 128-193.
- Яйленко В.П. 1987. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. С. 4-200.
- Яйленко В.П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. С. 128-215.
- Яйленко В.П. 2002. Гунно-болгары во II–V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // ДБ. Т. 5. С. 303-333.
- Яйленко В.П. 2004. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. Т. 7. С. 425-445.
- Якобсон А.Л. 1958. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85. С. 458-501.
- Яковенко Э.В. 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. С. 128-137.
- Яковенко Э.В. 1985. Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н.э.). Автореф. диссерт. ... докт. историч. наук. М.
- Яковенко Э.В. 1986. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея (К истории международных отношений в Причерноморском регионе) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону. С. 43-54.
- Якубов Н.В. 1977. Русско-казахская торговля (1760–1860 гг.) // НАА. № 6. С. 127-136.
- Якубовский А.Ю. 1927/1928. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских // Византийский временник. Т. 25. С. 53-76.
- Янушевич З.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев.
- Яценко И.В. 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. Вып. 59. С. 42-50.
- Яценко И.В., Раевский Д.С. 1980. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 5. С. 102-117.
- Яценко С.А. 1993. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 6. С. 83-88.
- Anthony D. 1997. Prehistoric Migrations as Social Process // Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. BAR International Series 664. Oxford. P. 21-32.
- Asad T. 1973. The beduin as a military force: notes on some aspects of power relations between nomads and sedentaries in historical perspective // The Desert and the Sown. Nomads in the wider society. Berkeley. P. 61-73.
- Barfield T.J. 1992. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge.
- Barfield T.J. 2001. The shadow empires: imperial state formation along the Chinese–Nomad frontier // Empires. Cambridge. P. 10-41.
- Barth F. 1973. A general perspective on nomad-sedentary relations on Middle East // The Desert and the Sown. Nomads in the wider society. Berkeley. P. 11-21.
- Berglund B. E., Ralska-Jasiewiczowa M. 1986. Pollen analysis and pollen diagrams // Handbook of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology. P. 455-484.
- Boardman J. 1964. The Greek Overseas. Penguin Books.
- Bonte P. 1981. Ecological and Economic Factors in the Determination of the Pastoral Specialisation // Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies. Leiden. P. 33-49.
- Bouzek J. 1996. The position of the Pistiros fortifications in the development of the ancient poliorcetics and stonecutting techniques // Pistiros I. Excavations and Studies. Prague. P. 44-65.

Список литературы

- Brandis. 1897. Bosphoros // RE. III. 5. Sp. 757-789.
- Braund D. 2007. Greater Olbia: Ethnic, Religious, and Political Interactions in the Region of Olbia, c.600-100 BC // *Classical Olbia and the Scythian World. From the Sixth Century BC to the Second Century AD*. Oxford University Press. P. 37-77.
- Bravo B., Chankowski A. 1999. Cités et emporia dans le commerce avec barbares à la lumière du document dit à tort «inscription de Pistiros» // BCH. No. 123. P. 275-316.
- Carnap-Bornheim C. von. 2003. Zu magischen Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden. Kontakt- Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg. S. 371- 382.
- Childe V.G. 1939. Man Makes Himself. London.
- Chapman J., Hamerow H. 1997. On the Move Again: Migrations and Invasions in Archaeological Explanation // *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*. BAR International Series 664. Oxford. P. 1-10.
- Clutton-Brock J. 1992. Horse Power. A History of the Horse and the Donkey in Human Society. Cambridge, Massachusettes.
- Cole D.P. 1981. Bedouin and Social Change in Saudi Arabia // *Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies*. Leiden. P. 128-149.
- Coleman J.E. 1997. Ancient Greek Ethnocentrism // *Greeks and Barbarians. Essays of the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism*. Bethesda, Maryland. P. 175-220.
- Connolly P. 1987. The Roman Saddle // *Roman Military Equipment: The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar*. Oxford. P. 7-27.
- Cunliffe B. 1988. Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions. London.
- Detienne V. 1968. La phalange. Problèmes et controverses // *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris. P. 119-142.
- Diehl E. 1935. Saumakos // RE. VI. Sp. 653-654.
- Domaradzki M. 1993. Les contacts entre les grecs et thraces dans l'époque classique // *Orpheus*. № 3. Sofia. P. 37-43.
- Domaradzki M. 1996. An interim report on archaeological investigations at Vetren-Pistiros, 1988-1994 // *Pistiros I. Excavations and Studies*. Prague. P. 18-41.
- Erdtman G. 1992. Handbook of Palynology. Copenhagen.
- Finkielsztejn G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphorique rhodiens, de 270 à 10 av. J.-C. environ. Premier bilan. BAR, Int. Ser. Oxford.
- Foxhall L. 1995. Farming and fighting in ancient Greece // *War and Society in the Greek World*. London and New York. P. 134-145.
- Gajdukevič V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin.
- Gardiner-Gardner J.R. 1987. Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath // *Klio*. Bd. 69.2. P. 326-350.
- Gorontcharovskiy V.A. 2007. Iluraton: A Fortress of the 1st – 3rd centuries AD on the European Kimmerian Bosphoros // *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2*. Vol. II. BAR International Series 1675 (II). P. 897-926.
- Graham A.J. 2002. Thasos and the Bosporan kingdom // *Ancient West and East*. 2002. Vol. 1. No. 1. P. 87-101.
- Gribb R. 1993. Nomads in Archaeology. Cambridge.
- Grimm E.C. 1987. CONISS: A Fortran 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the method of incremental sum of squares // *Computers and Geosciences*. № 13. P. 13-35.
- Grimm E. 1991. Tilia 1.12, Tilia Graph 1.18. Illinois State Museum. Springfield.
- Hall E. 1989. Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford.
- Hall E. 1995. Asia unmanned: Images of victory in classical Athens // *War and Society in the Greek World*. London and New York. P. 108-133.
- Hanson V.D. 1998. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley, Los Angeles, London.
- Herrmann G. 1989. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe*. Vol. II. Gent. P. 757-809.
- Khazanov A.M. 1984. Nomads and the Outside World. Cambridge University Press.
- Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. 1998. Greek Colonisation of the Bosphoros // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology*. Stuttgart. P. 249-263.
- Kryzhitsky S.D. 2005. Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC. The Scythian 'Protectorate' //

- Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire. Exeter. P. 122-130.
- Lang M. 1964. Weights and Measures. The Athenian Agora. Vol. 10. Part 1.
- Lattimore O. 1951. Inner Asian Frontiers of China. New York.
- Lattimore O. 1962. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. Paris.
- Lorimer H.L. 1947. The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tytaeus // BSA. XLII. P. 76-138.
- Marčenko K., Vinogradov Yu. 1989a. The Scythian period in the northern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. Vol. 63. No. 241. P. 539-549.
- Marčenko K.K., Vinogradov Ju.A. 1989b. Das nordliche Schwarzmeergebiet in der scythischen Epoche. Periodisierung der Geschichte // Klio. 71. 2. S. 539-549.
- Martin R. 1973. Rapports entre les structures urbaines et les modes de division et d'exploitation du territoire // Problemes de la terre en Grèce ancienne. Paris. P. 87-112.
- Maslennikov A.A. 2005. The Development of Graeco-Barbarian Contacts in the Chora of the European Bosphorus (sixth–first centuries) // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire. Exeter. 153-166.
- Maslennikov A.A. 2007. Small and Poorly Studied Townes of the Ancient Kimmerian Bosphorus // Ancient Creek Colonies in the Black Sea. Vol. II. BAR 1675 (II). P. 855-896.
- McGing B.C. 1986. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden.
- Mielczarek M. 1993. Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź.
- Mielczarek N. 1999. The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź.
- Minns E.H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Mohammed A. 1973. The nomads and the sedentary: polar complementaries – not polar opposites // The Desert and the Sown. Nomads in the wider society. Berkeley. P. 97-112.
- Molev E.A. 2007. Kytia: Phases of History // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th -1st Centuries BC. BAR 1729. P. 90-93.
- Moore P. D., Webb J. A., Collinson M. E. 1991. Pollen analysis. Oxford.
- Murzin, V.Yu., Skory S.A. 1994. An essay of Scythian History // Il Mar Nero. 1. P. 55-98.
- Noonen T.S. 1973. The origins of the Greek colony at Panticapeum // AJA. 77. P. 77-81.
- Okhotnikov S.B. 2001. Settlements in the Lower Reaches of the Dniester (6th – 3rd Centuries BC) // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Brill: Leiden, Boston, Köln. S. 91-115.
- Ochotnikov S.B. 2006. The Chorai of Ancient Cities in the Lower Dniester Area (6th-century BC-3rd century AD) // Surveying the Greek chora. Black sea region in a comparative perspective. Aarhus. P. 81-98.
- Olbrycht M.J. 2004. Mithradates VI. Eupator, der Bosphorus und die sarmatischen Völker // Kimmerowie, scythowie, sarmaci. Kraków. S. 331-347.
- L'Or. 2001. L'Or des Amazones. Paris.
- Pearson L. 1959. Notes on the Text of Plutarch, *De Malignitate Herodoti* // American Journal of Philology. Vol. 80. P. 225-275.
- Potts D. 1983. Barbar miscellenies // Dilmun. New Studies in the Archaeology and Early History of Bahrain. Berlin. P. 127-139.
- Roebuck K. 1959. Ionian trade and colonisation. Chicago.
- Raev B. A. 1986. Roman Imports in the Lower Don Bassin (BAR, Int.Ser.778). Oxford.
- Reille M. 1999. Pollen et spores D'Europe et D'Afrique du nord. Marcelle.
- Robinson Z.W. 1980. Saumakos: Ancient History, Modern Politics // Historia. Bd. XXIX. P. 50-70.
- Robinson D. 1941. Excavations at Olinthus. Metal and Minor Miscellaneous Finds. Part 10. Baltimore-London.
- Rosivach V.J. 2000. Some Economic Aspects of the Fourth-Century Athenian Market in Grain // Chiron. Bd. 30. P. 31-64.
- Rostovtzeff M. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
- Rostovtzeff M. 1930. The Bosporan Kingdom // CAH. 8. P. 561-589.
- Rostowzew M. 1931. Skythien und der Bosphorus. Berlin.
- Rostovtzeff M. 1932. Pontus and it's Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. 9. P. 211-260.
- Samarti-Grego E., Trilla J. 1992. Nuevos datos la historia y topografia de las murallas de Emporion // Madrider Mitteilungen. Bd. 33. S. 102-111.

Список литературы

- Saprykin S.Ju. 2006. The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus. P. 273-288.
- Shaaff U. 1988. Etruskisch-Römische Helme // Antike Helme (RGZM Monographien. Bd. 14). Mainz. S. 318-326.
- Shahbazi A. 1982. Darius in Scythia and Scythians in Persepolis // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 15. P. 189-235.
- Sharov O. 2003. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor. Kontakt- Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg. S. 35-64.
- Shelov, D.B. 1978. Coinage of the Bosphorus 6-2 Centuries BC. BAR, Suppl. 46. Oxford.
- Simonenko A.V. 1994. The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // Il Mar Nero. 1 P. 99-136.
- Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6, 5 and 4 Centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII.
- Spence I.G. 1993. The Cavalry of Classical Greece. A Social and Military History with Particular reference to Athens. Oxford.
- Stolba V.E. 2002. Handmade Pottery // Panskoe I: The monumental building U6. L. Hannenstadt, V. F. Stolba, N. Ščeglov. (Eds.), 2 vol. Aarhus. P. 180-201.
- Stolba V.F. 2005. Monetary crises in the early Hellenistic poleis of Olbia, Chersonesos and Pantikapaion. A reassessment // XIII Congreso Internacional de Numismática. Actas. I. Madrid. P. 395-403.
- Sulimirski T. 1970. The Sarmatians. Thames and Hudson.
- Swidder W.W. 1973. Adaptive processes regulating nomad-sedentary interactions in the Middle East // The Desert and the Sown. Nomads in the wider society. Berkeley. P. 23-41.
- Tainter J.A. 1988. The Collapse of Complex Society. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney.
- Tokhtas'ev S.R. 2006. The Bosphorus and Sindike in the era of Leucon I. New epigraphic publications // ACSS. Vol. 12. No.1-2. P. 1-25.
- Tolstikov V.P. 1986. L'apport de la fortification l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde Grec. Paris. P. 167-178.
- Tolstikov V.P. 1997. Descriptions of Fortifications of the Classical Cities in the Region to the North of the Black Sea // Ancient Civilizations. Leiden. No. 4,3. P. 24-39.
- Tseteskhladze G.R. 1997. A Survey of the major urban Settlements in the Kimmerian Bosphorus // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart. P. 39-81.
- Tseteskhladze G.R. 1998. Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stages, Models, and Native Population // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart. P. 9-67.
- Tuplin C. 1999. Greek Racism? Observation on the Character and Limits of Greek Ethnic Prejudice // Ancient Greeks West and East. Leiden-Boston-Köln. P. 47-75.
- Vachtina M.Ju. 2003. Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. BSS. Vol. 1. Aarhus. P. 37-54.
- Valle G. 1973. La colonization grecque en Occident // Доклады XIII Международного конгресса исторических наук. Т. I. Ч. 3. М. С. 54-68.
- Van Wees H. 2000. The development of the hoplite phalanx. Iconography and reality in the seventh century // War and Violence in Ancient Greece. Duckworth and The Classical Press of Wales. P. 125-166.
- Vickers M., Kakhidze A. 2004. Pichvnari 1998-2002. Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea. Oxford.
- Vinogradov Yu.A. 1999. Selected Findings from Myrmekion Acropolis // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Études et Travaux. 18. P. 280-293.
- Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. 2005. Excavations at the classical-period settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman peninsula // Hyperboreus. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316-319.
- Vinogradov Ju.G. 1980. Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 10. S. 53-100.
- Vinogradov Ju.G. 1997. Pontische Studien. Mainz.
- Wells P.S. 1980. Culture contact and culture change. Early Iron Age central Europe and the Mediterranean world. Cambridge Univ. Press.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	– Античные города Северного Причерноморья. М.–Л., 1955.
АИБ	– Археология и история Боспора. Симферополь–Керчь.
АДЖ	– Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913.
АИУ	– Археологические исследования на Украине. Киев
АМА	– Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО	– Археологические открытия М.
БД	– Боспорские древности. М.
БИ	– Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
БС	– Боспорский сборник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВИ	– Вопросы истории. М.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДГВЕ	– Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДГС	– Древности Геродотовой Скифии. СПб.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВРАО	– Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры. Петроград.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КБН	– Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965.
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР). М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Симферополь.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАД	– Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону.
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИС	– Граков Б.Н. Материалы к истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231-315.
НАА	– Народы Азии и Африки. М.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК	– Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИСП	– Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск
РА	– Российская археология. М.

Список сокращений

РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительного искусства им. А.С. Пушкина. М.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР. М.
ХСБ	– Херсонесский сборник. Севастополь.
АА	– The Athenian Agora.
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leden-Boston-Köln.
AJA	– American Journal of Archaeology
BAR	– Annual of British School at Athens
BCH	– Bulletin de correspondance hellénique.
BSA	– British School at Athen
CAH	– The Cambridge Ancient History.
CIG	– Corpus inscriptionum Graecarum
IOSPE	– Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885-1916
RE	– Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Гайдукевич В.Ф.* 1953. Краткий предварительный отчет археологического исследования античных городов на Керченском полуострове в 1953 г. // Научный архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 1953/26
- Кастанаян Е.Г.* 1972. Отчет о раскопках Порфмия в 1972 г. // Научный архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 1972/89
- Кастанаян Е.Г.* 1972а. Приложение к Отчету о раскопках Порфмия в 1972 г. Полевая опись находок // Научный архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, д. 1972/91
- Кастанаян Е.Г.* Порфмий. Неизданная рукопись.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зинько В.Н.</i> Предисловие	3

СТАТЬИ

<i>Виноградов Ю.А.</i> Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского	5
<i>Вахтина М.Ю.</i> Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор	91

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Виноградов Ю.А., Никоноров В.П.</i> Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э.	127
<i>Виноградов Ю.А., Терещенко А.Е.</i> Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове	135
<i>Горончаровский В.А.</i> Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001-2008 гг.)	150
<i>Кашаев С.В.</i> Некрополь Артющенко-2	188
<i>Стоянов Р.В.</i> Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко I (1999–2006 гг.)	268

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Шаров О.В.</i> О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы	283
Список литературы	324
Список сокращений	347

CONTENTS

<i>Zinko V.N.</i> Introduction	4

ARTICLES

<i>Vinogradov Y.A.</i> Migrations of nomads in Eurasia and some peculiar features in the historical development of the Cimmerian Bosphorus	5
<i>Vakhtina M.Ju.</i> Porthmion – Greek city near the way across Cimmerian Bosphorus	91

PUBLICATIONS

<i>Vinogradov Yu.A., Nikonorov V.P.</i> A wooden saddle core of the latter half of the 4 th century BC from a Kerch barrow	127
<i>Vinogradov Yu.A., Tereshchenko A.E.</i> Coin finds from the settlement Artushchenko I on the Taman Peninsula	135
<i>Goroncharovskiy V.A.</i> Labrys (Semibratnee city site) and Sindoi (on materials of field investigations of Bosporan expedition of the Institute of the History of Material Culture RAS during 2001-2008)	150
<i>Kashaev S.V.</i> Necropolis of Artyushchenko-2	188
<i>Stoyanov R.</i> Handmade pottery III – 1 st half of II cent. BC from the archaeological excavations of agricultural ancient settlement Artjushenko 1 at Taman Peninsula	268

HISTORY OF SCIENCE

<i>Sharov O.V.</i> On the Horse Interments of the Big Barrow «Vasiurina Gora»	283
Bibliography	324
Abbreviations	347

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXII

Степи Евразии и история Боспора Киммерийского

Сборник

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.Н. Зинько

Перевод на английский *Н.М. Красиной*
Перевод на украинский *И.Н. Барановской*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректор *А.Г. Прибеженко*

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXII

Степи Євразії і історія Боспора Кіммерійського

Збірник
(російською мовою)

Відповідальний редактор
доктор історичних наук В.М. Зінько

Здано на виробництво 08.07.2009 р.
Підписано до друку 30.09.2009 р.
Формат 70х100 $\frac{1}{16}$. Умов. друк. арк. 28,6.
Папір офсетний. Друк офсетний.
Гарнітура Times New Roman.
Тираж 400. Замов. 1935.
Ціна договірна.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
свідоцтво держ. реєстрації, серія КМ, № 002, 05.05.2000 р.
98300, м. Керч, вул. Кірова, 13